

Государственное автономное учреждение культуры
Тюменской области

«Ялуторовский музейный комплекс»

Ялутор-городок
историко-краеведческий альманах

Выпуск седьмой

Ялуторовск - 2012 г.

БКК 63.3 (253.3)

Я 20

Явлутур-городок: Историко-краеведческий альманах // Под ред. П.Белоглазова – Ялуторовск: филиал «Ялуторовская типография» ОАО «Тюменский издательский дом», 2012. - 198 с.

Главный редактор П.Белоглазов

Редакционный совет:

Л.И.Афонасьева

Н.М.Шестакова

А.Г.Болотова

Т.Г.Бурлакова

Т.В. Орлова

Е.А.Попцова

Фотообеспечение: В.П.Петров.

Компьютерный набор: Ю.Е.Быданова.

Дизайн и верстка: И.А.Редькина.

Седьмой выпуск альманаха посвящается 200-летию Отечественной войны 1812 года, 400-летию Дома Романовых, 85-летию Ялуторовского музея.

ISBN

©ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

СОДЕРЖАНИЕ

Памятные даты

К 200-летию Отечественной
войны 1812 года

6

Ярков А.

*Сибирь и Европа: 1812 и 1825 (связи и образы
в контексте изучения «тобольского типа
культуры»)*

7

Болотова А.

*Дух эпохи отражён в музейной выставке
Награды ялуторовских декабристов – участ-
ников Отечественной войны 1812 года*

13

Рассадина Н.

Взгляни на этот лик...

19

Белоглазов П.

*Весть о покушении на царя пришла по теле-
графу*

К 400-летию
Дома Романовых

21

Осинцева Т.

Ялуторовск сквозь призму мировых столиц

К 85-летию
Ялуторовского музея

23

Бурлакова Т.

И ожили лица в портретах...

28

Киреева Р.

*Одна из самых скорбных судеб жен декабри-
стов*

29

Белоглазов П.

Ипполит Завалишин и Ялуторовск

34

Историческая сенсация. Еще раз о доме

39

Бронникова-Пущина

41

*Айзенштадт из Ялуторовска – раввин и про-
визор в одном лице*

Лики эпохи

43

Болотова А.

*Е.П.Оболенский: цельная и противоречивая
личность*

46

Шипилова Л.

Где упокоился Николай Бобрищев-Пушкин?

49

Рассадина Н.

«Звездочки» и «Лучи» из XIX века

50

Чернышев С.

*Портреты И.Ф.Мамонтова в семейном хра-
нении Чернышевых*

51

Елизавета Григорьевна Мамонтова

58

Савченкова Т., Коноваленко Ю.

*Поэт Капитон Голодников и его сказка
«Ковер-самолёт»*

62

Плоскова Л.

*Григорий Тарасов – рядовой лейб-гвардии
Павловского полка*

- Минувшее**
- 64 Южаков В.
Сибирский «Мелехов»
- 67 Бурлакова Т.
Строки, опаленные войной
- 67 Русаков Н.
От Ленинграда до Праги
- 70 Долингер А.
Оружейница Валентина Байборохова
- 73 Нещадимова Т.
Двое из героического поколения
- 75 Сухих Г.
Преодоление
- 77 В городе родился, на селе пригодился
- 79 Ульянова Л.
Хозяйка детского дома
- 80 Сонич С.
Служить людям
- 83 Тимергазиев М.
О славном ваяителе замолвлю словечко...
- 85 Болотова А.
Муза ее жизни – музыка!
- 87 Шестакова Н.
Течёт в народ «Реченька»
- 90 Артемьевна Н.
«...Уйти за грани бытия»
- 92 Абрамов Н.
Река Тобол с ее притоками
- 100 Белоглазов П.
Город Ялуторовск и Ялуторовский округ во второй половине XIX века
- 134 Плоскова Л.
Документы из семейного архива Коломенцевых
- 135 Мясников А.
Ялуторовский след Распутина
- 138 Главные и ответственные...
- 140 Петелина И.
Горели пионерские костры...
- 142 Афонасьевна Л.
К истории Ялуторовского драматического театра. Продолжение

Моё родословное древо	150	Безрукова Н. Гилевы. Глава из книги
	153	Гузенко С. Кто ты, шведский пленник, Василий Елфимов?
	156	Пяткова Н. Барановы-Крыловы-Пятковы...
	157	Машегов И. Старая шкатулка
Страницы юного краеведа	158	Демакова А. Молитва в звуке
	162	Домашенко С. Декабристы и сегодня формируют культурный облик Ялуторовска
	163	Могутова П. Живу я на улице Новикова...
Мир музея	165	Афонасьева Л. Реконструкция военного мундира образца 1812 года
	167	Ефимова Н. Библиотека Кириака Колмакова
	169	Табаринцева И. Объективные и беспристрастные свидетели истории
	172	Басова Н. Еще одна бутылка с письмом
Музей и природа	174	Баянов Е., Орлова Т., Кузнецова О. Новые находки редких видов растений и животных на территории Ялуторовского района
Литературная страница	176	Нечаев Ф. «Вложил ты жар души в простые звуки...». Стихи
	182	Артемьев М. Остановись, мгновение! Стихи
Это интересно	184	Рассадина Н. Что в прозвище моём...
Память Музей глазами фотографа Валерия Петрова	186	Белоглазов П. Не стало Евгения Ушакова
	187	

Памятные даты

К 200-летию Отечественной войны 1812 года

Александр ЯРКОВ,
доктор исторических наук,
профессор Института
гуманитарных исследований ТюмГУ

Сибирь и Европа: 1812 и 1825

(связи и образы в контексте изучения «тобольского типа культуры»)

С 2012 – годом российской истории связан один из важных моментов нашей истории – Отечественная война 1812 года. Впрочем, дело здесь не только во взаимоотношениях двух великих держав – России и Франции и их правителей, а в ее общемировом значении: двести лет тому назад Европа была охвачена масштабной войной, когда Бонапарт завоевывал одну страну за другой. Да так, что «Великая Англия» считала «Великую блокаду» для себя реальной опасностью. Россия догадывалась, что войны не избежать и уже в 1811 году из Сибири были выведены все полевые полки. Остались лишь инвалидские, городовые и шесть гарнизонных артиллерийских рот, заводские и гарнизонные батальоны, из них два тобольских.

Существует убеждение, что Гитлер повторил ошибку Наполеона, войдя в нашу страну 22 июня. Это ошибочное мнение: дело случилось 12 июня – по юлианскому, а 24 – по григорианскому календарю. Переядя Неман, Наполеон развязал прямую агрессию, на что Александр I ответил Манифестом. В ответ на него по стране начался патриотический подъем. Достаточно сказать, что быстро было собрано около 40 миллионов рублей. И в глубине России – в Сибири выносились общественные приговоры о пожертвованиях «для отражения врагов отечества». Только по Тобольской губернии было собрано 133 тысячи 765 рублей, а по 23 волостям Ишимского уезда почти 25 тысяч рублей – огромная цифра для региона, где не было промышленных мануфактур и крупных помещичьих владений.

Любопытно, что среди крупных жертвователей недавно выявлено имя комиссара Черемшанской волости Павла Алексеевича Ершова – отца (родившегося спустя три года) поэта-сказочника и педагога. В тот момент комиссар отписал: «Да, ежегодно, пока война продолжается половинное жалование – 150 рублей». Указом Александра I за это отец поэта был отмечен бронзовой медалью. Жертвователями выступили и другие его земляки – титулярные советники Илья Попов, Варнава Лосев и Алексей Льнов, коллежский асессор Александр Фишер, а тобольские купцы-мусульмане, прибывшие на Макарьевскую ярмарку, внесли большие сред-

ства в поддержку нижегородского ополчения, отправившегося в Действующую армию. Патриотизм и верность продемонстрировали немногие наши земляки, оказавшиеся в ее составе, поскольку сибирские губернии не входили в число 16 губерний, откуда собирались ратники в народное ополчение. Поэтому некоторые сибиряки отправлялись на запад, чтобы стать под боевые знамена.

Впрочем, были и уроженцы Сибири, кто отправлялся на войну, уже служа в европейской части страны. Прихотливая судьба композитора – сына бывшего тобольского губернатора – Александра Александровича Алябьева (ранен, награжден орденами за боевые заслуги) и участника заграничных походов Гавриила Степановича Батенькова уже после триумфа победы привела еще раз на родину – уже как «путешественников поневоле», отбывавших здесь наказание. Сибиряками оказались и декабристы, участники Отечественной войны и заграничных походов: Фердинанд (Христиан-Фердинанд) Богданович (Бернгардович) Вольф, Муравьевы (Никита Михайлович и Александр Николаевич), их родственник – Матвей Иванович Муравьев-Апостол. Из девяти декабристов, отбывавших ссылку в Ялуторовске в 1829–1856 годы, пятеро – участники Отечественной войны. Доблестно сражались прaporщики Семеновского полка Муравьев-Апостол и Якушкин – главные фигуры местной колонии ссыльных. Дома, в которых они проживали в ссылке, стали основой первого в стране музея Памяти декабристов.

Анализируя своеобразие быта и нравов сибирского населения, обладавшие литературным дарованием декабристы отражали это в произведениях, написанных в ссылке и по возвращению в европейскую часть России. Это также является своеобразным результатом соединения традиционной культуры, основанной на переплетении русской старожильческой, тюркско-татарской, угорской и самодийской культур и европейского образования; влиянием идей Просвещения и сосланных сюда декабристов; примером «золотого века» русской литературы и просвещенного провинциализма. Его воплотил «тобольский тип культуры», который характерен и для других городов Западной Си-

бири.

Напротив, верными слугами царю и самодержавию остались западносибирские губернаторы Петр Михайлович Гасфорд, Иван Михайлович Вельяминов (его портрет даже помещен в Военной галерее Зимнего дворца), Петр Дмитриевич Горчаков, надзиравшие за бывшими сослуживцами и боевыми соратниками. Их политические взгляды сильно поляризовались за прошедшие после Отечественной войны годы, хотя наблюдая в Европе за произошедшими после Великой Французской революцией событиями и общественными явлениями все они не могли не видеть – насколько далеко ушло тамошнее общество по пути демократизации.

В Сибири оказались и другие участники войны 1812 года – бывшие наполеоновские солдаты и офицеры из поляков, которых из-за недостатка в местных кадрах даже разрешено было зачислять в казаки. Александру Алябьеву даже удалось создать «казачий оркестр», костяком

которого как раз и выступили те самые поляки – наполеоновцы.

События Отечественной войны нашли продолжение в XX веке, поскольку накануне столетного юбилея – в 1912 году по стране был разослан циркуляр – отыскать живых ветеранов. В Тобольской губернии нашли 117-летнего жителя Ялуторовска Павла Яковлевича Толстогузова, юношей принимавшего участие в Бородинской битве. Он уже плохо видел и слышал, но при этом, по свидетельству современников, был «достаточно бодрым». Его рядом с 80-летней женой сфотографировал специально присланный фотограф. Его не смогли представить Николаю II, который в дни празднования юбилея встретился с немногими живыми участниками войны Отечественной 1812 года, не зная, что через два года начнется еще одна Отечественная (так именовалась в России), приведшая к катастрофическим для страны последствиям.

Альбина БОЛОТОВА,
заведующая историко-мемориальным
музеем ГАУК ТО «Ялуторовский
музейный комплекс»

Дух эпохи отражён в музейной выставке

В 1991 году, в начале моей работы в Ялуторовском музее, преподаватель совхозтехникума (так тогда назывался аграрный колледж) попросил рассказать студентам о декабристах с уклоном на войну 1812 года. Но в музее наработок по этой теме не было. Это упущение исправить мы попытались после реставрации дома М. И. Муравьева-Аpostола, когда монтировали экспозицию. Правда, экспонатов в фондах оказалось мало – несколько гравюр Карделли, пистолет, тесак. Незадолго до открытия мы с Любовью Адольфовной Селезневой съездили на Бородинское поле. Музей передал нам на временное хранение осколок ядра, пулю и картечный снаряд. Мы присоединили несколько портретов участников войны, будущих декабристов, и уже можно было кое-что рассказывать о героическом прошлом великих бунтарей.

Список экспонатов пополнился в 2002 году, когда отмечалось 190-летие со дня победы в войне 1812 года и мне пришлось готовить выставку «Отчизны верные сыны». Тюменская университетская библиотека любезно представила несколько старинных книг о войне. Сотрудники Государственного исторического музея пошли на сотрудничество с нами и выслали диск с копиями всех гравюр Карделли с рисунков Скотти.

В 2007-м, в год 195-летия войны, экспонатура пополнилась коллекцией исторической миниатюры. Так, постепенно, накапливаясь интересный материал. И вот наступил 2012 год,

объявленный Годом российской истории. Захотелось музейными средствами ответить на вопросы, которые волнуют современников.

Чем дальше удаляется в прошлое Отечественная война 1812 года, чем больше появляется исследований этой темы, тем сильнее она обрастает мифами и легендами. Ученые до сегодняшнего дня спорят о количестве войск как в российской, так и во французской армии, о вооружении, о тактике сражений... Слабо освещаются заграничные походы российской армии.

На некоторые из этих вопросов и призвана ответить выставка к 200-летию Отечественной войны 1812 года «За честь Отчизны». Она сформирована из фондов Ялуторовского музеяного комплекса. На ней представлен столько один экспонат! Ни в одном музее области по данной тематике не имеется такого количества музейных предметов. Портреты, гравюры, награды, оружие... Некоторым из них нет аналогов в мире, например, портретам ялуторовчанина Павла Яковлевича Толстогузова и декабриста Вацлава Ивановича Враницкого, написанных ялуторовским художником Юрием Николаевичем Ермаковым.

На выставке в музее посетители смогут увидеть и землю с поля российской воинской доблести, и пулю от пистолета, и осколок ядра, и картечный снаряд, и гравюру Карделли «Бородино», и оружие.

65 будущих декабристов дрались в этой битве, семеро из них удостоены золотых шпаг

за храбрость, в том числе М. С. Лунин, представленный портретом. Хозяин дома М. И. Муравьев-Апостол и И.Д. Якушкин за этот бой получили знак отличия Георгия Победоносца.

В выставке удалось связать в единую цепь Отечественную войну 1812 года, заграничные походы 1813/14 годов, создание первых декабристских организаций. Она повествует о ходе боевых действий, о самых яких сражениях. Ведётся рассказ о солдатах, генералах и крестьянах – участниках партизанского движения, вкладе сибиряков в победу над Наполеоном.

Сибирь значительно укрепила военно-экономический потенциал России. Именно в пору войны возросли поставки государству золота, серебра, цветных металлов, древесного топлива и сырья, одежды, обуви, зерна, мяса, рыбы. Дополнительным источником средств служили добровольные пожертвования граждан. Жи-

тели Тобольской губернии собирали и отправляли в национальный фонд обороны наличные деньги, металлы, ювелирные изделия, меха, сукно, пряжу. Так, Ишимский округ пожертвовал наличными 40730 рублей, Тюменский – 22750, Ялуторовский – 16373, Березовский – 1123. Всего – 274440 рублей, а сверх того – девять фунтов серебра в слитках и серебряный ковш с позолотой. На эти деньги можно было содержать крупное воинское соединение.

Люди не только отправляли последнее, они и сами шли защищать своё Отечество. К началу войны в составе российской армии находились сибирские пехотные и кавалерийские полки – Томский, Иркутский, Селенгинский, 18-й егерский, 38-й Тобольский пехотный. Последний сформировали в 1703 году по Указу Петра I. В 1811 году им командовал Петр Петрович Шрейдер. В начале 1812 года полк входил в 4-ю пехотную дивизию Евгения Вюртембергского, и вместе с Волынским пехотным полком находился в арьергарде – самом опасном месте во время отступления армии.

38-й Тобольский полк принимал участие в героической обороне Смоленска. Один из гренадёров (отборная пехота) полка штыком за колол польского генерала Грабовского. За эту битву командиру полка пожаловали чин генерала. Именно в этом полку воевал гренадёр Толстогузов. Вместе с полком он после Бородина, Тарутина и Малоярославца дошёл с боями до Парижа, участвовал во взятии столицы

Франции – бился при Монмартре.

Общее количество сибиряков в российской армии составило 27 тысяч человек. Сибирские части в боях с захватчиками проявили глубокий патриотизм, выдержку, преданность национальным интересам. В Омском государственном архиве имеются интересные сведения о наших земляках – участниках Отечественной войны 1812 года.

Среди них Е.Ф. Андреев – Тарский городничий. Он воевал в шестом корпусе Дохтурова, за сражение у Смоленска удостоен знака отличия военного ордена Святого Георгия. Сражался в

генеральном сражении при Бородине, при Малоярославце получил ранение, участвовал в заграничных походах. Из армии уволился в 1819 году. Путята – Тюкалинский городничий – служил в Полтавском пехотном полку, бился с врагом в Смоленске, Бородине, Малоярославце. В сражении под городом Красным получил тяжёлое ранение

в правую руку. За мужество и храбрость удостоен ордена Святой Анны 4-й степени.

Житель города Тюкалинска Михаил Алексеевич Беляев принимал участие во всех походах и сражениях, воевал при Тарутине, Малоярославце. За храбрость награждён знаком отличия военного ордена Святого Георгия, Ордена Святой Анны и медалью.

Отличились в Отечественной войне 1812 года и будущие губернаторы Западной Сибири. За Бородино Николай Семёнович Сулима получил чин генерала. Под селом Красным он вместе с солдатами отбил шесть орудий и пленил более шести тысяч французских солдат. Награжден двумя золотыми шпагами за храбрость. Его назначили губернатором Западной Сибири в 1834 году. Именно он из-под Екатеринбурга перевёз в Тобольск мраморный памятник Ермаку.

Петр Михайлович Капцевич отличился в обороне Смоленска, в битвах при Бородине, Тарутине, Малоярославце и Красном. (Эти сражения представлены на выставке гравюрами Карделли). Капцевича наградили золотой шпагой с надписью «За храбрость», украшенной алмазами. Во время его губернаторства в Западной Сибири положено начало развитию промышленности. Одним из первых Капцевич поднял вопрос о сибирском университете. По его инициативе войсковое казачье училище (ставка губернатора была перенесена в Омск) в 1813 году переросло в крупнейшее военное учили-

Фрагмент выставки «За честь Отчизны».

ще. Оно стало носить название Сибирского кадетского корпуса, из стен которого выпустилось немало замечательных людей.

А Павел Яковлевич Толстогузов прославился ещё и редким в Сибири долголетием! В 1912 году, когда Россия готовилась торжественно отпраздновать 100-летие Бородинской битвы, бывшему гренадёру шёл 117-й год, но выглядел он бодро. Сам ходил, хорошо слышал и видел без очков. И вдруг получил приглашение к 10 августу прибыть в Москву! По заданию губернатора в Ялуторовск из Тобольска выехал фотограф-любитель Левин, который и сфотографировал Толстогузова во дворе на лавке. Конечно, вид его одежды свидетельствует о бедности героя войны 1812 года. Но не зря же в народе говорят: «Живи просто - доживешь до ста».

Павел Яковлевич от обрушившегося на него внимания расстроился, заболел и 31 июля 1912 года скончался. А его полк, имеющий богатую военную историю, принял участие в празднованиях в честь 100-летия Бородинского сражения! На музейной выставке портрет П.Я.Толстогузова с фотографии Левина находится рядом с изображениями двух главнокомандующих – Михаила Богдановича Барклая де Толли (1761-1818 гг.) и Михаила Илларионовича Кутузова (1745-1813 гг.).

Часто при жизни великих людей судьба не особо их жалует. Но такой несправедливости, которую испытал Михаил Богданович, редко кто выдерживал. Его предок, выходец из Шотландии, ещё в 17-ом веке, во время Великой смуты, поселился в России. Михаил мальчиком поступил в Новотроицкий кирасирский полк, став к семнадцати годам корнетом. Во вторую Турецкую войну за битву при Очакове получил орден Владимира 4-й степени и чин секунд-майора. В 1794 году он получил орден Святого Георгия 4-й степени с чином полковника и назначен шефом 4-го егерского полка. В 38 лет его пожаловали чином генерала. За военную компанию 1806 года наградили орденом Владимира 2-й степени и назначили начальником 6-й пехотной дивизии. После войны со шведами он становится генерал-губернатором Финляндии и главнокомандующим войсками, расположенными на её территории.

В 1810 году Александр I назначил Барклая военным министром. На своём посту он значительно улучшил состояние армии, в предвидении новой войны с Наполеоном увеличил её численность, укрепил старые крепости и построил новые - Бобруйск и Динабург. В войне 1812 года командовал 1-й Западной армией, но

одновременно являлся и главнокомандующим.

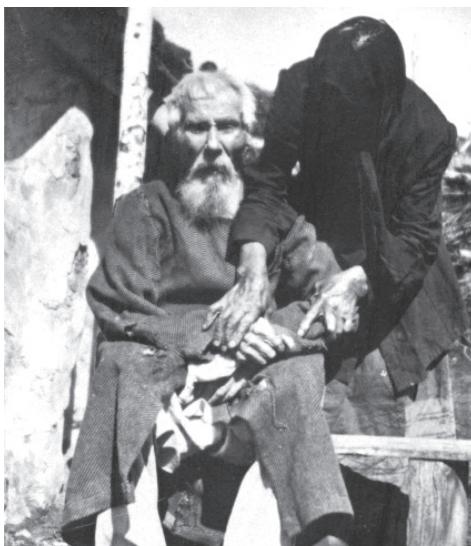
Существовало до двадцати планов ведения войны. Царь не сразу согласился реализовать план Барклая – сначала измотать армию врага отступлением, а потом уничтожить. Российская армия отступала в боевом порядке. Уже под Смоленском Михаил Богданович организовал первый войсковой партизанский отряд Винценгероде. И когда до генерального сражения оставалось 9 дней, армию у него принял Кутузов по повелению Императора, который таким образом пошел на поводу у общественно-го мнения: и народ, и армия постоянно возмущались отступлением. Барклай мужественно переносил клевету, оскорблений – он хорошо знал, что спасал Россию.

Новый главнокомандующий принял армию 17 августа по старому стилю со словами «С такими богатырями нельзя отступать» и на второй день дал приказ... об отступлении. «Старый северный лис», как называл его Наполеон, хорошо понимал, что иначе нельзя. И только при Бородине произошло долгожданное генеральное сражение двух великих армий.

В 1993-ем году я приехала на Бородинское поле. Сотрудники музея любезно показали свои экспозиции

и сводили в монастырь, основанный вдовой генерала А. А. Тучкова – Маргаритой. Монахини девичьего Спасо-Бородинского храма позволили подняться на колокольню. И я с высоты увидала поле русской доблести – 115 квадратных километров! В каком месте ставить опознавательный знак, где каждый сантиметр полит кровью воинов... Оно расстипалось передо мной чистое, спокойное. Но я представила, как 26 августа 1812 г. здесь из-за страшного артиллерийского огня люди не видели солнца и из-за грохота орудий ничего не слышали. Как шли атаки за атакой, как погибали воины: «И ядрам пролетать мешала гора кровавых тел» (М. Лермонтов).

Кутузов в момент сражения находился далеко в тылу за линией огня, к нему ежеминутно неслись с донесениями адъютанты. А Барклай де Толли, надев парадный мундир со всеми орденами, водрузив на шляпу плумаж из черных развеивающихся перьев, умело, храбро руководил боевыми действиями на западном фланге битвы. Создавалось впечатление, что он искал смерти... Под ним убило 12 лошадей. Когда истекающего кровью Багратиона после тяжелого ранения в левую ногу уносили с поля боя, он просил передать недавно оскорблённому им Михаилу Богдановичу, что исход битвы зависит от него, и попросил прощения. Уже в Тарути-

П. Я. Толстогузов. 1912 год.
Фото Левина.

не, где после оставления Москвы наша армия набиралась сил, Барклай попросился в отставку. Его мучила жестокая лихорадка, но больше всего обида из-за увольнения с поста военного министра. Да, случилось это по его просьбе, но без единого слова благодарности. Кутузова же за Бородино наградили орденом Святого Георгия первой степени, очень редкой и почетной наградой и чином фельдмаршала.

Царь вновь призвал Барклая де Толли на службу во время заграничного похода, начавшегося 1 января 1813 года. В апреле скончался М. И. Кутузов, армию возглавлял граф Витгенштейн. Хотя Михаил Богданович был выше его чином, он беспрекословно ему подчинялся, отличился в битвах при Люцене и Бауцене, хотя сражения эти наши войска проиграли. 19 мая Михаила Богдановича снова назначили главнокомандующим, но уже русско-прусской армией. За Кенигсварктское дело Александр I наградил Барклая орденом Святого Андрея Первозванного, а король Прусский – орденом Чёрного орла. За Кульм его пожаловали орденом Святого Георгия первой степени, император австрийский подарил ему командорскую крепость Марии-Терезии. В «битве народов» - при Лейпциге Михаил Богданович с обычным мужеством и неустрашимостью появлялся всюду, где требовалось его присутствие, за что и получил графское достоинство. Барклай руководил русскими войсками в сражениях при Бриенне, Арси-сюр-Обие, Фер-Шампенуазе и при взятии Парижа (18 марта 1814 года). За Бриенн его наградили шпагой, украшенной алмазами и лаврами, а за Париж - произвели в генерал-фельдмаршала.

По заключению мира и возвращению в Россию, Барклая назначили главнокомандующим 1-й армией, которую в 1815 году, во время «стадней» Наполеона, вновь двинули к пределам Франции. Решительная победа при Ватерлоо и вторичное отречение Наполеона от престола остановили дальнейшее движение наших войск. После знаменитого смотра при Верту, за распорядительность и образцовое состояние войск, император Александр Первый возвёл Барклая в княжеское достоинство. В 1818 году Барклай заболел и поехал лечиться за границу. По пути, в Инстербурге, около Кенигсберга, 14 мая он окончил свой жизненный путь. Тело его перевезли и погребли в его родовом имении Бекгоф, в Лифляндии. Александр I повелел соорудить памятник ему и Кутузову, как двум главнейшим своим сподвижникам в великой борьбе России и Европы с Наполеоном. Кто приезжает в Петербург, тот видит их у Казанского собора, возведённого в честь этой славной победы. А в самом храме покоятся тело Кутузова, над его могилой склонились пленённые им французские знамёна.

Про Михаила Илларионовича Кутузова очень много противоречивых сведений. При его жизни на него тоже клеветали, обижали переводами с одного места на другое, замалчивали заслуги. Но как умнейший и образован-

нейший человек своего времени – иностранных языков знал великое множество - он сумел приспособиться. Да, действительно стал ловким царедворцем, его обожала Великая Екатерина. Но при взятии неприступной крепости Измаила он одним из первых взобрался на её стены. Поинтересуйтесь, какого размера они были? Помните ответ турок на предложение А. В. Суворова сдаться: «Скорее небо упадёт на землю и Дунай побежит в обратную сторону, чем мы сдадим свою крепость».

На портрете, представленном на выставке, у Михаила Илларионовича два глаза, а ведь все привыкли видеть его иным. Да, действительно, Кутузов получал ранение в лицо трижды. В первую Турецкую войну, в 1774 году, в битве при Алуште, у д. Шумы, пуля попала ему в левый висок, вышла у правого глаза. Как мёртвого, на всякий случай, осмотрел его фельдшер, перевязал. Кутузов остался жив. Второе смертельное ранение он получил во второй Турецкой войне, при Очакове. Тоже решили, что он умрёт. Выжил. И в третий раз Кутузова легко ранили при Аустерлице. Он стал плохо видеть правым глазом, и чтобы видеть лучше левым, носил черную повязку.

Как и Барклай де Толли, он пришёл в русскую армию небогатым, неродовитым, незаметным. Но за бои в Польше, за Кагул, за Ларгу, за поход Браунау-Цнайм получил ордена, награды и чин генерала; за победы над турками на Дунае, за Бухарестский мир – графское и княжеское достоинство; чин фельдмаршала за Бородино; титул Смоленский – за преследование и разгром Наполеона. За полвека, проведённые в боях, полководец не нажил состояния и из Вильно продолжал посыпать семье деньги на уплату долгов. Но царь не мог обойти его наградами. Победы Кутузова, которые привели к полному пленению армии великого визиря, к истреблению армии Наполеона на территории нашего отечества прогремели на весь мир, упрочили за Кутузовым любовь русского народа. Ему вменяют в вину проигранную битву при Аустерлице, частые отступления, медлительность при принятии решений, сдачу Москвы французам. Легко после драки кулаками махать...

23 декабря (6 января) царь издал Манифест об окончании Отечественной войны и изгнании «Двунадесяти языцех» из России. Кутузов не хотел, чтобы русские воины после победы в Отечественной войне 1812 года продолжали воевать на чужой территории Европы за чужие интересы: русская кровь не должна проливаться из-за освобождения Европы. Пусть Франция и Англия воюют друг против друга, что ослабит обоих. Но царь начал свою личную войну против Наполеона. Чтобы не дать государю погубить армию, Кутузов возглавил заграничный поход. Он писал в приказе своим солдатам: «Заслужим благодарность иноземных народов и заставим Европу с удивлением воскликнуть: непобедимо воинство русское в боях и неподражаемо в великолдушии и добродетелях мирных! Вот благородная цель,

достойная воинов, будем же стремиться к ней, храбрые русские солдаты». Действия русской армии под командование Кутузова в Пруссии – это цепь непрерывных побед и успехов. Ночной атакой взяли Кенигсберг, который оборонял маршал Макдональд. Сдалась без боя Варшава. Окружённая казаками, пала крепость Данциг. Пройдены Познань, Калиш, десятки других польских и немецких крепостей и городов.

Прусский король перешел на сторону Александра, и вся прусская армия поступила в командование Кутузова. Прославленный прусский генерал Блюхер писал Михаилу Илларионовичу: «Король поручил мне корпус и, к исключительной моей радости, подчинил меня Вашей светлости. Мне предстоит двоякая честь: сражаться вместе с непобедимой Российской армией и состоять в повеленьях полководца, стяжавшего удивление и признательность народов. Ожидаю Ваших приказаний».

Население Пруссии с восторгом встретило русские войска. Народ аплодировал Кутузову, раздавались приветственные крики: «Да здравствует великий старик! Полководец вёл армию всё дальше и дальше, занял Силезию, овладел Лейпцигом, принял ключи крепости Тори. Это были его последние победы. В Силезии, недалеко от прусского города Бунцлау, он вышел однажды из кареты и продолжил путь верхом. Стояла сырья, туманная погода. Шёл снег. Кутузов простудился и слёг.

От солдат скрывали его болезнь. С победами шли они вперёд и вперёд, а старый фельдмаршал умирал в маленьком прусском городке. Король Пруссии приспал к нему знаменитого доктора Гуфеланда, но положение оказалось безнадёжным. Тогда умирающего посетил Александр I, и попросил у него прощения за обиды, нанесенные полководцу.

– Я, Ваше Величество, прощаю, но никогда не простит Россия, – ответил Михаил Илларионович.

28 апреля 1813 года он умер, тело его забальзамировали и перевезли в Россию, а сердце похоронили недалеко от Бунцлау, на мальеньким тихом кладбище у большой дороги из Силезии в Саксонию. Боевые друзья великого фельдмаршала поставили там скромный памятник. На площади тихого Бунцлау появился обелиск с надписью на нём: «До сих мест полководец Кутузов довёл победоносные войска российские, но здесь смерть положила предел славным делам его. Он спас Отечество своё и открыл путь освобождения Европы. Да будет благословенна память героя».

И все же главным героем Отечественной войны 1812 года является народ. Наполеон очень тщательно готовился к войне с русскими. Он предусмотрел всё: состояние экономики России, её военные силы и международные связи, одного не учел, самого главного: против захватчиков поднялась вся Россия. Характер народной войны можно прочувствовать на выставке через копию картины В. В. Верещагина «Не злайся». Художник из устных преданий стариков

слышал рассказ о судьбе сельского старосты одной из деревень Красненского уезда Смоленской губернии Семёна Архиповича. Тот сам собрал партизанскую армию из нескольких сот человек, которая уничтожила более 1500 человек и взяла в плен около 2000 солдат неприятеля. Да сам староста с двумя товарищами угодили в плен. Наполеон приказал их расстрелять. Смерть свою они встретили мужественно. На выставке также представлено основное оружие партизан – пика, вилы, серп да цеп. «На француза и вилы – ружье», – говорили защитники. Зачастую они вооружались и ружьями, отбитыми у неприятеля.

Особый комплекс в экспозиции представляет декабристов. Колоритен портрет полковника, командира Полтавского пехотного полка Василия Карловича Тизенгаузена (1779-1857 гг.). Он – участник русско-шведской войны 1808-1809 и русско-турецкой войны 1810-1811 годов. В Отечественной войне 1812 года принимал участие с сентября в составе 3-й Западной армии. Воевал в заграничных походах, брал Париж, за отличие переведён в лейб-гвардии Семёновский полк.

На девять лет его моложе подполковник Андрей Васильевич Ентальцев (1788-1845). Он принимал участие в наполеоновских войнах 1806-1807 годов. В войне 1812 года за храбрость в битве при Смоленске в августе получил звание штабс-капитана.

Капитан Иван Дмитриевич Якушкин (1793-1857 гг.) представлен портретом работы художника Соколова и бюстом работы Валентина Михайловича Белова.

Поскольку выставка работает в доме ветерана Отечественной войны 1812 года, Матвея Ивановича Муравьева-Апостола, мы с вами подробней проследим боевой путь этого замечательного декабриста. Получив образование в Париже, он в ноябре 1811 года восемнадцатилетним вступил в воинскую службу подпрапорщиком в лейб-гвардии Семёновский полк, в составе которого пешком дошагал до Парижа! Да ладно бы напрямую! Его полк, дойдя из Петербурга почти до Немана – западной границы нашего государства, – снова отступал, сначала до Бородино, а после главного сражения и оставления Москвы – до Тарутина.

За бои при Витебске и Бородино Матвей Иванович «по большинству голосов нижних чинов седьмой роты полка» награждён знаком отличия Святого Георгия Победоносца и произведён в прапорщики. За Тарутино, Малоярославец и заграничные походы (Люцен, Бауцен, Кульм) награждён орденом Анны 4-й степени. За Лейпциг и Париж повышен в чине. При Кульме получил ранение в бедро навылет.

Незадолго до своей смерти он продиктовал воспитаннице А. П. Созонович свои заметки по поводу книги П. Н. Дирина «История Семёновского полка». Они представляют собой краткие замечания на те или иные сведения в книге. Но для нас служат одним из источников участия декабриста в войне. Так, многие, как и Дирин, счи-

тают, что воспарение орла в небе в момент приятия Кутузовым войск – красавая легенда, и не более, а Матвей Иванович написал: «Это событие действительное, а не вымыщенное. Я видел собственными глазами, как орёл парил над головой главнокомандующего, который снял фуражку, перекрестился и закричал: «ура».

Вспоминая Бородино, Матвей Иванович повествует следующее: «26 августа 1812 года было ещё темно, когда неприятельские ядра стали долетать до нас. Так началось Бородинское сражение. Гвардия стояла в резерве, но под сильными пушечными выстрелами. Правее 1-го батальона Семёновского полка находился 2-й батальон. Петр Алексеевич Оленин, как адъютант 2-го батальона, был перед ним верхом. В 8 часов утра ядро пролетело близ его головы; он упал с лошади и его сочли убитым. Князь Сергей Петрович Трубецкой, ходивший с раненым на перевязку, успокоил старшего Оленина в том, что брат его только контужен и останется жив. Оленин был вне себя от радости.

Офицеры собирались перед батальоном в кружок, чтобы порасспросить о контуженном. В это время неприятельский огонь усилился, и ядра начали нас бить. Тогда командир 2-го батальона полковник Максим Иванович Де Дама скомандовал: «Господа офицеры, по местам!» Николай Алексеевич Оленин стоял у своего взвода, а граф Татищев перед ним у своего, лицом к Оленину. Оба они радовались только что сообщенному счастливому известию; в эту минуту ядро пробило спину графа Татищева и грудь Оленина, а унтер-офицеру оторвало ногу. Я стоял в третьем батальоне под знаменем вместе с Иваном Дмитриевичем Якушкиным и, конечно, не смел отлучиться со своего места; следовательно, ядрами играть не мог».

Рассказывает он и о следующем дне после Бородино: «Когда кончилось Бородинское сражение, пришло приказание, чтобы солдаты ранцев не снимали, потому что на другой день возобновится бой. Получив донесение об убитых начальниках частей, главнокомандующий отменил намерение вновь встретиться с неприятелем. 27 августа мы пустились в поход рано поутру. Того же числа неприятель с особым усилием атаковал наш арьергард...».

Об известном Кутузовском маневре вспоминает: «2 сентября мы остановились в селе Панки. Главнокомандующий приказал взять котлы и варить пищу солдатам. В 4 часа того же дня мы выступили по рязанской дороге. Не доходя переправы через Москву-реку, повернули направо и пошли по просёлочным дорогам, перешли с рязанской дороги на старую калужскую, прошли 60 верст без привала. Одним словом, мы совершили знаменитое фланговое движение, которое не дозволило неприятелю отступить по южным не тронутойвойной областям, вынудив его продолжать отступление по разорённой дороге, которую он шёл в Москву».

На строчки автора книги: «Против холода можно было ещё бороться благодаря розданным на большую часть людей тулупов и вале-

нок», Муравьёв-Апостол отмечает: «Ещё раз повторяю, что тулупов и валенок мы не видели во всё продолжение зимнего похода. Ни одного гвардейского солдата я не видел замерзшим или замерзающим. На ночь рота расстилала часть шинелей на снег и ложилась на них, тесно прилегая друг к другу, другая часть шинелей служила ей общим покровом. Мы, подпрапорщики, ложились между солдатами, проводили ночь спокойно, не чувствуя холода, и поутру вставали с общего ложа бодрыми и весёлыми. Офицеры шили себе палатки, которые возились на выюках».

Вспоминает и о заграничных походах: «При открытии военных действий в 1813 году я был причислен ко 2-му батальону. У Пирны стоял Вандам, а мы были посланы против крепости Кенигштайн. Здесь после дрезденской неудачи мы получили приказание идти ускоренным шагом на соединение с главной квартирой...». Далее он описал, как ночью они пришли через горы к назначенному месту: «Яков Алексеевич Потемкин (в то время командир Семёновского полка. - А. Б.) обрадовался, когда мы явились к нему поздно ночью – батальонное знамя было с нами». Матвей Иванович описал случай, произошедший с ними в горах. Когда они ночью заблудились, то вышли к кабачку, в котором гуляли местные жители. По просьбе русских, один из них за умеренную плату взялся выступить проводником! И хорошо выполнил свою задачу. Что касается наших жителей, сразу же почему-то вспоминается Иван Сусанин...

И об окончании войны: «1 января 1814 года в Базеле, в присутствии Александра Павловича, императора австрийского и прусского короля, мы перешли Рейн. 19 марта 1814 года я вступил в Париж во главе стрелкового взвода 2-й grenadёрской роты, которой командовал князь Броглио... В Париже караульная служба была облегчена, офицеры не были обязаны постоянно находиться при карауле. Караульные офицеры навещали свой караул несколько раз в продолжении дня и когда вздумается... Мы выступили из Парижа 10 мая. Мы узнали о нашем возвращении в Россию морем и после первого перехода получили приказание отправить наших больных в Париж.

На четвёртый день после прихода Балтийской эскадры мы отправились в Англию для снабжения наших больных лекарствами. Наш госпиталь помещался на английском фрегате. 4-й батальон Семёновского полка помещён на линейном корабле «Три Святителя». Выдержав шторм и бурю в Немецком море, мы достигли Кронштадта в последних числах июля 1814 года. Наше плавание продолжалось шесть недель».

Записки Матвей Иванович завершают своими знаменитыми словами: «...Каждый раз, когда я ухожу от настоящего и возвращаюсь к прошедшему, я нахожу в нем значительно больше теплоты. Разница в обоих моментах выражается одним словом: мы тогда «любили». Мы были дети 1812 года. Принести в жертву всё, даже самую жизнь, ради любви к отечеству было сердечным побуждением. Наши чувства были чужды эгоизма...».

Награды ялуторовских декабристов – участников Отечественной войны 1812 года

В связи с двухсотлетием победы россиян над французами в Отечественной войне 1812 года наше общество снова и снова возвращается к героическому прошлому нашего государства. Создаются документальные фильмы и выставки, пишутся книги, статьи. И мне тоже захотелось, уважаемый читатель, обратить Ваше внимание на очень интересный вопрос – награды того времени. В Отечественной войне 1812 года воевали 115 будущих декабристов, но в своей статье я буду говорить о наградах только пяти ялуторовских декабристов. Хотя все ялуторовские декабристы – военные. Но поручики Н. В. Басаргин, А. И. Черкасов, Е. П. Оболенский, И. И. Пущин не воевали, так как самому старшему из них – Оболенскому в октябре 1812 года исполнилось шестнадцать лет, а самому молодому, Басаргину – в мае того же года минуло двенадцать лет. Из них только Иван Иванович, прослужив шесть лет в лейб-гвардии конной артиллерии, вышел в отставку и в 1823 году поступил на гражданскую юридическую службу.

После поражения восстания на Сенатской площади и бунта Черниговского полка на Украине виновники понесли тяжелое наказание. Меня не удивила расправа Императора, последовавшая над мятежниками после полуторового следствия – лишение прав, имущества, свободы, титулов, каторга... Не удивила и смертная казнь, отмененная в России со времен Елизаветы. Поскольку существовал воинский устав, по которому посягнувших на жизнь Государя карали четвертованием, получалось, что Николай Первый даже смилиостивился, заменив средневековую страшную расправу повешением. Другое дело, что позорнее этой казни не существовало...

Но меня очень удивило то, что у всех декабристов, храбро сражавшихся на поле брани, отобрали награды. Ведь они их получали, рискуя собственной жизнью, вообщем-то самым дорогим, что есть у человека.

Так какие же награды имели декабристы, отбывавшие впоследствии наказание в Ялуторовске?

Василий Карлович Тизенгаузен образование получил в первом кадетском корпусе, послужив в армии, решил перейти на штатскую должность, но уже через четыре года снова вернулся поручиком на военную службу, видимо, воинская дисциплина ему нравилась больше. Как раз началась русско-шведская война 1808/1809 годов, Василий Карлович воевал в Таврическом гренадёрском полку. За участие в следующей, русско-турецкой войне 1810/1811 годов его наградили орденом Владимира 4-й степени с бантом.

Орден Святого Равноапостольного Князя

Владимира учредила Екатерина Великая в ноябре 1782 года по случаю своего двадцатилетнего царствования. Награду так назвали в честь Киевского Князя Владимира Красное Солнышко, которого канонизировали не просто как святого, а как Равноапостольного, то есть равнотого Святым Апостолам, многие из которых являлись учениками Иисуса Христа.

Орден Святого Владимира выдавался преимущественно за гражданские заслуги, но некоторые получали его и за военную доблесть. Награда имела четыре степени, и каждый российский чиновник надеялся получить кавалерское достоинство – то есть удостоиться этой награды любой степени, так как до 1900 года вместе с орденом давалось и потомственное дворянство. Ограничений числа кавалеров ордена Святого Владимира не вводилось,

так как по его статуту «в оный принимаемы будут столько, сколько окажется достигающих его качествами и трудами».

Эта награда являлась очень высокой оценкой труда. Выглядела следующим образом. Золотой крест с обеих сторон покрывала красная эмаль с черной каймой. На лицевой стороне креста на черном фоне круга изображалась горностаевая мантия с вензелем «СВ» (Святой Владимир) под Великокняжеской короной. На обратной стороне помещалась дата учреждения ордена – 22 сентября 1782 года, выполненная серебром по черному фону.

Кавалеры ордена Святого Владимира I степени носили орденский крест на ленте, надеваемой через правое плечо, и звезду на левой стороне груди. Лента красного цвета с черной каймой называлась Владимирской. А орденская звезда имела восьмиконечную форму: четыре конца золотые, четыре – серебряные. В центре её, в розетке на черном поле, помещался золотой четырёхконечный крестик, и буквы «СРКВ» – Святой Равноапостольный Князь Владимир. Вокруг центрального медальона, отделенная от него золотым ободком, располагалась лента с надписью серебряными буквами: «Польза, честь и слава». Кавалеры II степени

**Орден Святого
Равноапостольного
Князя Владимира
4-й степени
с бантом.**

крест носили на шее и тоже имели звезду. Кавалеры III степени крест меньших размеров носили на шее и не имели звезды.

В 1789 году, через семь лет после учреждения ордена, ввели особо почетную награду для офицеров за боевые подвиги – орден Святого Владимира IV степени. Носить этот орденский знак полагалось на Владимирской, только узкой ленте - сначала в петлице, потом на левой стороне груди. По особому указу Императрицы Екатерины II кавалеры, получившие за военные заслуги орден Святого Владимира IV степени, получали и бант из орденской ленты. Отсюда название – орден Святого Владимира IV степени с бантом. Эту награду давали не только за военные заслуги, но и за выслугу лет.

Поэтому в орденском статуте говорилось: «Но как не всегда всякому верному сыну Отечества такие открываются случаи, где непрерывное прилежание беспорочное отправление должности и труды свету известные сделались, то рассудили мы за благо не исключать из сего Всемилостивейшего Установления и тех, кои в службе нашей тридцать пять лет от вступления в классы неотлучно и беспорочно находились».

Таким образом, чиновникам данный знак ордена мог служить и знаком тридцатипятилетней выслуги в гражданских чинах, с 1816 года на орденских знаках помещали надпись: «35 лет».

Вот таким боевым орденом Святого Владимира IV степени с бантом и наградили Василия Карловича Тизенгаузена. Такую же награду из ялуторовских декабристов имели Василий Иванович Враницкий за Отечественную войну 1812 года и Андрей Васильевич Ентальцев за бой под Красным.

А Тизенгаузен ещё имел и орден Анны II степени за взятие Парижа. Этот орден имеет свою историю. Любимую дочь Петра I Анну выдали замуж за голштинского герцога Карла Фридриха. В феврале 1728 года в Голштинии Анна родила Петра Ульриха - будущего российского Императора Петра III. По случаю его рождения в Киле проводились торжества и праздничная иллюминация. Анна встала с постели и распахнула окно. Напрасно фрейлины уговаривали роженицу поберечься холодного ветра, Анна им отвечала: «Петрова дочь не боится стужи». На другой день слегла с жаром и через десять дней умерла.

Спустя семь лет, в 1735 году, в день десятилетия своей свадьбы с Анной Петровной, герцог Голштинский Карл Фридрих в память о супруге учредил орден Святой Анны. Девиз гласил: «Любящим правду, благочестие и верность». Вензель синего цвета на белой оборотной стороне орденского креста имел ещё и другой смысл: «Анна, дочь Императора Петра».

Орденский знак изготавливается в то время из прямоугольных или овальных красных стекол на латунной позолоченной подложке с ажурными украшениями в углах. В середине

красного с золотыми украшениями орденского креста в круге изображалась Святая Анна. На внешней стороне каждого плеча креста располагалось по три крупных страза в оправе и по одному стразу на ажурных украшениях между плечами креста.

Крест ордена Анны I степени носили у бедра на широкой красной с желтой каймой ленте через левое плечо, а серебряная орденская звезда помещалась на правой стороне груди. Звезда могла быть шитой или кованной, она имела красный крест с золотыми промежутками, вокруг которого располагался девиз ордена. В отличие от других российских орденов звезду ордена Святой Анны носили не на левой, а на правой стороне груди.

Орденский знак II степени представлял собой такой же красный крест, но носили его на более узкой ленте, и звезда к нему уже не полагалась. А орденский знак III степени носили на оружии – шпаге или сабле. Это был кружок, увенчанный императорской короной, а на нем, в красном эмальевом кольце, помещался красный крестик – такой же, как в центральном медальоне орденской звезды.

На оружие знак ордена Святой Анны III степени изготавливался, как и другие русские ордена, из золота. Но в годы Отечественной войны 1812 года число награжденных значительно возросло, и в целях экономии знаки ордена этой степени изготавливали из недрагоценного металла. Награжденный получал лишь знак ордена и прикреплял к уже имеющемуся у него холодному оружию.

Когда сын Анны прибыл наследником российского престола в Санкт-Петербург, с 1742 года он уже начал жаловать подданных этим орденом. И к моменту провозглашения его российским Императором Петром III уже десятки вельмож носили на красной ленте с желтой каймой орден Святой Анны. Воцарившись, Екатерина оставила эту награду, но по своему значению она уступала другим российским орденам.

Её сын, Павел I, в день своей коронации в апреле 1797 года – провозгласил «Установление о Российских наградах», по которому орден Святой Анны причислялся к орденам Российской империи.

Он разделялся на три степени, его могли получить вельможи и высшие чиновники. Третья степень ордена являлась чисто боевым знаком отличия: ею жаловали отличившихся офицеров – от прапорщика до капитана включительно.

Именно этим орденом третьей

Орден Святой Анны
II степени.

степени наградили ялуторовского декабриста – Алексея Ивановича Черкасова (15.11.1799-апр.1855). Награду он получил в 1822 году за хорошую службу квартирмейстером при Главной квартире войск в Подольской губернии. Черкасов очень хорошо делал топографические съемки территорий.

Два ордена Анны II и III степени из ялуторовских декабристов имел Василий Иванович Враницкий. За войну с Францией 1806/1807 годов ему дали награду третьей степени, и второй степени за заграничные походы. Матвей Иванович Муравьев-Апостол и Иван Дмитриевич Якушкин за битвы во время заграничных походов – Люцен, Бауцен и Кульм получили ордена Святой Анны третьей степени. Обычно в справочниках эту награду декабристов неправильно именуют орденом Анны IV степени. Но четвертую степень Александр I ввел в 1815 году, так называемое «Аннинское оружие». Его очень ценили в Российской армии и на флоте. Получить его могли только офицеры за личные боевые подвиги. На оружии красовалась надпись: «За храбрость».

На Руси с древнейших времён награждали оружием за доблесть и мужество. Наградное оружие имело булатный клинок и часто украшалось драгоценными камнями. Для дворян эта награда являлась символом чести и достоинства. Во время гражданской казни над декабристами над их головами ломали шпаги – таким образом лишали их чести.

В Российской империи офицеров за военные подвиги награждали только белым (холодным) оружием. Официально наградное оружие в России появилось во времена правления Петра I. Императрица Екатерина II для отличия за воинские подвиги ввела «Золотое оружие» с надписью «За храбрость», причем генералы получали шпаги, украшенные драгоценными камнями, а офицеры - без дорогих украшений.

Император Павел I отменил награждение золотым оружием, заменив его «Анненским оружием». К эфесу наградного холодного оружия прикреплялся красный крестик ордена Святой Анны III. Выше уже отмечалось, что он имел форму кружка с красным эмалевым кольцом по краю и таким же крестиком в середине.

А Император Александр I вновь возобновил награждение золотым оружием. С этого времени в России жаловали за военные заслуги двумя видами холодного оружия - золотым и Анненским, с 28 сентября 1807 года офицеры, награжденные золотым оружием с надписью «За храбрость», стали причисляться к кавале-

рам Российских орденов. А в январе 1812 года Император дал главнокомандующим право во время самого действия назначать за важнейшие блистательные подвиги шпаги за храбрость. Но грамоты на награждение подписывались им самим.

Традиция жаловать наградное оружие очень широко распространилась в Отечественную войну 1812 года. Самую красивую и дорогую шпагу, увенчанную алмазами и венками из изумрудов, вручили М. И. Кутузову. Награда оценивалась в 25125 рублей - целое состояние. Имея пять дочерей, фельдмаршал постоянно нуждался, но продать шпагу не имел права...

Золотую шпагу с надписью «За храбрость» имели многие будущие декабристы, но среди ялуторовских только один – Василий Иванович (Вацлав Янович) Враницкий (1782-1832 гг.). Он сначала получил духовное образование, учился в Праге в гимназии у пиаристов. Но детей в семье много – десять человек, а отец не преуспевал в производстве и продаже пива, поэтому, несмотря на блестящие успехи в учебе, Вацлав в гимназии не доучился. Враницкий знал несколько языков – немецкий, латинский, греческий, французский, итальянский, чешский, русский. Он мог стать священнослужителем, но судьба определила его в военную службу. В 28-ом австрийском полку он служил успешно, быстро получал чины. В 1805 году его отправили в офицерскую артиллерийскую школу, где он научился хорошо чертить. Математику блистательно знал и раньше.

После артиллерийской школы В.И.Враницкий вышел в отставку и уехал в Пруссию. Послужив у пруссаков, в декабре 1806 года перешел на русскую службу и был зачислен в Севский пехотный полк, с понижением в чине – прапорщиком. Так было заведено. Кстати, эта неприятная формальность, как утверждают, в свое время стала препятствием для перехода на службу в русскую армию будущего императора Франции – Наполеона.

Прусский орден
Pour le Merite (За заслуги).

В 1812 году В.И.Враницкий переведен в свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части (сейчас бы сказали в генштаб). И где бы ни служил, его характеризовали как достойного и храброго офицера. Основные награды получил за Отечественную войну 1812 года – за бои у деревни Кластицы, под Полоцком, Борисовым: ордена Владимира 4-й степени, Святой Анны 2-й степени, золотую шпагу с надписью «За храбрость».

Участвовал также в заграничных походах. За сражение под Магдебургом получил Прусский орден. Это высшая военная награда Пруссии – орден Pour le Mérite (За заслуги). Учредил её в 1740 году Фридрих Великий, но поскольку при дворе господствовал французский язык, название было принято французское.

Награда представляла собой малтийской формы крест из голубой эмали на черной ленте, на концах креста написано по слогам: GENEROSITE (великодушие), а в уголках помещались фигурки орлов. Сначала им награждали гражданских и военных, а в 1810 году орден изменил свой статут – стал исключительно военной наградой. Но свой знак сохранил почти без изменения, лишь с остриев креста убрали шарики и поместили вместо названия «Великодушие» - «За заслуги». Черная лента получила серебряную оторочку. Если за многочисленные подвиги награждали Пур ле маритом второй раз, то просто добавляли серебряную полосу посередине ордена. Только на кресте высшего класса и на звезде в центре находился портрет Фридриха Великого.

Браницкий, как и все, кто воевал против французов в 1812 году на территории России, имел серебряную медаль на голубой ленте «В память Отечественной войны 1812 года». Когда Российская армия преследовала французов в заграничных походах, ее учредил Александр I. Этую особую боевую награду могли получить все, кто воевал на территории России против французов в 1812 году, без различия чинов, должностного положения и степени личных заслуг. Её имели все ялуторовские декабристы – участники войны 1812 года.

Дата рождения награды – 5 февраля 1813 года. В приказе Императора говорилось: «Воины! В ознаменование незабвенных подвигов ваших, повелели мы выбрать и освятить серебряную медаль, которая с начертанием прошедшего столъ достопамятнаго 1812 года должнаствует на Андреевской голубой ленте украшать непреродимый щит Отечества – грудь Вашу. Всяк из Вас достоин носить на себе достопочтенный знак – сие свидетельство трудов, храбрости и участия в славе; ибо все вы одинаковую несли тяготу и единодушным мужеством дышали».

Посетители нашего музея, при виде этой награды спрашивают: «А почему

в центре масонский знак – Око Господне?» Но всевидящее око, или Око прорицания как символ Божественного Всевидения и Всемогущества появилось в Русской Православной Церкви в начале XVIII века и до середины этого столетия использовалось в качестве различных изображений на боевых знаменах. Как элемент композиции «Всевидящее Око» не раз помещалось и на памятных медалях, выпускавшихся по различным поводам.

Только на медали «В память Отечественной войны 1812 года» этот символ превратился в основной и занимает всю лицевую сторону награды. А раньше здесь помещались силуэты царей. На обороте медали идет четырехстрочная надпись: «Не нам,- не нам,- а имени- твоему». Раньше я ошибочно полагала, что Император такнюю славу воздает Российскому народу. Но Александр I объяснил победу над французами, написав: «Зрешище погибели войск его невероятно! Едва можно собственным глазам своим поверить, кто бы мог это сделать! Может сказать, что содеянное есть превыше сил человеческих. Итак, да познаем в великом деле сем Промысл Божий, повергнемся пред Святым Его Престолом, и видя ясно Руку Его покаравшую гордость злочестие, вместо тщеславия и кичения о победах наших, научимся из сего великого и страшного примера быть кроткими и смиренными Законов и Воли Его исполнителями». А полностью надпись на медали представляет собой усеченную цитату из девятого стиха 113-го псалма царя Давида: «Не нам, Господи, не нам, а Имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей».

Первое награждение новой медалью состоялось 30 августа 1813 года во время её освящения в Троицком соборе Александро-Невской лавры. В действующей армии награждали в конце 1813 года. Первые медали получили лица из свиты и придворного штата Императора, а также офицеры и чиновники Главной квартиры, находившиеся тогда во Франкфурте-на-Майне. Затем началось вручение наград и в полках. Из нестроевых чинов право на медаль имели лишь священники и медицинские чины, «кои действительно находились во время сражений под неприятельским огнем».

Наградная медаль в память 1812 года являлась драгоценной реликвией, почиталась во всех слоях русского общества и воспринималась как свидетельство участия награжденного в общегосударственном подвиге. Некоторые декабристы, участники Отечественной войны 1812 года, после возвращения из Сибири, ходатайствовали о восстановлении своих прав на ношение именно этой награды, смиряясь или даже оставаясь совершенно равнодушными к потере других наград, иногда и более высоких по своему достоинству.

Матвей Иванович Муравьев-Апостол (25 апреля 1793-21 февраля 1886 года), отставной подполковник, имел четыре награды. Он вступил в лейб-гвардии Семеновский полк в ноябре

**Медаль
«В память
Отечественной
войны 1812 года».**

1811 года, а через семь месяцев началась Отечественная война 1812 года. Вместе с полком сначала шел до западной границы, а потом отступал до Бородина. Принимал участие в генеральном сражении между французами и россиянами - в Бородинской битве. Награжден за баталию первой наградой - знаком отличия Георгия Победоносца № 16698.

Императорский военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия Екатерина Великая учредила 24 ноября 1769 года. В указе говорилось: «Ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны не дают право быть пожалованным сим орденом, но дается оный тем, кои не только должность свою исправляли во всем по присяге, чести и долгу своему, но сверх того отличили еще себя особым каким мужественным поступком, или подали мудрые и для военной службы полезные советы. Достоин ордена офицер тот, который, ободрив своим примером подчиненных своих и предводительствуя ими, возьмет корабль, батарею или другое какое занятое неприятелем место».

Орден освятили в придворной церкви, прочли проповедь и специальную молитву. По первоначальному статуту орден Святого Георгия учреждался «из особливой Императорской милости к служащим войскам, в отличие и награждение их за оказанные во многих случаях ревность и службу, а равно и для поощрения их в воинском искусстве». Орден делился на четыре степени. Первая степень ордена имела три знака – крест, звезду и ленту. Георгиевская лента состояла из трех черных и двух оранжевых полос, носили её через правое плечо под мундиром.

В середине золотой четырехугольной звезды, на золотом или желтом поле располагался вензель Святого Георгия, а вокруг него на черном поле надпись: «За службу и храбрость». Вторая степень ордена тоже имела звезду и большой крест, который носился на шее, на более узкой ленте. К третьей степени ордена относился крест меньшего размера, который носили на шее. К четвертой степени относился малый крест, носимый в петлице. Кроме почетных знаков ордена Святого Георгия, награжденные им получали ежегодные пенсии и могли присутствовать при дворе при всех торжествах.

В 1807 году Александр I прибавил к ордену Святого Георгия Знак отличия Военного орде-

на – серебряный крест на георгиевской ленте. Он учрежден для награждения нижних чинов за храбрость и во «изъявление особенной Императорской милости к воинству и в вящее доказательство Нашего внимания к заслугам оного, искони означенованного во всех случаях величими подвигами любви к Отечеству, верности к Государю, ревности к службе и неустрашимой храбрости».

Знаки отличия получали только за подвиги на поле сражений, и число награждений не ограничивалось. После каждой битвы сами солдаты голосовали, кто из боевых товарищей заслужил данную награду – во время битвы им было виднее, кто как сражался... Награжденные знаком отличия исключались из податного сословия, их освобождали от телесных наказаний и кроме обыкновенного жалования выдавалось еще и дополнительное.

До 1813 года Знак отличия Военного ордена по статуту не являлся Георгиевским крестом и награжденные им не считались кавалерами ордена Святого Георгия. И только после 1813 года его официально переименовали в Георгиевский крест.

Военный орден Святого Георгия являлся очень высокой наградой, в его статуте говорилось: «Сей орден никогда не снимать!». По своей значимости он шел сразу же за орденом Андрея Первозванного. За все время существования Российской империи только четыре генерал-фельдмаршала удостоились высочайшей военной награды – ордена Святого Георгия всех четырех степеней. Полными кавалерами этого ордена стали М. И. Кутузов, М.Б. Барклай де Толли, И. И. Дибич и И. Ф. Паскевич.

После Октябрьского переворота, в ноябре 1917 года, специальным указом уничтожили все сословия и российские награды. Хотя многие легендарные герои гражданской войны имели орден Святого Георгия. Например, полным кавалером Императорского военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия являлся командарм Первой конной С.М. Будённый.

Второй наградой у М.И.Муравьева-Апостола был орден Святой Анны 3-й степени за заграничные походы. За битву под Кульмом Матвей Иванович получил ранение в ногу и вместе с тем очень редкую награду – орден «Кульмский крест».

История его такова. Во время Наполеоновских войн оккупированная Германия делилась на несколько отдельных государств, и по её землям не один раз проходили вражеские армии. Но когда король Пруссии Фридрих Вильгельм III объявил войну Наполеону, фельдмаршал Гебхард Леберехт Блюхер нанес войскам французского императора ряд весьма ощущимых ударов, в частности, прусские войска штурмом взяли Лейпциг.

Подвиги армии Г.Л. Блюхера были достойны награды, и король учредил для награждения боевых офицеров, отличившихся на поле сражений, необычный орден - железный крест.

**Знак отличия
Военного ордена.**

Кульмский крест.

Он имел две степени и черную с белыми кантаами ленту. Форму его позаимствовали у духовно-рыцарского Тевтонского ордена. Большой крест за всю историю существования ордена вручали только семь раз, так как им награждали только

особо отличившихся полководцев. И один раз к кресту выдали золотую звезду - фельдмаршалу Г.Л. Блюхеру за Ватерлоо. Её так и назвали «Блюхерштерн» - «Звезда Блюхера».

Кульмский крест представлен в экспозиции историко-мемориального музея, правда, чуть видоизмененный. Некоторые посетители путают его с фашистской наградой – железным крестом, учрежденным Гитлером 1 сентября 1939 года. Что ж, в истории все повторяется.

Но вернемся к боевым регалиям М.И. Муравьева-Апостола. В августе 1813 года у Кульма, современное чешское село Хлумец, французский корпус Вандама (45 тысяч) был наголову разбит русским генералом А. И. Остерман-Толстым (17 тысяч). Русские взяли в плен самого маршала с четырьмя генералами. Прусский король Фридрих Вильгельм III, восхищенный подвигом русских солдат, объявил, что всех участников Кульмского сражения награждает высшей Прусской наградой – «орденом Железного креста».

Когда гвардейцы узнали о награде, они не стали дожидаться настоящих крестов и тут же начали вырезать самодельные – из жести и кожи. А потом накладывали черный крест на белый так, чтобы края белого выходили контуром из-под черного. Затем скрепляли их по форме прусского ордена и нашивали на мундиры с левой стороны груди.

Время шло, а прусский король не торопился выдавать подлинные кресты. Он понял, что поступил опрометчиво, ведь в прусской армии такая награда редко жаловалась и потому считалась исключительной. И вдруг наградить железным крестом двенадцать тысяч воинов иноzemного войска! Но из затруднительного положения требовалось как-то выйти, и тогда специально для русской армии 14 декабря 1813 года награду учредили заново. Но её упростили, уменьшили в размере, поделили на офицерские и солдатские отличия. Но и тогда, когда их изготовили, не решились на глазах прусских подданных вручать их россиянам. Только в 1815 году награды выслали в Петербург, а вручали в августе 1816 года на Марсовом поле. К тому времени в живых осталось только 7131 участник Кульмской битвы.

Итак, ялуторовские декабристы награждались следующими наградами: полковник В.К.

Тизенгаузен орденом Владимира 4-й степени с бантом, орденом Анны 2-й степени и медалью «В память Отечественной войны 1812 года»; полковник В.И. Враницкий - орденом Анны 3-й и 2-й степени, Владимиром 4-й степени с бантом, Прусским орденом «За заслуги», золотой шпагой с надписью «За храбрость», медалью «В память Отечественной войны 1812 года»; подполковник А. В. Ентайцев - орденом Владимира 4-й степени и медалью «В память Отечественной войны 1812 года»; подполковник М. И. Муравьев-Апостол - знаком отличия Военного ордена Святого Георгия Победоносца, орденом Анны 3-й степени, орденом «Кульмский крест», медалью «В память Отечественной войны 1812 года»; капитан И. Д. Якушкин - Знаком отличия Военного ордена Святого Георгия Победоносца, орденом Анны 3-й степени, орденом «Кульмский крест», медалью «В память Отечественной войны 1812 года».

Существовала еще одна награда, которую должны были получить все пять ялуторовских декабристов, но никогда её не получили. После победы над Наполеоном 30 августа 1814 года утвердили положение о медали «За взятие Парижа». Но по политическим соображениям – из-за восстановления во Франции династии Бурбонов – изготовление медалей «За взятие Парижа» и награждение ими отложили. Русский Император не хотел обидеть французского короля. Только в марте 1826 года Николай I осуществил это запоздалый акт.

Медаль изготовили из серебра, на лицевой стороне помещался профиль Александра I в лучах, ниспадающих от треугольника с Все-видящим оком. На обороте сделана надпись: «За - взятие - Парижа – 19 марта – 1814». Медаль носили на ленте, соединенной из цветов голубой Андреевской и черно-оранжевой Святого Георгия. Её получили все участники зимне-весенней кампании 1814 года и битвы за столицу Франции. Но декабристы, участники этих битв, находились уже под следствием в Петропавловской крепости. Их ожидала Сибирь.

После тридцатилетнего пребывания на каторге и на поселении, немногие декабристы вернулись в Европейскую Россию. Среди возвращенных был и наш Матвей Иванович Муравьев-Апостол. Он после Ялуторовска прожил еще тридцать лет. Когда праздновали двухсотлетний юбилей лейб-гвардии Семеновского полка, его пригласили на торжество и возвратили отобранный после 14 декабря Знак отличия Военного ордена Святого Георгия Победоносца.

Надежда РАССАДИНА,
младший научный сотрудник
историко-мемориального музея
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

Взгляни на этот лик...

«Взгляни на этот лик; искусством он
Небрежно на холсте изображен,
Как отголосок мысли неземной,
Не вовсе мертвый, не совсем живой»

Михаил Лермонтов

Не так давно в экспозиции историко-мемориального музея появился новый экспонат – портрет Василия Ивановича (Вацлава Яновича) Враницкого работы ялуторовского художника Юрия Николаевича Ермакова.

До сегодняшнего дня изображение декабриста является загадкой, потому что единственный известный его портрет – словесный: «лицо белое, продолговатое, немного рябоватое, нос острый и немного горбоват, лоб широкий, волосы на голове светлорусые, бакенбарды редкие с проседью, глаза серые, на левой щеке пониже бакенбарда небольшая ямочка от ожога порохом при выстреле из ружья во время сражения», – такое описание внешности Враницкого дал царский чиновник в «Деле об описании примет...».

Первую попытку изобразить декабриста предпринял московский скульптор В.Е. Матросов, но не в виде портрета, а в виде скульптуры. В Ялуторовске на площади Декабристов есть мемориальный комплекс, состоящий из стелы и девяти бюстов декабристов. Среди них представлен и Вацлав Иванович в художественной версии скульптора.

Прежде чем приступить к работе Ю.Н. Ермакову пришлось изучить всю доступную историческую литературу, в которой, помимо словесного описания внешности декабриста, есть сведения о его судьбе.

Самые подробные дает нам Лев Сергеевич Кишкин, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, в своем труде «Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты. Разыскания, исследования, сообщения». Из них мы видим, что Василий Иванович Враницкий – дворянин, декабрист, полковник русской армии, герой Отечественной войны 1812 г. Родился в семье пражского пивовара Яна Враницкого в 1782 г. Кроме сына Вацлава, в семье Я. Враницкого и его жены Анны (в девичестве Чайковой) было еще 10 детей. Вацлав принад-

лежал к старшим из них.

Ян Враницкий мечтал дать сыну образование и для этого определил его в Пиаристскую гимназию, где Вацлав проучился с 1793 по 1797 гг. Учился В. Враницкий хорошо, был одним из лучших учеников гимназии.

После Пиаристской гимназии, поступив на военную службу и будучи австрийским офицером, Враницкий в 1803 г. был направлен в учрежденную тогда в Праге артиллерийскую офицерскую школу, где обучался черчению, тактической съемке, фортификации и военной географии. Все говорит о том, что Враницкий был человеком широко для своего времени образованный. Он хорошо знал русский язык (об этом говорят его письма), немецкий, французский и итальянский языки, был сведущ в математических науках. В формularном списке Враницкого, откуда взяты эти данные, ничего не сказано о чешском языке, которым он, несомненно, владел. В.И. Враницкий также играл на скрипке и рисовал.

В мае 1805 г. он выходит в отставку и, получив заграничный паспорт, выезжает из Австрии в Пруссию. Там участвует в боевых действиях против французов в составе прусских войск.

На русскую службу, в Севский пехотный полк, в звании прaporщика Враницкий поступил как бывший австрийский офицер в декабре 1806 г., когда русская армия пришла на помощь Пруссии, терпевшей поражение от французов.

1 июля он был переведен «в свиту его Императорского Величества по квартирмейстерской части», а затем служил в различных частях и соединениях, последним из которых был 3-й корпус 1-й армии (с 19 января 1822 г.). За все время службы он зарекомендовал себя достойным и храбрым офицером. Об этом говорят его продвижение по службе и награды. В ноябре 1808 г. Враницкий произведен в подпоручики, в июне 1809 г. – в поручики, в феврале

В.И. Враницкий.
Художник Ю.Ермаков.

1813 г. за отличие в боях – в штабс-капитаны, в феврале 1814 г. – в капитаны, в августе 1818 г. – в подполковники, а в апреле 1822 г. – в полковники. Каждая из ступенек продвижения по воинской лестнице не была подарком начальства, а являлась признанием ратных и трудовых заслуг Враницкого.

На протяжении первых десяти лет службы в русской армии В.И. Враницкий не один раз участвовал в боевых действиях. Только в 1807 г. в Пруссии он был в восьми крупных сражениях, в частности у местечка Лансберг, при Эйлау, где ранен в голову и руку саблей, на реке Пассарж (штурм батарей), под Гейльсбергом, где вторично был ранен в ногу и контужен картечью. В 1808 – 1809 гг., во время русско-шведской войны, В.И. Враницкий снова принимает участие в десятках сражений.

Когда армия Наполеона вторглась в 1812 г. в Россию, В. Враницкий находился в отряде полковника Власта и стал участником битв у деревни Клясицы (или Кластицы), под Полоцком, Борисовом. За храбрость он был удостоен ордена св. Владимира 4-й степени, св. Анны 2-й степени, награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость» и произведен в штабс-капитаны. В 1813 г. Враницкий был в сражениях под Магдебургом, Виттенбергом (при бомбардировке крепости на левом берегу Эльбы) и у Люценса. В 1814 г. он попадает во Францию, где участвует в битвах при Бар-сюр-Обе, у города Троа, за что произведен в капитаны, под Фершампенуаз и Парижем. В общей сложности Враницкий участвовал в шести кампаниях русской армии. Кроме упомянутых выше наград, он имел за сражение под Магдебургом прусский орден, а за компанию 1812 г. серебряную медаль, не раз получал и другие поощрения, в частности денежные вознаграждения, а также объявления «благоволения».

В 1820 г. В.И. Враницкий некоторое время служил на Кавказе.

Это лишь некоторые сведения о службе Враницкого в России. Их дополняет его аттестация в «Списке полковников» 3-го корпуса 1-й армии от 30 апреля 1824 г.: «По службе своей достоин повышения». В «кондуктурском списке...» за 1820 г. о Враницком сказано, что он «очень хорошо» ведущий себя на службе, обладающий «хорошими» способностями офицер, «не преданный» пьянству и относящийся к тем, кто «хорош» в хозяйстве.

В «Обвинительном заключении по Южному обществу» о Враницком сказано: «Принят в конце 1824 г.»

Первые сведения о причастности Враницкого к тайному обществу были получены следственной комиссией 4 января 1826 г., от Пестеля. На основании их уже 5 января командующему 1-й армией графу Сакену была отправлена бумага о задержании Враницкого и направлении его в Петербург.

Находившийся в Житомире после подавления восстания Враницкий был арестован 10 января. 18 января в сопровождении поручика Лан-

га и двух жандармов он был доставлен в Петербург, где по указанию дежурного генерала Главного штаба, генерал-адъютанта Потапова первоначально содержался на главной гауптвахте, а позже, 7 февраля, по распоряжению царя был переведен в Петропавловскую крепость и помещен ее комендантом Сукиным в 25-й покой Невской куртины.

В июле 1826 г. Враницкий вместе с другими декабристами (всего 121 человек) был предан Верховному уголовному суду и как «государственный преступник осьмого разряда» (таковых было 15) по конфирмации 10 июля был приговорен к лишению чинов, дворянства и ссылке на вечное поселение в Сибирь. Позже по «Высочайшему указу правительствувшему сенату» из Москвы от 22 августа 1826 г. бессрочная ссылка была заменена. Против его имени появилась пометка: «оставить на поселении 20 лет».

В ноябре 1826 г. Враницкий отправлен в г. Пелым Тобольской губернии. Сначала находился там один, и в этом отношении его положение было хуже других сосланных в Сибирь декабристов. То, что в приговоре было названо «ссылкой на поселение в Сибирь», практически оказалось не только ссылкой на поселение, но и содержанием под стражей (видимо, по инициативе местного начальства). Посетивший в декабре 1827 г. Пелым чиновник по особым поручениям при тобольском губернаторе надворный советник Уманец писал: «У Враницкого находятся всегда два казака, ежели он выходит из квартиры, то один безотлучно при нем; а другой остается в квартире – и так, постепенно от смены к смене».

Попав в Пелым, Враницкий столкнулся с нуждой и голодом, не получая сначала даже и того скучного содержания, которое полагалось сосланному. 13 декабря 1826 г. он пишет письмо на имя тобольского губернатора Д. Н. Бантыш-Каменского, которого просит вернуть ему отобранные у него при аресте деньги. Бантыш-Каменский обратился со специальным письмом по этому поводу в III отделение, а до решения вопроса (деньги были возвращены весной 1827 г.) назначил Враницкому солдатский паек.

Годы жизни в Пелыме надломили Враницкого. Стойко и мужественно выдержав допросы и суровый приговор, он, иностранец, оказавшись один в глухом заштатном сибирском городке, не смог перенести выпавших на его долю физических и духовных мучений. Находясь в Пелыме, с болью и тоской думал Враницкий о своем отце. В письме от 16 марта 1827 г., благодаря Бантыш-Каменского за возвращенные ему деньги, Враницкий сетовал на свою судьбу. Он писал: «Ваше превосходительство! Есть еще и другие слезны предметы, которые раздирают мне сердце. В отечестве остался седой от старости лет родитель, коего я был отрада и единственная надежда. Он уже давно собирался в вечную обитель – может быть он уже не в живых, может быть я причиною его смерти. Ужасная мысль! Подобная грызущему черву мне пожирающему». У него начинает

развиваться душевное заболевание, признаки которого появились еще в крепости. Но произошло это не сразу.

К концу 1829 г. состояние здоровья Враницкого стало настолько плохим, что к нему для обследования был специально послан из Туринска лекарь Малинин. Последний доносил 28 января 1830 г. состоявшему тогда в должности тобольского гражданского губернатора Василию Нагибину: «Вследствие предписания Вашего превосходительства от 28 декабря (№ 408) честь имею донести, что находящийся в Пелымском отделении государственный преступник Враницкий одержим меланхолией и физическими силами так ослабел, что с трудом может ходить по комнате, им занимаемой. Неоднократно я навещал его, и при каждом входе моем он всегда с трудом вставал со стула, подходил к своей кровати, о которую, опершись, стоял, пока я уходил... Все время ни о чем меня не спрашивал и ни на что не жаловался... Узнавши я, что он с давнего времени не употребляет ничего в пищу, кроме ржаного хлеба и квасу, отчего чрезвычайно ослабел и часто подвержен болезненным припадкам... Всякого рода удовольствиям, которыми можно было бы пользоваться и в Пелымском крае, совершенно чужд. Игру на скрипке, рисование и чтение книг, которые, как известно мне, были всегда лучшими его занятиями, оставил давно. Каждые дни проводит одинаково в бездействии и молчании...».

Несомненно, в донесении говорится о тяжело больном человеке. Заключение окружного лекаря о состоянии здоровья Враницкого 1 февраля 1830 г. было отправлено Нагибиным шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу. 19 апреля 1830 г. тобольский генерал-губернатор И.А. Вельяминов сообщил Бенкендорфу, что хотел бы перевести Враницкого в Ялуторовск, где есть медик. 4 июня 1830 г. шеф III отделения дал согласие на перевод, и 24 июля 1830 г. Враницкий был под конвоем отправлен из Пелыма в Ялуторовск. Здесь он оказался в обществе декабристов Ентальцева и Тизенгаузена.

К 400-летию Дома Романовых

Можно предположить, что жизнь в Ялуторовске была для Враницкого не столь одинокой и трудной, как в Пелыме. Здесь были лекарь, товарищи-декабристы, лучшие материальные условия. Но полностью оправиться он уже не смог, прожив здесь еще только два с половиной года.

Нам осталось рассказать о Враницком совсем немного. Если в 1830-1831 гг. его материальное положение благодаря помочи бывшего виленского губернского маршала Машинского, от которого он получал 1000 рублей ассигнациями в год, было сносным, то в 1832 г., после прекращения этой помочи по причинам, от Машинского не зависящим, оно снова стало плачевным. В начале 1832 г. губернатор Сомов доносил Вельяминову: «Враницкий имеет крайний недостаток в содержании себя, а помочи ни откуда не имеет». В апреле Враницкому снова был назначен полагающийся сосланым скучный солдатский паек. Бедственное положение, отсутствие средств к жизни обострили болезнь Враницкого, он слег и уже не поднялся. В начале декабря 1832 г. Ялуторовский городничий донес исправляющему должность тобольского гражданского губернатора Александру Муравьеву о том, «что находившийся в городе Ялуторовске под присмотром полиции государственный преступник: Враницкий, будучи одержим болезнью, 2-го числа сего декабря по полудни в два часа помер», о чем Муравьев 10 декабря 1832 г. письменно доложил царю.

В.И. Враницкий прожил всего лишь 50 лет. Пробыв в суровой ссылке шесть лет, он одним из первых среди декабристов стал ее жертвой и остался в Сибири навсегда.

Уставшим от жизненных невзгод представил Юрий Ермаков Враницкого. Однажды взглянувшись в этот портрет, каждый увидит что-то свое. Я увидела в этом изображении человека доблестного, доброго, но отчаявшегося, в чем-то соглашаясь с версией художника, а в чем-то – нет.

Павел БЕЛОГЛАЗОВ,
директор ГАУК ТО
«Ялуторовский музейный комплекс»

Весть о покушении на царя пришла по телеграфу

Многие ли жители старинного Ялуторовска задумывались о том, почему улица Революции, на которой расположен первый в СССР музей Памяти декабристов, носила когда-то названия Старотелеграфная и Царская? Дотошные краеведы напомнят: по этой улице во второй половине XIX века прошла телеграфная линия, чудо технической мысли того времени, а еще раньше, в 1837

году здесь проследовал кортеж наследника царского престола, цесаревича Александра Николаевича, направляясь из Ялуторовска в Курган. Готовясь к празднованию 300-летней годовщины дома Романовых, в 1911 году городское управление возбудило перед губернскими властями ходатайство о присвоении улицам Старотелеграфной и Еврейской наименования Царской и Алек-

сандровской, что и было осуществлено. Но не надолго. В 1918 году, после отречения Николая II от престола, еще до большевистского переворота, улица Царская стала именоваться Революционной. С 1953 она короткое время носила имя И.В. Сталина, а после разоблачения культа личности получила сегодняшнее название.

В истории еще не такие метаморфозы встречаются. Мы ко всему привыкли. Только вот ничего не могу поделать с собой: сегодня мне кажется, что такие несопоставимые понятия, как телеграф, революция, вождь всех времен и народов и царь не случайно соединились в названии этой улицы.

Александр II, как известно, прослыл либералом, особенно на фоне своего батюшки, который после восстания декабристов любое проявление свободной мысли считал крамолой, а движение не в ногу – смутой. Александр Николаевич амнистировал декабристов, освободил крестьян от крепостной зависимости, за что и получил почетный титул Освободителя. Но и сам стал мишенью для революционеров. На него было совершено четыре покушения. Убит бомбистом-народовольцем.

А причем здесь телеграф? Очень даже причем. В «Тобольских губернских ведомостях» за 1867 год опубликовано «телеграфическое известие» о покушении на Александра II в Париже, случившемся вечером 25 мая. А уже утром 27 мая текст телеграммы получил Тобольский губернатор и, как отмечено в газетной заметке, «немедленно телеграфировал в города, лежащие на протяжении телеграфической линии – Тюмень, Ишим и Ялуторовск, остальные же города Тобольской губернии извещены по почте».

Текст телеграммы выглядел так: «Божий промысел сохранил жизнь Государю Императору, 25 мая, около 5 часов по полудни, на возвращенном пути через Булонский парк (в Париже), после военного смотра, выстрел из пистолета был направлен на экипаж, в котором находились оба Императора и Великие Князья Цесаревич и Владимир Александрович. Выстрел никого не коснулся; преступник схвачен и почти растерзан народной толпой. Он уроженец Волынской губернии, поляк, по имени Березовский, эмигрант, 20 лет проживающий в Париже и несколько дней искавший случая для покушения на жизнь Государя Императора. Он сделал полное признание; его двухствольный пистолет разорвало от сильного заряда, что и уклонило направление пули».

15 июля 1867 г. «Тобольские губернские ведомости» публикуют Высочайшую благодарность Государя Императора всем сословиям г. Ялуторовска и Ялуторовского округа, жителям г. Тюмени и Тюкалинскому городскому обществу – за «верноподданнические чувства радости по случаю отвращения Божиим промыслом угрожавшей Его Величеству опасности».

Выходит, через два-три дня после покушения на императора 1867 г. ялуторовские власти уже узнали о террористическом акте и спешили от имени всех сословий городского общества, также телеграфом, выразить полага-

ющиеся в таком случае чувства. Значит, телеграф в Ялуторовск пришел не в 1871 году, как считалось до сих пор, а несколькими годами раньше. Вот вам попутно небольшое краеведческое открытие! Если в Омске телеграф был установлен в 1862 году, в Ишиме – в 1863-то, то, наверное, где-то в эти годы и в Ялуторовске стали получать сообщения по проводам.

Еще об одном знаменательном событии, касающемся династии Романовых, рассказал некто Ялуторовецъ в заметке, опубликованной «Тобольскими губернскими ведомостями» в 1872 году. Она посвящалась празднованию 200-летия Петра Великого в Ялуторовске. По этому знаменительному случаю 30 мая в Сретенском соборе совершина торжественная литургия в присутствии гражданских и военных чинов, при большом стечении народа. По окончанию торжества на соборной площади был парад нижних чинов местной команды, после которого они угожены водкой и закуской. Вечером в городской роще обществом устроено народное гуляние. Павильон этой рощи и сама роща убраны флагами и освещены разноцветными фонарями и плошками. В самом же павильоне устроились танцы. При начале гуляния пропели гимн «Боже, Царя храни!». Пение сменило одушевленное «ура», при этом был пущен фейерверк. Несмотря на дождь, праздник, благодаря распорядителю его С.А.С., по инициативе которого он устроился, удался и продолжался за полночь.

«Так и мы, жители маленького городка, отпраздновали 200-летнюю годовщину рождения Великого Монарха, и отпраздновали, несмотря на скучные средства, не хуже других, богатых городов», - сообщает Ялуторовецъ, называя главного распорядителя инициалами, в духе того времени.

В 1891 году наследник престола Великий князь Николай Александрович посетил Сибирь. «Календарь Тобольской губернии» на 1892 год сообщал: «Вступление высокого путешественника на Сибирскую землю ознаменовалось для нее объявлением высочайшей воли о постройке сплошной через всю Сибирь железной дороги». В селе Усть-Ишим была принята депутация Ялуторовска в составе городского головы Потемкина, купца Лагина и мещанина Кичигина. Они поднесли наследнику хлеб-соль на деревянном резном блюде. Наследник милостиво его принял, осчастливили депутатию разговором, приказал благодарить общество и одарил городского голову купца 2-й гильдии Кондратия Дмитриевича Потемкина серебряными часами с золотым вензелем.

Став во главе российского престола, Николай II, возвращаясь из тобольской ссылки, в апреле 1918 году, в составе спецпоезда вместе со своей семьей дважды проедет через станцию Ялуторовск, сначала на восток, до станции Куломзино, что неподалеку от Омска, потом в направлении Екатеринбурга, где и будет расстрелян. Известно также, что на станции Вагай, которая была классом выше, чем станция Ялуторовск, Романовы отобедали, не подозревая, что их ждет впереди.

К 85-летию Ялуторовского музея

Татьяна ОСИНЦЕВА,
кандидат философских наук
(Санкт-Петербург – Прага)

Ялуторовск сквозь призму исторических столиц

Не могу назвать возраст, с которого я помню себя – восприятие времени так же индивидуально, как кулинарные пристрастия или музыкальные вкусы.

Одни люди воспринимают время ассоциативно, словно продвигаются по реке жизни вплавь, и течение времени несет их, не давая вынырнуть и оглядеться. Другие, точно плывут на лодочке, воспринимая время диссоциативно – как нечто, не имеющее к ним прямого отношения, но требующее разумного использования. Вы можете легко установить свой тип восприятия времени, если попытаетесь вспомнить или представить, как вы, скажем, чистили зубы в детском саду или учились завязывать шнурки. Если вы видите эти картинки как в телевизоре, улыбаясь потугам абстрактного малыша – ваше восприятие диссоциативно. Человек с таким типом восприятия времени обычно пунктуален, точен в своих планах и расчетах. Каждому делу отведен свой период на временной прямой, он никогда не схватится за новый проект, не завершив предыдущего, не будет распыляться по мелочам, тратить драгоценный ресурс впустую.

Если ваши пальцы вдруг начали двигаться, будто завязывая шнурок – значит вам присуще ассоциативное восприятие времени. Люди с ассоциативным восприятием времени способны почувствовать то, что им не дано понять. У них есть дар предвидения, но нет возможности предотвратить надвигающееся, так как они не могут планировать и осуществлять задуманное с упорством и методичностью.

Таким людям нелегко. Они способны опоздать на собственную панихиду, никто, и они сами в первую очередь, не знает, где они будут завтра, через месяц, через год... Однако природа не любит крайности. Как правило, в каждом человеке есть черты и того, и другого типа, но всегда есть перевес в ту или иную сторону.

Как люди по-разному воспринимают время, так и город, как культурное пространство, имеет свои взаимоотношения со временем. Каждый город обладает собственным уникальным культурным пространством, в котором закодирована его история, его традиции, устои, правила. Большие города – как огромные эпические повествования, маленькие – как рассказы, но каждый раз возвращалась в Ялуторовск, небольшой сибирский городок с необыкновенно ярко выраженным восприятием времени и от-

четливой знаковой структурой.

Часто мы слышим рассуждения о том, что, мол, Россия – это не мегаполисы, а настоящий русский (не в смысле этнической национальности, но в смысле принадлежности к культуре) характер можно отыскать только в провинции. На мой взгляд, люди, которых я знаю и помню с детства, являются именно такими цельными натуральными, вобранными в себя все наиболее важные стереотипические характеристики русского человека. За долгие годы жизни в больших городах как в России, так и в других странах, я встретила немало очень интересных, образованных, талантливых людей, но таких цельных, самобытных личностей, какими были люди из круга общения моих родителей в городе Ялуторовске мне встретить не довелось. В чем же секрет этого города? Почему от Саввы Мамонтова и до наших дней из этой сибирской глубинки выходят меценаты и министры, ученые и предприниматели, общественные деятели и дипломаты? Почему здесь каждый ощущает особую атмосферу, видит разительное отличие от всех других малых городов Сибири и Урала? Чтобы разобраться с особенностями этого,казалось бы, малоизвестного и весьма удаленного от столиц города, необходимо понять общие принципы семиотического анализа культурной среды.

Если еще век назад счастливые англичане могли с гордостью утверждать, что их дом – их крепость, то в эпоху глобализации границы дома, зачастую, расширяются, как минимум до города, а то и до страны, до части света, континента, планеты... Удивительным образом пространственные рамки перестали как ограничивать, так и защищать мир, который мы относим к понятию «мой». Тогда что? Какие связи и факторы позволяют нам определить свое место в мире? Где грань, переходя которую, ты становишься чужим?

Боюсь, что ответа нет, вернее, нет простого ответа. Эта грань имеет, по-видимому, как минимум, две стороны: одной она обращена в мир внешний, а другой – в мир внутренний. Другими словами, индивидуальная картина мира является одновременно картой, на которой обозначены наши представления о пространстве. Эти представления, в свою очередь, находятся в непосредственной зависимости от индивидуального типа восприятия времени. Таким образом, чтобы решить простой вопрос – где кончается «я» и начинается «моя» среда обитания, и следующий – где граница между «сво-

ей» и «чужой» средой, нам нужно разобраться в одном из главных постулатов философии: «Что есть время, и каковы его отношения с пространством»? Не думаю, что нам это удастся лучше, чем Канту, Бердяеву и Хайдеггеру, однако, вспомнив о типах восприятия, описанных в начале нашего рассказа, можно попытаться разобраться с нашим собственным восприятием этой основополагающей категории бытия.

Вильгельм фон Гумбольдт определял язык как круг, ограничивающий наши возможности восприятия и осознания действительности. Находясь внутри этого круга, невозможно увидеть себя со стороны, а тем более понять мир за пределами круга. Только преодолев притяжение, которое сродни Земному, а значит, требующее не меньших усилий для выхода на орбиту, индивидуальное сознание способно воспринять мир с другим способом кодирования. Не вдаваясь в тонкости психолингвистического анализа, скажу лишь, что грамматика славянских языков в большей степени ассоциативна, а германских - диссоциативна.

Итак, двигаясь от индивидуального, мы подошли к национальным особенностям восприятия времени и их проявлениям в культурном коде того или иного социума. Вне зависимости от нашего желания, волею судеб мы с самого рождения воспринимаем мир сквозь призму национального культурного кода.

В той же мере, в которой мы обречены на языковую среду, мы неизбежно находимся и в пространственной зависимости, территориально обусловленной местом рождения.

Я родилась в городе Ялуторовске, и моя индивидуальная картина мира складывалась вдали от столиц. Культурный код состоит из семиотических знаков, в число которых входит и визуальный ряд, доступный взору ребенка. Сейчас, воспитывая трех детей, я не устаю удивляться широте взглядов и отсутствию локальности восприятия мира, которые были заложены в мое детское сознание маленьким сибирским городом.

Город, как результат семиотического кодирования, несет огромное количество информации исторического, социального и психологического характера. Человек в культурном пространстве города зажат в тиски различных семиотических систем, начиная с языка и заканчивая знаками дорожного движения. На эту симфонию знаков накладывается интенциональная (индивидуально обусловленная жизненным опытом и особенностями образования и мировоззрения) картина мира. В результате мы получаем уникальное прочтение пространственного объекта, как если бы мы читали одну книгу с соседом по купе в поезде дальнего следования и, сравнивая впечатления, удивленно обнаруживали, что каждый вынес из текста совершенно различные сведения, идеи, образы. И чем случайнее попутчик, тем больше эти различия. Проведем еще один эксперимент. Попробуйте вспомнить города, где Вы были счастливы, приезжая в которые, вздыхали с облегчением и ощущали

эмоциональный подъем. А теперь, наоборот, города, где все шло не так, как надо, Вы болели, опаздывали на поезда и самолеты, расставались с любимыми. Запомните список, и в конце нашей беседы попробуйте проанализировать, почему это происходит или происходило именно с Вами. Ведь в каждом из этих городов живут люди, и каждый день неосознанно подвергаются воздействию их семиотического поля. Может быть, секрет в этом, и поле маленького Ялуторовска обладает уникальными качествами?

Для примера возьмем города, принадлежащие разным национальным культурным образованиям. Я выбрала три города - Петербург, Прагу и Берлин, хотя все эти города не являются типичными для своих культур. Если говорить о городе, типическом для славянской, а точнее, русской культуры, это скорее Москва, для англо-саксонской несомненно Лондон, для Германии - это Франкфурт-на-Майне или Кельн, а для Чехии - Брно. Однако наш выбор не случаен. Отмеченные города обладают наиболее развитым знаковым пространством, как архитектурным, так и социально-мифологическим, историческим и, несомненно, психологическим, что отражено и в литературе, и в их внешнем облике. Еще одна особенность выбранных объектов - их особые отношения со временем. Опираясь на наши предыдущие рассуждения, смею утверждать, что для города, как и для индивида, характерен тот или иной тип восприятия времени, а наше приятие или неприятие города во многом зависит от того, насколько эти типы совпадают.

Три выбранных города уникальны именно с этой точки зрения. На наш взгляд, Петербург воспринимает время диссоциативно, входя в противоречие с общим ассоциативным типом русской национальной картины мира и ассоциативностью славянского ядра языкового кода. Берлин же, напротив, ассоциативен до предела, несмотря на явственную тенденцию в немецком культурном коде к последовательному и четкому разделению событий, планомерности действий и ожидаемости результатов. Прага же обладает уникальным смешанным восприятием времени.

Прага индифферентна к культурным кодам, получив прививку от всех европейских культур, исторические катаклизмы которых, как волны прокатывались по пространству города, заполняя его романскими колоннами Клементинума - монастыря сначала Доминиканцев, а затем Иезуитов, готическими башнями собора Святого Вита, построенного для утверждения могущества католической церкви на территории Пражского епископства, барочными дворцами Габсбургов и Люксембургов, Гуситскими памятными домами и, в довершение всего, огромным памятником Иосифу Сталину, на смену которому пришел пражский метроном. При славянских корнях, чешский язык пользуется латиницей, что является само по себе идеологическим знаком. При наличии государства, мы можем говорить об отсутствии уникальной истории, так

как история Праги - это история взаимоотношений более сильных соседей - от Шведов и Русских до Итальянцев и Англичан, не говоря уже об Австрии, Польше, Саксонии, Пруссии... При наличии национального языка, самые выдающиеся литераторы, такие, как Франц Кафка, писали на немецком. Город должен был либо погибнуть, как единое целое, либо научиться ассоциировать знаки разных культурных кодов, внося их в свой язык, переплавляя в уникальное полотно совершенно особого общеевропейского города. Может быть, поэтому Прагу так любят иностранцы. Не туристы, нет! Хотя и таковых здесь более чем достаточно, но иностранцы, которые по разным причинам не сошли с собственной культурной средой и предпочитают воспринимать ее извне. Спросите у знакомых и друзей, я уверена, вряд ли найдется человек, которому Прага активно не понравилась, хотя я допускаю, что кого-то ее красоты могли оставить равнодушным. Это следствие нейтралитета, который Прага и Время заключили в обмен на утрату национальной идентичности. Есть и материальные знаки в семиотике города, подтверждающие нашу концепцию. Посмотрим на городские часы. В Праге много часов, но знаковыми, на наш взгляд являются Орлой - часы на Староместской ратуше и часы на Староновой синагоге в Йозефовом городе. Оба эти предмета давно утратили свою базовую функцию отсчета времени, и превратились в символы. Орлой, с его фигурами Апостолов в окошечках, кинематографическим скелетом и живым горнистом, стал кукольным театром, оптимистично провозглашающим несущественность происходящих событий. Кто из тысяч туристов, снимающих на камеры движение костлявой конечности Смерти, задумался о вечном или о сиюминутном, или, хотя бы, сверил часы? Я пробовала спрашивать у людей в толпе, который час - все смотрели на наручные часы или телефон, и ни один - на башню! Можно только позавидовать городу, не замечающему время. Однако оно идет, но куда? И это еще один вопрос, на который Прага предпочитает не искать ответа. Праге все равно. Она устала. Она не собирается встраивать Вас в свою структуру, и люди, живущие здесь, воспринимают, зачастую, город, как приятную декорацию к собственной жизни.

Попробуем разобраться с еще одним городом, не раз охарактеризованным как призрак и декорация в литературе и поэзии. Вы правы, речь о Петербурге. Город, построенный в соответствии с картиной мира одного человека и превратившийся в город одной семьи, национальную принадлежность которой трудно идентифицировать, обречен на сложные взаимоотношения с временем. Одно очевидно - соразмерность, чистота линий, планомерность застройки и единство концепции - все свидетельствует о диссоциативном восприятии времени коллективным бессознательным города. Или напротив? О сознательном насаждении чуждой концепции и формата восприятия? Я склон-

няюсь ко второму мнению. Время безжалостно, и оно жестоко мстит за недолгие периоды побед. 300 лет Дома Романовых оказались пределом терпения Времени, и город, как единое целое, перестал существовать. Сегодня можно найти останки Петербурга, хорошо сохранившиеся ветви Ленинграда и всеобъемлющий Питер на пространстве одного города. Что же здесь происходит с часами? Какие часы Вы назовете, как знаковые, знаменитые, по каким часам живет город? Весьма поверхностное исследование показывает, что главным часовым механизмом города является пушка. Это грустный символ. Другие часы - на Адмиралтействе - знамениты лишь своим «адмиралтейским полднем», временем, когда за час до реального полдня заканчивалось заседание коллегии, и Петр отправлялся пропустить первый стаканчик водки. Часы на Думской улице сугубо функциональны, так же как и ординарные часы в скверах и на фасадах зданий. Но что удивительно, пробовали ли Вы проверить, насколько точны их показания? Каждый день, шагая по Фонтанке, я замечала время на часах на углу с улицей Ломоносова, возле здания ЦБ России, а затем, переходя через мост, сравнивала с временем на часах на углу площади Ломоносова и улицы Росси. Время не совпало ни разу! А мои любимые петербургские часы - «Часы -павлин», которые хранятся в Эрмитаже, работают лишь по большим праздникам.

Таким образом, просматривается весьма печальная концепция времени в северной столице, и без того переполненной знаками, мифами и символами. Во-первых, у каждого здесь свое время. Во-вторых, что бы ты не делал, мыслями ты устремлен назад - к «адмиралтейскому полдню», как желаемой черте, за которой отдых и свобода. А главное, к черте, предшествующей полуденному выстрелу пушки. Город словно застыл в этом часе, между воображаемым временем и страшной реальностью. И третья - элитарность времени: оно не для улицы, оно хранится в изящных часиках работы знаменитых ювелиров и сообщает правду лишь избранным. Избранные давно сметены гегемоном, «Часы-павлин» остановлены, а пушка все бьет и бьет по городу, возвещая победу Времени над произволом человека.

Это грустная история, но, не осознав причин и истоков проблемы, не отыскать решения. Так учил еще один немец в душе и австриец в пространстве - Зигмунд Фрейд. Теперь обратимся к последнему городу в списке - Берлину.

Берлин - город будущего, город, в котором ощущаешь ход истории здесь и сейчас. Город, никогда разъединенный материальным железным занавесом, хранящий артефакты самой трагической истории в этимологии города. Даже блокада Ленинграда была общей бедой единого организма. Разделив Берлин стеной, История словно проводила эксперимент, как ребенок с ящерицей и хвостом. Представьте человека, разрезанного пополам, выживут ли его разобщенные части? Нет, он обречен. Но Берлину

удалось выжить. Если Вы поедете в Берлин немедленно, у Вас есть уникальная возможность физически ощутить движение времени по пространству города вместе с новыми постройками Сантьяго Колотравы и реставрационными работами по восстановлению зданий ушедшей эпохи прусского имперского стиля. Здесь же – то, чего нет ни в одном западноевропейском городе – здания с советской символикой в стиле сталинского ренессанса. Их не сносят. Берлин больше не боится прошлого. Он сказал себе, вняв советам великой немецкой школы философии: «Время вечно, мы преходящи, но мы будем в рамках отпущенного нам времени делать все, чтобы исправить собственные ошибки и не допускать новых на вверенном нам пространстве». Что же здесь с часами? Есть часы на ратуше, как же без них, есть многочисленные часы на улицах (время везде совпадает), и, наконец, часы мира на Унтер-ден-Линден, рядом с Александрплац, которые показывают время в любой точке мира. Можно ходить по кругу, будто описывать витки по орбите Земли, наблюдая за сменой дня и ночи в разных часовых поясах. Берлину есть дело до всех и до каждого. Он огромен, полон музеев, лесопарков, исторических зданий и новостроек. И через весь этот мощный организм, как аппарат Елизарова вдоль большой конечности, протянуты останки Берлинской стены, которая является, на мой взгляд, главным энергетическим и идеологическим символом современного Берлина и Германии в целом.

А теперь попробуйте разобраться в Ваших ощущениях. Помните наш эксперимент с воспоминаниями о городах? Попробуйте установить, насколько ассоциативны или диссоциативны знакомые Вам города и совпадает ли Ваше восприятие времени с типическим восприятием времени городом, как единым культурным организмом? Там, где совпадает – вам легко и приятно, там, где входит в противоречие – возникает необъяснимое ощущение дискомфорта.

Что же происходит в городе Ялуторовске? Почему в нашем анализе он вдруг выстроился в один ряд с мировыми столицами? Если Вам не довелось там побывать – бросайте все и немедленно отправляйтесь в путь! Не забудьте взять с собой Пушкина, Гоголя, Толстого и Тургенева, если тяжело, то хотя бы двух первых. Только берите простые бумажные издания, оставьте все эти глупости вроде айпадов и электронных книг как можно дальше, не оскверняйте этот последний заповедник застывшего, кристально прошлого времени несовершенными и недолговечными игрушками.

Здесь нужно сидеть на веранде с книгой и смотреть широко закрытыми глазами на солнце. Тогда на розоватом фоне век постепенно проступают силуэты знакомых персонажей. В фиолетово-оранжевых пятнах угадываются профиль Николая Васильевича, окладистая борода Льва Николаевича и знаменитая шевелюра Александра Сергеевича. Эфир сгущается, и вы уплываете по неназойливой и длинной, как

жизнь, речке Тобол, под пение птиц и шелест кленов.

И так было всегда, сколько я помню себя и этот город. Каждое лето в почти столичную областную Тюмень приезжал теплоход «Тобол», привозя, среди многочисленных туристов, участников Дней советской культуры в Тюменской области. Обладая ассоциативным типом восприятия, я будто ныряю в реку времени, переживая все события заново. У меня в руках книга «Робинзон Крузо» 1972 года издания, исписанная автографами знаменитых советских писателей, большая часть которых уже не известна сегодняшнему читателю. Однако есть и великие имена – Юлия Друнина, Вадим Шеффнер и другие. Приезжали не только писатели, но и артисты, космонавты, художники. Мне очень повезло. Мой отец, в те времена директор Ялуторовского мемориального музея Памяти декабристов, обладал уникальной способностью – он притягивал интересных людей, причем абсолютно разных. К примеру, мы сидим на веранде, густо занавешенной цветущими вьюнами, вдыхаем запах расположенной вне зоны видимости железной дороги, густой аромат раздухарившегося к вечеру любимого отцом душистого табака и рассуждаем о чем-то бессмысленном под аккомпанемент неутомимых комаров и стук колес убегающих в безграничное пространство поездов. И тут на веранде возникает Рина Зеленая, как будто перешагнувшая порог нашего дома по дороге из студии. С абсолютно узнаваемой интонацией она произносит: «Боже мой! Какие чудные дети...» и удаляется в свой мир, оставив ощущение обыденной взаимосвязи того, что происходит здесь, в Ялуторовске и где-то там – Москве, Ленинграде или еще дальше. Тут же возникают и пропадают множество других узнаваемых икон эпохи – от собственного корреспондента газеты «Правда», вспух обсуждающего недееспособность власти, до космонавта Гречко, самим своим существованием доказывающего великие достижения той же самой власти. От министра мясомолочной промышленности Антонова, к которому все склоняются, будто их ветром прибило, до нашего соседа, контуженного и хромого сапожника «Миши – чистим-блестим», от которого отчаянно разит перегаром и потом. Все они к месту на этой летней веранде, в нашем доме, в Ялуторовске...

А еще с тех лет в самом глубоком ящике хранится ощущение безопасности и устойчивости бытия, которое в нашем зыбком мире помогает удерживаться на плаву. Есть детская уверенность в том, что рядом умные, взрослые, надежные люди, «Богатыри, не вы». Ялуторовская гвардия директоров-хозяйственников Отечкин, Чубенко, Бабенко, Филиппов, – рост не менее 176, косая сажень, уверенность в себе и некоторая авторитарность, основанные на ответственности которую они ощущали за этот город, за эту страну, за тех людей, которые здесь жили и работали. Поколение сменилось, но для многих в городе Ялуторовске и для меня лично эти люди остались олицетворением надежности и

преданности своему делу.

Приехав в Петербург, я долго надеялась найти те самые идеальные геометрические пропорции, идеально прямые улицы, из одного конца которых виден другой конец... Но, увы, Питер размазал это Петербуржское ощущение, сократив его пространственно до небольшого квадрата Васильевского острова. А в Ялуторовске все по-прежнему – встав в начало улицы Ленина, можно разглядеть ее конец. Отсюда незабываемое ощущение стройности, пропорциональности и выверенности пространства и мира в целом.

Ну и, конечно, музей. Музеев я видела много. Есть совершенно удивительные интерактивные экспозиции в Смитсониевских музеях Вашингтона, есть поражающие техническим совершенством музеи Берлина, частные музеи корпоративной славы, как, например, музей Мерседес-Бенц в Унтертурхайме, пригороде Штутгарта, гламурные дворцы Петербурга, сосредоточенные на своих достижениях музеи Москвы... Поскольку я выросла в музее, здесь, на историческом секретере готовила уроки и спала на диване 19 века по вечерам, если мама-учительница была на собрании, а отец работал, вполне объясним мой интерес к разнообразным музеям во всех городах, где бы я ни бывала. В наш век технологий продаж и маркетинговых стратегий отчетливо ощущаешь, как мало подлинного осталось даже в хранилищах истории – как правило, каждый музей продает некую полувымышенную историю, современный ремейк.

А в Ялуторовске история настоящая. Настоящий дом настоящего человека, Матвея Ивановича Муравьева-Апостола, прожившего в этом доме двадцать лет своей единственной драгоценной жизни, настоящее письмо в таинственной бутылке под печкой, отправленное в плавание не в пространство, но во время...

И вот здесь, мне кажется, в той самой бутылке и запаян волшебный ключик к загадке городка Ялуторовск. Этот город живет не в пространстве. Он с легкостью мог бы существовать в любой точке земного шара, он существует во времени. Таких уникальных городов мало, я могу вспомнить немецкий Баден-Баден, американский Вильямсбург и английский Стрэдфорд на Эйвоне. Эти города, как таинственные бутылки в океане времени, несут послание о той эпохе, которая в их развитии оказалась ключевой. Попадя в Вильямсбург, ты словно переносишься во времена войны за независимость и готовишься присоединиться к ополчению, выступающему в помощь Томасу Джейферсону.

В Баден-Бадене ощущаешь запах духов Марлен Дитрих, сlyшишь скрип инвалидной коляски так не вовремя воскресшей «бабушки», «грозной и богатой [...] помещицы и московской барыни», в кресле, с парализованными ногами, с повелительно-грубоватыми манерами из знаменитого романа Достоевского. А в Ялуторовске живет девятнадцатый век. Это его

вотчина, где, как некогда в Царском Селе, собирались друзья Пушкина, чтобы обсудить таинственную кончину Александра второго, недавно закончившуюся войну 1812 года, и, конечно, восстание...

Так как же с восприятием времени – ассоциативен этот странный город или диссоциативен, плывет ли он по волнам времени или взирает на него с высоты крутого берега Тобола? И что же есть в его культурном коде такого необыкновенного, что делает его обитателей особыми?

Я выделила следующее:

- 1.Отсутствие локальности в восприятии пространства;
- 2.Отсутствие типичности в восприятии времени;
- 3.Пропорциональность и соразмерность пространственной структуры города;
- 4.Ощущение безопасности и стабильности;
- 5.Ответственность перед временем и людьми;
- 6.Аутентичность и включенность в исторический процесс.

Проще говоря, Ялуторовск, в отличие от больших городов, описанных выше, может позволить себе роскошь не замечать времени, не мешая его волнам омывать крутые бока бутылки, в которой законсервированы наиболее дорогие сердцу города моменты. Я надеюсь, что одним из таких важных для истории Ялуторовска событий было возвращение моего отца Николая Васильевича Зубарева на родину после двадцати семи лет службы в Армии, в том числе в Берлине и Праге. Мне хочется верить, что его увлеченная работа по развитию мемориального музея Памяти декабристов каким-то образом сделала ближе Петербург и Ялуторовск, преодолев пространство и укротив время.

Итак, мы вернулись к проблемам взаимоотношений пространства и времени. Они сложны, но человек еще более сложная субстанция. Это густок интеллектуальной и психической энергии, барахтающийся в тенетах Времени в непостижимом пространстве Вселенной. Хотелось бы надеяться, что наша небольшая статья поможет кому-нибудь (по крайней мере, для автора работы над ней оказалась несомненно полезной) в поисках ответа на вопрос о собственной идентификации и осознания себя в Пространстве и Времени.

Татьяна БУРЛАКОВА,
заведующая краеведческим музеем
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

И ожили лица в портретах...

В далекие 1920-е годы, на заре новой жизни, вновь всколыхнулось внимание к изучению истории края. Первые музеи возникли благодаря краеведам-любителям, среди которых были не только учителя, библиотекари, но и агрономы, врачи, бывшие военные. Сколько усилий пришлось им приложить, чтобы создать музеи, заставить людей забыть о голоде, разрухе, неустроенности нового быта и окунуться в новый неизвестный мир, мир истории и древностей.

Так было и в Ялуторовске. Немало пришлось испытать инициаторам и организаторам первого в городе краеведческого музея: М.Д. Чукавиной, председателю районного методического бюро, А.Ф. Зубаревой, заведующей районной библиотекой и др. Тогда они не догадывались, какие ждут их впереди открытия и находки. Чего стоит письмо декабриста М.И. МуравьеваАпостола, пролежавшее в бутылке с 1849 по 1935 гг.

За это время в фондах музея сформировалась большая и значимая коллекция фотографий. На одной из них мы видим пожилого человека с седыми волосами, бородкой клинышком. Морщинистый лоб, умные добрые глаза из-под очков свидетельствуют о нелегких испытаниях, выпавших на долю И. Ю. Озолина. Дипломированный агроном, он стоял у истоков создания музея в Ялуторовске. Именно Ивану Юрьевичу выпало счастье найти письмо декабриста М.И. МуравьеваАпостола, которое сегодня является особо уникальным экспонатом Ялуторовского музеяного комплекса. Приобщившись к музею, он уже не смог существовать вне его. Для И.Ю. Озолина, человека преклонных лет, было делом чести восстановить музей после того, как эвакуированные освободили помещение, в котором жили во время войны. И хотя экспозиции были сломаны, экспонаты частично утрачены, Ивану Юрьевичу удалось вновь открыть музей. Уже в 1946 году музей принял свыше 2000 посетителей. В память об И.Ю. Озолине на фасаде Краеведческого музея находится мемориальная доска, одна из улиц города Ялуторовска носит его имя. Музей стал организатором ежегодного конкурса краеведов памяти Озолина. 24 мая 1995 года решением городской Думы посмертно Иван Юрьевич был удостоен звания почетного гражданина города.

Руководитель художественной школы О.А. Шарапова, которая начинала свою трудовую деятельность в музее, вдохновившись образом И.Ю. Озолина, решила написать его портрет.

В фондах Ялуторовского музеяного комплекса хранится немало интересных и ценных экспонатов. Среди них портреты Н.В. Зубарева и И.С. Терентьева, людей, которые в свое время сделали очень много для развития и популяризации музея.

Немало забот выпало на долю И.С. Терентьева (директор музея с 1947 года). Сотрудничество с учеными, проводящими археологические раскопки на территории района, поиски места захоронения декабриста А.В. Ентайцева, перенос дома, где жил декабрист И.Д. Якушкин. Необычайной популярностью музей в те годы обязан именно исследовательской и просветительской деятельности Ивана Степановича. Директор и научный сотрудник в одном лице, он успевал повсюду: написать статью о декабристах в журнал «Костер» и объездить район с целью выявления памятников, захоронений периода Гражданской войны. Его брошюрой «Памятники и памятные места г. Ялуторовска» до сих пор пользуются краеведы-исследователи. И хотя впоследствии И.С. Терентьев возглавлял Тюменскую картинную галерею (будущий музей изобразительных искусств), связи с Ялуторовском он не терял. Сумел, даже выйдя на пенсию, быть полезным родному музею. Сегодня в фондах музея хранятся интереснейшие документы о Ялуторовске, которые И.С. Терентьев обнаружил в областном архиве.

Находясь на посту директора музея, И.С. Терентьев часто общался с тюменскими художниками. Судьба свела его с В.С. Шиловым. Виталий Серафимович, уроженец города Кузнецка Пензенской области, учился в Казанском художественном училище у Э.Г. Липкинда, Б.И. Майорова, В.И. Куделькина, Р.А. Тухватуллина. Окончил монументальную мастерскую Е.П. Егорова в Харьковском художественно-промышленном институте. Член Союза художников СССР с 1973 года. Монументалист, живописец, автор тематических композиций, портретист. Участник областных, зональных, республиканских, всесоюзных, международных выставок. Его произведения находятся в ТМИИ, ТГИАМЗ, частных собраниях России, США. В 2000 году В.С. Шилов написал портрет к 80-летию Ивана Степановича. Работа небольшая, написана маслом на холсте. Пожилой мужчина с усами, седые волосы зачесаны назад – таким и запомнился нам, сотрудникам музея, И.С. Терентьев. В 2009 году его сын, Игорь Иванович, подарил портрет в фонды нашего музея.

Многие посетители и гости нашего города до сих пор вспоминают экскурсии, которые проводил директор музея Н.В. Зубарев (с 1960 года). Николай Васильевич умел так завладеть вниманием слушателей, что они забывали о времени, находясь в пленау занимательного рассказа о декабристах. Именно Н.В. Зубарев, несмотря на большой поток экскурсантов (в год принимали до 20 тысяч посетителей) и заботы администратора, сумел подготовить и издать первую книгу о городе Ялуторовске, которая увидела свет в 1972 году.

Н.В. Зубарев был человеком колоритным: высокий, стройный, темноволосый с пронзительным взглядом. Неслучайно этот образ вдохновил тюменского художника Виктора Петровича Овчарова, который решил написать портрет Николая Васильевича. Было это в 1985 году в Тюмени. Виктор Овчаров уже был достаточно известным художником. Окончив Казахское государственное художественное училище в Алма-Ате и институт им. И.Е. Репина в Ленинграде, он влился в ряды тюменских художников. Член Союза художников СССР с 1951 года. Живописец. Жанрист, автор тематических композиций, пейзажей, портретов. Преподавал в Тюменском училище искусств на живописном отделении. Участник областных, зональных, республиканских, всесоюзных выставок. Произведения В. Овчарова находятся в ТМИИ, ТОКМ, ТГИАМЗ, Красноярском художественном музее им. В.И. Сурикова, Пермской государственной картинной галерее, Казахстанской художественной галерее, Новокузнецком город-

ском музее советского изобразительного искусства, в частных собраниях России, Канады, Англии, США, Италии, Франции, Германии, Японии, Китая.

Портрет написан маслом на холсте. Перед нами Н.В. Зубарев в интерьере музеиной экспозиции, посвященной декабристам. В правой руке он держит указку, облокотившись на тумбу с бюстом. После смерти художника портрет Н.В. Зубарева, ветерана Великой Отечественной войны, директора музея Памяти декабристов, почетного гражданина г. Ялуторовска был приобретен у его вдовы, благодаря директору Ялуторовского филиала Запсибкомбанка С.Е. Паутову.

... Три притягательных образа. Три светлых личности. Три подвижника на поприще культуры. Их лики навечно запечатлены на портретах, написанных разными художниками. Эти портреты помогают нам понять историю становления музея в Ялуторовске и определить роль конкретной личности в организации музеиного дела.

Лики эпохи

Раиса КИРЕЕВА,

доктор исторических наук,

старший научный сотрудник

Института российской истории РАН,

член Московского общества «Наследие декабристов»

Одна из самых скорбных судеб жён декабристов

Из одиннадцати женщин, кто во имя любви и долга выдержали все испытания и разделили тяготы жизни на каторге и в ссылке со своими мужьями декабристами, и кого стали называть декабристками, меньше всех написано об Александре Васильевне Ентальцевой, урожденной Лисовской (1790-24.VII.1858). И это не случайно, так как достоверных сведений о ней мало. Сама Александра Васильевна мемуаров не оставила, и неизвестна судьба ее писем – хочется надеяться, что они все-таки сохранились в архивах адресатов и будет возможность их изучать.

К сожалению, нет каких-либо сведений о Лисовских – родителях Александры Васильевны: кем были эти люди, какая атмосфера царила в их доме, каков был состав семьи, как прошли ранние годы жизни дочери и т.д.

Поэтому в литературе встречаются противоречивые и ошибочные данные, в чем отчасти повинна и сама А.В. Ентальцева. Видимо, ей было тяжело говорить о своих родных, и она предпочитала молчать или даже сказать неправду о них. Признаюсь, что я неожиданно для себя пришла к этому заключению. Сделаю небольшое пояснение.

Существует версия, что Александра Васильевна с детства осталась круглой сиротой. Но это оказалось не так. Приступая к написанию

данной статьи, я просматривала декабристскую литературу, главным образом, письма и воспоминания декабристов и их жен, чтобы получить свидетельства людей, лично знавших А.В. Ентальцеву. Фраза в письме В.И.Штейнгеля к И.И.Пущину от 19 мая 1855 г. насторожила меня: «За Александру Васильевну порадовался, услыхав от Ольги Васильевны о письме ее сестры». В комментарии сказано: Лисовская Ольга Васильевна (1808-1861). Таким образом, если Ольга Васильевна родилась в 1808 г., то это значит, в тот год родители сестер были живы, а Александре Васильевне было тогда 18 лет, значит, она не была с детства круглой сиротой! Важно отметить в письме Штейнгеля слова «о письме ее сестры» - следовательно, сестры переписывались. И еще – Владимир Иванович написал, что он «услыхал от Ольги Васильевны...», то есть они виделись и говорили друг с другом, значит, они находились в одном и том же месте – Тобольске, где в 1855 г. проживал Владимир Иванович.

Интересно и письмо И.И. Пущина, в котором он писал, что А.В. Ентальцева говорила ему, «что никаких родных не имеет, хотя я знаю, что у нее есть сестра и замужняя дочь. Она и мне никогда об этом не говорит. Тут какая-то семейная тайна». Конечно же, гнетущая домашняя обстановка наложила отпечаток на формирова-

ние сложного характера Александры Васильевны. Близко знавшая ее княгиня Мария Николаевна Волконская называла Ентальцеву прекрасной женщиной, которая «была умна, прочла все, что было написано на русском языке, и ее разговор был приятен». И жившие рядом с нею в Ялуторовске (место поселения Ентальцевых), отмечали, что Александра Васильевна манерами и умением просто и со вкусом одеваться считалась образцом в Ялуторовском женском обществе, и что девушки пользовались ее добрыми советами. «Это была живая, умная, весьма начитанная женщина, как видно много потрудившаяся над своим самообразованием, и женщина самостоятельного характера, иногда довольно резкая в обращении и речах». Некоторые находили склад ее ума мужским.

В молодости Александра Васильевна была хороша собой. Она рано, но крайне не удачно, вышла замуж и имела дочь, больше детей у нее не было. Но муж оказался игроком. Он «расчитывал обирать молодежь с помощью юной, хорошенькой жены, однако он ошибся. Александра Васильевна не вынесла нравственной муки и сбежала от мужа». Но при разводе бывший муж отобрал у нее дочь и передал девочку родственникам, которые воспитали ее в неприязни к матери. Молодой женщине пришлось долго бедствовать, пока она не встретилась с Андреем Васильевичем Ентальцевым, за которого вышла замуж. Эти сведения записала, видимо, со слов Александры Васильевны воспитанница Матвея Ивановича Муравьева-Апостола Гутинька (Августа Павловна) Созонович.

Ентальцев Андрей Васильевич (1788-1845), подполковник, командир 27-й конногардиллерийской роты. Участник Отечественной войны 1812 г. Член Союза благоденствия, потом был принят П.И.Пестелем в члены Южного общества. В своих «Записках» С.Г.Волконский в перечне замечательных лиц, с которыми он вошел в тесную связь, упоминал А.В. Ентальцева наряду с А.П.Юшневским, М.А.Фонвизиным, В.Л.Давыдовым, В.Н.Лихаревым и другими. После ареста П.И.Пестеля Ентальцев приезжал к Волконскому в имение Болтышку, куда Сергей Григорьевич привез беременную жену к ее родителям. Андрей Васильевич должен был выяснить, как Волконский отнесется к возникшей идеи освобождения Пестеля и к открытому выступлению.

Приказ об аресте А.В. Ентальцева был подписан 30 декабря 1825 г. Из Тульчина его доставили в Петербург на главную гауптвахту 6 января 1826 г., 20 января он был переведен в Петропавловскую крепость. А.В.Ентальцев обвинялся «в знании об умысле на цареубийство, в принадлежности к тайному обществу с знанием цели и в знании о приготовлениях к мятежу». Осужден по VII разряду, приговорен в каторжную работу на два года, срок сокращен до одного года. 7 февраля 1827 г. его отправили из Петропавловской крепости в Сибирь, 4 апреля доставили в Читинский острог.

Александра Васильевна Ентальцева без ко-

лебаний решилась последовать за мужем, однако у нее не хватало средств на дальнюю поездку в Сибирь. На выручку пришла Елизавета Петровна Нарышкина, предложившая ей ехать вместе. В мае 1827 г. попутчицы отправились в путь. Ехали они в разных экипажах. Елизавета Петровна Нарышкина в карете, сделанной по последнему слову тогдашней техники, Александра Васильевна Ентальцева – в обозе с кладью Елизаветы Петровны. Однако коляска Александры Васильевны не выдерживала российских дорог и требовала починки почти в каждом губернском городе. Это, конечно же, замедляло путь и раздражало Нарышкину. «Опять я задерживаюсь в этом городе на два дня из-за мадам Ентальцевой, - писала матери из Томска Елизавета Петровна, - без нее я бы уже близко к концу моего путешествия. В настоящий момент ее горничная больна, и врач требует остановки на несколько дней. Я прошу мадам Ентальцеву сжалиться надо мной и разрешить мне продолжать путь одной. Пока она неумолима; я жду визита врача, который решит мою судьбу: если он потребует еще одну ночь, я соглашусь в последний раз, затем я сброшу иго». Александра Васильевна находилась в труднейшем положении: она не могла в одиночестве продолжать трудный путь, а средств на покупку новой кареты у нее не было. «Опять у меня были препятствия по дороге из-за кареты М-т Ентальцевой, которая меня задержала в Красноярске больше суток, - сообщала матери Нарышкина, - уверяю Вас, что мое терпение истомилось, я больше не могу». Но еще больше страдала Александра Васильевна. Бедная женщина, в конце концов, уже проехав в Нижнеудинск, бросила старую карету и пересела на простую безрессорную деревенскую телегу, беспощадно трясущую сверх терпеливой путницу. Но и телега тоже ломалась на каждом перегоне. Были и другие, независимые от повозок Ентальцевой, причины задержек в пути – починок требовали все экипажи обоза, в том числе карета самой Нарышкиной. Бывали и иные обстоятельства. Главное же препятствие ожидало их в Иркутске в лице губернатора Цейдлера, коего предупредили о предстоящем приезде в город двух жен декабристов, Нарышкиной и Ентальцевой, для следования за мужьями. Предписывалось употребить всевозможные меры от ласкового тона до самого резкого, «не скучаясь на самые черные краски», чтобы убедить двух слабых женщин отказаться от их намерения и вернуться обратно в Россию. Однако «слабые» дамы проявили стойкость и с честью выдержали испытания, как все жены декабристов, последовавшие и до и после них к местам заточения мужей. Все они подписали унизительные правила, «согласясь» тем самым на положение жен ссыльнокаторжных.

4 августа 1827 г. Елизавета Петровна Нарышкина и Александра Васильевна достигли Читы. Тогда в этом забайкальском поселении из жен декабристов находилась одна Александра Григорьевна Муравьева. Она, увидав у

острого карету, сразу прибежала туда и увела к себе Елизавету Петровну. «Мадам Муравьева очень желала приютить меня у себя, — писала 12 августа Нарышкина родным. — Мы с ней разместились в одной комнате, где с трудом можем разминуться. Но найти в Чите кров сразу большая удача». Александрина, наверняка, не могла представить, что где-то там, среди подвод в простой телеге приехала еще одна сестра по несчастью. Так или иначе, но осталось неизвестным, где и как ютилась Ентальцева до приезда Е.И.Трубецкой и М.Н.Волконской, которые выехали из Благодатска 11 сентября. Мария Nikolaevna вспоминала: «Мне нужно было искать себе помещение. Нарышкина уже жила с Александриною. Я пригласила к себе Ентальцеву и, втроем с Каташой, мы заняли одну комнату в доме дьякона; она была разделена перегородкой, и Ентальцева взяла меньшую половину для себя одной. . . . Она была предана душой и сердцем своему угрюому мужу, бывшему подполковнику артиллерии». В

письме к матери от 26 сентября 1827 г. Мария Nikolaevna сообщала: «Г-жа Ентальцева передала мне игрушки, которые послал мой бедный мальчик, произнося мое имя и имя отца; я была очень тронута таким вниманием этой превосходной женщины. Мы живем вместе, она — моя экономка и учит меня бережливости». Мне кажется возможным предположить, что Александра Васильевна Ентальцева и Мария Nikolaevna Волконская были знакомы до Сибири. Быть может, они узнали друг друга у стен Петропавловской крепости, где содержались их мужья. А может быть, еще раньше, в имении Раевских Болтышки, куда приезжал Андрей Васильевич Ентальцев для встречи с С.Г.Волконским...

М.Н.Волконская в своих «Записках» рассказала о важном случае из жизни женщин на каторге. Декабристам стало известно, что через Читу с партией уголовных каторжников проведут трех бывших офицеров Черниговского полка (И.И.Сухинова, В.И.Соловьева, А.И.Мозалевского). Полтора года они шли пешком в цепях из Киева в Сибирь, в Зерентуйский рудник Нерчинского горного округа. «Муж велел мне, — пишет Мария Nikolaevna, — к ним пойти, оказать помощь, постараться успокоить Сухинова, который был очень возбужден, и внушил ему терпение. . . . Я разбудила Каташу и Ентальцеву на заре, и мы отправились, конечно, пешком, в страшный холод, сделав большой крюк, чтобы избежать часовых. . . . Было еще темно, когда три дамы приблизились к ограде, у которой их уже ожидали. Встреча вышла тяжелой: «Сухинов был в таком возбужденном со-

стоянии, что и слушать нас не хотел». Наконец, встревоженные, опечаленные женщины вернулись. К счастью, их отсутствие осталось никем незамеченным.

В Чите Ентальцевы пробыли вместе со всеми декабристами недолго, так как по истечении годичного срока каторжных работ Андрей Васильевич был направлен на поселение в город Березов. В апреле 1828 г. супруги покинули Читинский острог. М.Н.Волконская сожалела: «Я должна была расстаться с бедной Ентальцевой, которая уехала в Березов, маленький и самый северный город Тобольской губернии».

Ранний отъезд Ентальцевых из Читы имел и неожиданные последствия не только для них, но и для тех, кому дороги и интересны дела, и личные судьбы, и подлинные лица декабристов и их верных жен. Большинство этих лиц было запечатлено для истории замечательным, разносторонне одаренным человеком, в прошлом блестящим и храбрым морским офицером, декабристом Николаем Александровичем Бестужевым (1791-1855). Николай Александрович приступил в Читинском остроге к осуществлению своего замысла, несмотря на то, что он сам был закованым в кандалы узником. А вес кандалов составлял 21 кг (ручные кандалы весили 9 кг, ножные — 12). В первую очередь Бестужев начал писать портреты с тех декабристов, срок пребывания которых на каторге истекал в начале апреля 1828 г. Таких осужденных было 11 человек, и среди них Андрей Васильевич Ентальцев. Вопреки многим препятствиям Н.А.Бестужеву удалось создать портретную галерею соузников и их жен. Но в ней отсутствует портрет Александры Васильевны Ентальцевой. Размышая над тем, почему среди рисунков Николая Александровича нет ее портрета, крупнейший знаток творчества Николая Бестужева И.С.Зильберштейн писал: «Портрет А.В. Ентальцевой Бестужев вряд ли успел выполнить: она уехала вместе с мужем в апреле 1828 года на поселение в Березов, а писать портреты жен декабристов до сентября 1828 года, то есть до снятия оков и облегчения тюремного режима, для него было весьма затруднительно».

Не удивительно, что в печатной литературе, в альбомах, буклетеах, открытках, посвященных женам декабристов, никогда не воспроизведились изображения А.В.Ентальцевой (за исключением работ М.С.Знаменского «И.И.Пущин среди декабристов в Ялуторовске. Комната в доме И.И.Пущина» и «Вечер у М.И.Муравьева-Апостола», где Александра Васильевна изображена в старости). Вместе с тем в воспоми-

**Александра Васильевна
Ентальцева.**

С акварели А.М.Галеркина.

наниях А.П.Созонович упоминается о портрете А.В.Ентальцевой, который она видела собственными глазами. Вот ее текст: «В молодости, говорят, она /А.В.Ентальцева – Р.К./ славилась красотой, о чем свидетельствовал миниатюрный портрет на кости, доставшийся после ее кончины единственной дочери от несчастного брака...». Следовательно, портрет А.В. Ентальцевой существовал. То, что он был миниатюрным и проделал путь из Петербурга в Сибирь и обратно в Москву, дает основание предположить, что он был выполнен в 1826 г. специально для того, чтобы быть переданным в крепость заключенному мужу (так поступали почти все жены декабристов). Хочется думать, что подлинный миниатюрный портрет Александры Васильевны Ентальцевой будет со временем обнаружен и обнародован.

К счастью, сибирские художники XXI века не стали мириться с отсутствием портрета А.В.Ентальцевой. Недавно художник А.М.Галеркин написал «всемирно-известный» портрет молодой Александры Васильевны в духе времени двадцатых годов XIX в., он экспонируется теперь в Читинском музее декабристов. В декабре 2008 г. в Иркутском музее декабристов прошла презентация работы художника Олега Беседина, который на основе небольшой акварели «И.И.Пущин среди декабристов в Ялуторовске», где изображена в рост входящая в комнату А.В.Ентальцева, провел научную реконструкцию и воссоздал облик Александры Васильевны. Этот портрет выставлен в Иркутском доме Волконских и нашел свое место в Ялуторовском доме Матвея Ивановича Муравьева-Апостола.

Первые два года на поселении в Березове оказались для Ентальцевых гораздо хуже, чем читинская тюрьма. Чрезвычайно суровый климат, бесконечные длинные, холодные ночи и слишком короткие ясные дни действовали угнетающе. Андрей Васильевич скучал, вспоминал свою конную батарею и утраченную карьеру. Его родная сестра Екатерина Васильевна Сикстель, у которой была своя большая семья, не забывала брата. С благодарностью, пониманием и нежностью относилась она и к Александре Васильевне. Женщины писали друг другу письма, и их переписка продолжалась и после ухода из жизни Андрея Васильевича. Большим горем для Александры Васильевны стала весть о смерти Екатерины Васильевны, которая «одна была у нее в мире и которая необыкновенно была к ней добра и внимательна», свидетельствовал Пущин.

По мере возможности Екатерина Васильевна присыпала брату деньги, необходимые вещи

и добилась его перевода в значительно южнее расположенный городок Ялуторовск (2 ноября 1829 г.), однако Ентальцевы вынуждены были задержаться в Березове до вскрытия рек и для продажи построенного ими там дома. Путь в Ялуторовск лежал через губернский город Тобольск. Андрей Васильевич решил воспользоваться этим обстоятельством, чтобы подать ходатайство о дозволении ему вступить рядовым в Кавказский корпус. Ходатайство Ентальцева было высочайше отклонено.

Летом 1830 г. супруги приехали в Ялуторовск, куда первым из декабристов прибыл в мае 1829 г. В.К.Тизенгаузен и прожил там 24 года. В августе 1830 г. приехал В.И.Враницкий, скончавшийся через два года. Постепенно в Ялуторовске появились еще шесть декабристов. Это А.И.Черкасов, И.Д.Якушкин, М.И.Муравьев-Апостол, И.И.Пущин, Е.П.Оболенский, Н.В.Басаргин, в общей сложности с 1829 по 1856 гг. отбывали ссылку девять декабристов.

По словам Н.В.Басаргина, «все мы были чрезвычайно дружны между собой. Между нами все почти было общее, радость или горе каждого разделялось всеми, одним словом, это было какое-то братство – нравственный и душевный союз». Например, при организации И.Д.Якушкиным школ в Ялуторовске (в 1842 г. была открыта школа для мальчиков и в 1846 г. первая в Сибири школа для девочек) все декабристы принимали живое участие в делах школ. Александра Васильевна тоже вносила свою лепту – она делала указки и вязала шнурки для стенных таблиц, карт и других экспонатов.

В Ялуторовске, в этом маленьком городке с более мягким климатом жизнь Ентальцевых становилась легче. Для постоянного проживания они купили просторный дом, который вскоре, благодаря гостеприим-

**Александра Васильевна
Ентальцева.**

С работы художника
О. Беседина.

ной хозяйке, согревал «своими теплотой и заботой» декабристов, особенно бессемейных. Заходили к ним и молодые учителя уездного училища. Имея склонность к медицине, Андрей Васильевич приобретал необходимую литературу, покупал препараты (тогда в Ялуторовске аптек не было), сам изготавлял лекарства. Лечил он простыми, безвредными средствами и никому не отказывал в помощи. По мнению А.П.Созонович, Андрей Васильевич «характером больше соответствовал обязанностям врача, нежели воина: всегда ровный, со всеми одинаково приветливый, он не только был добр, но был и смиреннейший человек в мире». Александра Васильевна помогала мужу и тоже стала «постоянным врачевателем» и сиделкой для больных. Кроме того, Ентальцев любил масте-

рить, делал полки, рамы для картин, учился кузнечному ремеслу.

Однако бывшего подполковника постоянно преследовали доносы и наветы. То его пытались обвинить в противогосударственных замыслах, то в предосудительных беседах с местными жителями и даже в вооруженном заговоре. Декабрист Н.И.Лорер подробно описал один из таких случаев. «Когда-то у какого-то сибирского губернатора были три старые пушечки, из которых стреляли в торжественные дни при постах. Негодные лафеты их достались каким-то способом старой бабе, которая и вывезла их на базар для продажи. Ентальцев, имея надобность в железе для оковки своей повозки и зная, как старый артиллерист все цену, какую можно из старого железа извлечь, купил эти лафеты и привез домой. Так как доносы в царствование императора Николая распространились по всей России и каждый отовсюду мог писать в З-е отделение все, что ему вздумается, то и на Ентальцева донесли, что он завелся тремя пушками и намерен стрелять ядрами в проезд наследника по Сибири. З-е отделение поверило этой клевете: нарядили секретное следствие, ночью окружили жилище бедного сосланного, полицмейстер с солдатами вошли в дом, перепугали жену Ентальцева и допытывались, где ядра и пушки, предназначенные для такого важного дела? Наконец убедились, что с старых лафетов стрелять нельзя и что вся эта история есть чистая выдумка». Другие говорили, что у Ентальцевых исковеркали в доме полы, отыскивая порох, пересмотрели помадные банки Александры Васильевны и, разумеется, ничего не нашли. Подозрительными казались даже деревянные шары, заказанные для украшения забора.

Обыски и каждое расследование Ентальцев тяжело переживал, что подрывало и без того не крепкое его здоровье. Его болезнь (психическое заболевание) сначала долго таилась, проявляясь некоторыми странностями мирного свойства. Постепенно у него стала развиваться мания преследования, голову все чаще разламывала боль, все чаще появлялись симптомы душевной болезни, все чаще он впадал в возбужденное состояние, делаясь опасным и для себя самого, и для окружающих. «Он не всегда спокоен, иногда дерется. Это ставит в неприятное положение жену», писал М.А.Фонвизин. В марте 1842 г. Н.В.Басаргин делился с И.И.Пущиным своими впечатлениями о встрече с Андреем Васильевичем: «Ентальцев поразил нас – у него паралич подействовал на мозг и сделал его идиотом: смотрит в глаза, улыбается и медленно скажет бессмыслицу». Но Басаргин не смог оценить самоотверженные попытки Александры Васильевны нравственно поддержать тяжело больного мужа. «Жена его, - писал Басаргин, - мне не понравилась своим романтическим тоном и излишними ласками».

В Ялуторовске не было врачебной помощи, и Александра Васильевна добивалась официального разрешения генерал-губернатора За-

падной Сибири на поездку в Тобольск для лечения мужа. В мае 1842 г. разрешение было получено. Но в сентябре супруги уже вернулись в Ялуторовск, «ибо медики объявили, что болезнь его – помешательство ума – неизлечима». «Бедный Ентальцев или, лучше сказать, бедная Александра Васильевна! – писал Пущин Якушкину, - Очень понимаю, как и вас тревожит положение этого человека. Продолжайте успокаивать их, сколько можете».

Андрей Васильевич все больше слабел, совершенно ослеп, впадал в детство и превратился в лежачего тяжелого больного. Александра Васильевна продала свой дом купцу и сняла у него же небольшое помещение во флигеле, куда и перебралась с больным мужем. Для него она отвела лучшую в доме солнечную комнату и наняла добросовестную сиделку. «Александра Васильевна безропотно покорялась тяжелому испытанию, до конца исполняя свой долг». Андрей Васильевич скончался 27 января 1845 года. Вечное успокоение он нашел в Ялуторовской земле...

Декабристы полагали, что Александра Васильевна после смерти мужа уедет из Сибири. Их волновало только одно – будет ли она иметь в России хоть какие-нибудь средства к существованию. «Я не знаю даже, куда она денется», писал И.И.Пущин. Однако ходатайства А.В.Ентальцевой о возвращении в Россию были отклонены. Вдовам декабристов был воспрещен возврат в родные места. Александра Васильевна и после смерти мужа вынуждена была продолжать жить в Сибири под полицейским надзором еще десять лет и десять месяцев...

Эти годы Александра Васильевна прожила тихо, покорно, сильно испытывая нужду. «Мы одного с нею движения денежного ручья чающие, подобно капуцинским монахам, вместо их *memento mori* (помни о смерти - лат.) твердим при встрече: «А денег все нет!», -признавался бывший барон В.И.Штейнгейль. Жила Александра Васильевна на пособие казны. Она по-прежнему была ко всем добра, внимательна, готова всегда прийти на помощь. А.П.Созонович полагала даже, что И.И.Пущин находил большое удовольствие в обществе Александры Васильевны «и кичился ее особым расположением к нему и очень ей нравился». Ведя огромную переписку, Пущин нередко по недостатку времени не мог сразу отвечать на добрые письма Александры Васильевны и просил друзей вымолить за него прощение, «а чувство признательности за ее дружбу всегда со мной, она в этом не может сомневаться», - писал он. В переписке между собой декабристы упоминали о А.В. Ентальцевой. К примеру, Пущин писал, что в день рождения И.Д.Якушкина «мы праздновали, по обычаю, у Александры Васильевны, угостительной, почтенной нашей вдовы»; или «идем обедать к А.В.Ентальцевой», «мы все обедали у Ентальцевой». В письмах своих декабристы просили передавать сердечные приветы, душевые поклоны, свое почте-

ние, неизменное уважение Александре Васильевне, «обручницы нашей по бедствованию». В.И.Штейнгейль в письмах Пущину не забывал написать: «Александре Васильевне кланяюсь в ноги», или «по-стариковски целую ручку», или «пожатие руки от Александры Васильевны произвело самое приятное ощущение» и т.п.

Александра Васильевна старалась сопротивляться наступающей старости и принимала против нее «женские меры». Декабристы даже называли ее между собой шутливым прозвищем «Парик». А Иван Иванович Пущин в декабре 1853 г. (тогда Александре Васильевне было 63 года) сообщал в письме, что она была на каком-то городском балу в декольте – и простудилась. «Никак не хочет согласиться, что в известные годы нужна некоторая предосторожность. Сколько не проповедую – ничего не выходит».

Вернуться в Европейскую Россию А.В.Ентальцева смогла только по общей амнистии декабристов. По коронационному манифесту Александра II от 26 августа 1856 г. право возвратиться из Сибири получили 31 декабрист и две вдовы декабристов: А.В.Ентальцева и А.И.Давыдова. Всего Александра Васильевна Ентальцева прожила в Сибири 29 лет и три месяца, из них в Ялуторовске 26 лет, то есть дольше всех из декабристской колонии.

Интересную деталь об ее отъезде из Сибири отметил И.И.Пущин. Сообщая Н.Д.Фонвизиной о том, что сын декабриста И.Д.Якушкина, Евгений, уехал 11 ноября 1856 г., добавил: «С ним Александра Васильевна в особой повозке на буксире». Страшно представить себе этот путь!..

Но ни в Москве, куда она приехала, ни в дру-

гом каком-либо месте никто ее не ждал. Одиночка, всегда испытывающая нужду женщина поселилась в Москве на Спиридоновке. По счастью на той же улице проживала тогда и благородная к ней Мария Николаевна Волконская. Александра Васильевна немало времени проводила в доме своих друзей, и даже жила у них некоторое время. Но так продолжалось недолго. Здоровье Марии Николаевны ухудшалось, и ей рекомендовано было лечиться за границей. В апреле 1858 г. она в сопровождении недавно овдовевшей дочери и с внуком выехала за границу.

Поддержку Александра Васильевна получала лишь от друзей по Сибири, которым, однако, запрещалось жить в Петербурге и в Москве. Их «душевный союз» поддерживался перепиской. Александра Васильевна была активным корреспондентом. Так, в частности, она писала И.И.Пущину о разговорах в Москве по поводу грядущего освобождения крестьян и о том, что в связи с этим «Сергей Григорьевич счастлив выше седьмого неба». Когда же декабристам удавалось посетить столицу, она навещала их, и они интересовались ею. 16 июля 1858 г. И.И.Пущин писал Г.С.Батенькову: «Жена видела Александру Васильевну. Все нездорова – при ней Катерина Петровна Торсон – бережет ее, сердобольная». (Е.П. Торсон была сестрой декабриста К.П.Торсона, приехавшая к нему на поселение в г. Селенгинск).

27 июля 1858 г. Пущин оповещал Е.П. и М.М. Нарышкиных: «24-го числа Александра Васильевна Ентальцева кончила земное свое странствие, /.../ 26-го ее похоронили в Алексеевском монастыре»... Так завершилась одна из самых грустных судеб жен декабристов.

Павел БЕЛОГЛАЗОВ,
директор ГАУК ТО
«Ялуторовский музейный комплекс»

Ипполит Завалишин и Ялуторовск

Ипполит Иринархович Завалишин. Одна из самых загадочных фигур российской истории девятнадцатого века. В исторической литературе к нему прочно приклеилось два ярлыка: брат декабриста Д. Завалишина, по выражению последнего, «злого двойника», и первый в России революционный провокатор, прославившийся патологической страстью к доносам, вроде приснопамятного попа Гапона. Теперь же о нем все чаще говорят как о талантливом исследователе Сибири. Главный труд его жизни «Описание Западной Сибири» в 3 томах размещен в электронном виде в Интернете, и на него ссылается в краеведческих и научных кругах как на достаточно интересный документ, дающий представление о жизни российской провинции, особенно об уездных городах Тобольской губернии.

Впервые переиздавая в 2005 г. первый том

этого труда, тюменский издатель Ю.Л. Мандрика, в частности, отмечает: «Это имя, казалось, не надо представлять современному читателю. Брат декабриста Дмитрия Завалишина... Прокурор в камере осужденных членов польских тайных обществ... Приговоренный к смертной казни колесованием, которая была заменена военным губернатором П.К. Эссеном каторгой навечно... В молодости – переводчик Д. Байрона и А. Ламартина... Все это об одном человеке, прожившем длинную (1808-1883) и нелегкую жизнь. Но если сегодня поискать его имя на свалке мировой паутины, то можно встретить и другие определения: «известный русский исследователь Ипполит Завалишин», «научное значение имело опубликованное в 1862-1867 гг. «Описание Западной Сибири»... Как модно нынче говорить, у этих документов нынче иной

дискурс. Они – черта той эпохи, в которую жил автор «Описания Западной Сибири». И нужно благодарить работников Государственного архива Омской области за сохранность документов, которые впервые ложатся на страницы книги...».

И.И. Завалишин родился 20 сентября 1808 года в семье генерал-майора, шефа Астраханского гарнизонного полка, писателя и поэта Иринарха Ивановича Завалишина (1769, по другим сведениям 1770-1821). Учился в Артиллерийском училище. В 1826 году подал Николаю I донос на своего брата Дмитрия, обвиняя его в создании тайного общества и шпионаже. Было следствие, которое установило ложность доноса. После этого И.И. Завалишин был разжалован в рядовые и осенью того же года сослан на службу в Оренбург, где учредил тайное общество и затем представил начальству список заговорщиков.

Вот как выглядит этот эпизод в интерпретации информационного портала «Камчадалы.РУ»: «Восстания 14 декабря 1825 г. в Петербурге и Черниговского полка на юге страны были подавлены правительственные войсками. Но передовые идеи «героев 14 декабря» не умерли с разгромом восстания, а продолжали жить и распространяться и распространяться вширь, вплоть до самых отдаленных уголков великой страны. Идеи декабристов имели своих сторонников и продолжателей в окраинном Оренбуржье. Здесь среди передовой части дворянской и разночинной молодежи в те годы распространялись свободолюбивые, демократические идеи и убеждения, проявлялось стремление быть готовым к борьбе за освобождение народа от крепостничества и деспотизма. В Оренбурге оформилась тайная организация, ведущая свое начало от местного отделения масонского Московского новиковского общества, возникшего в конце XVIII в...».

И вот тут возникает зловещая фигура И.И. Завалишина, который донес властям о заговорщиках. Но поскольку все привлеченные к этому делу дружно отрицали существование Оренбургского тайного общества до появления в здешних краях Завалишина, военный суд пришел к выводу, что организатором этого общества является сам Завалишин. Военный суд, заседания которого начались 5 мая 1827 г., вынес жестокий приговор: Д.П. Тапикова, В.П. Колесникова, В.В. Ветошникова, И.И. Завалишина – приговорить к смертной казни через колесование; И.М. Старкова и Х.М. Дружинина – к смертной казни; А.Г. Шестакова – разжалованнию навечно в солдаты. Гражданского чиновника 19-летнего Степана Дынькова палата уголовного суда приговорила к ссылке навечно в каторжные работы. Военный губернатор П.К. Эссен смягчил приговор. Затем материалы рассматривались в Военном министерстве и лично Николаем I, который после восстания декабристов безжалостно подавлял любые пополнения на заговоры. Окончательный вердикт: четверо осужденных приговаривались к различ-

ным срокам каторжных работ в Сибири, в том числе Завалишин – навечно. Осужденных обрили, одели в армяки, заковали в кандалы, попарно примкнули к железному пруту – «канату» и 13 сентября 1827 г. отправили в Сибирь по этапу. Пеший путь длился целый год. Декабристы приняли оренбуржцев сочувственно, как братьев по духу.

И.И. Завалишин вместе с декабристами находился в Чите и Петровском Заводе до 1839 года. Затем – на поселении в Верхнеудинске. В 1842 году отправлен в Западную Сибирь. До 1856 года жил под надзором полиции в Кургане. Что было дальше? Здесь источники противоречивые. Тот же информационный портал «Камчадалы.РУ» утверждает, что из Кургана Завалишин был выслан в Пелым и Ялуторовск. «Гуманитарный словарь» добавляет: «Был удален оттуда (из Петровского Завода.- П.Б.) в 1842 на поселение в Западную Сибирь (г. Курган до 1856, затем выслан в Пелым и Ялуторовск), где занялся писанием доносов на своих товарищей (А.Ф. Бриггена, Д.А. Щепина-Ростовского), угодил в тюрьму и даже подвергся наказанию розгами. Манифест 1856 об амнистии декабристов к нему применен не был. С 1860 жил в Туринске, в 1863 – в Тюмени, в последний период жизни – в Самаре. О пребывании Завалишина в Ялуторовске упоминает еще один источник – научно-издательский центр «Сибирский хронограф» (г. Новосибирск), в изданном в 1997 г. историческом календаре (автор-составитель С.В. Камышан); здесь же, между прочим, среди рассказов и путевых заметок Завалишина значится произведение с интригующим названием «Ялуторовское дитя». Даже предположить невозможно, чему оно посвящено. Внебрачным детям И.И. Пущина? Воспитанницам М.И. и М.К. Муравьевых-Аpostолов? Кому-то еще? Больше нигде нет ссылки на это произведение Завалишина. Возможно, лежит оно где-то в архивах. Значит, надо искать.

Ялуторовск достаточно подробно, со знанием дела, чаще всего саркастично, как, впрочем, также Тюмень, Туринск и другие города («Описание Западной Сибири», («Путевые заметки», №47 за 1863 г., «Тобольские губернские ведомости») описан в целом ряде документальных повествований Завалишина, что косвенно свидетельствует в пользу версии о его проживании в нашем городе. Сопоставляя различные исторические источники, вроде бы можно хотя бы приблизительно очертить временной период – с 1856 по 1860 гг. А если учесть, что во всех публикациях Пелым упоминается первым, то вполне логичным был бы вывод: в Ялуторовск Завалишин прибыл после Пелымы, ближе к 1860 году, а из Ялуторовска его путь лежал уже в Туринск. Однако в эту стройную картину вносит вопросительный знак «Объявление», недавно обнаруженное мною в номере «Тобольских губернских ведомостей» за 11 мая 1863 г. Причем принадлежит она перу самого Ипполита Иринарховича. Сообщая читателям о возможном переиздании за границей вто-

рого издания «Описания Сибири», Завалишин просит подписчиков направлять корреспонденцию в Ялуторовск (!). Загадка, да и только! Возникает сразу несколько вопросов. Если сам Завалишин в этот период не проживал в Ялуторовске, то зачем он упоминает этот адрес? В расчете на то, что письма получит доверенное лицо? А может, он достаточно регулярно бывал в Ялуторовске, пользуясь относительной свободой передвижения в царствование Александра II? Либо у него были доверительные отношения с Ялуторовским почмейстером?

Завалишинское «Объявление» нисколько не похоже на типичные образчики этого сухого жанра. Скорее всего, это развернутая аннотация будущего издания. Впрочем, судите сами. Текст приведен в соответствие с современной транскрипцией.

С осени нынешнего 1863 года, предпринимаю я второе издание полного «Описания Сибири» по совершенно новому плану переделанного и по образцу подобного рода сочинений за границей печатаемого.

Усвоение себе не только Россией, но и Европой, здравых и точных понятий о Сибири, изложенных языком популярным и в форме, доступной пониманию каждого – есть ныне настоятельная необходимость. Сибирский телеграф сблизит скоро Европу с крайним Востоком. Первая сибирская железная дорога (от Тюмени до Перми) поставит скоро же границу Сибири лишь в несколько часов пути от Камы и Камско-Волжской системы. Наконец – постепенно ныне совершающееся углубление русского племени в среднюю Азию бассейнами Балхаша и Амура-Уссурийским, сделает тоже скоро Сибирь одним из мировых стратегически, дипломатически и торгово пунктом для исторического хода человечества. Сверх всего этого – как край мало известный и столь же мало исследованный, Сибирь заслуживает полного внимания не только администрации, купца, фабриканта, заводчика, золотоискателя, но и литератора, художника, учёного, одним словом каждого просвещенного и любознательного человека.

По новому плану, мною ныне принятому для сего издания полного «Описания Сибири» первый том оного будет заключать в себе «Описание Западной Сибири», то есть губерний Тобольской и Томской, областей: Семипалатинской и Сибирских Киргизов. С 1) «Вступлением» в описание этой половины сибирского края; 2)XX главами текста (с I по XX включительно); 3) 50-ю фотографическими рисунками: городов и других замечательных местностей, монастырей, соборов и церквей, исторических св. икон и приснопамятных могил, портретов деятелей по части преуспления края и типов племен его населяющих; 4) картой Западной Сибири; и 5) 25-ю статистическими таблицами и ведомостями (с 1 по 25-ю включительно). II том будет включать в себя тоже «Описание Восточной Сибири», то есть губерний: Енисейской и Иркутской; об-

ластей: Якутской, Забайкальской, Амурской и Приморского Восточного океана, с владениями Российско-Американской компании. В этом II томе будут заключаться как и в первом: 1) «вступление» в описание Восточной Сибири; 2) XX глав текста (с XXI по XL и последнюю включительно); 3) 50 фотографических рисунков; 4) карта Восточной Сибири; 5) 25 статистических таблиц и ведомостей (с 26-й по 50 и последнюю включительно). Издание сие предполагается печатать одновременно в Петербурге и Париже на русском и французском языках, в большую ½ долю листа, в 2 столбца мелкой печати с рисунками в самом тексте, по образцу заграничных изданий сего рода.

Содержание I тома следующее: «вступление» в описание Западной Сибири. Глава I. От предгорий уральских. Пельм. Туринск. Глава II. Тюмень. Глава III. Тобольск. Глава IV. Березов. Глава V. Северный океан. Глава VI. Тара. Вasyуган. Глава VII. Ялуторовск. Курган. Глава VIII. Ишим. Петропавловск. Глава XI. Омск. Глава X. Бараба. Каинск. Глава XI. Томск. Нарым. Глава XII. Мариинск. Кузнецк. Глава XIII. Барнаул. Алтай. Глава XIV. Бийск. Глава XV. Семипалатинск. Глава XVI. Усть-Каменогорск. Бухтарма. Глава XVII. Семиречье. Глава XVIII. Заилийский край. Глава XIX. Каржараплы. Акмолы. Глава XX. Кокчетав. Омская линия до предгорий уральских.

Фотографические рисунки к 1 тому будут следующие: 1. Граф Михаил Михайлович Сперанский, преобразователь сибирского края. 2. Александр Осипович Дюгамель. Генерал-Губернатор Западной Сибири. 3. Древний Пельм, место заточения бояр Романовых, Герцога Бирона Курляндского и Генерал-Фельдмаршала Графа Миниха. 4. Туринский женский монастырь в городе Туринске. 5. Город Тюмень. 6. Гробница митрополита Фелофея апостола Сибирского поморья, в Тюменском мужском монастыре. 7. Шлюпка государя Императора в Тюмени. 8. Город Тобольск. 9. Митрополит Иоанн Максимович. 10. Ссыльный Угличский колокол. 11. Памятник Ермаку. 12. Шведские ворота. 13. Чудотворная икона Абалакской Божией Матери. 14. Город Березов, место заточения князя Меньшикова, князей Долгоруковых и графа Остермана. 15. Медальон княжны Долгоруковой, обрученной невесты Императора Петра II. 16. Город Тара. 17. Петропавловский местный двор в городе Петропавловске. 18. Город Омск. 19. Дом Генерал-Губернатора Западной Сибири в Омске. 20. Рекреационная зала в Сибирском кадетском корпусе в Омске. 21. Церковный парад в Омске. 22. Город Мариинск (кийская слобода) в Томской губернии. 23. Золотой прииск на Мариинской системе. 24. Плавка золота в Барнауле. 25. Площадь в горном городе Барнауле. 26. Внутренность шахты в Алтайском горном округе. 27. Город Семипалатинск. 28. Арасанские минеральные ключи (близ Копала в киргизской степи). 29. Укрепление «Верное».

30. Озеро Балхаш. 31. Козачья станица на Омской линии. 32. Партия ссыльных в Сибирь в дороге. 33. Внутренность этапной тюрьмы. 34. Сибирская каторжная работа на казенном заводе. 35. Типы Сибирских крестьян Тобольской и Томской губерний. 36. Типы войск в Западной Сибири. 37. Богулы. 38. Татары. 39. Остяки. 40. Остяцкий князь Тайшин в жалованной одежде. 41. Самоеды. 42. Шаман и шаманка. 43. Киргизский Султан. 44. Киргизы. 45. Богульский паул. 46. Остяцкая юрта. Самоедский чум. 47. Киргизская кибитка. 48. Калмыки доеоданцы. 49. Бухарцы и Ташкинцы. 50. Идолы инородческих племен Западной Сибири.

Подпись на 1 том полного «Описания Сибири» принимается у меня лично, во время нынешних поездок моих по Западной Сибири, для проверки нового издания; или по следующему адресу: Ипполиту Иринарховичу Завалишину, в городе Ялуторовске Тобольской губернии. Подписная цена за 1 том с 50 рисунками и географической картой пять руб. серебром, с доставкою. Особы, подписавшиеся на 1 издание, напечатанное в 1862 году «Московским обществом распространения полезных книг» и не заключавшее в себе описание Томской губернии с Сибирско-Киргизской степью, без рисунков и карты по обстоятельствам тогда от меня не зависевшим, получат 1 том нового издания бесплатно.

Ипполит Завалишин, Автор «Описания Сибири» и «Сибирских Воспоминаний».

А в завершение этого материала, как мне представляется, уместно дать несколько выдержек из трудов Завалишина, посвященных Ялуторовску.

Из «Описания Западной Сибири»

Поистине, проезжая из Кургана в Ялуторовск, нельзя не порадоваться душевно, глядя на эти богатые села, на их белокаменные церкви с высокими колокольнями, всюду виднеющиеся из-за ленты Тобола, или из-за зеленеющих перелесков. Эти волнующиеся будущими богатейшими жатвами поверхности, мягкие линии сочных лугов, чистенькие группы везде разбросанных деревушек, щегольская одежда крестьян, сыйтый скот и лошади, веселые песни в поле и на деревне, - все это, слитое в одну гармоническую картину довольства и счастливого сельского быта, представляет Россию, как она должна быть и будет – цветущую и избыточную от свободно-разумного труда...

Ялуторовский округ – третий по населению в целой Сибири, имеет площадь в 18,353 кв. верст и граничит с Тюменским, Тобольским, Ишимским, Курганским округами своей губернии и с Шадринским уездом Пермской...

В Ялуторовском округе хлебопашество хотя и сильно развито, но уже уступает первенство другим промыслам. Здесь к северу, т.е. к границам Тобольского и Тюменского округов, есть большие строевые леса, а

потому выделка разных деревянных изделий, сидка смолы и дегтя, занимают много рук. И постройки, в сравнении с безлесными округами, отлично хороши, - просто не оставляют ничего желать лучшего в быту сельском! Таких прекрасных, светлых, обширных изб, с такой, можно сказать, изящной внутренней выделкой, нигде в целой России нет, кроме разве Пермской и Вятской губерний. Бревна вытесаны и высотраны так гладко, пригнаны так хорошо, лес подобран так искусно, что в избе стены как бы сплошные, блестят и радуются от перелива древесных струй. Полы и лавки – загляденье! Наружные домашние пристройки, заплоты, хлева, конюшни, сараи, амбары также хороши, и вид этого довольства в жилье, а сытости внутри жилья душевно радуют патриота – наблюдателя. Какие ложные понятия имеют Европа и Россия о Сибири, представляя ее себе безлюдной, дикой, неотесанной и будто бы совсем загнанной!.. А между тем это уголок Европы, только на русский лад устроенный.

Здесь центр сельской ярмарочной торговли, или, лучше сказать, круглый год непрерывная ярмарка. Всех ярмарок в округе 32 в 15 местностях, да 4 в городе Ялуторовске, на сумму в селениях 2,287,806 р. сер., а в городе 82,749 р. сер, всего 2,370,555 р. сер.; из этого количества товаров продано в округе на 1,097,500 р. с., в городе же на 36, 130 р. с., всего на 1,133,630 р. сер. Цифры изумительные для такой местности... Крестьяне сбывают хлеб, мясо, домашнюю птицу, скотские кожи, бараны овчины, щетину, гусиное перо и пух, масло коровье и конопляное, сало, шубы бараны, очень хорошую и тонкую брань (скатерти и салфетки), крестьянские сукна, ковры с прекраснейшими и яркими цветами краска для которых получается из разных местных трав, пестрядь, которую выделяют из льняных ниток пополам с бумагой разных цветов и которая по прочности ценится выше бумажных фабричных тканей, наконец отлично-тонкие льняные холсты (которые закупают здесь во множестве для вывоза даже и в Россию). Деревянной мебели и посуды тоже много расходится на этих ярмарках, равно телег и саней с оковкой, потому что Уральские заводы ближе и железо дешево. Сбруя и всякий кожаный шитый товар занимают также много рук. Мы с намерением исчислили все это в подробностях, потому что Ялуторовский округ можно назвать первым в целой Сибири по его торговому духу, сильно развитой мелкой промышленности и его многочисленным ярмаркам, негласный оборот которых вероятно втрое больше гласного потому что усчитывают официально только приезжих торговцев, а между тем масса состоит не из балаганщиков и лавочников, а из тысяч возов крестьянских изделий, усчитать которые нет возможности и досужему статистику, а не только земским чиновникам и волостным писарям. Это прилив и отлив непрерывный. Здесь, мож-

но сказать, все торгуют. Мужики продают свои изделия, бабы и девки свои, даже ребяташек приучают торговать калачами, пряжениками, пирогами, пельменями, пряниками и орехами. Одним словом, Ялуторовский округ – суший муравейник! Сверх торговли в разных ее видах ялуторовцы природные механики. Отсюда выходят лучшие мельничные мастера в целой Сибири, как туринцы лучшие иконописцы и строители церквей. В округе насчитывают до 200 водяных и до 700 ветряных мельниц.

Огромный сбыт сала к Петербургскому порту поднял салотопление и в Ялуторовском округе. И здесь ныне множество салотопенных заводов даже у крестьян, а некоторые и на большую руку. Кожевенных заводов тоже много, но кожи в выделке ниже тюменских...

Только с Ялуторовского округа появляются сибирские инородцы и то в самом ничтожном количестве – 2140 рев. д., в 2 татарских волостях Асланинской и Сингульской. Здешние татары живут хорошо, трудолюбивы, грамотность у них распространяется даже между женщинами; при каждой мечети есть школа, куда поступают мальчики и девочки. Как туземцы здешнего края, татары владеют богатыми пахотными и сенокосными угодьями, занимаются хлебопашеством, рыболовством и отчасти звероловством. В северной части округа Юртовский и Чечкинский боры богаты прекрасным строевым лесом, который вывозится отсюда зимой гужем в Курганский и Ишимский округа. Впрочем крестьяне мало занимаются лесоторговлей (вывозка гужем за 200 верст бревен и плах не представляет большой выгоды, даром что они идут по высокой цене), но предпочтительно выделкой всякого рода деревянной посуды; либаны, кружки, тусясья, чашки, сита, кадки, бочонки, сундуки, ящики, сани, телеги, столы, стулья, диваны, комоды, шкафы, – все это год от года возрастает в количестве и улучшается в качестве, так что доходит уже до сотен тысяч рублей серебром оборота, сбываясь не только в глубь Сибири, но и в Киргизскую степь, даже в Бухарию и Хиву (где ялуторовские деревянные лакированные чашки высоко ценятся). В здешнем округе есть стеклянный завод, но изделия его ниже посредственности...

За идиллией Геснера – романтической Исетью, извивающейся как лента по зеленому лугу, с тенистыми рощицами, в 5 верстах от ее устья стоит город Ялуторовск, на перекрестке дорог из Тобольска в Курган, Челябину, Уфу и далее в Казань, и из Тюмени в Ишим, Омск и далее в Сибирь. Он построен, как и сосед его Курган, на левом нагорном берегу Тобола, выше впадения в него Исети. Основанный в 1639 году (современные исследователи ведут отсчет с 1659 года. – П.Б.), стало быть 200 лет тому назад, при поступательном движении русского племени на юг, выходцами из русских, в особенности из поморских городов, он был вначале, как и все города

здешнего края, острожком, то есть укрепленным местом, имел башни с рублеными стенами, рвы и валы затинные, пищали и пушки. В 1782 году, при разделении Сибири на 3 губернии – Тобольскую, Колыванскую и Иркутскую, он сделан городом. В нем ныне 2 каменных церкви, 557 домов, 2240 ж.о.п.; из них окладных мещан 257, ремесленников 189, уездное и приходское училища, девичья школа, соляные, хлебные и запасные магазины, градская больница и только 4 завода салотопенных. Значит – это монотонное повторение Ишима и Кургана. Четыре городские ярмарки ничтожны (82,749 р.с. с всего привоза). Можно сказать, что город исчезает в кипучей деятельности округа...

Из «Путевых заметок» (глава III. От Тюмени до Ялуторовска)

Ялуторовск, как и соседи его Ишим и Курган – большое село и только. Порядочная (или как себе ее так воображают жители) улица только одна. От тюменского выезда идет она, упираясь в базар, за которым спуск на луговую сторону Тобола. На ней и обе церкви (каменные, но не очень изящной постройки). Гостиный двор нехорош – черное, старое и темное строение.

22 сентября 1861 г., отдохнувши от толчков и пинков дурной дороги, пустился (как сделал сие в Тюмени) я напреж всего осматривать «Ялуторовское просвещение». Ялуторовское женское училище, открытое в 1846 году на собственные средства И.Д. Якушкина (здесь правильнее писать по инициативе – И.Д. Якушкина. – П.Б.), находившееся до 1858 г. в ведении епархиального начальства, ныне перечислено в министерство просвещения. В трехлетие с 1859 по 1862 г. в нем воспитывалось: в 1859 г. 55 девиц (чиновничих 17, купеческих, мещанских, крестьянских и разночинцев 38). В 1860 г. 68 девиц, а в 1861 г. только 43. Вообще ялуторовское женское училище не произвело на меня отрадного впечатления; даже дом меня раздразнил. Огромный коридор поглощает Бог знает для чего все почти здание – а комнат нет! Все этостроено кажется на живую нитку.

Ялуторовское уездное училище в январе 1862 г. сгорело с библиотекой и со всеми учебными принадлежностями. Это был небольшой домик с греческим фронтом и не совсем удобным помещением. Двор был грязен и тесен. А не худо бы иметь при училище чистые дворы, даже с садиком. Приходское училище, на другой улице, на вид неказисто. Внутри темно и неопрятно. В Ялуторовском округе на 156, 983 ж. о. п. только одно училище министерства государственных имуществ. Во всей этой местности (половина всей Архангельской губернии) учеников 63, а учениц 6. В уездном училище 53 ученика, а в приходском 43, на город с 3030 ж. о. п. Говорят еще, что сельские причты учат детей у себя на дому.

Городничий повез меня показывать свой

острог и градскую больницу. Острог этот состоит из трех темных и грязных казарм (притом вовсе необширных), помещалось в этот день 133 мужчины да в одной избе во дворе 15 женщин (в этом месте редакция «Тобольских губернских ведомостей» делает под звездочкой примечание: «В Ялуторовске уже оканчивается постройка нового острога»).

Из тюрьмы поехал с городничим в градскую больницу. Городового лекаря тогда была вакансия, а окружной постоянно находится в округе, ибо дел тьма. Больница очень немудрая и не совсем чисто содержимая.

Ялуторовские присутственные места помещаются (окружной суд, градская полиция и казначейство) в каменном двухэтажном доме (купленном у экс-торговца), но тесно и неудобно. В особенности мала присутственная камера градской полиции. Во дворе – пожарное помещение было тогда тоже незавидное (здесь еще одно примечание редакции под двумя звездочками: «Постройка новой ялуторовской пожарной наконец разрешена и в 1863 г. окончена»). Во дворе этого же дома находится следственный флигель.

Земский суд – помещается особо, на другой улице, в большом деревянном доме. Хоть простор и есть, но не очень опрятно.

Затащили меня в «хозяйственное управ-

ление», где всякого рода бороды правоправят своими бородатыми близкими и здешним городским хозяйством. Низенько и темно. Осматриваю я и обе церкви. Бедно и нечисто. На базаре у спуска на реку подобие публичного саду с жиidenькими березками (эти сады приказал устроить генерал Гасфорд), но когда он достигнет цели к тому же тут и петуху не разгуляться! Но выполнили волю «пославшего их» и совесть спокойна, дело о садах сдано в архив. О наружности города и не говорю. Если уж богатая Тюмень – неряха, то чего требовать от Ялуторовска?

Желая видеть все, ходил я с командиром инвалидной команды в ново-устроенную казарму. Вот тут видно тотчас знание дела и заботливость. Близ казармы новый острог. Дай бог подрядчику этот острог строящему сорудить его скорее и прочнее. Наконец – заглядываю я и на городское кладбище, хочу почтить мертвых... а приходится махнуть рукой на живых!

Заканчивая «Путевые заметки», И.И. Завалишин снова не в лучшую сторону сравнивает «нищий» город с «богатым» округом. Чувствуется заданная предвзятость. Видать, крепко насолило ему городское начальство во время его ялуторовской ссылки.

Историческая сенсация. Ещё раз о доме Бронникова-Пущина

Ялуторовские краеведы давно ищут ответ на вопрос о местоположении дома купца В.Я. Бронникова, в котором в 1840-1850-е годы жил на поселении декабрист И.И. Пущин, лицейский друг А.С. Пушкина, одно время вместе с товарищем по ссылке князем Е.П. Оболенским. Изображение этого примечательного во всех отношениях строения с колоннами и балконом донесла до наших дней известная акварель Августы Павловны Созонович, воспитанницы декабриста М.И. Муравьева-Апостола. Этот вошедший в историю Ялуторовска и России дом долгие годы был центром дружной колонии декабристов, связующим звеном между Западной и Восточной Сибирью и Европейской Россией. И.И. Пущин ежегодно отправлял и принимал сотни писем от друзей и единомышленников, раскиданных по всей стране. В его доме считали честью останавливаться путники разных чинов и сословий, передвигающиеся по Сибирскому тракту в обоих направлениях. Здесь гостили поэт В.К. Кюхельбекер, генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н.Н. Муравьев-Амурский и его чиновники М.С. Корсаков и М.С. Волконский, исследователь Сахалина и Амура, основатель Николаевска-на-Амуре адмирал Г.И. Невельский, сыновья И.Д. Якушина Вячеслав и Евгений, жена дека-

брата М.Н. Волконская...

Сотрудники Эрмитажа, побывавшие в Ялуторовске в 1930-годы, пришли к выводу, что дом Бронникова-Пущина мог находиться на улице Первомайской (бывшей Вознесенской), примерно в том месте, где сегодня домовладение под номером 68. Более поздние исследования музеиных сотрудников (в первую очередь Л.А. Селезневой) заставили усомниться в этом (подробно о поисках местоположения дома Бронникова-Пущина рассказано в статье в журнале «Врата Сибири» за 2005 г.). Обнаруженные в архивах документы косвенно свидетельствовали в пользу другой версии: след дома Бронникова-Пущина надо было искать в приходе не Вознесенской церкви, а Сретенского собора. Увы, в те годы нумерация домовладений отсутствовала, и в казенных бумагах городового управления их местоположение указывалось весьма условно: первая, вторая, третья улица от Тобола, либо церковный приход. Иногда, правда, прописывались соседи справа и слева и размеры домовладений с землей. Все это, конечно, затрудняло поиски.

И вот сегодня, наконец, мы можем, без всяких натяжек и косвенных предположений, заявить: ответ найден! Фактический материал для сенационного открытия, оказывается, давным-давно

А.П. Созонович «Дом И.И. Пущина в Ялуторовске».
Конец 1840-х - до 1856 г.

лежит на полках Государственного литературного музея (ГЛМ), где находится часть архива художника Михаила Знаменского. В серии библиотеки альманаха «Тобольск и вся Сибирь», посвященной 15-летию Фонда «Возрождение Тобольска», еще три года назад появилась статья Евгении Варенцовой, заведующей отделом рукописных фондов ГЛМ, под интригующим названием «Явление народу тобольской фотографии», но только совсем недавно мне удалось ее прочесть. Выводы автора ошеломляют. Оказывается, сын протоиерея Сретенского собора в Ялуторовске Степана Яковлевича Знаменского, выпускник декабристской школы Михаил Знаменский был не только известным художником, этнографом, краеведом. Его можно назвать одним из основателей тобольской фотографии. В качестве иллюстраций к своей статье Евгения Варенцова поместила уникальные фотографии из фондов ГЛМ, в том числе по истории Ялуторовска. Фотографические снимки по времени изготовления совпадают с периодом написания акварели А.П. Созонович «Дом И.И. Пущина в Ялуторовске». Это обстоятельство стоит подчеркнуть особо, поскольку мы имеем возможность совместить два исторических документа, выполненные разными авторами.

Из всего фотографического материала, опубликованного в статье Евгении Варенцовой, для нас в первую очередь интересен самодельный альбом-гармошкф с видами Ялуторовска. Здесь 10 уникальных фотографий. И хотя только одна из них – «Торговые ряды в Ялуторовске» подписана автором, Евгения Варенцова высказывает предположение, что, по меньшей мере, семь снимков из этой серии принадлежат Михаилу Знаменскому.

Характеризуя «ялуторовский альбом», Евгения Варенцова отмечает: «Фотографии сде-

ланы в одно время (в конце 1850-х гг.), одним мастером, в одном размере (9,1x14,5). У всех срезаны уголки, все наклеены на однотипные картонные бланки (12x18). Все имеют теплый светло-золотистый тон и дорисованы по контурам зданий». Автор также подчеркивает, что многие фотографии выполняли постановочные функции и затем использованы художником для создания акварелей. Вот почему они поражают фотографической точностью! В частности, создавая в 1860-е годы известную акварель «Декабристы в Ялуторовске», копию которой можно увидеть в мемориальном доме декабриста М.И. Муравьев-Апостола, а подлинник - в Государственном историческом музее в Москве, Михаил Знаменский использовал фотографии, сделанные в Ялуторовске.

«Ялуторовский альбом» открывается видом Сретенского собора, в ограде которого можно видеть школу для мальчиков, открытую И.Д. Якушкиным в 1842 году. В левой части второго снимка «Пожарная каланча в Ялуторовске», подкрашенном акварелью, хорошо просматривается дом с колоннадой, в котором жили декабристы И.И. Пущин и Е.П. Оболенский. Этот вид открывает панораму города, состоящую из четырех фотографий, снятых последовательно из одной точки, скорее всего, с колокольни Сретенского собора. На следующих фотографиях изображены перекресток с угловым двухэтажным каменным домом и торговые ряды (на двух снимках). Не хватает только вида восточной части города, но при всем желании фотограф не мог его запечатлеть – перспективу заслоняли купола храма. «Мостик у березовой рощи» - последний снимок из ялуторовской серии, предположительно выполненный Михаилом Знаменским. Загадка, которая наверняка заинтересует исследователей! Что это за место? Не о нем ли писал сам художник в своей повести «Исчезнувшие люди», рассказывая о развалинах особня-

Ялуторовск. Фото М.Знаменского.(?)
Конец 1850-х гг.*

* Фото М.Знаменского (?) из статьи Е.Варенцовой «Явление народу тобольской фотографии» в альманахе «Тобольск и вся Сибирь». 2009 г.

ка бывшего управителя Ялуторовского дистрикта Бабановского, стоящего на берегу одноименного озера по дороге в Боровушку?

Но вернемся ко второму снимку, на котором отображена перспектива города в южном направлении. Период весеннего половодья. Воды широко разлившегося Тобола достигли предместий города. Затоплены некоторые усадьбы. Река вплотную подступила к дому с колоннами, который стоял (и в этом нет никакого сомнения!) в самом начале Береговой улицы (нынешней Шаурова), на месте типового двухэтажного деревянного дома №2 советской постройки, рядом с острогом. Через дорогу от него – еще одно историческое строение, которое семью окнами смотрело на Сретенский собор (сегодня на этом месте, в начале улицы Ленина, стоит еще одна типовая двухэтажка). Здесь жили де-

кабрист Н.В. Басаргин и его жена Ольга Ивановна, старшая сестра великого ученого Д.И. Менделеева Еще одно важное открытие! В письме Е.И. Якушкина, сына декабриста, побывавшего в Ялуторовске в августе 1855 года, одна деталь подчеркнута особо: И.И. Пущин и Н.В. Басаргин жили напротив и могли видеть друг друга из окон своих квартир. В общем-то, та же самая картина запечатлена на акварели А.П. Созонович, но на ней нет привязки к местности, в отличие от фотографии, сделанной с высокой точки. А если взглянуть в еще один ориентир, объединяющий две работы, – деревянную будку, то вот вам и разгадка исторического ребуса! Одной тайной в древнем Ялуторовске стало меньше. И сегодня, привечая туристов, мы можем с гордостью сказать: «Здесь стоял дом с колоннами, где жили декабристы».

Айзенштадт из Ялуторовска – пробизор и раббин в одном лице

В связи с празднованием 100-летия тюменской синагоги в областной прессе часто упоминается фамилия одного из ее основателей и первого раввина – С.М. Айзенштадта. Но почти ничего не сообщается о его биографии, профессии. У нас есть возможность несколько восполнить этот пробел за счет сведений из фондовых источников Ялуторовского музеяного комплекса и материалов, которые любезно предоставил музею тюменский раввин И. Е. Варкин.

Судьба Соломона Моисеевича Айзенштадта тесно связана с Ялуторовском. Впервые это имя появляется в документах конца XIX века. «Адрес-календарь Тобольской губернии» 1891 года сообщал, что в Ялуторовске на тот период работала вольная аптека провизора С.М. Айзенштадта (он же – управляющий аптекой). По данным «Сибирского торгово-промышленного календаря» за 1900 г., выходившего в Томске, Соломон Моисеевич значился не только владельцем аптеки, но и имел свидетельство купца 2-й гильдии вместе с Мейером Давыдовичем Добрыним, который торговал в Ялуторовске бакалейными товарами.

«Список мест Тобольской губернии» за 1903 год проливает свет на общественную деятельность С.М. Айзенштадта, который состоял в обществе попечения об учащихся.

Из «Адреса-календаря Тобольской губернии» за 1906 год можно узнать, что в 1905 году вольной аптекой, принадлежащей Айзенштадту, управляет провизор В.С. Матвеев. Очень интересные исторические сведения об этом человеке сообщила на страницах альманаха «Явлтур-городок» (№6 за 2011 г.) его внучка Вероника Дроздова, проживающая в г. Королеве: оказывается, ее дед, получивший высшее фармацевтическое образование в Казанском университете, в 1904 году вместе с се-

мьей перебрался в Ялуторовск, купил аптеку и дом, в котором она размещалась, и выплачивал за нее в рассрочку до 1917 года. А дом этот стоял на Большой Вознесенской улице (ныне Первомайская, 60). Именно в этом особняке в 1841 году родился будущий меценат и промышленник Савва Иванович Мамонтов. На фасаде строения висит доска «Памятник архитектуры XVIII в. Охраняется государством». А эмблема с надписью «Страховое общество «Саламандра». 1846 г.», которая некогда охраняла исторический дом от пожаров, недавно перекочевала с его фасада в фонды музея.

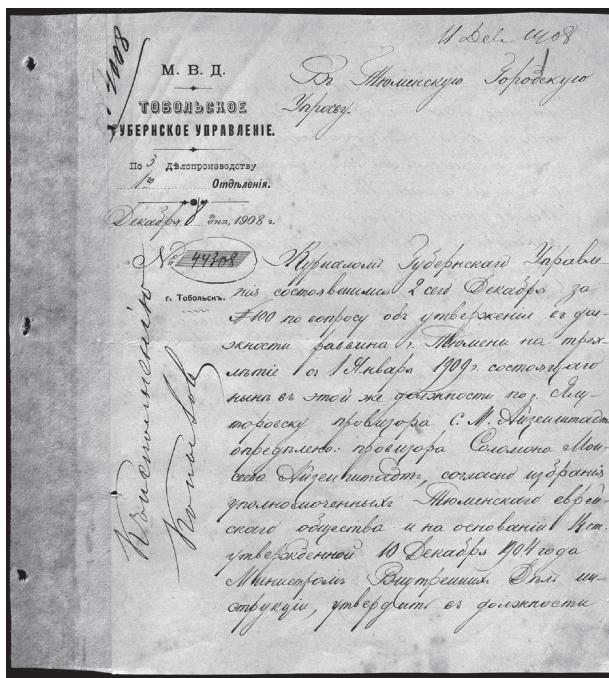
Пока нет точных сведений, имел ли этот дом прямое отношение к С.М. Айзенштадту. Возможно, В.С. Матвеев купил недвижимость у кого-то другого, хотя вряд ли. Ясно одно: все более погружаясь в обязанности духовного руководителя еврейской общины в Ялуторовске, Соломон Моисеевич уже не имел возможности повседневно вникать в аптекарские дела и нанял в качестве управляющего дипломированного специалиста. А им оказался именно В.С. Матвеев.

Газета «Ялуторовская жизнь», выходившая в 1907 году, приводит на своих страницах любопытный исторический факт: 19 августа в 6 часов вечера состоялась еврейская религиозная процессия – от дома М. Берковича к еврейской синагоге при большом стечении публики переносили пожертвованную им для синагоги «тору» (скрижали). А в №11 городская газета писала о том, что прихожане и староста Еврейской синагоги приносят искреннюю благодарность Михаилу Ивановичу Ильиних (одному из видных ялуторовских купцов. – П.К.) за пожертвование на молитвенный дом в размере 100 рублей.

По всему видно, что синагога в Ялуторовске (в некоторых источниках она фигурирует как мо-

литвенный дом) появилась раньше, чем в Тюмени, по меньшей мере, лет на пять. И в этом, наверное, присутствует какая-то историческая логика. Еврейская община в Ялуторовске играла заметную роль в местном обществе и крепла год от года. Если в 1858 году (Н.Абрамов. «Город Ялуторовск с его округом», «Тобольские губернские известия», №25, 1864) в Ялуторовске насчитывалось 12 мужчин и 12 женщин еврейского вероисповедания, то в 1891 году в городе уже проживало 102 еврея на 4286 русских. В 1909 году Ялуторовский уездный исправник Новосельцев в одном из своих отчетов приводит следующую статистику о составе городского населения: 4168 русских, 12 поляков и 101 еврей. В 1913 году в Ялуторовске значилось 4 православных храма и 1 еврейский молитвенный дом.

Свообразным отражением влияния еврейской общины на общественную жизнь в Ялуторовске стали перемены в городской топонимике. Так, на карте города в 1904 году уже можно найти улицу Еврейскую (ныне Свободы). Евреи имели также собственное кладбище.

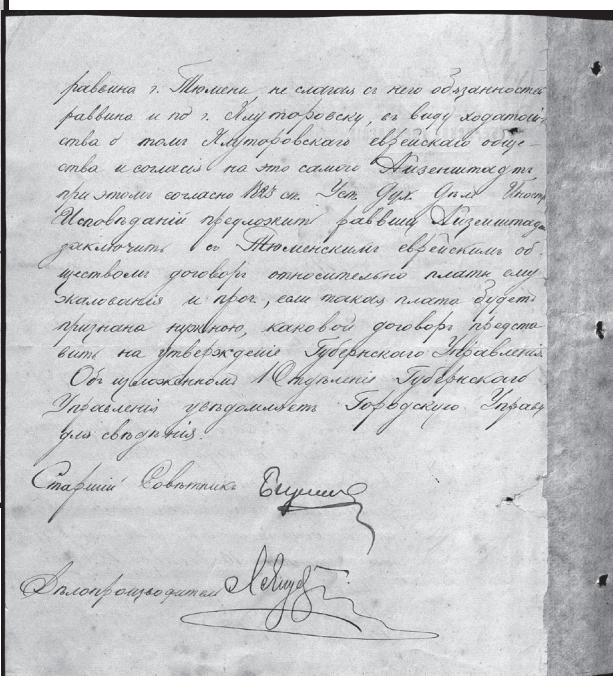
Достаточно устойчивые позиции занимала еврейская община и в торговом сословии. В 1911 году, когда в Ялуторовске строилось новое каменное здание для городской управы (оно сохранилось, но нуждается в реставрации), на оснащение помещений органа власти пожертвования поступили от ряда влиятельных еврейских семей. Владелец первого синематографа Раиса Иосифовна Симкина передала 28 аршин ткани, Михей Мордухович Беркович, владевший недвижимостью, - два железных умывальника, торговцы Абрам Борисович Кучеров – висячие лампы «Молния», Абрам Давыдович Абросимов – 44 аршина парусины для штор к окнам.

В исторических документах сохранились сведения о сборе денег в пользу семейств геор-

гиеевских кавалеров за 1916 год, активное участие в нем приняли Маргарита и Ольга Беркович, учащиеся женской прогимназии.

А теперь о тюменских страницах биографии С.М. Айзенштадта. Сообщая о закладке синагоги в Тюмени, «Сибирская торговая газета», №138 от 29 июня 1911 г., отмечала, что после чтения псалмов местным кантором раввин С.М. Айзенштадт произнес краткую речь по-русски. «Сибирский листок», №104 от 2 сентября 1912 года, рассказывая читателям об освящении синагоги, несколько раз упоминает С.М. Айзенштадта: «А.И. Текутьеву на подносе были поданы ножницы и он торжественно расстриг ленту, затем раввин г. Айзенштадт, которому был подан ключ от дверей, открыл двери...»; «После торжества раввин г. Айзенштадт обратился к собравшимся с большой речью, в которой выяснил громадное значение для общины собственной синагоги; благодарил жертвователей и отметил, что несмотря на малочисленность еврейской общины в Тюмени, благодаря энергии строителей удалось создать прекрасное здание; благодарил много потрудившихся Д.З. Ноторина, И.Л. Альтшуллера и И.М. Брандт».

Когда же С.М.Айзенштадт стал отправлять службу в Тюмени? Ответ на этот вопрос дает документ, направленный из канцелярии Тобольского губернского управления 8 декабря

Письмо в Тюменскую городскую Управу о назначении С.М. Айзенштадта раввином г. Тюмени.

1908 года для сведения в Тюменскую городскую управу: «...провизора Соломона Моисеевича Айзенштадта, согласно избрания уполномоченных Тюменского еврейского общества и на основании 14 ст. утвержденной 10 Декабря 1904 года Министром Внутренних Дел инструкции, утвердить в должностях раввина г. Тюмени, не слагая с него обязанности раввина и по г. Тюмени, о буду доносить о том что Ялуторовским еврейским обществом и согласно на это сличие Айзенштадт при этом согласно №8 от 10 Декабря 1904 года Айзенштадт согласно избранию уполномоченным Тюменским еврейским обществом и на основании Четвертой статьи №104 года Министерства Внутренних Дел от 10 Декабря 1904 года Тюменской Городской Управы быть свидетелем.

г. Ялуторовску, в виду ходатайства о том Ялуторовского еврейского общества и согласия на это самого Айзенштадта...». Согласно этому документу, в должности Тюменского раввина С.М. Айзенштадт утвержден с 1 января 1909 года на трехлетний период.

В архивах сохранились деловые бумаги, подписанные С.М. Айзенштадтом как раввином городов Тюмени и Ялуторовска. В одной из них, от 4 марта 1910 года, Соломон Моисеевич просил Тюменскую городскую управу сверить направляемые им четыре метрических книги о бракосочетавшихся, родившихся, умерших и разводившихся евреях по г. Тюмени за 1909 год с подлинниками и направить их обратно. В метрическом свидетельстве, датированным 16 октября 1911 года, раввин подтверждает факт рождения у тюкалинского мещанина Ицко Вар-

шавского и законной жены его Фейги в г. Тюмени сына, нареченного именем «Вульф».

11 февраля 1915 года Тюменская городская управа направила в Тюменскую еврейскую общину письмо, с припиской «Сдать Врачу Ноторину»: «За смертию Раввина г. Тюмени Айзенштадта, Городская Управа имеет честь просить Еврейскую Общину озаботиться избранием Раввина г. Тюмени в ближайший срок, если же таковое избрание не состоится в скором времени, то Тюменские евреи по делам веры в силу закона причисляются к ведомству соседнего Раввина, т.е. Тобольского, которому будет поручено Тобольским Губернским Управлением исполнять обязанности Раввина и по г. Тюмени».

Так закончился земной путь провизора и раввина. К сожалению, не располагаю фотографией этого человека. Может, читатели помогут?

Альбина БОЛОТОВА,
заведующая историко - мемориальным музеем
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

Е.П.Оболенский: цельная и противоречивая личность

Среди исторических личностей декабристы занимают особое место. Они постоянно притягивают к себе, и чем больше с ними знакомишься, тем остreeе понимаешь, как надо гордиться тем, что в истории нашего государства были такие люди! И восхищаясь многими, можно и должно в разные периоды своей жизни брать с них пример. Они помогают из далекого девятнадцатого столетия нам, живущим в двадцать первом веке. О многих из них можно писать романы. Взять, к примеру, декабриста Оболенского. Противоречивая личность! Со стороны казалось, что он иногда поступал вопреки собственному мнению. Сами декабристы характеризовали Евгения Петровича добрым, деликатным, благородным, «полусвятым» и «тишайшим». И, вместе с тем, бывали случаи, когда он действовал очень даже решительно. Впрочем, судите сами.

Князь Евгений Петрович Оболенский родился 6 октября 1796 года в богатой дворянской семье, получил прекрасное домашнее образование в московском доме отца, а поскольку со временем Отечественной войны 1812 года военная карьера являлась предпочтительнее гражданской, отец определил Евгения в 1814-ом в воинскую службу, и попал он в первую учебную роту лейб-гвардии Артиллерийской бригады. А 30 декабря 1818 года он и брат его Константин зачислены подпоручиками лейб-гвардии Павловского полка.

Членом тайного общества князь Оболенский стал в том же году – вступил в Союз благодеяния и уже в Северном обществе в Петербурге состоял в управлении – вместе с Сергеем Петровичем Трубецким и Никитой Михайловичем Муравьевым работал в Коренной

Думе.

В решении важных жизненных вопросов Евгений Петрович очень долго сомневался и колебался, как всякий мыслящий человек. Может, это и создавало видимость противоречивости личности Оболенского? Однако, приняв решение, он уже не отступал от него никогда. А это уже говорит о цельности характера. Так, например, когда его сродный брат Сергей Николаевич Кашкин неудачно пошутил над офицером П. П. Свиньиным и тот вызвал его на дуэль, Оболенский долго раздумывал – конечно, честь дороже жизни, но убить другого человека? Всё же решившись драться вместо Кашкина только потому, что он один сын в семье, а у Оболенских десять детей – пять братьев и пять сестёр – он уже пошёл до конца и убил противника.

Тайну поединка удалось сохранить, а иначе бы дуэль со смертельным исходом могла иметь тяжёлые последствия для Евгения Петровича. Но ни с чем не сравнимы те душевные муки, которые до конца своих дней испытывал князь при воспоминании о своем страшном поступке! Говорят, что именно с того момента Евгений и наложил на себя нравственные вериги, до самой смерти его мучило глубокое чувство вины: Бог даёт жизнь, и только он вправе распоряжаться ею.

Впоследствии Евгений Петрович писал: «Дуэль – это гнусный предрассудок, который велит кровью омыть запятнанную честь... им ни честь не восстанавливается и ничто не разрешается, но удовлетворяется только общественное мнение...».

Очень решительно повёл себя Евгений Петрович и в случае с А. В. Никитенко (1805-1877).

Александр Васильевич состоял крепостным графа Шереметева. Граф, приметив у своего раба блестательные умственные способности, доверил ему исполнять обязанности секретаря. Но Никитенко мечтал об образовании. Крепостные же не имели права обучаться в университетах. Тогда К. Ф. Рылеев, А. Н. Муравьев и Е. П. Оболенский принялись хлопотать о предоставлении Шереметевым вольной Никитенко. Граф долго сопротивлялся, но декабристы добились своего, и в 1825 году Александр Васильевич получил вольную и поступил в университет. Евгений Петрович, взяв на себя попечение о младших, братьях Дмитрии и Сергею, для занятий с ними пригласил уже свободного Никитенко, он и жил на квартире Оболенского. Уходя 14 декабря из дома, Евгений Петрович считал, что оставляет своих домашних с верным человеком. Но тот не оправдал надежд: сразу же после мрачных известий страшно испугался и скжёг все бумаги Оболенского, не позаботился и о братьях - в 1827 году их обоих одновременно отчислили из Пажеского корпуса. Никитенко даже не привлекли к следствию, он впоследствии вошёл в историю России как профессор Петербургского университета, цензор, редактор журнала «Современник», академик.

Сам Оболенский мучительно сомневался по поводу целей тайного общества. Незадолго перед восстанием он говорил К. Ф. Рылееву, вошедшему в Петербургскую Думу взамен Трубецкого, уехавшего в Киев: «Имеем ли мы право, как частные люди, составляющие едва заметную единицу в огромном большинстве населения нашего Отечества, предпринимать государственный переворот и свой образ воззрения на государственное устройство налагать почти насильно на тех, которые, может быть, довольствуясь настоящим, не ищут лучшего; если же ищут и стремятся к лучшему, то ищут и стремятся к нему путём исторического развития?»

Но, решившись принять участие и назначенный товарищами начальником штаба, играл активную роль в подготовке и проведении восстания. В сборнике материалов «Восстание декабристов» о роли Оболенского говорится: «...у него проходили совещания о начатии действия 14 декабря... он был одним из главных виновников возмущения». Как старший адъютант при генерале Бистроме - командующем всей гвардейской пехотой - Оболенский имел связь со всеми полками и деятельно собирал силы для выступления.

14 декабря 1825 года стало для князя страшным днем, как и для многих его участников. Еще накануне, поздно вечером 13 декабря, его сослуживец и сосед по квартире Яков Ро-

стовцев признался ему, что написал письмо государю об их намерениях, но без имён и без подробностей – сам знал немного. Предательство Ростовцева послужило предупреждением, которое позволило Николаю назначить переприягу на более раннее время, этим сломав намеченный план действия декабристов. Оболенский уже в разгар событий 14 декабря, побывав в полках и увидев, что намеченные действия рушатся, невольно чувствуя свою вину, встретив Ростовцева, дал ему оплеуху. Через 30 лет оба предпочтут это не вспоминать, мало того, князь будет защищать изменника перед А.И. Герценом...

А 14-го он одним из первых вышел на Сенатскую площадь и решительно действовал до последней минуты, пока картечь не рассеяла непокорных. Он штыком ра-

нил генерал-губернатора М.А.Милорадовича, саблей полковника, командира grenadёрского полка Н.К.Стюрлера. За час до разгрома восстания князя избрали командующим восставших войск, и он трижды пытался собрать военный совет.

Приговоренный по первому разряду к смертной казни «отсечением головы», а потом к по жизненной каторге в Сибири, Е.П. Оболенский достойно встретил наказание. В Усолье, недалеко от Иркутска, князь в лесу рубил дрова иправлялся с нормой. В Нерчинских рудниках кайлом в шахте добывал руду с содержанием серебра. Прибывшая к мужу княгиня Трубецкая от своих сапог отрезала ленты и пришла их к шапочке, чтобы защитить голову «Рюрика» от пыли (друзья не зря его так звали, стариный аристократический род Оболенских действительно корнями восходил к первым князьям на Руси). В Чите он молол на ручной мельнице муку, а в Петровском заводе товарищам читал курс по истории философии и как хороший математик замечательно кроил одежду.

В Ялуторовск его перевели вместе с И. И. Пущиным в 1843 году. Влюбившись в ялуторовскую мещанку Варвару Самсоновну Баранову, нянечку дочки Пущина, он тоже действовал решительно. Иван Иванович, ярый противник браков декабристов на сибирячках, как дамах не их круга общения, долго убеждал своего товарища не связывать себя узами брака с Варенькой. Но Оболенский остался верен себе – 6 февраля 1846 года протоиерей Стефан Знаменский венчал их в Сретенском соборе. Евгений Петрович стал очень хорошим мужем и отцом. После освобождения, уже в Калуге, их с Варварой Самсоновной Барановой причислили к шестой части дворянской родословной книги, самой почетной, туда

**Евгений Петрович
Оболенский. 1830-е гг.**

вносились только древние, благородные роды.

Да, судьба любит подшутить над человеком. Дед декабриста, Евгений Петрович Кашкин, в XVIII веке управлял Пермским и Тобольским краем, в состав которого входила тогда и Ялуторовская слобода. Он по указу Екатерины II учреждал запасные магазины, боролся со злоупотреблениями в искоренении старообрядчества, наводил порядок в пользовании лесами, реками, помогал людям преодолевать стихийные бедствия, в общем, оставил о себе очень хорошую память в истории Сибири. Под его руководством 21 августа 1872 года торжественно открылось Тобольское наместничество с десятью уездами, в том числе и Ялуторовским. Тогда же наша слобода обрела статус города. Великая Екатерина наградила Кашкина за деятельность в Сибири Владимирским крестом первой степени. А вот внук знаменитого деда, названный в его честь Евгением, в Сибирь попал как государственный преступник...

В нашем городе с ним произошёл очень интересный случай. Полковой офицер, следя по месту назначения, в карты проиграл армейскую казну. Услышав, что у Оболенского могут быть деньги, он явился к нему за помощью. Опальному помогали родственники, высылая ему средства, и в Ялуторовске «Рюрик» многим оказывал материальную помощь. Но в данном случае у него не оказалось за душой ни копейки. Тогда он решил отдать первому попавшему человеку очень ценные памятные часы. И только М. И. Муравьёв-Апостол спас семейную реликвию – с товарищами собрали нужную сумму и отвели беду от провинившегося офицера.

В Ялуторовске Евгений Петрович вместе с Николаем Васильевичем Басаргиным владел мельницей. С Иваном Ивановичем Пущиным занялись сельским хозяйством: объединили земельные участки, выделяемые декабристам с 1835 года - по 15 десятин на каждого. О результатах Пущин писал в Петербург в «Земледельческую газету». Держали коров и лошадей. Конечно, сами не пахали землю, не доили коров и не убирали за ними – нанимали людей. Но когда сибирская язва эпидемией прошла по городу, отстояли свой скот и помогли другим спрятаться с несчастьем, воспользовавшись специальной литературой. Оболенский с Якушкиным мечтали по примеру Бестужевых завести недалеко от города опытно-показательную ферму, да денег всё как-то не доставало для реализации этого плана. Уже проживая прощённым и свободным человеком, снова князем в Калуге Евгений Петрович в письмах к друзьям снова и снова возвращался к своему Ялуторовскому проекту.

После амнистии он с семьёй поселился у сестры, Натальи Петровны. Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин, погостив у них, написал И. И. Пущину: «С Натальей Петровной я познакомился. Она чрезвычайно добрый человек и с ней легко, потому что в ней нет вычур. Варвара Самсоновна, как должно, привилась к их се-

мье. Мальчики Евгения выпрямляются. Меньший живее кажется и способнее. Девочка препухленькая и премиленькая. Наталья Петровна, как видно, всех их чрезвычайно любит. Я рад за доброго Евгения – он в этом отношении совершенно доволен и счастлив».

Бытует мнение, что со временем Евгений Петрович изменил свои убеждения в отношении тайных обществ. Однако мы с вами уже убедились в цельности характера декабриста, в силу этого обстоятельства он просто не мог так кардинально меняться. Поэтому и утверждаю, что измена Оболенского идеалам молодости - в корне ошибочное утверждение. Декабрист постоянно возвращался к своему прошлому, в том числе и к работе в Союзе благоденствия. Он вспоминал, как они в то время решили постепенно готовиться к перевороту в обществе. Мечтали в течение двадцати лет воспитывать высоконравственных, порядочных людей во всех органах власти и жизнедеятельности человеческого общества и через них формировать общее мнение.

В своих мемуарах, написанных в Ялуторовске в 1856 году, в последний год своего наказания, Оболенский отмечал, что опальные декабристы всегда жили по законам прежнего братства: «Взаимное уважение было основано не на светских правилах и не на привычке, приобретенной светским образованием, но на стремлении каждого ко всему, что носит печать истины и правды. Рассеянные по всем краям Сибири, каждый сохранил своё личное достоинство и приобрёл уважение тех, с коими он находился в близких отношениях». А в 1863 году, за два года до своей смерти, в письме к Матвею Ивановичу Муравьёву-Апостолу написал: «Многое, мой друг, мы пережили, и многое переживаем ныне. Но мы, люди прежнего поколения, мы, представители былого, и не можем вступить в число деятелей настоящего, но остаемся верны прошедшему – пусть оно явится в свете истины и жизнь наша не потеряет своего значения. Пусть юное поколение действует, но пусть оно видит в нас ценителей добра и всегдаших противников зла, в каком бы обманчивом свете оно не представлялось. В этом наше призвание. Трудно бывает отделить злое от доброго – они везде смешаны...».

В Калуге князь принимал участие в работе городского комитета по уничтожению крепостного права. Он по-своему видел проблему взаимоотношения власти и людей: «Правительственные действия никем не контролируются, но, напротив, переходя от высшего лица к низшим, постепенно искажаются согласно с нравственною и умственною степенью тех лиц, через которые они проходят, касаясь, наконец всею свою тяжестью массы народа, которая одна и может судить по личному болезненному или благотворному ощущению о той массе зла или добра, которая пала на нее с высших ступеней управления».

Князь Евгений Петрович Оболенский дожил до реализации своей мечты: отмены рабства в

нашем государстве. Поздравляя Муравьёва-Апостола с Новым 1862 годом, он написал ему: «Хотелось бы на закате дней видеть нашу Русь Святую окрепшую на началах гражданской свободы и нравственно, разумно идущую по пути политической самостоятельности, не по подражанию иноземному, но своеобычным, нам свойственным развитием».

Николай Иванович Греч (1787-1867 гг.), журналист, писатель, издатель, вспоминал о Евгении Петровиче: «Я не знал его хорошо, но встречал его в обществе и не мог им налюбоваться. По словам лиц, знавших его, Россия лишилась в нём героя».

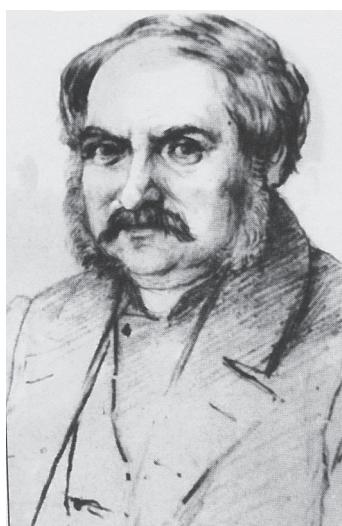
Людмила ШИПИЛОВА,
член Союза краеведов России,
руководитель объединения
дополнительного образования
«Родные просторы», педагог школы №933
(г.Москва)

Тде упокоился Николай Бобрищев-Пушкин?

21 августа 1800 года в семье Алексинского помещика Тульской губернии полковника Сергея Павловича Бобрищева-Пушкина и жены его Натальи Николаевны Озеровой родился первенец, назвали его Николаем. А через 2 года, 12 июля 1802 года родился второй сын – Павел. Первоначальное образование братьев было домашнее, но уже в 1811 году старший, Николай, поступает в Московский университетский благородный пансион, одно из лучших учебных заведений Москвы. В 1814 году туда же поступает и младший брат – Павел. Пансион братья закончили с похвальными листами и золотыми медалями. С января 1818 года братья продолжили учебу в училище колонновожатых, которым руководил Н.Н.Муравьев. По окончании училища колонновожатых оба брата служат на Главной квартире 2-й Южной армии. От 2-й армии были командированы на топографическую съемку Подольской губернии и за труды и усердие в этой работе награждены орденом Анны 4-й степени.

На юге братья сближаются с П.И. Пестелем и его окружением. В 20-е годы Николай Васильевич Басаргин принимает в тайное общество Николая Бобрищева-Пушкина. Брат Павел был принят в общество в 1821 году князем А.П.Барятинским.

Арестовали Николая Сергеевича 16 января 1826 года, а 18 января он уже был доставлен в Петропавловскую крепость. Человек чести, на допросах он вел себя благородно и мужественно. Приговорен Верховным уголовным судом по 8-му разряду – ссылкой на поселение бессрочно. Указом Николая I от 22 августа 1826 года мера наказания изменена

П.С. Бобрищев-Пушкин.
Карандашный портрет
неизвестного художника.
1856 г.

на 20 лет ссылки. 2 августа отправлен на поселение в Среднеколымск, а с 23 марта 1827 года переведен в Туруханск. Ссылка в этот глухой отдаленный край для молодого человека оказалась непосильной. И 22 мая 1827

года генерал-губернатор Восточной Сибири А.С. Лавинский донес, что Н.С. Бобрищев-Пушкин находится в помешательстве ума и желает поступить в монастырь. Так Николай Сергеевич оказался в 1828 году в Троицком монастыре в 30 км от Туруханска. Но приступы болезни повторялись, медицинской помощи не было. По просьбе родственников и по распоряжению Синода в 1828 году Николай Сергеевич был переведен в Енисейский Спасский монастырь, а в 1829 году помещен на лечение в Енисейскую больницу, где он был освидетельствован и определен в дом умалишенных в Красноярске.

Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин был приговорен Верховным уголовным судом по 4-му разряду – 15 лет каторжных работ с последующим поселением. Указом Николая I от 22 августа 1826 года мера наказания изменена на 8 лет каторжных работ с последующим поселением. На каторжных работах: с марта 1827 года в Чите, затем с сентября 1830 года – в Петровском заводе. В 1833 году закончился срок каторжных работ Павла Сергеевича, он вышел на поселение в Красноярск и взял на себя уход за больным братом. В это время в Красноярске жили на поселении В.Л. Давыдов с семьей, М.Ф. Митьков, семья Фонвизиных, с которой он был очень дружен. Но Фонвизины уезжают в Тобольск, хлопочет о выезде в Тобольск и Павел Сергеевич. И 6 де-

кабря 1839 года братья Бобрищевы-Пушкины получили разрешение переехать в Тобольск, куда они прибыли 14 февраля 1840 года.

В Тобольске в это время находилась одна из самых больших колоний декабристов; здесь жила семья Свишуновых, Анненковых, Фонвизиных... Братья жили в большой нужде, средств из России они не получали. Павел Сергеевич иногда занимался копированием акварельных рисунков декабристов, реставрировал живопись для иконостаса Тобольской церкви, о чем сохранились сведения в переписке М.А. Фонвизина с братом. Словом, брался за любую работу... Соединившись со своими близкими друзьями, семьей Фонвизиных, в Тобольске, Павел Сергеевич обрел душевный покой. Он начал заниматься изучением гомеопатии, имел широкую практику, бесплатно лечил бедных. Его везде встречали с радостью, куда бы он ни приезжал, всем и каждому подавал он утешение добрым словом, добрым советом и сердечным участием. Барон А.Е. Розен в своих воспоминаниях так пишет о Павле Сергеевиче:

«В Читинском остроге жил я с ним четыре года, в Петровской тюрьме еще два года... хороший математик, восторженный поэт, столяр и портной-самоучка, он всячески старался быть полезным внутри и вне острога. Он был всем доволен, всегда спокоен и терпелив». В 1848 году в Тобольске вспыхнула эпидемия холеры, вся декабристская колония самоотверженно бросилась на помощь заболевшим. Павла Сергеевича можно было видеть ежедневно с утра до вечера в разных частях города. Холера бушевала сильная, смертность была страшная. И несмотря на то, что декабристы, помогая больным, находились в самом «пекле» холеры, ни один из них не заболел, Господь пощадил их...

Долгих 16 лет прожили братья в Тобольске. В это время сестра их, Мария Сергеевна, и родные не переставали хлопотать о судьбе братьев. И 11 января 1856 года пришло разрешение вернуться на родину. 1 марта в сопровождении двух казаков братья двинулись в путь, домой, где не были более 30 лет... в село Коростино, к сестре Марии Сергеевне...

К тому времени уже не было в живых ни отца, ни матери, выросло новое поколение большой семьи Бобрищевых-Пушкиных... И потекли тихие семейные будни в коростиńskом доме рядом с братьями Петром, Александром и сестрой Марией. Товарищи изгнания наведывались в Коростино, часто Павел Сергеевич с сестрой бывали в Высоком у Нарышкиных или в Марьино у Фонвизиных. Наталью Дмитриевну Фонвизину Павел Сергеевич

очень уважал и был предан ей сердцем и душой. В марте 1857 года он получит известие, которое вызовет у него странную смесь сладкой горечи и радостного отчаяния: Н.Д. Фонвизина, его близкий друг, к которой он испытывал в душе давнюю благоговейную любовь, выйдет замуж за И.И. Пущина – его хорошего старого друга. «Только ты меня не покидай, - будет писать он горячо любимой женщине, - а то для меня это будет невыносимое горе: у меня, одинокого, только и приюта, что твоя дружба». В феврале 1865 года он поедет в Москву навестить Наталью Дмитриевну. Там он вдруг почувствует себя хуже, заболеет и сляжет в постель. Последние минуты жизни он проведет на руках этой необыкновенной женщины, связавшей всю свою жизнь с судьбой декабристов. Скончался Павел Сергеевич на Масленицу, 13 февраля, в 3 часа дня. Похоронен на Ваганьковском кладбище близ церкви. Отпевали его в церкви Святого Ермолая на Садовой, до кладбища мужчины и дамы провожали покойного пешком...

Николай Сергеевич сердцем чувствовал, что брата уже нет,

хотя ему об этом не говорили. Он по прежнему жил безвыездно в Коростино, изредка бывая в соседнем имении у Стёчкиных и, когда болезнь не мучила, переводил Расина, Корнеля... В последние годы жизни у него было несколько ударов, отнимались постепенно то руки, то ноги, а потом начал отниматься и язык. 13 мая 1871 года Николая Сергеевича не стало...

«Похоронен близ церкви с. Покровского-Коростино, рядом с могилами братьев Юрия и Александра и сестры Марии» (Величко Е.М., Братья-декабристы Бобрищевых-Пушкины. Москва, 1996).

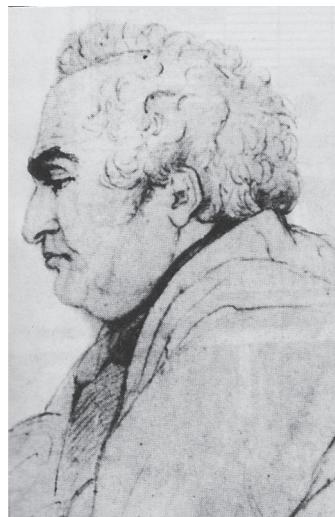
«Умер 13 мая 1871 года в деревне Коростино Тульской губернии. Могила не сохранилась» (Пилиенко В.С. Географический указатель мест захоронения декабристов. Новокузнецк. 2006).

«...с марта 1856 года проживал в Коростино, где и умер 13 мая 1871 года. Там же похоронен, могила не сохранилась» (Машков Г.С. Декабристскими тропами Подмосковья. Москва. 2005).

«Умер Николай Сергеевич в Коростино и похоронен там около церкви» (Крамер М.А. Семейная хроника Бобрищевых-Пушкиных, рукописи).

«Последние годы жизни провел в имении сестры в с. Коростино Алексинского уезда. Похоронен там же» (Тульский биографический словарь, Тула, 1996)

Итак, многие источники указывают на то, что Николай Сергеевич захоронен в с. Коростино, где и жил. Обратимся еще раз к воспо-

Н.С. Бобрищев-Пушкин.
Карандашный портрет
неизвестного художника.
1856 г.

минаниям М.А. Крамер: «Бабушка, Алмерия Карловна (жена Михаила Сергеевича, брата Николая) была католичка, но летом аккуратно посещала православную церковь в 4-х верстах от Егнышевки, где было фамильное кладбище Пушкиных, и где похоронены и дедушка, и бабушка. Она постоянно вязала и вышивала пелены для этой церкви и для нашей, Коростинской». Нет сомнения, что в с. Коростино было и кладбище, и церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Бессспорно и то, что родовым имением Бобрищевых-Пушкиных является сельцо Егнышевка, Алексинского уезда, а Коростино досталось в приданое матери декабристов Наталье Николаевне Озеровой. Местоположение Егнышевки сказочное: на высоких кручах над Окой стоял усадебный дом, к реке вела парадная каменная лестница, украшенная фигурами величаво ступающих львов, чуть ниже дома – бассейн с фонтаном, цветники... Сейчас в Егнышевке располагается дом отдыха. Частично сохранились хозяйствственные строения усадьбы, а ведь еще в 1984-1986 гг. на фасаде «людской» можно было видеть мемориальную доску с текстом: «Здесь, в родовом имении, родились и провели детство декабристы Бобрищевы-Пушкины: Николай Сергеевич 1800 – 1871 и Павел Сергеевич 1802 – 1865». В Егнышевке, родовом поместье Бобрищевых-Пушкиных церкви не было. Это было сельцо, не очень старое, в 1651 году оно еще значилось как пустошь. Ближайшая церковь располагалась в 3-х километрах, на погосте Вепри, стоящем на речке Вепрейке. В этой церкви С.П. Бобрищев-Пушкин крестил детей, в том числе и двух старших сыновей, будущих декабристов, родившихся в Егнышевке. К тому же и по административно-церковному делению сельцо Егнышевка относилось к приходу церкви во имя Успения Божьей Матери погоста «Успенья на Вепре». Устроителем храма Успения Божьей Матери был священник московской церкви Троицы в Лужках Георгий Никитин. Церковь была небольшая, состоящая из двухсветного четверика с прямоугольной апсидой, трапезной с двумя приделами и колокольни. Здесь то, на погосте Вепри и находился семейный некрополь Бобрищевых-Пушкиных. Церковь исчезла с лица земли в первые годы Советской власти, ничего не осталось и от старого кладбища... окрестности заселили дачники...

И однажды, а было это летом 2004 года, один из дачников решил расчистить территорию, прилегающую к участку, вблизи развалин церкви. Внуки отрыли фрагмент гранитного надгробия, надпись хорошо читалась:

«Под камнем сим положено тело
потомственного дворянина
Николая Сергеевича
Бобрищева-Пушкина
Родившагося 1800 г.
и скончавшагося
1871 г. маля 13 д.»
С обратной стороны надгробия имеется

эпитафия из Священного писания:

«Претерпевый до конца той спасен будет.
Отечество любя,
Его он жертвой стал:
Здоровие, себя,
Нить жизни потерял».

Находка осталась на участке дачников... Жарким летом 2006 года С.П. Горюшкин, научный сотрудник Алексинского краеведческого музея, оказался в этих местах случайно. Жажда заставила его постучаться в калитку дома и попросить напиться воды. Обратил внимание на необычные камни в палисаднике дома, пригляделся... и, о Боже! Вы представляете состояние краеведа в этот момент... Фотоаппарата с собой не было. Была статья в Алексинской газете, дал знать Тульскому областному историко-архитектурному и литературному музею. Прошло еще несколько лет, когда я случайно узнала от тульских краеведов о сенкционной находке. Не рассказать словами, как шла я к развалинам храма, с какими чувствами стояла у надгробия из красного гранита... Но теперь можно точно сказать, что декабрист Николай Сергеевич Бобрищев-Пушкин похоронен на погосте Успенского храма в поселке, который сейчас называется Успенское, а на бумагу так и просятся строки «могила сохранилась», хотя ничего не осталось от старого кладбища, да и от церкви – тоже... Но... таковы приметы уже нашего времени.

Литература:

1. Величко Е.М. Братья-декабристы Бобрищевы-Пушкины;
2. Горюшкин С.П. Вот такие бывают находки. Алексинская городская. №28, 2006;
3. Дунаев М., Разумовский Ф. В среднем течении Оки. Искусство. Москва. 1982;
4. Колесникова В.С. Декабрист Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин. Серия «Полярная звезда». Иркутск. 2007;
5. Колесникова В.С. Гонимые и неизгнанные. Москва. 2002;
6. Крамер М.А. Семейная хроника Бобрищевых-Пушкиных. Рукопись.
7. Машков Г.С. Декабристскими тропами Подмосковья. Москва. 2005;
8. Пилипенко В.С. Декабристы. Справочное пособие. Новокузнецк. 2006;
9. Тульский биографический словарь. Тула. 1996.

Надежда РАССАДИНА,
младший научный сотрудник
историко-мемориального музея
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

«Звёздочки» и «Лучи» из XIX века

Читая переписку декабриста Ивана Дмитриевича Якушкина, который, находясь на поселении в Ялуторовске, открыл две школы, в их числе и школу для девочек, я нашла интересный факт. В письме от 18 октября 1850 года к сыну Евгению он пишет: «В книгах ученицы не нуждаются, тем из них, которые умеют порядочно читать, даются на дом номера «Звездочки»; в этом детском журнале есть статьи, которые они понимают и которые потому уже для них и занимательны». Из этих строк мы видим, что декабрист считал журнал поучительным для детей.

Я захотела поподробнее узнать об этом журнале и о том, кто и когда его издавал. Его издателем была Александра Иосифовна Ишимова, одна из первых русских профессиональных детских писательниц, сделавшая очень многое для развития детской литературы в России.

В 1841 году Александра Иосифовна получила разрешение издавать детский журнал «Звездочка»; он выходил с 1842 по 1863 гг. А с 1850 по 1860 годы она еще издавала и журнал «Лучи». Первый из них предназначался девочкам младшего возраста, второй - более старшим, воспитанницам институтов благородных девиц. Главной целью ишимиовских журналов было воспитание будущих матерей, хозяек дома.

Ишимова для журнала «Звездочка» выработала четкую структуру содержания. Каждый номер имел следующие разделы:

- словесность (рассказы, стихи);
- наука (очерки по истории, географии, естествознанию);
- новые книги;
- материалы для самых маленьких читателей.

Ишимова привлекала к сотрудничеству известных писателей и ученых. В «Звездочке» печатались статьи Я. Грота, рассказы В. Одоевского. Также сотрудничали несколько молодых, талантливых женщин-писательниц, но более всех трудилась, конечно, сама издательница: она переводила, комплектовала разделы, писала оригинальные статьи.

Хотя журналы Ишимовой многим нравились, но все-таки находились и те, у кого было другое

мнение, например, неодобрительно отзывался о них критик Н. А. Добролюбов. Он писал: «Редакция «Звездочки» и «Лучей» одна и та же, следовательно, в отношении к направлению оба эти журнала можно рассматривать вместе. Разница между ними только та, что «Лучи» назначены для старшего возраста, а «Звездочка» – для младшего и самого младшего. Оттого характер «Лучей» несколько серьезнее. Что же касается до направления, то оно может быть названо религиозно-нравственным и патриотическим. Таковым оно было всегда, таковым осталось и ныне. За это постоянство направления нельзя не похвалить редакцию, потому что направление это само по себе совершенно здраво и как нельзя лучше соответствует началам истинной педагогики. Но не надо забывать, что и оно может сделаться мертвым и формальным, если в своих применениях нимало не соображается с потребностями времени и обстоятельств.

К сожалению, редакция «Звездочки» и «Лучей» очень мало думает о современном движении идей и остается по-прежнему очень преданною высшим отвлеченностям и идеальным стремлениям, не имеющим практической применимости».

Однако, на мой взгляд, многие педагогические направления детской писательницы А. И. Ишимовой не устарели и сегодня. Думаю, поэтому их высоко ценили раньше и ценят по сей день. На книгах и журналах этой писательницы воспитывалось не одно поколение россиян. Так и у нас, в Ялуторовске в XIX веке девочки воспитывались, читая журнал «Звездочка».

Александра Иосифовна (Осиповна) Ишимова родилась в Костроме 25 декабря 1804 (6 января 1805) года. Отец ее, надворный советник Иосиф Филиппович Ишимов, в 1805 году из Костромы перевелся в Петербург.

Ишимов слыл за весьма хорошего законоveda и искусного дельца, занимался адвокатурой, что приносило ему порядочный доход, и семейство Ишимовых жило безбедно...

Александра Иосифовна получила образование в разных частных пансионах в Петербурге. В учебе она делала большие успехи, особенно в изучении иностранных языков: французского, немецкого. В тринадцать лет Ишимова закончила учебный курс в пансионе, и родители

Александра Иосифовна (Осиповна) Ишимова.

предполагали отдать ее в Екатерининский институт. Но после неудачного ведения судебного дела против одного из родственников графа Аракчеева ее отец был выслан из Петербурга в Усть-Сысольск, Никольск. Семья на годы осталась без средств к существованию. В это время Александра Иосифовна, пытаясь хоть как-то помочь родителям, дает частные уроки. Вместе с тем продолжает свое самообразование и начинает самостоятельно изучать английский язык. В 1825 году И. Ф. Ишимова переводят в город Кемь Архангельской губернии, откуда с открытием навигации ему велено отправиться в Соловецкий монастырь. Эти частые переезды, с одного места на другое, принесли известную долю пользы молодой девушке: она окрепла и физически, и нравственно. Сталкиваясь лицом к лицу с настоящей жизнью, приучилась твердо переносить все несчастья, неудачи, неудобства, привыкла много трудиться. Разнообразные впечатления путевой жизни тоже не прошли даром для нее; многое она узнала, многому научилась и все увидела и услышала, живо сохранила в своей памяти.

Еще более суровая ссылка, угрожавшая отцу, заставила Александру Ишимову в 1825 г. приехать в Царское Село, чтобы просить о смягчении его участия лично императора Александра I. И она добилась того, что отцу было разрешено жить в Архангельске.

Александра Иосифовна осталась в Петербурге, где открыла частный пансион, а после его закрытия в 1830 году обратилась к литературной деятельности. Дебютировала в 1831 году как переводчица.

Известность Ишимовой принесла книга «История России в рассказах для детей», которая публиковалась частями в 1837 - 1840 гг., и вызвала восторженные отзывы современников. А.И. Ишимова была знакома с Петром Александровичем Плетневым, а через него она познакомилась с А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, кн. П.А. Вяземским, кн. В.Ф. Одоевским, И.С. Тургеневым, Я.К. Гротом и другими замечательными людьми, которые относились к ней с полным уважением.

Ишимова опубликовала в журналах более 600 своих оригинальных и переводных произведений. Впоследствии они были собраны в отдельные книжки.

Книги писательницы выдержали не одно издание, и даже в наши дни дети зачитываются ее произведениями, а в особенности «Историей России в рассказах для детей». Эту книгу можно найти у многих в семейной библиотеке и в нашем городе.

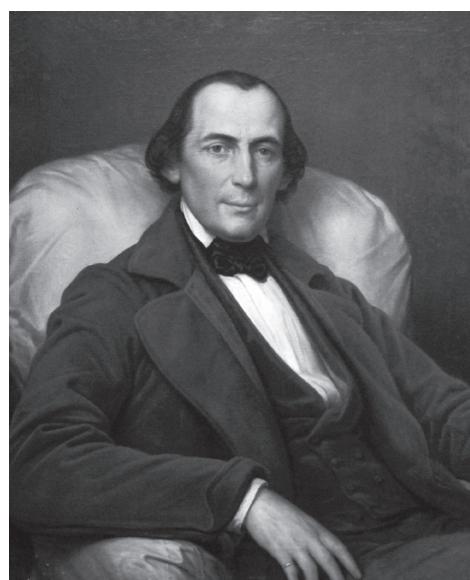
Сергей ЧЕРНЫШЕВ,
правнук С.И. Мамонтова
(г.Москва)

Портреты И.Ф. Мамонтова в семейном хранении Чернышевых

Известны три живописных на холсте портрета Ивана Федоровича Мамонтова (1800-1869). Один из них находится в Москве в семье потомков Николая Федоровича Мамонтова у В.Н. Калмыковой, живописная копия с него – у В.О. Волкова. Два портрета находятся в семейном собрании Чернышевых - потомков И.Ф. Мамонтова и С.И. Мамонтова. Полноразмерные репродукции этих двух портретов 12 ноября 2011 года были подарены музею г. Ялуторовска и вручены его директору П.К. Белоглазову правнучком С.И. Мамонтова Николаем Сергеевичем Чернышевым. Размер первого портрета 65x83 см. Размер второго портрета 103x124 см.

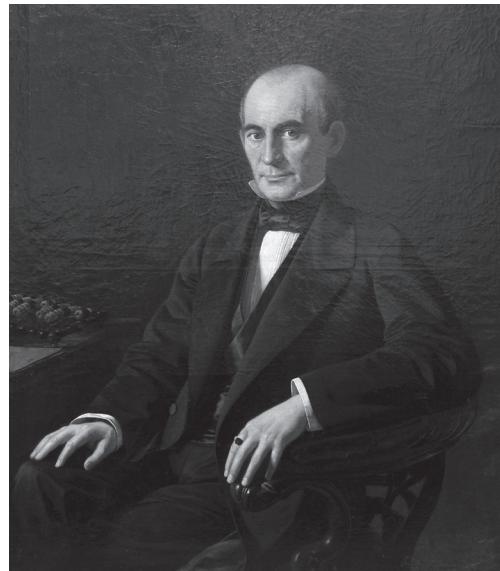
Портрет меньшего раз-

мера изображает И.Ф. Мамонтова сидящим в кресле, в свободной позе, слегка откинувшись на спинку. Фигура повернута к зрителю в пол-оборота. Правый локоть лежит на подлокотнике. Кисть правой руки свободно опущена. На мизинце золотое обручальное кольцо. Кресло мягкое в парусиновом чехле. И.Ф. Мамонтов в белой манишке с черным галстуком-бабочкой, в оливково-коричнево-сером пиджаке, из-под которого виден бордовый жилет. Лицо повернуто к зрителю. На нем полуулыбка, располагающая к портретируемому, как бы готовому вступить с вами в непринужденный диалог. Портрет не подписной и не датирован.

И.Ф. Мамонтов.
Художник В.Тропинин.(?) Конец 1840-х гг.

Но обручальное кольцо на правой руке свидетельствует, что он написан до 1852 года, когда скончалась Мария Тихоновна, верная супруга Ивана Федоровича, которая родила ему 8 детей и сопутствовала ему во всех трудах и переездах, была хозяйствкой и центром семьи в Москве и ранее в Ялуторовске. Сведений о происхождении портрета в семье нет. Он перешел к современным владельцам от И.Ф. Мамонтова через С.И. Мамонтова, через А.С. Мамонтову и Е.А. Чернышеву-Самарину, дочь Веры С. Мамонтовой (в замужестве Самариной). В тяжелые для семьи 1930-50 годы портрет хранился у художника М.П. Кончаловского. В семье считают, что этот портрет написан в Москве вскоре по приезде И.Ф. Мамонтова на жительство в столицу, то есть в самом конце 1840-ых годов. По колориту, стилю изображения, положению фигуры И.Ф. Мамонтова можно предположить авторство В.А. Тропинина, который постоянно жил и активно работал в Москве в 1830-50-х годах, исполняя множество заказных портретов купечества и дворян. По композиции портрет И.Ф. Мамонтова повторяет портрет М.М. Сперанского (Тропинин, 1839), взятый без его крайне правой части. В колорите главный тон задаёт любимое В.А. Тропининым в 1840-х годах, трудно гармонизируемое сочетание зелёного и красного (Портрет Н.Н. Зубова, 1839 г.; портреты М.Ф. и Е.П. Протасьевых, 1840-ые годы; Казначейша, 1841 год; Разбойник, 1940-е годы; портрет Е.А. Сисалиной, 1846; Автопортрет, 1846 г.). На нашем портрете красное -- бордовый жилет, зелёное -- оливковый пиджак, серо-зелёные, чуть в голубизну брюки, темно-зелёный в тон пиджака фон портрета. Кисть правой руки И.Ф. Мамонтова расслаблена, свободно опущена подобно как на портретах Ю.Ф. Самарина (Тропинин, 1844), М.М. Сперанского (Тропинин, 1939), Д.П. Воейкова (Тро-

И.Ф. Мамонтов.
Художник П.Десятов. 1859 г.

пинин, 1842). «Тропинин стремился во всех своих моделях показать положительные душевые качества: доброту, ум, проницательность или весёлый характер» -- пишет С. Королёва в монографии «Тропинин», выпущенной в серии «Великие художники» (выпуск 51) издательством «Директ-медиа». Применим авторский текст к рассматриваемой работе: Тропинин стремился в И.Ф. Мамонтове показать положительные душевые качества: доброту, ум, проницательность. Текст вполне вяжется с рассматриваемым портретом. Так что и отношение портретиста к натуре тропининское. Всё сказанное позволяет предположить, что портрет написан В.А. Тропининым. Тропинин был лучшим портретистом Москвы. И.Ф. Мамонтов, приехав из Ялуторовска, жил, как говорили, «на широкую ногу». Естественно, что он заказал портрет лучшему мастеру, который писал много и быстро, охотно принимал заказы.

Портрет большего размера изображает И.Ф. Мамонтова сидящим в кресле за рабочим столом со счётами. На нём представлен деловой человек преклонного возраста с проседью в редких волосах. Он в белой манишке с чёрным галстуком-бабочкой, в чёрном костюме с жилетом. На правой руке Ивана Федоровича золотой перстень-печать, видимо, с сердоликом. Фон портрета почти чёрный, но со многими оттенками. Фигура дана в пол-оборота. И.Ф. Мамонтов слегка отодвинулся от стола, чтобы общаться с нами. Выражение лица доброжелательное, хотя и строже, чем на более раннем портрете. Портрет подписьной. В правом нижнем углу четкая надпись: «П.Десятов 59». Автор портрета - профессор Училища живописи, ваяния и зодчества, учитель И.Н. Крамского. Портрет написан в 1859 году, за 10 лет до смерти Ивана Федоровича. В 1994 году портрет был отреставрирован.

Елизавета Григорьевна Мамонтова

1. Введение

Елизавета Григорьевна принадлежала к тем замечательным людям, которые не могут быть вполне счастливы без деятельной помощи окружающим. Через всю её жизнь проходит служение своей семье, друзьям и их семьям, крестьянам окрестных селений. Она не

только устраивала уют в собственном доме и достаток в семьях служащих и крестьян, но она ещё и целенаправленно поднимала, и незаметно направляла людей на построение Отечества, обновлявшегося после реформ Александра II. Через всю жизнь она пронесла идеалы юности, совпавшей с эпохой национального

подъёма на рубеже 1850 -60 годов. Она воспитывалась на романах И.С.Тургенева, вчитываясь в А.И.Герцена и воплотила в жизни принцип Н.А.Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

Служение её было христианским, осуществлялось в повседневной работе с великим терпением и бескорыстной любовью. Оно было благотворительностью, но не в обычном понимании этого слова. Так и деятельность её мужа была только на первый взгляд меценатством, а в действительности чем-то новым и пока неповторимым. Супруги Мамонтовы «оба обладали крупными организаторскими способностями в совершенно противоположных областях» (5, с.81). Они по-своему творили Мамонтовский кружок в Италии и Москве, а на его основе создали единственный в своём роде культурный центр в Абрамцеве. Им удалось то, что никто даже не пытался делать, а именно, творчески и почти непротиворечиво объединив, воплотить на практике идеи и славянофилов, и западников. В супружеском союзе Елизавета Григорьевна была больше славянофилом, но Италия для неё была второй родиной, а Савва Иванович был больше западником, но он вдохновил В.М. Васнецова, как режиссёр оперного театра воспитал и обучил Ф.И. Шляпина, дал жизнь чисто русским операм Н.А. Римского-Корсакова. Большинство их было написано для мамонтовской Частной оперы. «Благотворительность» Мамонтовых была избирательной. Савва Иванович привлекал и пестовал для России таланты. Для России же у него шла большая работа в промышленности, спланированная в интересах страны. Для Елизаветы Григорьевны такой работой было создание специализированных школ и мастер-

ских в Абрамцеве. То была большая помощь людям, благотворение. В этой работе Елизавета Григорьевна систематически поддерживала трудолюбивых и для пристальной опеки выбирала талантливых. Традиционные формы благотворительности, лечебница и общеобразовательная школа, были созданы в первые годы владения Абрамцевом и впоследствии не развивались. Характерно, что общеобразовательную школу она потеснила в пользу специализированных классов, когда по соседству возникла обычная школа. И всё же, подчёркивая избирательность её деловой благотворительности, необходимо отметить, что христианская душа её творила обычную милостыню.

Определяя место Елизаветы Григорьевны в Мамонтовском художественном кружке, сме-

ло можно сказать: если Савва Иванович был организатором творчества многих великих художников, музыкантов и артистов, то Елизавета Григорьевна рядом с ним явилась организатором жизни кружка как большой семьи. Она сумела соединить семьи друзей на многие десятилетия и даже более, так как семейные связи продолжились в следующих поколениях. Это стало возможно только под кровом христианской любви, которой она обладала, и благодаря, во-первых, дарованному ей от Бога и развитому учёбой художественному и музыкальному вкусу, а, во-вторых, благодаря большим материальным возможностям, щедро предоставленным на службу народу и народному искусству, так как Савва Иванович всегда поддерживал деловые начинания жены.

2. Юность, замужество

Юность, время становления взглядов на жизнь и характера, пришлась на годы Крымской войны и общественного подъёма, предшествовавшего освобождению крестьян царским манифестом в 1861 г. В эти годы молодёжь не только жаждала перемен, но и готовилась бороться за обновление страны. Будущий супруг в это время участвовал в каких-то сходках студентов, во избежание ареста был отцом отправлен из Москвы. Дух времени, несомненно, коснулся и юной Елизаветы Сапожниковой.

Она родилась 1(14) сентября 1847 г. в состоятельной купеческой семье в Москве в родительском доме на Каланчёвской улице у Красных ворот. Ещё до рождения ей с матерью пришлось перенести тяжёлую скорбь. Отец, Григорий Григорьевич Сапожников, умер за 3,5 месяца до рождения дочери. Мать, Вера Владимировна, посвятила себя детям. Она происходила из московской

Елизавета Григорьевна в юности.

купеческой семьи Алексеевых, известных образцовым ведением коммерческих дел, благотворительностью и высокой культурой. Не случайно рядом с Елизаветой Григорьевной в среде московской интеллигентии появился её двоюродный брат К.С. Алексеев-Станиславский. Семью отличало умение работать и организовывать жизнь вокруг себя. Эти качества вполне проявились в Елизавете Григорьевне и Константине Сергеевиче. Мать воспитала её в православной традиции и дала ей хорошее домашнее образование в европейском стиле, как тогда было принято у дворян и только вводилось в купеческом сословии. Вера Владимировна дважды вывозила дочку в Европу для закрепления и завершения образования. За границей она брала уроки у Клары Шуман, вдовы

композитора. Елизавета Григорьевна очень любила музыку Шумана и Шуберта. В Милане она познакомилась с Саввой Ивановичем Мамонтовым. В своём ежегоднике она записала: «Прогулялись за границей 9 месяцев. Вернулась в Россию в феврале 1865 г. невестой Саввы Ивановича Мамонтова». Ей было 17 лет, ему - 23 года.

Календарным строкам ежегодника предшествуют несколько кратких записей, характеризующих её настроение в те годы. Она писала, что путём насилия нельзя достигнуть добной цели, что красота окружает нас и разлита во всём, что лишь искусство да личное счастье дают наслаждение человеку, что жизнь следует проводить деятельно, поддерживающая окружающих и согревая их от своего сердца. Эти идеалы молодости она сохранила и реализовала в жизни.

Елизавета Григорьевна и Савва Иванович в при их встрече в Италии имели очень много общего: любовь к музыке и искусству в целом, стремление к деятельности жизни, желание послужить на пользу Отечеству, любовь к итальянским древностям, которые Савва Иванович уже прекрасно знал в пору их знакомства, незаурядная одарённость обоих, состоятельность, принадлежность к одному словесному и, конечно, ранняя молодость. Он и она привыкли обо всём составлять собственное суждение. Она, христианская душа, во все годы при посещении Италии особенно интересовалась следами первых христиан и христианским искусством средневековой Италии. В Италии она скучала по русской церкви. В последние годы она вспоминала, как на Пасху они были в Риме в посольской церкви, и Савва Иванович один, заменяя хор, всю службу пропел на клиросе. Её радовало, что он был членом её любимой православной церкви и знал церковную службу.

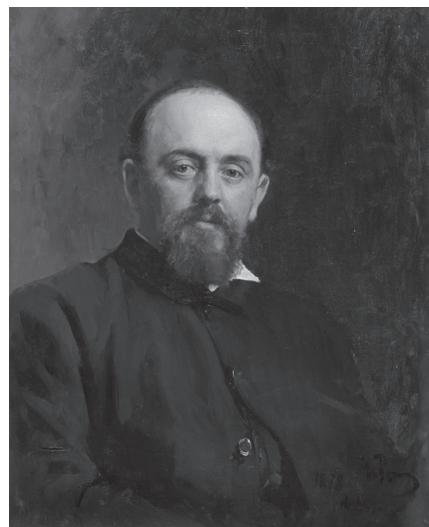
3.Мамонтовский художественный кружок – большая семья

Когда молодые вернулись из свадебного путешествия по Италии, оказалось, что в Москве их ждёт подарок от отца. Иван Федорович Мамонтов купил для нарождающейся семьи особняк на Садовой-Спасской, в полуверсте от родного дома Елизаветы Григорьевны. Новый дом

вскоре стал обиталищем многодетной семьи с няняшками и гувернёрами и московским центром молодёжного, как бы сказали сейчас, Мамонтовского художественного кружка. К полутора десяткам комнат пришлось пристроить ещё столько же. Вторым центром стало имение Абрамцево, купленное у дочери С.Т.Аксакова на средства из приданого Елизаветы Григорьевны. Абрамцево сохранилось в момент финансового краха С.И.Мамонтова только благодаря тому, что оно к этому моменту юридически принадлежало Елизавете Григорьевне.

В начале семейной жизни она была ещё очень молода и с удовольствием училась. В Москве она посещала женские курсы во 2 мужской гимназии на Разгуляе, из которой за неуспеваемость лет десять назад был исключён её муж. Живя в Абрамцеве, она приглядывалась к ведению семьи и воспитанию детей в соседней Ахтырке, которой владели кн. Трубецкие. «Мы близко познакомились с семьёй князя Трубецкого и часто бывали друг у друга. Княгиня Софья Алексеевна была для меня идеалом семьинки, и я училась, глядя на неё» - писала Елизавета Григорьевна. Получив образование дворянского типа, Елизавета Григорьевна стремилась полностью воспринять культуру дворянского сословия, критически вибрая лучшее, что сохраняли тогда некоторые дворянские семьи. Сходной системы воспитания придерживалась

и М.А.Поленова, влияние которой непосредственно и через сына В.Д.Поленова Елизавета Григорьевна могла испытать в те годы. Наследие Аксаковского дворянского гнезда в Абрамцеве ей было особенно дорого, как свидетельство высочайшего взлёта культуры и при том в её Абрамцеве. Заметим, что впоследствии старший сын её женился на итальянской маркизе, а через средних

Савва Иванович Мамонтов.

Портрет И.Е.Репина.

Собственность музея Абрамцево.

Елизавета Григорьевна Мамонтова.

Портрет И.Е.Репина.

Собственность музея Абрамцево.

детей она породнилась с древними московскими дворянскими родами Свербеевых и Самариных, через племянницу - с родом Тучковых. Члены этих аристократических семей принимали активное участие в жизни Мамонтовского кружка. Можно только удивляться, что в доме Елизаветы Григорьевны, как в сказочном темноте, общались поповици братья Васнецовы, евреи М.М. Антокольский, И.И.Левитан и В.С. Серова с аристократами Трубецкими, Свербеевыми и Самаринами. Вокруг Е.Г. и С.И. Ма-

монтовых формировалась новая общественная среда, в которой, как при дворе Петра I, не было сословных, религиозных и национальных различий. Явление это в дореволюционной России, возможно, было локально, как исключительно было Абрамцево. Революция прервала этот демократический процесс, пропагандируя классовую борьбу.

Часто бывая в Италии, она познакомилась в Риме со скульптором пансионером Академии художеств Марком Матвеевичем Антокольским и записала: «Мне он много дал, и в беседах с ним сильно расширился мой кругозор». Слепок с руки Елизаветы Григорьевны, сделанный в то время Антокольским, экспонируется. Савва Иванович подружился с Антокольским, успешно учился у него скульптуре, выплетил барельеф жены, а Елизавета Григорьевна на деньги от матери приобрела работу скульптора, положившую начало большой мамонтовской художественной коллекции, только малая часть которой сохранилась сейчас в Абрамцеве.

Через М.М. Антокольского Мамонтовы там же, за границей познакомились и навсегда подружились с семьёй историка искусств, профессора А.В. Прахова, художниками В.Д. Поленовым и И.Е. Репиным, через них с В.С. Серовой, вдовой композитора и матерью художника, чуть позже с В.М. Васнецовым. Эти молодые, тогда почти безвестные, но одарённые люди искали своё место в искусстве и в жизни. Образовался дружеский художественный кружок. В творчестве друзей вырабатывались личные направления и стили при взаимном влиянии. Мамонтовы дружески помогли в этом не только заказами, Савва Иванович – бурной артистической энергией, увлекающей на творчество, а Елизавета Григорьевна - тихим и основательным советом, исходящим из глубины сердца, которое хорошо понимало всякое искреннее искусство. Мамонтовы склонили художников после завершения образования поселиться в Москве, чтобы здесь, в исконной русской столице, возродить национальные художественные традиции. Позже в кружок вошли М.А. Врубель, М.В. Нестеров, Е.Д. Поленова, К.А. Коровин, В.А. Серов и другие.

Елизавета Григорьевна особенно дружила с В.М. Васнецовым, М.В. Нестеровым, В.Д и Е.Д. Поленовыми. М.В. Нестеров писал ей в 1889 году: «Я, как и большинство знающих Вас, особенно молодёжи, вижу в Вас высокое проявление доброты и сердечности. Ваша готовность терпеливо выслушать и дать, по возможности, добрый совет в случае какой-либо невзгоды, дорога бесконечно... И прошу Вас ещё раз, Елизавета Григорьевна, не отказаться первой высказать своё мнение о моём «Отроке Варфоломее»(1, с.140). Ей первой В.М.Васнецов показал эскиз «Богоматери» для апсиды Владимирского собора в Киеве. Позже он писал ей: «Вы удивительно хорошо сказали, что моя работа – путь к свету». В.А.Серов в отрадной атмосфере Абрамцева написал и подарил Елизавете Григорьевне одну из самых пленительных

картин русской живописи – портрет её 12-летней дочери Веры Саввины Мамонтовой, позже получивший название «Девочка с персиками». В Мамонтовском кружке эта работа называлась портретом Верушки (с ударением на «е»).

Верно пишет о Елизавете Григорьевне современный исследователь: «Хозяйка дома, человек редкого обаяния и добросердечия, чуткая к искусству в различных его проявлениях, была воплощением созерцательности, нравственно-этического начала содружества. Она возглавила глубокое и последовательное изучение в кружке русской старины, истории древней литературы, памятников русского зодчества, собирание и исследование народного прикладного искусства» (3, с. 12). «Изучение» и «исследование», проведённое Елизаветой Григорьевной с помощниками, – это научная работа, в современном понимании. Она имела экспедиционную и камеральную составляющие. Результатом её явилась музеинская экспозиция, существующая доныне, а также столярная и швейная мастерские, продукция которых сейчас украшает музеи и европейские каталоги антиквариата. Исследовательская работа эта легла в основу оформления многих мамонтовских спектаклей, домашних и в Частной опере. Позже сходные исследования для Художественного театра проводил К.С. Станиславский, в частности, для постановки «На дне» собирая материал на Хитровом рынке. Без сомнения можно сказать, что Елизавета Григорьевна возглавила научную работу в кружке, которая была существенной частью его деятельности. На научной основе был разработан проект Абрамцевской церкви, оказавший существенное влияние на последующую храмовую архитектуру. При глубокой моральной поддержке Елизаветы Григорьевны этнографические и археологические исследования провёл В.Д. Поленов в Палестине для своей замечательной серии картин из жизни Иисуса Христа. Они сейчас ценятся в Церкви, как живописное изображение достоверных евангельских событий, сделанное с натуры до того, как современная цивилизация исказила облик страны. В 2007 г. Тульская епархия по благословению святейшего патриарха Алексия II издала Евангелие с многочисленными цветными репродукциями с картин В.Д. Поленова. В семье Поленовых интерес к стариине и сбор археологических коллекций известны не в одном поколении. Поэтому брат и сестра Поленовы могли поддержать Елизавету Григорьевну и, даже, направить её при организации этнографических исследований.

И ещё об одном таланте Елизаветы Григорьевны, явленном в Мамонтовском художественном кружке, нужно сказать. На рисовальных вечерах она занимала скромное место читицы. Звук голоса её не дошёл до нас, но, безусловно, это было художественное чтение, которое создавало настроение рисовальщикам. Либо это было чтение научной книги, открывавшей слушателям новые страницы истории от-

ечества, православия и искусства. Многим современникам запомнилось, как она сыграла роль римской христианки в пьесе А.М. Майкова «Два мира». Эта роль соответствовала высоким требованиям её души. «Патриция Деция играл Поленов. Играли трогательно, задушевно, и всюду чувствовалась вдохновляющая сила Саввы Ивановича», - писал В.М.Васнецов. Играла она и в других домашних спектаклях. Работа над постановками укрепляла связи в кружке.

4. Церковь в Абрамцеве

Другим объединяющим творческим делом Мамонтовского кружка стало строительство церкви в Абрамцеве в 1881 – 1882 годах. «Идея соорудить церковь, вероятно, была Елизаветы Григорьевны, человека глубоко религиозного», - свидетельствует В.М. Васнецов. Для неё, как обычно, в этом деле соединялось решение общественных и художественных задач. Её беспокоило, что крестьяне ближайших деревень были удалены и по временам отрезаны рекой от храмов. «По образцу старых русских соборов предстояло создать ансамбль, который бы вобрал в себя новые представления о красоте», - так видела Елизавета Григорьевна художественную задачу. Абрамцевская церковь стала коллективным программным произведением Мамонтовского художественного кружка. В ней воплощены основные идеи кружка: от быта - к духу, от дворцов - к избам, от города - к русской природе, от иностранного античного, мавританского, европейского - к старому русскому и его византийским корням, сохранившимся в Италии.

Место для церкви выбрали вдали от дома, где парк переходил в лес. Елизавета Григорьевна стремилась при постройке сохранить нетронутость природы. Савва Иванович, видимо, из инженерных соображений, настаивал на расчистке площадки, чтобы открыть каменное сооружение солнцу и ветру для обогрева и просушки. В спорах рождались архитектурный проект и убранство храма. В 1881-82 годах «в Абрамцеве всё жило интересами церкви и общей работы» (4, с. 23). Серьёзность и основательность Елизаветы Григорьевны в любом занятии выражались в стиле работы над проектом, в появлении метода, который заключался во вхождении в основополагающий для работы исторический материал. Она читала художникам труды В.О Ключевского, И.Е.Забелина, Ф.И. Буслаева. По её инициативе были предприняты поездки для ознакомления с древнерусским зодчеством. «Наш дом, - писала Елизавета Григорьевна близкому другу, - принял совсем божественный вид... На всех столах лежат чертежи, увражи. Мой кабинет весь превратился в картинную галерею, всюду этюды Василия Дмитриевича с разных церквей и иконостасов»(4). Когда здание было готово, она рядом с мужем и другими участниками кружка часами стояла на лесах, высекая белокаменные узоры. «Елизавета Григорьевна и Наталья Васильевна Якунчикова, ближайшая сотрудница постройки, вышивали

ли на хоругвях, сделанных Поленовым в форме стяга, иконы Спасителя, Богоматери, архангелов, подбирая кусочки шёлковых материй» (4, с. 23). Вся последующая жизнь Елизаветы Григорьевны тесно связана с абрамцевской церковью. Здесь она похоронила умерших в молодости детей, сначала Андрея, позже Веру. Она работала для храма: «Мама, как всегда летом, занята церковью; в этом году она сама высекает по камню крест для часовни и потом собирается расписать одно из окон церкви», - писала В.С.Мамонтова в письме к С.Д.Самариной (О.А.Тюрина «Ваша Вера Мамонтова...» Сб. «Русская усадьба», вып. 13-14, 2008, с. 747). В храме у неё было постоянное место у северной стены рядом с окном в часовню, в которой могила сына. После смерти дочери она подолгу сидела в кресле в тени храма между часовней и могилой Веры Саввишны.

В делании Елизаветой Григорьевной церкви Спаса Нерукотворного в Абрамцеве тесно переплетаются общественное и личное, служение Богу и близким, художественное творчество и научные исследования. Это, впрочем, характерно для всей её деятельности. Если не задумываться, то личные и религиозные мотивы её активного участия в строительстве храма закрывают нам то, что и она хотела скрыть по скромности своей, а именно народность её работы в широком смысле и большой идейный и организаторский вклад в создание памятника столь значимого в истории русской архитектуры и живописи. От него пошла Васнецовская школа иконописи и новый архитектурный стиль, позже ярко выраженный в творчестве А.В. Щусева (основанный на переработке для современного пользования древних русских образцов), резной незолочёный иконостас и, наконец, модерн, явленный В.М. Васнецовым в 1882 году в рисунке пола и позже в архитектуре пристройки-часовни(1892 г.).

5.Школы и кустарные мастерские в Абрамцеве

Стараниями Елизаветы Григорьевны с 1873 года рядом с усадьбой начинает развиваться культурный центр для местных крестьян. Первым был создан фельдшерский пункт. Затем - школа, «первая в той местности», как пишет Н.В. Поленова (4). Школа была отлично оборудована. Ученикам и ученицам выдавались книги, тетради, письменные принадлежности. Первостепенное значение отдавалось обучению девочек шитью и вышиванию, мальчиков – столярному делу. После трёхлетнего обучения столярному мастерству выпускник получал в подарок верстак и набор инструментов для работы на дому.

Школа, как профессиональное училище, существует и ныне в Хотькове. Это коллеж «Абрамцевское художественное училище им. В.М. Васнецова». При всём уважении к В.М. Васнецову и признавая его влияние на художественный стиль абрамцевских мастерских, позволю себе выразить нашу семейную точку зрения: создателями школы были Е.Г. Мамонтова и

Е.Д. Поленова, их имена и носить бы училищу в Хотькове. И уж совсем просто было бы повесить их портреты в парадном месте и под ними слова М.В. Нестерова: «Две женщины, друзья, Елизавета Григорьевна Мамонтова и Елена Дмитриевна Поленова, две умницы, влюблённые в нашу русскую старину, создали большое прекрасное дело – школу и столярную мастерскую, вскоре прославившуюся на всю Россию чудесными вещами по рисункам В.М. Васнецова и Е.Д. Поленовой»(2, с. 308).

М.В.Нестеров (2) и Н.В.Поленова (4) пишут о большом трудолюбии Елизаветы Григорьевны. Сама она записала 24 октября 1886 года: «Сегодня с утра обошла всё хозяйство и затем отправилась в мастерскую. Там работа кипит. Пять больших шкапов подводятся к концу... Сейчас вернулась с квартиры ребят. Там послушалась разных песен и нагляделась на деревенские игры» (4, с. 34). Как видно из этого отрывка, сохранение народной культуры в Абрамцеве было комплексным.

В 1883 г. Елизавета Григорьевна сблизилась с Еленой Дмитриевной Поленовой, художницей и сестрой художника. Елена Дмитриевна становится художественным руководителем кустарно-резческой столярной мастерской. «Крестьяне абрамцевских деревень получали многочисленные заказы в России и за границей. Постановка мастерской, приобретение старинных рисунков, тканей, замечательной утвари поглотили много материальных средств, а сколько было затрачено душевных сил. Только с железной выдержкой Елизаветы Григорьевны можно было достигнуть такого громадного успеха» (5). Мамонтова и Поленова положили начало сбору предметов крестьянского обихода, старинных вышивок, рубах, сарафанов. Их маршруты проходили по деревням Сергиевского уезда, Ярославской, Костромской, Владимирской, Вологодской губерний. В Абрамцеве был создан один из первых музеев народного творчества. На некоторых предметах сохранились чернильные пометы, сделанные рукой Елизаветы Григорьевны. Музей стал лабораторией для художников, создававших модели для столярного производства. В эту работу включился сын Елизаветы Григорьевны Андрей Саввич.

Работы Абрамцевской столярной мастерской были удостоены Золотой медали на Всемирной выставке 1900 года в Париже. В Москве были магазины в Петровском пассаже и на Поварской, где продавалась абрамцевская продукция, имевшая большой успех у москвичей.

Строительство церкви, создание школы и мастерских проводилось Елизаветой Григорьевной ради сохранения деревни. Она держалась чисто славянофильской идеи, глубоко сознавая, что деревня являлась базой русской культуры в самом широком смысле слова - от культуры языка и песни до воинской культуры русского солдата. Чтобы сохранить деревню, надо было сохранить крестьянские семьи, воспитывать мальчиков и девочек, дать им церковь

и обеспечивать работой на месте.

Занимаясь учениками, Елизавета Григорьевна не оставляла своих детей и детей многочисленных дружеских семей.

6. Воспитание детей

У Елизаветы Григорьевны и Саввы Ивановича были три сына и две дочери. Летами они их воспитывали вместе с детьми Поленовых, Правовых, Репиных, Васнецовых, Серовой, с племянниками и племянницами, с детьми служащих Абрамцева и сослуживцев. Дети пользовались большой свободой, но не были бесконтрольны. Система свободного воспитания, известная в педагогике, была заимствована Елизаветой Григорьевной не из книг, а у княгини Софьи Алексеевны Трубецкой. К Елизавете Григорьевне вполне можно отнести то, что написал о своих матери и бабушке Е.Н. Трубецкой, который был ребёнком в пору знакомства Елизаветы Григорьевны с его родителями - владельцами соседней Ахтырки. «...Воспитывались мы вовсе не наказаниями, сравнительно редкими, а именно любящими внушениями, всем гипнозом окружавшей нас духовной атмосферы. Внешняя дисциплина почти отсутствовала. В ней (матери-С.Ч.) было то высшее, что заставляло забывать о несправедливостях, были дары духа, большие, чем справедливость. Не справедливостью мы воспитывались, а душевным подъёмом, который в ней исходил из глубокого внутреннего горения, ... и других, в особенности детей её, уносил и поднимал. Это была внутренняя музыка, исходившая от неё. С взглядом прямым и открытым жила бабушка. Мы, дети, не могли до глубины понять исключительно даровитую, тонкую и одухотворённую природу бабушки, но мы безошибочно чувствовали ту тихую благодать, которую она излучала вокруг себя, ощущение какого-то тихого струящегося света». Как это сходно с воспоминанием о хозяйке Абрамцева, оставленном дочерью В.Д.Поленова Екатериной Васильевной Сахаровой: «...памятен облик тёти Лизы, дававшей нам читать книги о первых христианах, убеждённых, боровшихся с упадочной культурой Рима, не боявшихся принять мученичество, веря в постоянное блаженство. Нам казалось, что сама она пришла из того времени. В картине «Воскресение мертвых» Васнецов изобразил её в группе женщин с левого края. Прильнувшие к ней три девушки: Вера, Надежда и Любовь - написаны с её дочерей и племянниц» (Е.В. Сахарова. Повесть моей жизни. 1967 г. рукопись, с. 41).

Отдельно необходимо сказать о воспитаннице Елизаветы Григорьевны Валентине Александровиче Серове. Абрамцево «было многозначительным, крупнейшим фактором в жизни моего сына, как в детском возрасте, так и в годы его возмужалости» (5). Он попал в Абрамцево десяти лет, и «очутился в весьма неблагоприятном, невыгодном для себя освещении. Обнаружились обычные детские проказы» (5). В Абрамцеве шалости вводились в регулируемое русло. Они были востребованы в групповых играх и ко-

медицинских постановках, где мальчик имел право удивлять: он танцевал, перевоплощался, расходясь энергию, которая ранее выливалась в проказы. «Елизавета Григорьевна чутьём угадывала сложную, высокого качества натуру ребёнка, ценила Тому и верила в него. Он, со своей стороны, платил ей привязанностью, не утратившейся за всю его жизнь» (5, с.48.). Великий художник – это не только колорист и рисовальщик, но и человек, обладающий мудростью и умением трудиться. Первые качества дала ему родная мать, другие, в значительной мере, вторая мать, каковой он назвал Елизавету Григорьевну в письме после её смерти.

Стиль свободного воспитания из Абрамцева перешёл в имение Поленовых на Оке, где сохранялся на протяжении всего XX века, а в Абрамцеве был сохранён и позже подхвачен С.Н. Дурылиным, который написал ряд педагогических статей о свободном воспитании ещё до своего появления в Абрамцеве в качестве учителя. Педагогические идеи Елизаветы Григорьевны, как и всё, что она делала, получили глубокое развитие и интересное продолжение. Беда наша, что с революцией, как минимум, затормозилось развитие этих начинаний.

7. Последние годы жизни

Последние годы жизни Елизаветы Григорьевны – годы труда и терпения. Одна за другой на неё обрушивались невзгоды. В 1891 г. заболел и умер сын Андрей Саввич, работавший во Владимирском соборе с В.М. Васнецовым. Сложно складывалась судьба остальных детей. В 1899 году был арестован и разорён муж. Она глубоко переживала его неудачи и, видимо, на нервной почве заболела. Отдых душе дало счастливое, но мучительно долгожданное замужество Веры Саввишны. Радовали появившиеся один за другим внуки, дети Всеволода Саввича и Веры Саввишны. Они подолгу гостили в Абрамцеве. Она снова, как в молодости, читала вслух, теперь – внукам.

Внезапная смерть Веры Саввишны на третий день Рождества 1907 года подкосила мать. Елизавета Григорьевна скончалась 28 октября (11 ноября) 1908 года. Похоронили её рядом с дочерью у стен Абрамцевской церкви при большом молитвенном собрании родных, друз-

зей и благодетельствованного ею люда из соседних селений. Её детище, столярная мастерская, установило на могиле саженный дубовый крест, который воссоздан по фотографиям к 100-летию со дня кончины. Преемницей в Абрамцеве стала младшая дочь, Александра Саввишна, воспитанная матерью и подготовленная принять её ношу по руководству школами, поддержанию духа Абрамцева и его тела в виде хозяйства имени. П.А. Флоренский летом 1917 года писал ей, что она знает душу Абрамцева и обязана сохранять в революционной буре прежде всего то, что является носителем этой души.

В.М. Васнецов 29 ноября 1908 года написал Е.А. Праховой: «... знать тётю Лизу, нашу родную Елизавету Григорьевну и не любить её было нельзя! Потеряли мы все её окружавшие, какой-то свет-

лый согревающий центр. Около неё мы все сердцем ютились. На похоронах обнаружилось, как все её любили, как многим она была необходима. Отпевание в Хотькове было торжественное и даже что-то пасхальное в нём чувствовалось. Это было торжество праведницы! Помните мою Екатерину Великомученицу? Она напоминала её. Лицо тихое, прекрасное, все страдания земли утихи, умиротворились... Нет, не забыть нам никому нашей дорогой Елизавете Григорьевны!» (ОР ГРМ Ф.139/Прахов/, ед. хр. 297, л. 20-21).

8. Заключение

В заключение приведём слова М.В.Нестерова: «Жизнь покойной Елизаветы Григорьевны Мамонтовой была прекрасный подвиг, и я, право, не знаю, не помню на пути своём ни одной женщины, которая бы отвечала так щедро, так полно на все запросы ума и сердца.

Какое счастливое сочетание большого ума и большого сердца! Какое редкое равновесие того и другого!

Величайший житейский тант, мудрость жизни, неусыпная мысль к добром деланию, скромность, простота. Религиозность без ханжества. Христианка в самом живом, деятельном проявлении. Чудная мать, заботливая хозяйка, энергичный, разумный член общества, друг меньшой братии с прекрасной инициати-

*Елизавета Григорьевна Мамонтова с внуками
Мамонтовыми Екатериной, Софьей, Андреем
и Самаринами Елизаветой, Юрием и Сергеем.
1908 г.*

вой в области просвещения и прикладных искусств. При всём том обаятельная в обращении с людьми, с привлекательным лицом, тихими, немного прищуренными глазами и несколько печальной, приятной улыбкой, чертами лица правильными, несколько грузинского типа. Не удивительно, что одно из наиболее любимых современных церковных изображений исполнено под впечатлением этого прекрасного лица.

И сколько было сделано Елизаветой Григорьевной добрых дел, сделано тайно, незаметно... Ещё долго после кончины Елизаветы Григорьевны приходилось слышать в округе о добрых делах её. Жизнь её как бы светилась и грела всех лучами своего сердца, и всё это без всякой слащавости или предвзятости, так естественно, просто, разумно.

Ах, если бы в мире было больше таких, какой была Елизавета Григорьевна!

Если зло имеет неотразимую прелест, то его, конечно, может победить чудная красота добра, и такая красота была дана Елизавете Григорьевне, и жизнь её была непрерывной борьбой с обаянием зла. Пришёл час, — тихо угасла эта жизнь, но свет её светит и поныне то там, то здесь мерцает, ведёт людей к вере в

лучшие дни, в лучших людей...» (2, с.164-165).

Эти замечательные слова написаны Михаилом Васильевичем в 1918 году, в год десятой годовщины со дня смерти Елизаветы Григорьевны. Они вечны. Посмеем добавить, что по прошествии ста лет со дня её кончины свет образа хозяйки Абрамцева «светит и поныне». В её доме и её усадьбе он изливается неярким потоком, согревает и успокаивает многие души, приводит к вере в незабвенность добра, к вере в торжество добра над порывами злобы, к вере в Бога.

Литература

1. Дурылин С.Н. Нестеров в жизни и творчестве. М. 2004.
2. Нестеров М.В. Давние дни. М. 1959.
3. Пастон Э.В. Абрамцево. Искусство и жизнь. М. 2003.
4. Поленова Н.В. Абрамцево. Абрамцево. 2006.
5. Серова В.С. Как рос мой сын. Ленинград. 1968.
6. Смирнова Т.В. Семейная атмосфера в усадьбе кн. Трубецких и их потомков. Сб. «Русская усадьба», вып. 12(28). М. 2006.
7. Тюрина О.А. «Ваша Вера Мамонтова ...» Сб. «Русская усадьба», вып. 13-14. М. 2008.

Татьяна САВЧЕНКОВА,
доцент кафедры филологии и культурологии
Ишимского государственного педагогического
института имени П.П.Ершова,
кандидат филологических наук

Юлия КОНОВАЛЕНКО,
студентка 3 курса филологического отделения
Ишимского государственного
педагогического института имени П.П.Ершова

Поэт Капитон Голодников и его сказка «Кобёр-Самолёт»

Капитон Михайлович Голодников (1822 - 1906) – педагог, поэт, журналист, мемуарист, общественный деятель. По окончании Тобольской гимназии в 1839 году преподавал русский язык в Ялуторовском уездном училище (1839-1846). Являлся заседателем Курганского окружного суда. В 1880-е гг. был редактором неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей», в начале 1890-х – редактором Омской общественно-литературной газеты «Степной край». Член Западно-Сибирского отдела Русского географического общества с 1878 г. Автор ряда популярных книг, посвященных истории и современности Тобольской губернии: «Альбом Тобольских видов» (1864), «Тобольская губерния накануне 300-летия годовщины завоевания Сибири» (1881), «Тобольск и его окрестности» (1887) и мемуаров: «Декабристы в Тобольской губернии» (1899), «Воспоминания провин-

циального педагога» (1893-1894). Последние были напечатаны в ряде номеров газеты «Степной край». Был он и составителем статистического описания Ялуторовского округа¹.

И всё же эту биографическую справку нельзя считать полной без упоминания поэтических занятий К.Голодникова. Ещё будучи гимназистом К.Голодников под воздействием преподавателя словесности, известного поэта Петра Павловича Ершова увлёкся стихотворством и написал в 1838 и 1839 гг. два произведения в модном для той эпохи жанре «думы» - «Искер» и «Смерть Ермака» (последнее было, по всей вероятности, своеобразным откликом на ершовский одноимённый сонет). Перед появлением первого из этих стихотворений, как вспоминал в дальнейшем К.Голодников, «Петр Павлович, в желании наиболее сильного воздействия на воображение юноши пригласил его прока-

титься с собой на бывшую столицу сибирского царя Кучума Искер, где и осмотрены были местность этой древности и окрестности её². А вскоре эти стихотворения увидели свет в Петербурге, как сейчас бы сказали, в «центральном» издании – «Прибавлениях Журнала Министерства Народного Просвещения» за 1839 и 1840 годы³.

Учительствуя в Ялуторовске, К.Голодников не оставлял своих поэтических занятий. В этом городе он написал сказку в стихах «Ковёр-Самолёт», совершенно забытую в настоящее время и, хочется добавить, забытую несправедливо. Прежде чем мы познакомим читателей «Явлутур-городка» с этим произведением, следует обратиться к истории его издания и моментам выявления принадлежности этой сказки молодому ялуторовскому педагогу.

«Ковёр-Самолёт» был напечатан в Москве, в типографии В.Кирилова в 1841 году. На обложке значилось имя никому не известного автора – «Кон. Голодников»⁴. Оpus молодого писателя был встречен столичной критикой холодно и даже издевательски. Анонимный рецензент петербургского журнала «Отечественные записки» написал «разгромный» отзыв, обвинив стихотворца едва ли не в плагиате и припомнив заодно достаточно нeliцеприятно П.П.Ершова, «разруженного» за год до этого теми же «Отечественными записками». Критик этого журнала явно продолжал линию В.Г.Белинского, не принимавшего литературных сказок, как «подделок» под народные произведения, и нападавшего не только на Ершова, но и на Пушкина.

В отклике на «Ковёр-Самолёт» мы читаем: «Нового в этой новой сказке вы, конечно, искаль не будете: и в самом деле, что ж бы могло быть в этой сказке нового. Та же манера, те же стихи, те же слова; даже и это заманчивое «в трёх частях», и оно взято из одной, некогда довольно знаменитой русской сказки, которая также разделялась на три части; даже и эта типография – это всё та же попечительная типография г.Кирилова, призывающая сирых и убогих в литературе. Нового здесь только одно, но за то оно стоит всей сказки. Это – имя автора. Видите ли вы его, это звучное, гармоническое имя, кудрявыми чертами изображённое на заглавном листе?.. Кон.Голодников! Какое славное, громкое имя! Потрудитесь заучить его, чтоб с прличными похвалами припомнить при втором произведении того же автора, которое, конечно, не замедлит явиться из той же типографии»⁵.

Можно предположить, что этот «отзыв», в котором высмеивалась даже фамилия автора (словно предчувствуя подобную реакцию, Голодников заменяет своё простонародное имя на более благозвучное – Кон[стантин]), навсегда отбил у молодого поэта охоту создавать сказочные произведения. А ведь ему было только 19 лет, как и «дебютировавшему» в том же самом возрасте сказкой «Конёк-Горбунок» Ершову!

В дальнейшем Голодников нигде о своей сказке не вспоминал. Но как же удалось устано-

вить его авторство? Сразу же ответим на этот вопрос – благодаря М.С.Знаменскому. В повести «Исчезнувшие люди. Рассказ старожила», посвящённой своим детским годам в Ялуторовске, он, в свойственной ему иронической манере «переиначивать» реальные имена и названия, написал: «В городе Полуторовске есть большая улица, длинная-предлинная и такая широкая, что даже Михаил Капитоныч Болотников – туземный учитель и туземный же автор поэтической летучей рогожки – на что, кажется, был велик, а и он, если стоит на другой стороне улицы, то оказывается таким маленьким. Не на этой ли улице видели его гг. рецензенты? И не с этой ли точки зрения отвергли в нём всё величие и его, и его летучей рогожки?»⁶.

А в мемуарах Знаменского этот момент представлен с ещё большей наглядностью: «В городе Ялуторовске есть большая улица, длинная, длинная и такая широкая, что даже Капитон Михайлович Голодников, тамошний поэт-сочинитель ковра-самолёта, ведь, кажется, и великий человек, а если он стоит на другой стороне улицы, то таким оказывается маленьким. Не на этой ли улице видели его господа рецензенты и не вследствие ли того отвергли и надсмеялись над величием его самого и гениального его творения?»⁷.

Безусловно, и Знаменский, как это ощущается по его интонации, не был почитателем поэтического творчества К. Голодникова и особого сочувствия к нему не проявлял. Но если посмотреть на это произведение непредвзято, в контексте литературной эпохи первой половины XIX века, а также принять во внимание широкое распространение по всей России литературных сказок в стихах, рассчитанных на эстетические вкусы обычных, подчас малограмотных, но тянувшихся к художественному слову читателей, то мы увидим, что сказка К.Голодникова не лишена поэтических достоинств. Она не устарела и сегодня, современные любители сказочного стихотворного жанра смогут найти в ней и сюжетную занимательность, и яркую образность, и лёгкий стих, и мягкий юмор, и психологически разработанные характеры.

Представим основные фабульные моменты этого произведения. В зчине сказки автор дает яркую картину сказочного царства- Саракульского Государства и постепенно знакомит нас с действующими лицами: стариком, старухой, тремя братьями, царевной-королевной, царями и рядом волшебных существ.

Сцена, с которой начинается развитие действия, - появление неизвестного вредителя, который наносит урон крестьянскому огороду. Старшие братья отправляют младшего - Ивана, отличающегося ленью, на охрану огорода. Враждебной силой,чинившей непорядки в крестьянских угодьях, оказывается Яга- Баба.

«Смотрит он, и примечает:

Яга-Баба выступает,
На плечах своих несет
Развалившийся заплот»⁷.

Иван ловит вредительницу, которая обеща-

ет ему за своё освобождение волшебный подарок – Ковер-Самолёт.

«Заглянув к себе в ограду,
Забежал старухе сзаду,
И в минуточку одну
Прямо впился ей в спину,
Петлю крепкую на шею
Ей надел рукой своею. (...)
(Говорит она Ивану):
Я просить тебя не стану,
А скажу лишь напрямки:
За деревней у реки,
Под высокими соснами,
С изумрудными снастями,
Девяносто третий год
Скрыт Ковер мой Самолёт.
Дай же мне теперь свободу:
Отпусти из огорода,
И возьми его себе:
Знать угодно так судьбе».

Иван отпускает Ягу-Бабу, испытывает подарок, затем прячет его в амбар, а дома рассказывает небылицу о встрече с чёртом. Почувствовав себя обладателем столь необычного дара, Иван начинает мечтать о женитьбе на самой царевне. Этим и заканчивается первая часть сказки. Во второй части действие переносится в Пешехонское Государство, где правит «славный Царь Дамет», а у этого царя есть прекрасная дочь Эолина, мечтающая, подобно героям сентиментальных романов, о высоких чувствах:

«Что мне в жемчуге, в каменьях,
Что в постылых наслажденьях,
Что в короне золотой?
Где ты, друг любезный мой?
Да, за ним везде пойду я,
Счастье с ним одним найду я!»

С нянькой она идет к старику-отшельнику, который предсказывает будущее, а вещуном оказывается «замаскированный», замысливший похищение царевны Иван. Усадив Эолину на ковер-самолёт, он улетает с ней в деревню:

«Тут Ковер он разостпал,
Трижды филином вскричал,
И предложил Эолине
Сесть на самой середине,
Не шуметь, не говорить,
Чтоб не начал он творить.
Сам сел с ней... Ковер поднялся,-
И быстрей орла помчался...»

Иван убеждён, что он понравится Эолине, но глубоко ошибается в этом. Царевна не собирается приспособливаться к крестьянскому быту. Выдержав лишь один день «новой жизни», Эолина решает бежать, похищает ковер и возвращается на нём к отцу. Бегством царевны и завершается вторая часть.

Третья часть показывает нам страдающего Ивана, его печаль показана в контрасте с растущейся природой.

«Полдень. Яркими лучами
Солнце блещет над полями,
Птички песенки поют,
Волны по морю бегут,

Вслед за синими волнами;
Над горами, над холмами
Воцарилась тишина.
Третий день без пищи, сна
По горам и по равнинам,
По холмам и по стремнинам
Как кочующий цыган,
Бродит бедный мой Иван»

Иван решает во что бы то ни стало отыскать царевну, с этого момента начинается новый «виток» его приключений. После встречи с волшебным цветком происходит преображение крестьянского сына:

«На равнине под холмами
Видит он между кустами
Удивительный цветок:
По листочкам огонек,
Будто звездочка, мелькает:
То блестит то исчезает(...)
С корешком цветок схватил,
И немедля- проглотил(...)
В миг один переменился:
Так он, так похорошел,
Побелел, помолодел!...»

Затем ему попадается жук, которого он хочет убить, но после некоторых раздумий оставляет в живых, получая взамен богатырскую силу, которую тут же проверяет.

«Смотрит... Что же! -под ногами,
С тараканьими усами,
В модном фраке жук ползет,
Песни модные поет(...)
Отпусти ж меня, мой милый!
С этих пор чудесной силой
В свете будешь обладать!(...)
На пути лежит дубина
И её то мой детина
Взял, глубоко в землю вбил,
За конец поворотил.
Месяц облаком покрылся,
Вечер тьмой ночной сменился,
А высокие леса
Уперлися в небеса!
И, вернув опять рукою,
Вынул с глиной и землею...»

Пройдя еще часть пути, Иван находит тело паладина (добролестного рыцаря), забирает его коня и одежду и прибывает в Пешехонское Государство, в котором полыхает война. На царя Дамета напал царь Кузьма, желающий силой завладеть Эолиной. Иван вступает в бой с Кузьмой, пленяет его и предстает перед Даметом уже красавцем богатырем-победителем. Дамет выдаёт Эолину за Ивана, и сказка заканчивается свойственным этому жанру свадебным пиром.

«Три дни ровно праздник длился,
Три дни ровно пир гремел...
А чудесный Самолёт
Был поставлен у ворот,
Чтобы всяк им любовался,
И хвалил и удивлялся.»

Конечно, перед нами «русская сказка», сказка-подражание ершовскому «Коньку-Горбунку». Уже самые первые строки произве-

дения перекликаются с произведением П.П. Ершова. К тому же у обеих сказок одинаковая структура - троечестие, правда, в Ковре – Самолете нет эпиграфов перед каждой частью, которые мы видим в «Коньке-Горбунке». И написаны эти произведения одним и тем же размежером – хореем, и рифмовка у них одна и та же: женские рифмы чередуются с мужскими. Есть сходство начальных строк – зачинов, с характерными для них образами земли и неба.

«В допотопном славном царстве,
В Саракульском Государстве,
Где земля и небеса,
Вместе сходятся, леса
И коралловые горы
Обвораживаю взоры...»
(Голодников)

«За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба- на земле
Жил старик в одном селе.»
(Ершов)

Во-многом совпадает система главных персонажей и даже их имён. У Ершова: Данило, Гаврило и Иван, у Голодникова: Вавило, Пахом и Иван. Можно заметить и другие моменты сходства. Например, в завязке, заключающейся в появлении вора, которого нужно поймать:

«Так, чтоб воры не ходили,
Наших гряд не бороздили,
Чтоб не портили работ-
Карауль-ка огород!»
(Голодников)

«Стали думать да гадать-
Как бы вора соглядатать;
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь
Злого вора подстеречь»
(Ершов)

В том и другом случае вор дарит Ивану-дураку волшебный подарок, причем и у Ершова, и у Голодникова – «дар» может летать. Иваны обеих сказок предусмотрительно скрывают подарки и рассказывают своим родным небылицы про чёрта.

«Только я расстался с вами,
Сел в траве между грядами,
Слыши кто-то зашумел...
Тут я чуть не околел!
В двух шагах передо мною,
В три сажени вышиною,
Без бровей и без ресниц,
Словно месяц- круглолиц,
Да с петушьими глазами
Чёрт лежит между грядами!»
(Голодников)

«Вдруг приходит дьявол сам,
С бородою и с усам;
Рожа словно как у кошки,
А глаза-то – что те плошки!
Вот и стал тот чёрт скакать
И зерно хвостом сбивать...»
(Ершов)

Больше всего черт сходства в первой части каждой сказки. В последующих частях таких моментов мало, правда, в третьей, можно заметить перекличку мотивов «преображения». Ершовские «котлы» и голодниковский «цветок», дарят Иванам красоту:

«В миг один переменился:
Так он, так похорошел,
Побелел, помолодел!...»
(Голодников)

«На конька Иван взглянул
И в котел тотчас нырнул,
Тут в другой, там в третий тоже,
И такой он стал пригожий-
Что ни в сказке не сказать,
Ни первом не написать!»
(Ершов)

И концовка обеих произведений – свадебное гуляние, тоже не лишена сходства:

«Три дни ровно праздник длился,
Три дни ровно пир гремел...
А чудесный Самолет
Был поставлен у ворот,
Чтобы всяк им любовался,
И хвалил и удивлялся».«
(Голодников)

«Во дворе же пир горой:
Вина льются там рекой;
За дубовыми столами
Пьют бояре со князьями.
Сердцу любо! Я там был,
Мед, вино и пиво пил;
По усам хоть и бежало,
В рот ни капли не попало».«
(Ершов)

Можно видеть сходство и в авторских характеристиках героев: Иван-дурак оказывается на поверху смелым, предпримчивым, умным, а братья, любители нравоучений, лицемерными, хитрыми, жадными людьми, остающимися в конце концов в дураках. Строптивые царевны той и другой сказки смиряются и принимают чудесно преобразившегося Ивана.

В сказках можно видеть сходные стихотворные формулы:

«Отправляется в поход...»(караулить огород);
«Дай же мне теперь свободу...»(Просьбы Яги-Бабы и кобылицы);
«Слезая...» (с печи);
« Наконец дурак зевнул, /Потянулся и заснул!» (после рассказа о чёрте).

И сходство мотивов, например, мотив жены-нити соперника. В том и другом случае за царевну сватается царь, но она в конце концов предпочитает Ивана. В этих сказках много юмора, озорства, неожиданной смены картин.

И всё же Голодников не только подражает Ершову, но и выбирает свой путь создания литературной сказки. Так, во второй части абсолютно другое развитие сюжета с появлением «отшельника» и юмористическим «переносом» царевны в крестьянскую избушку. В третьей части возникает «смеющийся» волшебный цветок, франт-жука, мертвый палadin. Важ-

ное место занимает сцена превращения Ивана в красавца-богатыря, совершающего военный подвиг, упоминание царств и царей, находящихся друг с другом во вражде. Всё это указывает на связь литературной сказки Голодникова с лубочными произведениями.

В лубочных сказках и повестях, этих интересных образцах книжной литературы, возникших ещё во второй половине XVIII века и представлявших собой очень часто прозаические переделки западноевропейских рыцарских романов или русских былин, действие разворачивается в государствах с фантастическими названиями: Буржатском, Каржатском, Арапатском, Арапском и т.д. Главными героями являются рыцари, героини – царевны-королевны или принцессы. Очень часто они имеют экзотические имена: Лигура, Прелепа, Острион. Можно сравнить с Голодниковым: Эолина, Дамет. Рыцари напоминают богатырей, наделённых непомерной силой. В сказке «Ковёр-Самолёт» связь с подобными произведениями очевидна, но, безусловно, ею не исчерпывается, так как для Голодникова оказывается значимой и «высокая» литература, которую создавали по настоящему талантливые поэты.

Как нам кажется, следует говорить не только об ученичестве Голодникова, но и достаточно удачной попытке молодого ялуторовского учителя создать своё произведение, внести свою

скромную лепту в жанр стихотворной сказки, уже прославленный именами В.А.Жуковского, А.С.Пушкина, П.П.Ершова.

Литература

1. Афонасьева Л. Капитон Голодников и его историко-статистический очерк // Ялутур-городок. Историко-краеведческий альманах. – Ялуторовск, 2009. Вып.4. – С.142-155.
2. См. «Воспоминания о Тобольской гимназии» К.М.Голодникова, опубликованные в издании: «Ершовский сборник» / Под ред. Т.П.Савченковой. – Ишим, 2006. – Вып.3. – С. 138.
3. Стихотворения К.Голодникова repубликованы в издании: «Ершовский сборник» / Под ред. Т.П.Савченковой. – Ишим, 2006. – Вып.3. – С.144-150.
4. Ковёр-Самолёт. Русская сказка. В 3-х частях. Кон. Голодникова. Москва. В типографии В.Кирилова. 1841. Далее сказка будет цитироваться по этому изданию.
5. Отечественные записки. СПб.,1842. – Т.XX (раздел «Библиографическая хроника»). – С.53.
6. Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска. Сочинения. / Сост. тома Ю.Л.Мандрика, предисловие и примечания В.А.Рогачёва. – Тюмень, 1997. – С.141.
7. Курдина Н.Н. Мемуары М.С.Знаменского // Сибирская археография и источникование. – Новосибирск: Изд-во «Наука». Сиб. Отделение, 1979. – С.213.

Лидия ПЛОСКОВА,
ветеран музеиного дела (г.Ялуторовск)

Тригорий Тарасов – рядовой лейб-гвардии Павловского полка

Несколько лет назад Архип Григорьевич Тарасов показал мне документы и фотографии, которые собирал и систематизировал на протяжении всей своей жизни. На основе этих источников он составил родословную роспись по линии Тарасовых.

Больше всего меня заинтересовал один документ. Это была автобиография его отца Григория Ивановича, написанная в 1950 году. Какие это были годы, мы знаем. Сталинские репрессии продолжались. Вот и Григорию Ивановичу пришлось писать этот оправдательный документ на пяти страницах, который заверили жители с.Петелино Ялуторовского района, «живущие и выросшие с ним вместе».

В судьбе этого человека было много крутых поворотов и событий, участником которых он становилсявольно или невольно.

В 1919 году Григорий Тарасов был избран председателем сельского Совета. Зимой 1921 года в село вошла банда Мальцева. Был захвачен сельсовет и под угрозой оружия началась мобилизация мужчин. Григорию Ивановичу удалось, под предлогом взять дома про-

дукты, выйти из здания. Домой он не пошел, а сразу же направился окольными путями в Хохлово, где стоял отряд красных. Доположил комиссару отряда В.Кошкину о происходящем в деревне. В эту же ночь началось наступление, и банда была оттеснена в сторону д. Коктюль. Григорий Иванович вернулся домой и до конца 1921 года работал председателем сельского Совета. Занимался сельским хозяйством и имел крепкое по тем временам хозяйство: дом, амбар, конюшня, три лошади, три коровы, мелкого скота пять голов. В период коллективизации осенью 1929 года вступил в коммуну «Путь к социализму» и всю живность сдал в общее хозяйство. В 1933 году был раскулачен и исключен из коммуны. Так до конца жизни оставаясь в неведении: «За что?». Через восемь месяцев его восстановили в правах и приняли обратно в коммуну. Но вопрос остался. Кому-то не давали покоя некоторые факты из его биографии.

Как человек честный и, ни в чем себя виноватым не считавший, он подробно описал свою жизнь. Григорий родился в сентябре 1880 года в д. Петелино Томиловской волости Ялуторов-

ского уезда Тобольской губернии. К началу первой мировой войны он уже имел семью и троих малолетних детей. В 1916 году родилась еще одна дочь. В этом же году его призвали на военную службу. Служить ему довелось в знаменитом лейб - гвардии Павловском полку.

В октябре 1917 года павловцы приняли активное участие в петроградских событиях. В дни октябрьского вооружённого восстания большевиков полк стал одной из немногих воинских частей, отказавшихся от «нейтралитета», занятого основной массой частей Петроградского военного округа и принявших участие в восстании на стороне большевиков. Солдаты полка штурмовали Зимний дворец. В казармы Павловского полка были отведены «ударницы» (добровольцы из «Женского батальона смерти», защищавшие Зимний дворец). В гуще этих событий оказался и наш сибиряк. В 1918 году его полк расформировали. Григорий Иванович вернулся домой. Со службы привез он памятную, уникальную фотографию. На ней изображен он сам в военной форме со всеми атрибутами этого полка.* Факт службы в знаменитом полку меня заинтересовал больше всего. Вспомним строки из известного вступления к «Медному всаднику» А.С.Пушкина:

*Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красотость,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.*

Эти строки уместно прокомментировать. Дело в том, что в период войн с Наполеоном в 1805-1807 годах прославился Павловский полк.

Солдаты Павловского полка гордились тем, что только им принадлежала честь на парадах маршировать с ружьями наперевес и в медных шапках. В одной из битв с французами павловцы сражались с такой отвагой, что Наполеон, ценивший военную доблесть противника, приказал собрать на поле боя простреленные каски русских солдат и передал Александру I эти скорбные свидетельства мужества воинов России. И последовал приказ, который был зачитан во всех русских гвардейских частях: «За отличное мужество, храбрость и неустрашимость в сражениях с французами состоящие в лейб-гвардии Павловском полку шапки оставить в том виде, в каком полк сошел с места сражения, хотя бы некоторые из них были повреждены. Да будут эти шапки всегдашним памятником отменной храбрости полка».

Это было неслыханным отличием! Медные пластины, укрепленные на пробитых вражескими пулями, обожженных порохом шапках, сохранили для новобранцев полка имена тех солдат-героев, которые носили эти шапки в сражениях с войсками Наполеона. Новобранец Павловского полка, проявив боевую удаль в бою, получал такую простреленную шапку с именем героя-

однopolчанина и с гордостью носил этот головной убор, ставший воинской реликвией. В Павловском полку хранилось более пятисот таких шапок-реликвий. Они переходили от солдата к солдату, на каждой из них была выгравирована фамилия того воина, который сражался в этой гренадерке под Фридландом 2 июня 1807 года.

Позже, когда Павловский полк стал гвардейским, солдаты его получили новый головной убор, общий для всей гвардии - кивер. Горько было солдатам-павловцам расставаться со славными простреленными гренадерскими шапками. Но благодаря находчивости старого солдата павловцы сохранили свои реликвии. Случилось так, что царь Александр I обратился к стоявшему на часах старому павловцу Лаврентию Тропину, уже получившему кивер, и спросил часового - удобнее ли кивера прежних шапок? На что Тропин ответил, что кивера удобнее, «но в гренадерских шапках неприятель нас знал и боялся, а к новой форме еще придется приучать его». Ответ понравился, гренадерки былиозвращены павловцам. Л. Тропин был произведен в унтер-офицеры, получил в награду сто рублей и право первым приветствовать императора при его появлении перед строем.

Еще один факт из истории этого полка. Помимо традиционных боевых и караульных задач, лейб-гвардия исполняла церемониальную функцию, принимала участие в парадах, шествиях и торжественных выездах. В связи с этим особое внимание уделялось внешнему виду личного состава. Предпочтение отдавалось высоким, отличного сложения новобранцам. Существовали даже своего рода «экстерьерные» градации. Например, в Российской империи в Преображенский полк брали самых высоких и русоволосых рекрутов, в Семёновский принимали блондинов, в Измайловский — брюнетов. В конногвардейских полках значение придавали не только цвету волос гвардейцев, но даже масти лошадей: в Кавалергардском полку служили блондины на гнедых лошадях, в Кирасирском Его величества — рыжие на рыжих лошадях. В память о Павле I в Павловский полк негласно набирали невысоких курносых блондинов или рыжих. В Петербурге шутили: «Курносы, как телята — это павловцы-ребята».

Был у полка и свой военный полковой марш, начинающийся словами:

*Под знамя Павловцев мы дружно поспешим,
За славу Родины мы грудью постоим.*

Два документа из семейного архива и целая жизнь одного человека. Жизнь простого сибиряка и история страны. Его сын, Архип Григорьевич, сохранил эти документы для потомков и в последний год своей жизни передал архив старшему сыну Виктору.

Список использованных источников и литературы:

- 1.Семейный архив А.Г.Тарасова;
- 2.Википедия.

*Фото Григория Тарасова в форме гвардейца Павловского полка на 3 странице обложки.

Виктор ЮЖАКОВ
(г. Тюмень)

Дикость и невежество не уважают прошедшего, преклоняясь перед одним настоящим.

А.С.Пушкин

Сибирский «Медехоб»

Вся история человечества — это история войн. Из каждого пяти лет только один год был мирным. За последние пять тысяч лет в мире случилось четырнадцать тысяч войн, в которых погибли около трех миллиардов людей.

Война — это отмена всех законов, обычаяев, заповедей, отмена жалости, сочувствия, сострадания. В то же время военная профессия считается почетной, опасной, но всегда дающей заработка и возможность сделать карьеру.

Предлагаю читателю документальный рассказ о военной судьбе моего деда Андрея Ивановича Александрова. Повествование основано на архивных данных (сведения о простых людях в архивах тоже хранятся), воспоминаниях однополчан и родственников.

Андрей Иванович родился в 1898 году в деревне Травниковой Плетнёвской волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии в семье крестьянина - середняка Ивана Афанасьевича Александрова. Деревня насчитывала 34 двора, 138 душ мужского пола. На сельских сходах право голоса имели только мужчины - домохозяева. От каждого двора по одному голосу. Иван Афанасьевич был одним из четырех грамотных в деревне, активно участвовал в сельском самоуправлении. Младший сын Андрей унаследовал от отца спокойный характер, тягу к знаниям, обстоятельность, серьезный подход к любому делу.

В 1917 году Ялуторовским уездным присутствием по воинской повинности девятнадцатилетний Андрей Александров был призван в царскую армию. Воевал на Юго-

Западном фронте в составе 9-й роты 181-го Остроленского пехотного полка 46-й дивизии. Получал ежемесячное солдатское жалование

в размере 7 рублей 38 копеек. Весной 1918 года Андрей Александров был демобилизован и вернулся в родную деревню Травникову. 25 августа 1918 года вышел указ Временного Сибирского правительства о призывае в сибирскую белую армию лиц, родившихся в 1898-1899 годах. К 25 сентябрю 1918 года были призваны 116590 новобранцев, в их числе Андрей Александров.

Снова война, уже гражданская.

В ноябре 1919 года красный командир кавалерийского дивизиона 30-й дивизии Константин Рокоссовский в результате стремительной атаки берет в плен колчаковскую артиллерийскую батарею. С юга приближается крупная колонна белой конницы. Он принимает единственно возможное решение: подскакав к пленным артиллеристам, радовавшимся столь удачному избавлению от службы в колчаковской армии, кричит:

- Кто среди вас старший?
- Я, - отзыается из толпы батарейцев унтер-офицер Александров.

- Видишь - казаки? Огонь по ним! Будете стрелять - будете жить.

Через несколько минут батарея ведет беглый огонь по казакам, и те, не выдержав его, отступают. Захваченная в этом бою колчаковская батарея прошла в составе 30-й дивизии весь путь до Иркутска. Так ко-

мандир орудия гаубичной батареи 1-го Средне - Сибирского корпуса унтер-офицер Андрей Александров оказался в Красной Армии. В 1923

A.V. Колчак награждает солдат.
Справа Александров.

A.I. Александров - курсант.
1926 г.

году командование 30-й стрелковой дивизии посыпает комзвода Андрея Александрова на учёбу в 1-ю Ленинградскую артиллерийскую школу. Далее Андрей Иванович преподавал артиллерию в Архангельском учебном центре, прошел все ступени служебной лестницы от командира взвода до командира полка.

В начале Великой Отечественной войны майор Александров командует 12-м запасным артполком, находившимся в Вологде, где ныне живет его сын, Юрий Андреевич, 1928 года рождения, майор милиции в отставке. После нескольких рапортов с просьбой отправить на фронт, в феврале 1942 года А.И. Александров вступает в командование 112-м артполком 28-й стрелковой дивизии на Калининском фронте в районе Великих Лук. В тяжелых позиционных боях 28-я дивизия, укомплектованная кадровыми командирами, дралась храбро и грамотно, перемалывая отборные части вермахта. В октябре 1942 года майору А. И. Александрову присваивают очередное звание «подполковник» и накануне стратегической операции «Уран» назначают командиром 817-го артиллерийского полка 293-й стрелковой дивизии, которая дислоцируется севернее Сталинграда.

Проживающий в городе Караганде полковник в отставке Григорий Владимирович Нейман (в 1942 году — лейтенант, командир взвода управления) хранит офицерское удостоверение, подписанное Александровым и с теплотой вспоминает своего командира. Андрей Иванович был среднего роста, с отличной строевой выпрямкой. Его спокойствие и уверенность передавалась подчиненным, все полковые службы работали, как хорошо отлаженный механизм. Особое умение артиллеристы должны были проявлять при наступлении наших войск. Необходимо было разрушить проволочные заграждения, дзоты, подавить максимум огневых точек противника. Вести беглый огонь прямо перед нашей наступающей пехотой, расчищая ей дорогу.

Приказом командира 293-й стрелковой дивизии генерал-майора П.Ф.Лагутина на период наступления подполковник А.И. Александров назначается командиром артиллерийской группы, состоящей из двух артиллерийских полков.

19 ноября 1942 года после полуторачасовой артиллерийской подготовки войска 293-й стрелковой дивизии с плацдарма у станицы Клетской, на правом берегу Дона, начали наступление и прорвали вражескую оборону 12-й пехотной румынской дивизии. В районе Сталингра-

да 6 немецкая армия была окружена и разбита. Командующий генерал-фельдмаршал Паульс со штабом был взят в плен.

Командующий войсками Донского фронта генерал-полковник К.К. Рокоссовский подпишет приказ № 105/н от 3 февраля 1943 года: ... «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество НАГРАЖДАЮ: ...орденом Красной Звезды подполковника Александрова Андрея Ивановича, командира 817 артиллерийского полка 293 стрелковой дивизии».

Рядом праздновал победу штаб 156-го Краснознамённого артиллерийского полка 77-й гвардейской стрелковой дивизии. Праздник закончился трагедией. По словам генерал-лейтенанта в отставке Глеба Николаевича Ткаченко (живет в Москве, в 1943 году служил командиром взвода разведки), семь офицеров полка вместе

с командиром подполковником К.А.Гинзбургом скончались от трофейного спиртного.

Командиром 156-го гвардейского артполка 77-й гвардейской стрелковой дивизии был назначен гвардии подполковник А.И.Александров. В конце марта 1943 года дивизию перебрасывают по железной дороге в Тульскую область и вводят в состав 61-й армии Брянского фронта генерала П.А.Белова. Дивизия обороняла рубеж реки Оки южнее города Болхова.

В июле 1943 года началась Орловско-Курская битва — крупнейшее сражение Великой Отечественной войны. На Орловском направлении 156-й гвардейский артиллерийский полк в составе 77-й гвардейской стрелковой дивизии (командир Герой Советского Союза генерал-майор В.С.Аскалепов) участвовал в прорыве Болховского укрепрайона.

В Архангельском музее 77-й гвардейской стрелковой дивизии хранится реликвия — окопный рукописный журнал «Боевые дела коммунистов 156-го гвардейского Краснознаменного полка» (редактор - парторг, гвардии майор В.Н.Прудников, а художник — гвардии старшина П.Я.Половинкин). В журнале среди прочего опубликована статья «Опытный командир - артиллерист» от 27 июля 1943 года — за 6 дней до гибели А.И Александрова:

«Четверть века находится в рядах Красной армии гвардии подполковник товарищ Александров Андрей Иванович. Начал службу рядовым бойцом и прошёл все ступени до подполковника, командаира полка. С первых дней Отечественной войны тов. Александров является активным участником

**Гвардии подполковник
А.И.Александров.**

в защите нашей Родины и разгроме немецко-фашистских оккупантов. Командуя полком, Андрей Иванович изо дня в день наносит сокрушительные удары по гитлеровцам. Изумительной слаженности, быстроты, меткости артиллерийского огня добился у себя в подразделениях тов. Александров.

16 июля 1943 года Советское Информбюро сообщало:

«На одном участке 80 немецких танков контратаковали часть, где командиром товарищ Аскалепов. Наши

бойцы отбили контрудар противника и уничтожили 36 немецких танков, из них 3 тяжёлых танка типа «Тигр».

Артиллеристы нашего полка мужественно встретили фашистские чудовища. Стойкость победила. В этот день полком было уничтожено 12 немецких танков, из них 2 типа «Тигр».

Тов. Александров во время боя добивается хорошего взаимопонимания с другими родами войск. Каждое слово, каждый приказ Александрова являются для бойцов и командиров непреложным законом. Он проявляет отцовскую заботу о своих подчиненных, ведет переписку с ранеными бойцами, с семьями бойцов».

2 августа 1943 года, преследуя отступающего противника, от разрыва вражеского снаряда в селе Знаменском погиб гвардии подполковник Александров. В Орловском военно-историческом музее хранятся письменные воспоминания свидетеля гибели А.И.Александрова подполковника в отставке Льва Алексеевича Грауберта. В 1943 году капитан Грауберт служил заместителем начальника штаба полка.

5 августа 1943 года, в день, когда Москва впервые во время войны салютовала освободителям города Орла двадцатью артиллерийскими залпами, боевые товарищи хоронили своего командира. Сохранилась фотография похорон, на её обороте — надпись:

« г. Болхов. Сегодня траурный митинг по случаю похорон комполка гвардии подполковника Александрова Андрея Ивановича, погибшего в бою с фашистами. Заботливо украсили цветами могилу трудящиеся Болхова. Трофимова Галина и Потураева Анна избегали в поисках цветов весь город до реки Оки и сделали замечательный венок. 5.08.1943 г. гв. майор А.Чижиков».

Гвардии подполковник А.И. Александров был посмертно награждён орденом Отечественной войны первой степени.

*Похороны командира 156-го гвардейского Краснознамённого артиллерийского полка гвардии подполковника А.И. Александрова
г.Болхов, 5 августа 1943 г.*

За время войны Андрей Иванович командовал тремя артиллерийскими полками, все они стали Краснознаменными. На фронте никогда не отступал и геройски погиб в наступлении.

В центре города Болхова находится Мемориал - 12 могил офицеров и братское захоронение 146 бойцов. Чистый, ухоженный сквер. Почитают в Болхове своих освободителей.

До недавнего времени в Москве в старинном особняке в Староконюшенном переулке, д.

36 находился музей 77-й гвардейской Московско-Черниговской орденов Ленина, Красного Знамени, Суворова второй степени стрелковой дивизии. Эта воинская часть была сформирована в июле 1941 года в этом здании и получила наименование 21-й дивизии народного ополчения Киевского района Москвы. Дивизия была укомплектована только добровольцами, не подлежащими мобилизации. Это были выпускники школ, актёры театра имени Вахтангова, преподаватели московских вузов, в их числе на-

чальник политотдела дивизии Д.Т.Шепилов. (тот самый «Примкнувший»). Вооруженные трёхлинейками, не обученные ополченцы встали на защиту Родины, храбро дрались в районе Каширы осенью 1941 года, понесли большие потери, но не пропустили врага к Москве.

В музее дивизии находились сотни боевых реликвий, исторических документов. В помещении музея собирались ветераны дивизии, велись военно-патриотическая работа среди молодёжи.

В 1996 году появился новый хозяин старинного особняка — некто «народный» артист Александр. Объявил себя наследником старых хозяев, при содействии московского правительства взял дом в аренду на 49 лет, начал ремонт, который длится до сих пор. Ветеранам пришлось разносить музейные реликвии по соседним школам.

Московского музея 77-й гвардейской Московско-Черниговской дивизии больше нет. А ветераны, покрывшие себя неувядаемой славой, прошедшие с победными боями от Москвы до Магдебурга, ещё живы. Нам стыдно перед ними.

Татьяна БУРЛАКОВА,
заведующая краеведческим музеем
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

Строю, опаленные войной

Есть особая категория людей, которые всегда занимают активную жизненную позицию, не пасуют перед трудностями даже в тяжелых ситуациях. К таким людям можно отнести ветерана Великой Отечественной войны Н.Д. Русакова. Его «Воспоминания...» (фрагменты) хранятся в фондах нашего музея. Особый интерес вызывают страницы, посвященные войне.

Русаков Николай Данилович родился в крестьянской семье в д. Криволукской Ялуторовского района. Родители, Данил Яковлевич и Татьяна Васильевна, занимались сельским хозяйством. Семья была большая – пять сыновей и две дочери, и, несмотря на трудности, дружная. Дети с малолетства помогали родителям по хозяйству.

Малограмотные родители постарались дать образование детям. В начальной школе Николай учился на одни пятерки, поэтому родители решили определить его в Ялуторовскую среднюю школу. Жил мальчик у дальних родственников, которым за проживание платили дровами. Заготовлять их помогали братья, а вывозил в город на быках сам Николай. За учебу родители платили деньги, поэтому Коля очень старался. После окончания семи классов с согласия родителей поехал поступать в Тюменский сельскохозяйственный техникум. Успешно сдал экзамены, и ему дали место в общежитии. Учеба Николаю давалась легко. В техникуме вступил в комсомол. Вместе с сокурсниками ходил на разгрузку вагонов и уборку снега на привокзальной территории – надо было на что-то жить и учиться.

Во время производственной практики Н. Ру-

саков работал в Ялуторовской МТС: на тракторах, прицепщиком, помощником бригадира тракторной бригады. Там и застала его страшная весть о войне.

Вскоре был призван в армию и направлен в Омское пулеметно-минометное военное училище, учеба в котором продолжалась шесть с половиной месяцев. Принимал участие в освобождении Ленинграда, Польши, форсировании Одера, в штурме Берлина. Награжден боевыми наградами: двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За взятие Берлина».

После демобилизации из рядов Советской армии работал в органах МВД-МГБ. В 1952 г. экстерном сдал экзамены за 10 классов средней школы и был рекомендован Управлением МВД для обучения в Свердловскую двухгодичную юридическую школу, которую закончил в 1955 году. Но из-за болезни, связанной с ранениями, полученными на фронте, переведен на группу инвалидности и уволен из органов, как инвалид войны. Впоследствии работал начальником отдела кадров Ялуторовского ремонтного завода.

«С войны не возвращаются...», – сказал поэт и ветеран А. Смольников. Действительно, часто в сознании Николая Даниловича живыми кустами разрывов вставала война по ночам. Казалось, военное прошлое сжигает, оставляя после себя пепел. Что оставалось делать солдату? Написать воспоминания о той войне и посвятить их внукам. Но, мы считаем, что эти воспоминания посвящены всем, особенно послевоенному поколению.

Николай РУСАКОВ,
участник Великой Отечественной войны

От Ленинграда до Праги

... На последнюю практику перед госэкзаменами в техникуме я был направлен в тракторную бригаду д. Хохловой. Там и застала весть о войне. 23 июня в деревню прибыл представитель военкомата. Все жители деревни собрались на митинг. Произносились гневные речи. Многие плакали, поскольку впереди было расставание с мужьями, отцами. Здесь же был зачитан приказ, кому надлежит явиться в военкомат для призыва на фронт. Более 30 человек по первому призыву ушли в ряды защитников Родины. Около военкомата стоял сплошной рев провожающих. Плакали женщины, плакали

дети, плакали старики.

Жизнь в первые дни войны как бы замерла. Но при этом не было никакой паники. Все знали, что придется работать, бороться с трудностями, знали, что впереди будут большие лишения.

На восьмой день войны меня вызвали в техникум, откуда направили в Омское общевойсковое офицерское училище имени М. Фрунзе. Перед отъездом я заехал домой в д. Криволукскую. Пробыл около суток дома и отбыл в Омск. Так, с конца июня закончилась моя студенческая жизнь, началась военная.

Меня зачислили курсантом в пулеметно-минометную роту. Выдали военную форму. Учиться было тяжело. Ни одной минуты свободного времени. С 6 часов утра до 11 часов ночи – учеба, огневая подготовка, тактическое обучение, уставы, материальная часть видов оружия и др. Ещё в техникуме вся студенческая молодежь изучала военное дело по специальной программе. Поэтому я хорошо стрелял, умел оказывать первую помощь пострадавшему, знал устройство винтовки, умело пользовался противогазом, знал существующие в то время отравляющие вещества. Я в совершенстве владел упражнениями на турнике, хорошо плавал, ходил на лыжах. Имел специальные значки: «Ворошиловский стрелок», «Готов к ПВХО» (противовоздушной и химической обороны), «ГТО» (готов к труду и обороне), «ГСО» (готов к санитарной обороне). Безусловно, трудовая и физическая закалка дала положительные результаты. Все тяготы военной службы я переносил совершенно спокойно. Но не все выдерживали. Из нашей группы в самом начале были отчислены восемь человек, потом ещё трое ушли добровольцами на фронт. К концу обучения мы все не только физически устали, но и ослабели от недоедания и военной муштры. Иногда приходилось сутками находиться на учениях в зимнем лесу или поле. Требования росли с каждым днем, а вот с питанием становилось все хуже и хуже. Давали урезанную норму – хлеб, первое и второе блюдо состояли, в основном, из капусты, крупы. Утром и вечером давали чай и по 20 гр. сахара. Обучение длилось шесть месяцев.

Наконец, однажды утром начальник училища зачитал приказ о присвоении каждому из нас воинского звания – младший лейтенант. Поздравил с успешным завершением обучения: «Прошу вас, дорогие командиры, с честью оправдать наше сибирское военное училище. В добный путь!»

В конце декабря 1941 г. нам выдали новое обмундирование (в том числе и новые белые полушибки), личное оружие и направили на фронт. В эшелоне выехали на запад, до Москвы добрались только на четвертые сутки. Были слышны орудийные выстрелы, разрывы снарядов, небо бороздили прожекторы. В воздух поднимались аэростаты на тросах. От Москвы нашу группу через Ярославль направили в боевые части на Ленинградский фронт.

... Мы прибыли на ст. Бологое Калининской области ночью. Это была прифронтовая полоса. Станция оказалась большая, узловая, вся была забита эшелонами. Здесь много было военной техники, эвакуированного населения. Освещением пользоваться нельзя было, по-

этому стояла сплошная тьма. На рассвете я вышел из вагона посмотреть на следы войны. Только ударился от вагона, как объявили воздушную тревогу. На небе появились 10-12 немецких самолетов. Они описали круг над станцией, затем стали сбрасывать бомбы на эшелоны и расстреливать из пулеметов людей. Попала бомба и в вагон, где ехала наша группа офицеров. В результате 15 человек было убито. Двое тяжело ранены. В строю остались только трое. После налета на станции был сплошной пожар, рев людей, груды искореженного металла. Очень долго я не мог прийти в себя, такой кошмар видел впервые. Вот здесь по-настоящему открыла мне глаза война. Троє суток пришлось разбираться с тем, что сотворили фашисты за 20 минут. Мой белый полушибок стал красно-оранжевым, как у порядочного мясника.

... Я был назначен командиром пулеметного взвода в 11-ю стрелковую дивизию. Она входила в состав 52-й армии Ленинградского фронта. Наша дивизия находилась на оборонительном рубеже Невская Дубравка, прозванном «Невским пятаком». Мои солдаты были старше меня в полтора-два раза, в гражданской одежде, кто в пальто, кто в шубе, кто в фуфайке. Все они были с Кировского завода, добровольно оставили свои рабочие места, решили с оружием в руках защищать родной город. Я получил три станковых пулемета с патронами, 5 автоматов, винтовки, карабины, гранаты. К сожалению, не каждый умел обращаться с оружием. На подготовку взводу было отведено 5 дней, в течение которых я должен был научить каждого обращаться с пулеметом, выбирать огневые позиции, передвигаться с оружием, оказывать первую медицинскую помощь, но самое главное, не допускать паники в боевой обстановке. Когда мои солдаты узнали, что я из Сибири, они заговорили о силе и выносливости сибиряков. Как командир, я не отдавал резких команд, не кричал на солдат, мне было даже стыдно повышать голос на солдат возраста моего отца. Поэтому некоторые звали меня «сынок».

... Настоящую войну я увидел в районе Невской Дубравки. Немцы с раннего утра вели по нашим позициям непрерывный огонь из всех видов артиллерийского и минометного орудия. Земля на этом участке обороны была перевернута несколько раз. Не было никаких шансов выжить, было много убитых и раненых. Прекратив обстрел первой линии обороны, немцы перенесли огонь в глубину, а затем двинулись в атаку, рассчитывая на успех захвата наших рубежей. Вот тут «заговорила» наша артиллерия, да так заговорила, что немцы вынуждены

Н.Д. Русаков.
г. Ялуторовск. 1970-е гг.

были бежать обратно. На следующий день немцы сначала вели обстрел агитационными снарядами с листовками, где предлагалось сдаться в плен, убивать командиров и коммунистов.

В течение нескольких месяцев немцы пытались овладеть нашей линией обороны. Кое-где дело доходило до рукопашной схватки. Велики были потери. Я остался с одним пулеметным расчетом (пять человек). Пополнения ждать было неоткуда. Во время очередного обстрела снаряд попал в мой пулеметный расчет, меня отбросило в сторону взрывной волной. Я очнулся только в госпитале в Ленинграде, на Васильевском острове. Из моих солдат в живых никого не осталось. Из окруженного Ленинграда меня вместе с другими ранеными переправили на транспортном самолете на «Большую землю».

...Оборона немцев была непримечательной, передовая линия была завалена лесом и снегом, полита водой, представляла крепость, при форсировании которой требовалась когти, веревки, переносные лестницы. 12 января 1943 г. наша дивизия вступила в боевые действия. Продвижение было медленным, из-за сильного сопротивления врага. Появились первые пленные, которых очень трудно было уберечь от ярости наших солдат. Почти каждый пленный получил добрую оплеуху или по зубам. А какой у них был вид? Стыдно сказать. На головах почти у каждого под пилоткой платок или шаль, шали были и под шинелями.

...Основная часть полка была выведена в ближайший лес, несколько дальше от линии обороны для прохождения учений дивизия вела подготовку к наступательным операциям по освобождению Новгорода. Необходимо было отработать основные моменты наступательных действий. Во время учений мы натолкнулись на немецкую разведку. Они приплыли на лодках и углубились в наш тыл. Пулеметчики моей роты и стрелки соседней роты Лысенко уничтожили охрану у лодок, забрали радио и увезли лодки в другое место. Шесть человек вместе с офицером мы захватили в плен, на допросе немецкий офицер сказал, что не рассчитывал на такую бдительность русских, поскольку ему было известно, что на этом участке обороны у нас слабая. Через два дня после этой операции к нам в батальон прибыл начальник политотдела дивизии полковник Ходаков и вручил бойцам награды медаль «За отвагу», а нам с Лысенко объявил благодарность с повышением воинского звания (старший лейтенант) досрочно.

...Бои за Новгород были сильные. Наш батальон ворвался на окраину Новгорода и нанес немцам серьезное поражение. Рота моего друга Лысенко понесла большие потери. Убит был и командир роты. Немцы наседали. Командир батальона, видя безвыходную ситуацию, крикнул:

- Русаков, спасай правый фланг. Ведь мы погибаем.

А я был ранен осколком мины в ногу. Валенок наполнился кровью.

- Ползи, как можешь, возможно, успеешь, - кричал командир.

Я собрал последние силы, добрался до пулемета, возле которого лежал убитый командир расчета. В считанные секунды с помощью стрелков я открыл огонь по наступающим немцам. Наши солдаты, оставшиеся в живых, заняли оборону. Тогда от пуля моего пулемета погибло 23 немца. Моя огневая точка была засечена немецким наблюдателем, и вскоре в мою сторону полетели мины из шестиствольного миномета, который мы прозвали «ишак». Я получил второе ранение в ногу, совершенно ослаб и не мог передвигаться. Не помню, когда ко мне подъехала лодка, запряженная тремя собаками. Ребята помогли медсестре положить меня на лодку и отвезли в медсанбат. За этот бой я был награжден вторым орденом Красной Звезды. В госпитале я находился до конца марта 1944 года. Осколок немецкой мины так и остался в правой ноге, врезался в кость. Ногу хотели ампутировать, но я не дал. Меня упрекали в том, что я умышленно не хочу лечиться, однако я сумел стать строевым офицером.

...Разное случалось на войне. Были такие случаи, которые нельзя забыть. Было это недалеко от Берлина. На нашем и соседних участках наступление застопорилось. Немцы пошли в психическую атаку. Проведя мощную артподготовку наших передовых позиций, они выпустили вперед большую группу наших граждан, угнанных в Германию. Затем шли немецкие солдаты, без конца стреляя из оружия. Командир подразделения приказал мне установить четыре станковых пулемета для ведения флангового косоприцельного огня для того, чтобы отрезать наших пленных и уничтожить атакующих немецких солдат. Мои пулеметчики потрудились на славу над полу值得一ими атакующими фашистами. Все зерновое поле было усеяно немецкими трупами. А потом что было?! Наши советские граждане каждого солдата обнимали, целовали, плакали и благодарили за освобождение.

...Утром 8 мая мы услышали о полной и безоговорочной капитуляции Германии. Нашей радости не было конца. Мы ликовали, плакали, обнимались, устроили громадный салют из всех видов оружия. Не обращая внимания на немцев, устроили праздничный обед. А немцы шли и шли, бросая оружие, проклиная Гитлера. Даже становилось как-то страшно среди большой массы немецких солдат и офицеров.

...В конце дня 8 или 9 мая нашу дивизию подняли по тревоге и в срочном порядке направили в Чехословакию для оказания помощи в ликвидации мятежа и спасения Праги от разрушения. Мятежники удерживали достаточно большую территорию. Это были не только гитлеровские солдаты, но и власовцы.

12 мая для меня и моих товарищей война закончилась. Наш полк после короткого отдыха был расформирован. Солдаты старшего возраста, специалисты в области промышленности и сельского хозяйства в организованном по-

рядке направлялись домой. Всем вручали богатые подарки (мануфактура, швейные изделия, обувь, конфеты, сахар), кроме того, каждому вручали часы, музыкантам – гармошки и аккордеоны. Я принимал участие в комиссии по демобилизации, в мои обязанности входило обеспечение документами демобилизованных солдат, сопровождение до ближайшей станции и инструктаж.

В начале июня 1945 г. я должен был сопровождать одну группу солдат в количестве 172 человек из Чехословакии в Венгрию. Вместе со мной группу бойцов сопровождали три офицера. Мы прошагали много населенных пунктов. Чехи к нам относились благосклонно, на привалах поили молоком, компотом, угощали фруктами, продуктами. На вторые сутки мы подошли к г. Брно. Город оказался очень большим, длинным. Здесь находилось очень много румынских солдат. Они праздновали победу. Увидев это, наши солдаты заволновались. Мы отвели разъяренных бойцов от греха. Да и румыны поняли и стали уходить с глаз. Все равно не обошлось без конфликта. Восемь моих солдат с двумя автоматами отделились от основной группы, остались румынских солдат, гнавших несколько голов крупного рогатого скота. Солдат обезоружили, погрузили в грузовую машину три головы скота и вместе с румынским шофером привезли все к месту привала. Когда я узнал об этом, пришлось солдатам за это мародерство крепко извиниться. Сделав серьезное внушение, что советскому солдату такие вещи позволять нельзя, я напомнил строгий приказ И.В. Сталина. Но пообещал не доводить до трибунала это дело.

... После войны я служил в военной комендатуре на территории Австрии. Мне неоднократно приходилось выезжать в Вену по делам. Вена, как и вся Австрия, была разделена на зоны оккупации. Наша военная комендатура в г. Тульн

была пограничной с американской зоной. К нам ежедневно приезжали американские солдаты и офицеры, которые иногда пытались торговать среди местного населения. Такие дела американцев я пресекал и высовывал их на свою территорию. В то время общения с американцами было очень много, встречи носили дружественный характер.

Где-то в сентябре 1946 г. меня назначили военным комендантом венгерского г. Бачальмаш. Этот небольшой городок находился на границе с Югославией. Место очень красивое, богатое всеми видами плодов, различными колбасными изделиями, винами. Вот тут за четыре с лишним месяца я очень хорошо поправился.

В середине марта 1946 года я был снабжен всем необходимым и демобилизован из армии. Когда мы проезжали по территории Западной Украины, на наш поезд напали бандиты. Тогда в этом лесисто-гористом районе свирепствовали бандеровцы. Остановить наш поезд они не смогли, но сильно обстреляли. Напротив меня на верхней полке ехала домой в Омск женщина, капитан медицинской службы, молодая, обаятельная. Она получила смертельное ранение. Многие солдаты были ранены. Всех раненых и убитых сняли с поезда только в г. Львове. Это нападение мы очень тяжело переживали. Ведь произошло это после войны. Они так радовались, что остались живы после войны.

Когда я прибыл из Австрии домой в д. Криволукскую, мне показалось, деревня как будто вся вымерла. Не было многих моих товарищей, их уничтожила война. В деревне не было ни одного дома, которого бы не коснулась война. Вот так для меня закончилась война».

Источники:

Воспоминания Н.Д. Русакова. ЯМК 2559/2,3;НВФ-3979.

Александр ДОЛИНГЕР,
краевед (г.Ялуторовск)

Оружейница Валентина Байбародова

Хочу рассказать о нелегкой судьбе Валентины Афанасьевны Байбародовой, 1923 года рождения. Её родители - самоходы с Вятки заняты были работой. В то время детских садов не было. Их, трех сестер, воспитывала бабушка.

Пришло время идти в первый класс. Начальное образование Валя получила в городе Ялуторовске. Школа была расположена по улице Первомайской в двухэтажном здании. С пятого класса учиться довелось уже в другой школе, по ул. Революции, это здание до сих пор сохранилось. В наше время в нем располагается станция туристов. С января 1937 года сталаходить в школу, которая располагалась там, где сейчас находится городской рынок. Здесь Валентина закончила девятый класс. Дальше ей

учиться не пришлось.

Директором школы был Андрей Лукич Лукинов, который в 1941 году добровольцем ушел на фронт, а уже в 1942 году погиб, защищая социалистическую Родину. Вместе с ней учились Михаил Степанович Вешкурцев, Михаил Алексеевич Воробьев, 1921 года рождения, который в 1941 году 7 ноября прямо с парада на Красной площади ушел защищать свою Родину – Советский Союз, своих родителей, братьев и сестер. Также в одно время с ними учились: Глеб Иванович Пасечников, Радик Аркадьевич Драке, Федор Петрович Амосов, Александр Александрович Бородулин, Лидия Ивановна Бердюгина. Из всех выпускников десятых классов, а также из состава преподавателей школы № 1 г. Ялуторовска не вернулись с

полей сражений Великой Отечественной войны 32 человека. В 1985 году на новом здании школы № 1 открыта мемориальная доска с фамилиями погибших учеников и учителей. Это произошло к 40-летию со дня Победы Советского народа над фашистской Германией.

Дальнейшая судьба Валентины была связана с образованием. По распоряжению райкома комсомола её, с неполным средним образованием, направили учительствовать в поселок Заводопетровский, который расположен в сорока километрах от города Ялуторовска. Директором школы был Александр Васильевич Сарафанников, уроженец Пензенской области, помощником - Артемий Михайлович Аникин из села Петелино Ялуторовского района.

У этих двух людей были разные характеры. Александр Васильевич, как директор, был немногословный, суровый, но общительный. Завуч Артемий Михайлович, спокойный по характеру, прекрасно дополнял его.

В 1940 году начались первые занятия, был сформирован восьмой класс. Заводопетровская средняя школа начала свое существование. Этому событию были рады не только заводопетровские ребята и их родители, но и жители соседних деревень. Приезжих учеников расселяли на квартиры знакомых и родственников.

Детей учили местные из ссылочной интеллигенции. Наравне с ними учительствовала и наша землячка Валя Байбародова, маленькая хрупкая девушка. Директор школы старался из неё "вылепить" настоящего работника школьного образования. Валентина и сейчас говорит об Александре Васильевиче, как о первом и не-повторимом наставнике, который вывел её на большую педагогическую стезю, дал ей путевку в жизнь. И Валентина его не подвела.

Окончание первого учебного года в новой Заводопетровской школе омрачила война. Ушли на фронт многие учителя, из тех, кого Валентина Афанасьевна хорошо помнит. Это Петр Афанасьевич Шапенков, два брата Петрова, Александр и Георгий, директор школы Александр Васильевич Сарафанников и его заместитель – Артемий Михайлович Аникин. Оба этих замечательных педагога не вернулись с полей сражений.

Артемий Михайлович Аникин, майор, 1914 года рождения, погиб 28 августа 1942 года, похоронен в Сталинградской области, но почему-то на городском мемориале его фамилии нет.

Александр Васильевич Сарафанников, лейтенант, 1920 года рождения, уроженец поселка Заводопетровский, призван в 1941 году, погиб в феврале 1943 года, его фамилии также нет на городском мемориале воинской славы.

Валентина Афанасьевна еще с 1939 года начала осваивать парашютное дело, которое вел Александр Пушкин. По его инициативе была построена парашютная вышка 25-метровой высоты. Её открытие состоялось 18 августа 1939 года. Александр одним из первых произвел прыжок. Валентина тоже неоднократно прыгала с этой вышки.

В 1942 году она подала заявление на фронт, а спустя несколько месяцев, её, 19-летнюю, вызвали в военкомат. Отец её уже был на фронте, мама тяжело болела. Валентину не отправляли на фронт. 12 июля 1942 года, уже в третий раз, её снова вызвали в военкомат. Там среди девушек – добровольцев находилась Юлия Друнина, которая вместе с другими девушками была направлена в спецшколу обучаться на медсестер. Так вышло, что будущая поэтесса попала на курсы вместо Валентины Байбародовой.

Через несколько дней, после очередного вызова в военкомат, набрали команду из 120 девушек, в составе подразделения оказалась и Валентина. Призванные были из Исетского

и Ялуторовска. Поезд, в котором ехали девушки, прибыл в город Хабаровск. Валентина была зачислена в 57 ШМАС (школа младших авиаспециалистов) – «малый аэродром».

После обучения в школе были направлены пять девушек в краснознаменный 75-й штурмовой полк. Свое согласие дала и Валентина.

По окончании курсов она получила воинское звание – ефрейтор. Была избрана секретарем комсомольской организации полка, членом актива дивизии.

До февраля 1944 года в её обязанности входила подготовка закрепленного за ней самолета, обеспечение его по первой тревоге всем необходимым перед вылетом. Как она рассказывала, в зимнее время под самолетом была оборудована землянка таких размеров, чтобы в ней могли поместиться четыре человека, за которыми были закреплены обязанности по подготовке самолета к вылету. В землянке была смонтирована двухсекционная печка для подачи тепла к двигателю самолета, а также находились два шланга для заправки горючим и маслом.

За отличную службу Валентина получила отпуск для поездки на родину. В отпуске она прошла недолго, так как соскучилась по армейской службе. При возвращении в часть, в ее вагоне находились трое офицеров, двое из них из той же эскадрильи, в которой служила Валя, а третьим оказался старший лейтенант Перфильев. Он ехал в отпуск к родным в Читинскую область.

Когда поезд остановился в Чите, Михаил Перфильев обратился к Вале, чтобы она дала

В.Байбародова.

ему свой домашний адрес. А на ее вопрос «Зачем?» ответил: «На всякий случай, мало ли что может случиться в конце войны». Видимо, он надеялся на встречу с ней. Валя написала на клочке бумажки № полевой почты и до востребования. Уже находясь в части, она получила от Михаила короткое письмо.

Дальше произошла трагедия. В их летном подразделении велись экспериментальные испытания.

К фюзеляжу самолета «Ил» с обеих сторон прикреплялись гондолы, в которых находились девушки – оружейницы. Эта операция проводилась для того, чтобы после заброски самолета в тыл врага, по приземлении, оружейницы смогли привести самолет в полную боевую готовность.

Но при первом же испытании, приземляясь, самолет резко ударился о землю, Валентина выпала из гондолы, от сильного удара головой получила сотрясение мозга.

Чтобы скрыть неудачное испытание, командование авиадивизии отправило Валентину в военный госпиталь в город Уссурийск. А для того, чтобы этот казус не был предан огласке со стороны Валентины, ее в дальнейшем определили в психиатрическую больницу. Затем руководство психдиспансера отправило Валентину с сопровождающим на родину, как бы на долечивание. В Ялуторовске ее определили в больницу. А сопровождающий передал все документы в Ялуторовский райвоенкомат и отбыл в расположение дивизии.

После прохождения полного курса лечения Валентину вызвали в военкомат и вручили ей предписание о том, что она уволена из рядов Советской армии по состоянию здоровья. Ей не были выданы такие документы, как военный билет, красноармейская книжка, на руках у неё осталось только медицинское свидетельствование, в котором был записан диагноз, не сопоставимый с её заболеванием. Сколько бы Валентина ни пыталась восстановиться в армии, безрезультатно.

С педагогическим образованием ее приняли на Ялуторовское радиовещание. В её обязанности входили: сбор и подготовка материалов как для передачи на местном радио, так и для местной газеты «Колхозная правда». На этой работе она пробыла год. А так как у нее с Перфильевым по переписке завязались дружественные отношения, она, собрав небольшие пожитки, поехала к нему на родину в Читинскую область. К тому времени она уже знала о фронтовой судьбе Михаила Перфильева. Оказывается, в конце войны в одном из боев его тяжело ранило, и он был отправлен в военный госпиталь в город Киров. Там он и встретил Победу. Восемь месяцев он находился на излечении и только после этого вернулся

ся домой. Как рассказывает Валентина Афанасьевна, Михаил Михайлович был смелым и отважным командиром Красной Армии. Об этом говорят и его боевые награды: ордена Отечественной войны первой и второй степени, орден Красной Звезды, орден Александра Невского (им награждали командиров, прославившихся в бою), а также множество медалей.

В 1945 году, после демобилизации Михаила Перфильева, они встретились у его родственников в поселке Ара-Иля-рудник.

Захотелось узнать о нем побольше. В доме его дяди ей дали толстый альбом с семейными фотографиями. Рассматривая портреты, она увидела на одном из них Михаила с молоденькой девушкой и сразу подумала, а не женат ли он?

На другой фотографии Михаил был с той же девушкой, но уже и с маленьким мальчиком. Жена дяди успокоила: Михаил с ней уже давно не живут совместно.

Своего первенца, который родился у Валентины с Михаилом в 1946 году, они назвали Анатолием. Валентина в то время уже работала учительницей в местной семилетней школе. В 1948 году у них родился второй сын, Леонид. У ребенка оказался порок сердца. В этом Валентина винит себя. Будучи беременной на девятом месяце, она пошла в соседнюю деревню, в которой располагался промторг, чтобы купить отцу Михаила плиточный чай, другой он не пил. До промторга от их рудника было километров 30. Придя в деревню, она нашла дом, в котором проживал еще один дядя Михаила. Её хорошо приняли, но Валентина почувствовала себя плохо и ей захотелось в туалет. На улице ее покусала собака. Она потеряла сознание. Очнулась уже в избе. После всего этого Валентина и родила второго сына.

В общей сложности Валентина Афанасьевна проработала в образовании 30 лет. В 1950 году родилась дочь Татьяна, в 1952-м - Наталья, и последней - Людмила.

Оба сына, Анатолий и Леонид, умерли рано. В 1975 году Валентина и Михаил приехали жить в Ялуторовск, а в 1976 году Михаила не стало. Его похоронили на родине в Читинской области. Две дочери обосновались в Ялуторовске. В замужестве одна стала Скорняковой, другая – Фараносовой.

С 1978 года Валентина Афанасьевна на заслуженном отдыхе. Об одном она сожалеет: в 1985 году, в честь 40 – летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., всем живым ее участникам был вручен орден Отечественной войны, а ее каким-то образом обошли стороной. В книге «Солдаты Победы», изданной к 60-летию Победы, ее фамилия значится, а также сказано, что она награждена этим орденом. Так где же правда?

Валентина Афанасьевна
Перфильева.

Т.НЕЩАДИМОВА
(г. Тюмень)

Двое из героического поколения

Таисья Тимофеевна Кормина

Моей маме – Таисье Тимофеевне Корминой (Холмансих) 27 февраля 2012 года исполнилось бы 90 лет, но её не стало 15 лет назад (1 мая 1997 года). Родилась она в 1922 году в д. Малый Хутор Нижнетавдинского района в семье Тимофея Дмитриевича и Аксиньи Ивановны Холмансих. Отец – переселенец из Вятской губернии. Мать перебралась в Сибирь из-под Каменец-Подольска (Украина). Мама была старшим ребёнком в семье. После неё ещё 9 детей появилось (до «взрослости» дожили только пять.) Отец со своими братьями и родителями занимался сельским хозяйством, а зимой, когда сельхозработ не было, катал валенки и занимался извозом. Когда началась колханизация, Тимофея Дмитриевич вместе с семьёй перебралась в Упоровский район, в д. Бызова. Здесь в возрасте 9 лет моя мама впервые пошла в школу (в деревне была только начальная школа). Родители работали в колхозе, семья росла. Мама вместе с младшим братом Ваней (1923 года) училась в Упорово в средней школе. Когда началась война, все ребята из её класса ушли на фронт (вернулись двое).

Первым из семьи ушёл на фронт отец. Ушёл и не вернулся (пропал без вести в январе 1943 года под Ленинградом). Только много-много лет спустя на сайте «Мемориал» нашли его имя и место захоронения. Потом, осенью 41-го, пришла повестка младшему брату. А в декабре 1942 года и маму призвали в действующую армию. Сначала долгая дорога на восток: Омск, Новосибирск, Красноярск.

И вот закончена школа младших авиаспециалистов, получена специальность – телеграфист.

Мелькают за окнами воинского эшелона, идущего на запад, знакомые станции: «Ишим», «Заводоуковская», «Тюмень». Стучат колёса: «На фронт, на фронт». На формировании находились в Калининской (ныне Тверской) области. Мама попала служить в 120-ю истребительную дивизию (7 воздушная армия), в отдельную роту связи. Телеграфисты отвечали за связь экипажей самолётов с землёй. Аэродромы находились обычно в 3-5 километрах от передовой. Попадали и под артиллерийские обстрелы, и бомбардировки...

Война уходила всё дальше и дальше: позади Литва, наша армия вступила на террито-

рию Восточной Пруссии. Пруссия, колыбель и рассадник германской военщины, считалась неприступной. Стоял апрель 45-го, и по всему было видно, что скоро конец войне, никому не хотелось умирать. Советские войска уже под Берлином. День и ночь лётчики 120-й истребительной дивизии поднимались в небо, бомбили неприступную крепость Кенигсберг. Очень много тогда погибло при штурме этого города-крепости советских солдат и офицеров. Мама рассказывала, как они горько плакали, когда лётчики не возвращались из полётов.

Мама была награждена медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», юбилейными медалями, грамотой Верховного Главнокомандующего.

...А потом была Победа! Столько ликования и слёз молодая девчонка из далёкой Сибири никогда не видела: салютовали, стреляли из автоматов, смеялись и плакали. Этот праздник так и остался для мамы самым главным в жизни. И так получилось, что девятый день после её смерти выпал на 9 мая. И мы, её дети, родные, приятели на кладбище на 9 день, мысленно поздравляли её с праздником.

В последний год её жизни, измученная тяжёлой болезнью, она не могла спать по ночам. Мы с ней много разговаривали о прошлом: о трудном, но всё-таки счастливом детстве, о войне, о жизни после неё. Я однажды спросила маму, страшно ли ей было на фронте. Она ответила: «Да, очень, особенно, если ты остаёшься одна. Но когда рядом товарищи, твои подруги – страх притупляется, уходит».

Много разных историй приключалось. Это было в конце июня. Хотя война уже закончилась, в лесах ещё бродили остаточные группы фашистов, пробивающихся на запад. С территории части разрешалось выходить группой не менее трёх человек и только при наличии автоматического оружия. Но молодость бесстрашна и безрассудна, и они с подругой рискнули. Совсем в небольшом отдалении от части стоял одинокий дом, а вокруг него большой сад со спелой черешней. И вот, сдав дежурство, они отправились туда: уж очень хотелось поесть ягод. В дом они заходить не стали, да и выглядел он жутковато: распахнутые двери, выбитые стёкла. Сразу залезли на дерево и принялись угощаться спелыми дарами природы.

**Таисья Тимофеевна
Холмансих.**
1945 г.(?)

Вдруг подруга испуганно закричит: «Тася, смотри!» Мама, увидев побледневшее лицо Шуры, посмотрела туда, куда та показывала рукой. В распахнутое окно с выбитыми стеклами они увидели на полу комнаты мёртвую женщину. И до того они испугались, что не помнили, как спрыгнули с дерева и помчались прочь. Только отышались, смотрят - из леса выходит военный патруль. Проверили у подружек документы, спросили, почему без оружия и, видимо, решили попугать: «А если мы немцы или переодетые власовцы? Что теперь делать будете?!» Порядком напугав девчонок, патруль их отпустил.

Все ждали приказ о демобилизации. В первую очередь отпустили женщин и солдат - мужчин, которым было около 50-ти и старше. Командование рассчиталось с демобилизованными. Мама поехала домой 28 октября 1945 года. Смеясь, она рассказывала, что её маленький чемоданчик наполовину был заполнен деньгами. За плечами «сидор» с пайком, выданным в дорогу. 8 ноября добралась до родных мест, где её с нетерпением ждали мать, двенадцатилетний брат Петя, шестнадцатилетняя сестра Шура и семилетняя сестрёнка Клара и неожиданный сюрприз: за несколько дней до её приезда домой приехал в отпуск её брат Иван, прошедший всю войну, израненный и больной туберкулёзом.

Так для мамы закончилась война. А потом были долгие годы труда: работала учителем начальных классов, а потом заведующей интернатом в селе Бердюгино Ялуторовского района, откуда и ушла на пенсию.

С папой вырастили пятерых детей, помогали воспитывать восьмерых внуков, дождались первого правнука...

Петр Егорович Пушкирев

Иная судьба у моего дяди, попавшем в плен в самом начале войны, испытавшем унижение этого пленца, но сумевшем сохранить своё достоинство и веру в победу. Петр Егорович Пушкирев родился 18 октября 1920 года в д. Жернаковой под Ялуторовском, (сейчас этой деревни не существует).

Детство было суровым, неласковым. Рано остался без родителей, жил в семье старшего брата. С малых лет работал по хозяйству, потом в колхозе «Свой труд».

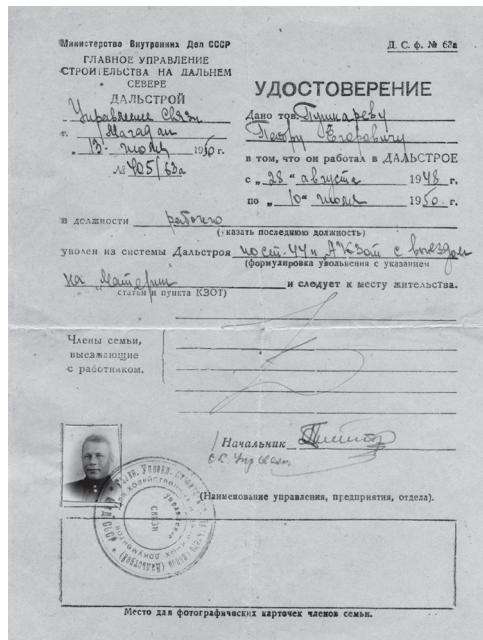
На военную службу был призван Ялуторовским РВК в октябре 1940 года. Зачислен рядовым 80-го отдельного строительного батальона железнодорожных войск, дислоцированного в г. Львове (Западная Украина). Там и встретил войну. Начались дороги отступления.

После тяжёлого боя, в котором Пётр Егоро-

вич получил тяжелейшую контузию, он попал в плен. Это произошло 20 октября 1941 года в районе села Оржица Полтавской области. Потом долгая дорога в «телячье» вагоне, когда везли в Польшу, в концлагерь, позже на запад Германии (на границу с Францией). Каждый выходной из концлагеря узников привозили на рынок, где продавали как рабочий скот. Подходили хозяева хуторов, из пленных выбирали себе работников. Покупали тех, кто поздоровее, покрепче, помоложе. Петра Егоровича купил пожилой немец и определил его в конюхи. Поселил дядю на втором этаже конюшни, которую тот мыл с мылом каждый выходной. Утром около шести он поднимался, запрягал битюга в телегу. Хозяин с хозяйством ехали на животноводческую ферму, где работали польки-невольницы. В это время дядя Петя прибирался на конюшне, завтракал. К приезду хозяев готовил выездные дрожки, на которых хозяин развозил молоко по клиентам и часть на сдачу в магазин. Кормил хозяин неплохо, так как считал, что только сильный может работать хорошо. Два раза был кнутом: один раз за неточно сделанную работу, а второй за то, что жениха его дочери убили под Сталинградом. Под конец войны их хозяева уже разговаривали с пленными по-другому. Дядя Пете баэр предложил остаться жить у него, страшал, что бывших пленных будут ссыпать в Сибирь. Но тот говорил: «А что мне бояться Сибири? Это моя родина».

Дядя Петя был освобождён американскими войсками 29 апреля 1945 года. После фильтрации работал на шахтах Донбасса.

В 1946 году вернулся в родные края, но, оказалось, ненадолго. По ложному доносу был арестован и после месяцев тюремных мук был отправлен в один из лагерей Колымы, на шахты, где добывали полиметаллы. Работа была каторжная, несколько не легче, чем в фашистском концлагере. Горную породу вывозили на лошадях. Дядя опять был с любимыми животными. До конца своей жизни он утверждал, что остался жив, благодаря им. Ухаживая за лошадьми, питался овсом вместе с ними (распаривал его кипятком). В лагере людей кормили в основном солёной рыбой, а запивать её приходилось ледяной водой, снегом, льдом.

**Удостоверение П. Е. Пушкирева
о работе в Дальстрое, 1948-1950 гг.**

От этого узники болели и умирали. Дядя Петя отмачивал свой солёный паёк в лунках для питья лошадей.

После того, как в забоях заканчивалась руда, оттуда вывозили всё оборудование и не всегда дожидались, чтобы все заключённые вышли оттуда. Взрывали входы в штолни вместе с оставшимися там людьми.

Было у охранников развлечение - выводить людей ночью в страшные колымские морозы для пересёта. Сами были одеты в добротные, тёплые полушубки, а заключённые дрожали от холода. Бывало, по несколько часов продолжался этот «пересчёт». Если кто-нибудь из шеренги выражал недовольство, к нему подходил охранник и окатывал ведром ледяной воды. На морозе, ветре человек замерзал в течение 15-20 минут. После таких «мероприятий» в бараке не досчитывали 10-12 заключенных.

Вернувшись из колымских лагерей, Петр Егорович поселился в Ялуторовске (у меня в документах до сих пор хранится его справка об освобождении).

До пенсии много лет честно и добросовестно трудился конюхом на лесозаводе и своих подо-

печных всегда звал «лошадушки мои милые».

Дядя не любил вспоминать о прошлом, не жаловался на свою горькую, несправедливую судьбу. В крошечной половинке дома, где он жил со своей женой Енафьей Андреевной, было всегда тепло, чисто, уютно. К сожалению, детей у них не было. Но дядя Петя очень любил нас – многочисленных племянников. Искренно радовался, когда заходили их проводить. Уже больше двадцати лет прошло, как он ушёл из жизни. Мы – его родственники, разъехавшиеся по всей стране (от Урала до берегов Тихого океана), помним этого необычайно скромного, доброго человека, неутомимого труженика, стойкого воина.

Умер он после тяжёлой операции в июле 1987 года, похоронен на старом Ялуторовском кладбище.

Эти строки я посвящаю не только маме и дяде, но и всему тому поколению, которое шагнуло в войну из-за школьных парт.

Сейчас, когда мы сами уже прожили жизнь, осознаёшь, какое это было героическое поколение.

Геннадий СУХИХ,
ветеран журналистики
(г.Ялуторовск)

Преодоление

Мальчишкой Анатолий был не по годам рослым, физически крепким. Нередко его одергивали незнакомые взрослые, когда он брал верх над сверстниками в детских играх: «Ты что, амбал этакий, с малышами связываешься!», он только добродушно улыбался в ответ на такие замечания, он-то знал, что многие из «малышей» на год-два, а то и на три старше его.

Ребенок из многодетной семьи обычно рано становится взрослым: втягивается в трудовую жизнь, учится преодолевать невзгоды и препятствия, которых в жизни встречается немало. Этот, в общем-то, незамысловатый тезис полностью подтверждает биография Анатолия Савельевича Гилева, не так давно отметившего свое шестидесятилетие.

В семье, где он родился и вырос, было пятеро детей - две девочки и три мальчика. Анатолий среди них средний по возрасту. Отец его, Савелий Михайлович, выходец из крестьян деревни Хохлово, большую часть своей трудовой жизни работал кузнецом на МКК. Матери, Александре Григорьевне, хватало дел в домашнем хозяйстве. Как-никак - целая орава

детишек, немалое подворье, где всегда были и корова, и телята, и пара поросят, и два-три десятка голов птицы. Да огород, да картошка... Кто жил такой жизнью, тот знает, каково одной женщине управляться с подобным объемом хлопот. И Александра Григорьевна по мере взросления детей привлекала их в помощники по дому. А уж на заготовку сена для подворья семья Гилевых выходила в полном составе, каждый, независимо от возраста, вносил посильный вклад в создание годового запаса корма. И каждый знал, что без этого семья не может обойтись.

А с двенадцати лет Анатолий во время летних каникул стал уходить на заработки, чтобы пополнять скромный семейный бюджет своей трудовой копейкой, чтобы начинать следующий учебный год в обновках, купленных на свои деньги. Первое лето работал он на кирпичном заводе, второе и третье - сплавщиком леса на лесозаводе. И так - каждые каникулы. Побывал и помощником печника, даже дома сложил печь.

Окончив школу, поступил в индустриаль-

П. Е. Пушкиров с женой.

ный институт в Тюмени (теперь это нефтегазовый университет). Будучи студентом, продолжал расти физически и духовно, учиться преодолевать трудности. Материальной помощи от родителей было немного, приходилось жить экономно - на стипендию и заработка, которыми обычно подкрепляют себя студенты. К примеру, разгрузка вагонов в свободное от учебы время здорово выручала. Дважды за период учебы в институте работал Анатолий Гилев в составе студенческих строительных отрядов «Мега-69» и «Мега-70». Первый отряд вел строительство в поселке Мортка Кондинского района, второй - в поселке Мулымья под городом Ураем. Анатолий оба лета был бригадиром и, понятно, имел более широкий круг обязанностей и ответственности, чем рядовые бойцы отряда.

Особую роль в формировании личности Анатолия Савельевича сыграло то, что

он с раннего возраста увлекся спортом. В 12 лет пришел в детскую спортивную школу и стал заниматься легкой атлетикой, десятиборьем. Под руководством умелого тренера Олега Николаевича Русакова Анатолий достиг заметных успехов. Был неоднократным чемпионом области в своей возрастной группе. В 1965 году на областных соревнованиях школьников установил рекорд области по прыжкам в высоту с шестом - 3 метра 45 сантиметров. Эта отметка была до того момента недосягаемой не только для юношей, но и для взрослых тюменских спортсменов. Известно, что спорт великолепно учит преодолевать жизненные преграды. А уж десятиборье - это настоящий университет преодоления. И его полный курс прошел Анатолий Гилев.

Человек от природы ищущий, творческий, имеющий ко всему свой нестандартный подход, А. Гилев внес за период работы на инженерных должностях более сотни рационализаторских предложений. А начиналось все в Ватинской автоколонне (поселок Мегион Нижневартовского района), куда он был направлен на работу после института. Механик, а затем начальник ремонтно-механической мастерской, Анатолий Савельевич внес восемь рацпредложений и в составе делегации Нижневартовского района участвовал в слете изобретателей, рационализаторов и творческой молодежи нефтяной и газовой промышленности области. На слете, прошедшем в Тюмени, председательствовал тогдашний начальник Главтюменнефтегаза В. И. Муравленко.

С 1972 года А. Гилев работает в родном городе, начинается новый, самый плодотворный

этап его инженерной деятельности. На Ялуторовском ремзаводе был он сначала контролльным мастером, затем технологом первой категории. Самой значительной работой его в это время явилось проектирование технологического процесса ремонта автомобилей в новом цехе завода. На это потребовалось более года. Очень дороги Анатолию Савельевичу скромные на вид «корочки» - удостоверение о том, что в 1976 году он признан лучшим рационализатором Ялуторовского района.

- На ремзаводе я прошел прекрасную школу, - с благодарностью вспоминает сейчас то время А. С. Гилев.

- Рационализация производства была тогда неотъемлемой частью повседневной работы.

Ему едва исполнилось тридцать лет, когда пригласили на пост главного инженера «Сельхозхимии». Некоторое время спустя стал Анатолий Савельевич и ее председателем.

Это было крепкое стабильное предприятие. Зарплата работников «Сельхозхимии» выгодно отличалась от среднего заработка людей тех же профессий на других предприятиях города и района. Ялуторовские сельхозхимики регулярно занимали ведущие места в трудовом соперничестве аналогичных предприятий области и России. Им вручалось и переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС. В «Сельхозхимии» применялись передовые технологии, коллектив не только выполнял огромные объемы работ на полях района (в отдельные дни вывозка органических удобрений всеми семью отрядами достигала 14 тысяч тонн), но и выпускал собственную продукцию - электроды и удобрения (органоминеральные смеси).

Деловые и человеческие качества А.С.Гилева не остались незамеченными. Его дважды избирали депутатом районного Совета. И в этом качестве он проявил себя с лучшей стороны: слов на ветер не бросал, если что-то обещал, то обязательно делал. В 1986 году Указом Президиума Верховного Совета СССР добросовестный многолетний труд Анатолия Савельевича отнесен медалью «За трудовую доблесть». Все шло к тому, чтобы выдвинуть А.С.Гилева в ряды руководителей районного масштаба. Видно было по всему, что он созрел для более масштабных дел, чем руководство одним предприятием. Самому же Гилеву казалось, что быть чиновником - не его удел. И это подтвердилось, когда в начале 90-х годов стал он заместителем председателя районного Совета. У него все шло normally, все получалось, им были довольны. Внешне Анатолий Савельевич не проявлял ни-

Анатолий Савельевич Гилев.

каких признаков неудовлетворенности новой работой, а вот на душе, как говорится, кошки скребли. Хотелось конкретного дела, такого, за которое несешь полную ответственность и полностью же распоряжаешься результатами своего труда. Такого приложения сил и способностей, когда приходится идти и на производственный риск, и преодолевать всевозможные преграды. Ведь все предыдущие годы подтверждали, что только успех в таком деле дает настоящее удовлетворение.

Из чиновников он ушел. По собственному желанию. Его поняли и отпустили не только без скандала, но и с добрыми пожеланиями успехов во всех будущих делах. В 1991 году А. С. Гилев становится одним из первых в городе и районе предпринимателей, создает вместе с несколькими единомышленниками акционерное общество «Земля». Начинает на голом месте, с нуля. И с тех пор плодотворно возглавляет это производственное предприятие. Сейчас в «Земле» 70% объемов производства приходится на выпуск хлеба и хлебобулочных изделий (всего 25 наименований), а остальные 30% - на торговлю, в основном, сельскую (1 торговая точка в городе, 11 - на селе). Всего на предприятии занято более 70 человек. И руководитель здесь такой же работник, как и все остальные. Только более умный и скорый на подъем. Когда на производстве что-то выходит из строя, Анатолий Савельевич закатывает рукава и берется за знакомое дело, становясь механиком. Его рукам послушны и гаечные ключи, и молоток, и зубило, и электросварка.

А. С. Гилева друзья и знакомые относят к числу тех людей, у которых все получается, за что бы они ни взялись. Кое-кому кажется, что все выходит у них легко и просто. На самом же деле это всегда результат огромного труда, ответственности, умения думать и постоянной готовности к преодолению трудностей. С теми же мерками, что и к работе, подходит Анатолий Савельевич к устройству личной жизни. Он и его супруга Валентина Максимовна воспитали дочь Елену и сына Илью, построили дом, чтобы было у детей надежное родительское гнездо. Елена окончила экономический факультет Тюменского госуниверситета, Илья учится заочно в том же вузе, который окончил отец - в нефтегазовом университете. У детей уже свои семьи. У Елены двое своих детей - сын Миша и дочь Лиза. И воспитанию внуков Анатолий Савельевич с Валентиной Максимовной уделяют немало внимания, когда позволяет время. И делают это с удовольствием, как большинство бабушек и дедушек.

Словом, как в делах, так и в личной жизни в основном все сложилось у Анатолия Савельевича Гилева так, как он задумал. И не благодаря какому-то везению или помощи извне. Исключительно за счет собственных усилий и умения преодолевать все, что встает на пути к намеченному.

В городе родился, на селе пригодился

Жизнь этого незаурядного человека, можно смело утверждать, сложилась необычно. Ему выпала судьба, почти не повторявшая судьбы миллионов ровесников, родившихся в первые послевоенные годы.

Родился Александр Федорович Калиничев в шахтерском городе Караганда (Казахстан), детство и юность его прошли в городе Мелеуз (Башкортостан). Окончил Тюменский индустриальный институт. Как любят ныне говорить, по определению его ждала городская жизнь и карьера инженера, а затем руководителя какого-нибудь промышленного предприятия. Но судьба распорядилась иначе: самые зрелые свои годы отдал Калиничев сельскому хозяйству.

Два с лишним послевоенных десятилетия, пока Саша Калиничев рос, учился в школе и в институте, были для деревни периодом ко-

ренных перемен. Именно за это время численность сельских жителей уменьшилась примерно вдвое. Отцы и матери, вдоволь хлебнувшие бесправной жизни без паспортов, работы без зарплат, без выходных и отпусков, не желали детям повторения своих судеб. И шла потоком молодежь из деревни в город. Навстречу этому потоку едва заметным ручейком пробивались из города в деревню отдельные энтузиасты, воспламенившиеся идеей подъема колхозов и совхозов, да молодые специалисты с направлениями техникумов и вузов. Калиничев не сразу и почувствовал себя в том ручейке, осознание своего предназначения и места в жизни пришло гораздо позднее.

Выходец из рабочей семьи, старший из четырех ее детей, Александр рано начал понимать, как нелегко родителям – Федору Гри-

**Александр Федорович
Калиничев.**

горьевичу и Антонине Владимировне не просто прокормить, одеть-обуть троих сыновей и дочь, но и вывести их в люди, дать образование. И, как мог, участвовал в воспитании и поддержке младших. Последний класс средней школы он заканчивал вечерне – днем работал. Учась в институте, каждое лето трудился в студенческих стройотрядах, получал неплохие по тем временам деньги – вносил весомую добавку в семейный бюджет. В стройотряде, базировавшемся в поселке Мортка (Кондинский район ХМАО), и познакомился он со Светой, студенткой Тюменского машиностроительного техникума. В 1969 году Александр Федорович и Светлана Николаевна создали семью. И с тех пор живут они в любви и согласии.

Вся трудовая биография А. Калиничева связана с Ялуторовском и районом. В 1969 году, сразу после института, Александр Федорович стал старшим инженером автопредприятия. Потом были годы, отанные комсомолу (первый секретарь горкома) и партии (заведующий оротделом горкома).

1984 год. Его назначили заместителем директора совхоза-техникума (ныне аграрный колледж) по производству. Многому там научился, многое освоил. Осень 1985-го. А. Калиничеву доверяют руководство совхозом «Приозерный». Предприятие крепкое, известно не только в районе, но и области. Страшновато было Александру Федоровичу: совхоз на виду, и вести дела тут не так-то просто, результаты на фермах и полях можно только улучшать. Если хоть в одном звене пойдет снижение, найдутся люди, которые растроят повсюду: «Вот неумеха! Живо все завалил!». Но не таков Калиничев, чтобы растеряться, опустить руки. В своем дневнике он писал: «Пришлось немало приложить сил и энергии... За годы моей работы... увеличилась продуктивность дойного стада, возросла отдача зернового и кормового поля, окрепло финансовое состояние...». Далее сказано, что новому руководителю здорово помогли «кавалеры ордена Ленина – бывший директор Постовалов Н. М., доярка Сахарова А. Н., механизатор Шишкин Н.С., а также кавалер ордена Трудового Красного Знамени Сурков Л. А....».

Шесть лет возглавлял А. Калиничев лучший в районе совхоз. За время его работы на этом посту были решены многие задачи не только чисто производственного, но и социального характера: сдано более 2000 кв. метров жилья, асфальтовая дорога соединила Старый и Новый Кавдыки, заасфальтированы и улицы этих населенных пунктов. Кроме того было завершено строительство средней школы, сдана в эксплуатацию общественная баня... И все же самый первый и очень нестандартный шаг директора запомнился больше всего. Это было решение вопроса с помещением для здравпункта в Старом Кавдыке: Александр Федорович для этих целей отдал жителям села шикарный особняк, которым пользовался его предшественник, а для своей семьи взял тоже хорошую квартиру,

но попроще и поменьше.

Руководитель с такими деловыми и человеческими качествами не мог быть невостребованным там, где деятельность его охватывала бы не одно предприятие, а целый район. И Калиничев пригодился на посту первого заместителя председателя райисполкома (позднее – главы района) и одновременно руководителя районного АПК. Об этом периоде его работы материала хватило бы на остросюжетную повесть, но будет вполне законченная картина, если сказать, что это было труднейшее время перестройки (1991-2006 гг.), когда сельское хозяйство кидало из стороны в сторону. Да и всю страну тряслось, когда менялся политический и общественный строй. В том, что в районе было сохранено большинство крупных сельхозпредприятий, что к 2006 году продуктивность коровы приближалась к пятитысячному рубежу, а полеводство переоснастилось современной техникой, – немалая заслуга А. Калиничева. И труд Александра Федоровича высоко оценен: 3 апреля 1997 года ему присвоено почетное звание – «Заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации». Еще раньше стал он кавалером ордена «Знак Почета».

Уйдя по возрасту на пенсию, А. Калиничев продолжал свое служение ялуторовскому селу еще пять лет – работал в жилищно-коммунальном хозяйстве района.

А ведь была и семья, личная жизнь, родили дети, рождались внуки. И на этом фронте у Александра Федоровича все как надо. Такого мужа, отца и деда, как говорят, поискать. Довольны Калиничевы тем, что вырастили дочь и сына, участвуют в воспитании трех внучек и одного孙нука. И тем, что их потомки так или иначе идут по пути старших. Дочь Татьяна вышла замуж в Старом Кавдыке, там и живет. Окончила институт, стала, как мать, экономистом, возглавляет бухгалтерию сельской администрации. Сын Сергей и внук Саша (названный в честь деда) окончили аграрный колледж. Там же учится внучка Аня. Тут уж, ясно, выбор сделан под влиянием авторитета Калиничева-старшего.

В 2011 году Александру Федоровичу исполнилось 65. Хочется от души пожелать ему здоровья отменного и долголетия.

**Людмила УЛЬЯНОВА (СИДОРОВА),
воспитанница Ялуторовского
санаторного детского дома №87
(1961-1968 гг.)**

Хозяйка детского дома

Мое школьное детство прошло в Ялуторовском санаторном детском доме №87, директором которого была Елизавета Павловна Дежурова. Хочу поделиться добрыми воспоминаниями о ней, тем более, что 24 апреля 2013 года ей исполнилось бы 100 лет. Она очень любила жизнь. Всегда мечтала жить долго-долго. Как и многие, строила планы и стремилась их осуществить. Очень надеюсь на то, что в Ялуторовске и за его пределами живут люди, которым довелось общаться, работать, дружить с ней. Мы, ее воспитанники, всегда помним, любим и благодарим судьбу за встречу с этой женщиной. Вспоминаю ставшие далекими шестидесятые годы, когда в семилетнем возрасте я впервые перешагнула порог Ялуторовского санаторного детского дома №87. До сих пор во мне живут все переживания, тревоги, испытанные мною в то время. Дождливая августовская погода, трудное расставание с ембаевской воспитательницей, которая привезла меня и передала в новый детский дом. Как трудно я привыкала ко всему, что окружало и с чем необходимо было мне жить. Ярким солнечным лучом в тот период была встреча с Елизаветой Павловной Дежуровой. Она пригласила нас, первоклассников, прибывших из разных детских домов области, в свой директорский кабинет. Там наперебой мы рассказывали о своих детских домах, о друзьях, о воспитателях и сотрудниках. Елизавета Павловна внимательно и участливо слушала наши хоровые исповеди. Задавала вопросы, рассказывала о жизни своего детского дома, интересовалась нашими увлечениями, старалась познакомиться с каждым из нас, подбодрить, приласкать. Она гладила нас по голове, обнимала, поднимала настроение. Узнав о том, что я одна приехала из Ембаевского детского дома №2, что сильно скучаю, часто плачу, вспоминая о прошлой жизни, она, как могла, утешала меня и старалась помочь преодолеть все переживания и адаптироваться в новой обстановке. Ко всему выяснилось, что уже много лет Елизавета Павловна дружит с Анной Александровной Жуковой - директором Ембаевского детского дома.

Дети нашей группы носили стрижку, а у меня были длинные косы, за которыми я не умела ухаживать самостоятельно. Дежурова взяла шефство надо мной, и каждое утро она гладила ленточки и вплетала их в мои косы. Я чувствовала ее материнскую любовь и заботу к себе на протяжении восьми лет, проведенных в детском доме. Для меня она была не только старшим наставником, но и близкой подругой, которой можно было доверять свои секреты. Эту дружбу мы сохранили на всю жизнь, она помогала нам жить и творить добрые дела на общее благо. Когда я повзросла, то многое узнала о ее нелегкой судьбе, в чем-то схожей с моей.

Жизнь уготовила Лизе тоже сиротскую долю, которую познала она в двенадцать лет. Рано лишившись матери, она с лихвой испытала голод и холод. Уроженка Курганской области, Елизавета имела большую тягу к знаниям. Это позволило ей после учебы в школе второй ступени, в далеком тридцать первом году, перешагнуть порог школы уже учительницей. Шли годы, и на страницы биографии Елизаветы Павловны ложились новые и новые отметки. Следовала за мужем: Емуртлинская, Голышмановская школы, работа в Тюменском, Нижнетавдинском, Ларьякском районах... Венцом ее педагогического пути стал Ялуторовский санаторный детский дом №87. Здесь талант учительницы, партийной пропагандистки, общественницы раскрылся во всем великолепии. Попав в стихию безродных, обездоленных детей, Елизавета Павловна умела находить свой путь к сердцу сотен мальчишек и девчонок. А были среди них и те, кого относили в разряд трудновоспитуемых. В детском доме оказалась после 1951 года. Бериевцы арестовали брата мужа, как врага народа. И хотя дело было сфабриковано, семья Дежуровых получила незримую печать недоверия и подозрения.

Никто в детском доме - ни сотрудники, ни

E. P. Дежурова в рабочем кабинете. 1960 - е гг.

дети не знали, какого напряжения стоило директору, Елизавете Павловне, каждый день с утра и до поздней ночи, находясь среди ребятишек, быть предупредительной - ровной в общении с сотрудниками, внимательной, ласковой и заботливой с детьми. Сама Елизавета Павловна, будучи человеком творческого склада, большого педагогического опыта, умела зажечь и детей, и взрослых поиском новых фантазий и идей. Принимая на работу в детский дом, интересовалась не только образованием человека, но и его увлечениями и способностями. Так, в шестидесятые годы, в наш детский дом была принята пионервожатой Валентина Павловна Ахтырская - одаренная, талантливая, творческая личность. Она была любимицей у детей и взрослых. Союз Ахтырской и Дежуровой позволял коллективу детей и сотрудников жить яркой,влеченной, интересной жизнью. Справедливая и требовательная, Дежурова всегда могла заступиться за слабых, объяснить ребенку неправоту поступка. А как беспокоилась она за судьбу мальчишек, которые сбежали из детского дома. Сколько бессонных ночей пришлось

проводить ей, пока не возвращались беглецы живыми и невредимыми. Терпеливо выясняла у каждого причину побега и старалась объяснить, внушить, отговорить от подобных поступков. Видя мою тягу к семье, к дому, она часто приглашала к себе в гости, где накрывала стол и щедро угождала меня. Тогда мы с ней долго беседовали о жизни, о планах. Она всегда поддерживала мое стремление к знаниям, образование, созданию крепкой и дружной семьи. Это придавало мне уверенность в правильности выбора. Выйдя из детского дома, я старалась приезжать в Ялуторовск и всегда с гостинцами попроводить свою старшую подругу, которая находилась на заслуженном отдыхе. Жизнерадостная и всегда доброжелательная, Елизавета Павловна заряжала своим оптимизмом всех, кто находился рядом и нуждался в общении с ней. Многие ялуторовчане до сих пор с благодарностью помнят Елизавету Павловну Дежурову - директора Ялуторовского санаторного детского дома №87, который находился по улице Новикова, 31.

Светлана СОНИЧ,
краевед (г. Ялуторовск)

Служить людям

По улице неспешно идет симпатичная, приятная, скромно одетая, немолодая женщина.

Многие встречные улыбаются ей, приветливо здороваются, останавливаются.

Да это и неудивительно: ведь она ровно полвека живёт в Ялуторовске и за 42 года своей трудовой деятельности сделала очень много добра этим людям, их детям, внукам, правнукам и местному здравоохранению, будучи детским врачом-инфекционистом.

Речь идёт о ветеране труда, отличнике здравоохранения СССР Евдокии Никаноровне Демьяновой.

А родилась Дуся в крестьянской семье Никанора Спиридоновича и Анны Леонтьевны Ельцовы 14 марта 1938 г. в селе Смирное Казанского района.

Родители трудились в колхозе. По вербовке отец с семьёй в 1940 г. переезжает в Омск, где ему была предоставлена работа в военизированной охране номерного оборонного завода.

До войны в стране очень популярным было такое крылатое выражение: «Жить стало лучше, жить стало веселее!» Вот и Ельцовы надеялись на лучшее, но в Омске на них посыпались,

как из рога изобилия, различные беды: 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, а в октябре того же года умер от дифтерии полуторагодовалый сын Ельцовы.

В марте 1942 г. глава семьи ушёл на фронт, а через три месяца погиб. К тому же вдову вскоре попросили освободить квартиру для размещения эвакуированных.

Пришлось Анне Леонтьевне с дочерью вернуться на свою малую родину, и только через 6 лет, в 1948 г., они смогли снова возвратиться в Омск.

Овдовев в 24 года, Анна Леонтьевна прожила ещё 66 лет, но так и не вышла второй раз замуж, оставшись верной памяти мужа на всю жизнь.

А в душе она дала себе клятву, что приложит все силы, чтобы дочь получила высшее образование. И слово своё она сдержала, работая долгие годы на Омском молочном комбинате, чтобы Дуся могла учиться.

Правда, в детстве девочка хотела стать учителем, так как очень любила детей, но по окончании школы почему-то неожиданно для себя самой поступила не в педагогический, а в медицинский (непременно на педи-

Семья Ельцовы. 1941 г.

атрический факультет, чтобы лечить малышей), хотя здесь пришлось учиться на два года дольше, чем в педагогическом.

Сокурсница по институту познакомила её со своим братом Иваном Демьяновым, который после службы в армии учился в Омском автодорожном техникуме.

Молодые люди полюбили друг друга и, учась на последнем курсе, поженились. Этот брак оказался прочным и счастливым: супруги прожили в любви и согласии 48 лет, пока муж не ушёл из жизни в 2010 году.

В 1962 году молодожёны были распределены на работу в г. Ялуторовск.

И. И. Демьянов до самой пенсии работал на одном месте – в автотранспортном предприятии.

А Евдокия Никаноровна пять лет была участковым педиатром. Начинала работу в деревянном длинном одноэтажном неказистом на вид здании по ул. Первомайской, за главпочтамтом, где тогда находилась и детская больница, и консультация.

Эта работа была не из лёгких, но обогатила молодого специалиста большим практическим опытом.

В 1967 г. в Ялуторовске впервые было построено детское инфекционное отделение.

Именно сюда в год открытия была переведена Е. Н. Демьянова врачом-инфекционистом, а через два года назначена заведующим отделением и трудилась на этом посту 19 лет.

Будучи человеком очень скромным, она мало рассказала о себе, поэтому пришлось обращаться к её коллегам.

Конечно, очень много и часто Евдокия Никаноровна встречалась по работе с тогдашним эпидемиологом СЭС Н.Ф. Шестаковым, который считает, что именно Е. Н. Демьянова наладила работу детского инфекционного отделения (до 1967 г. в Ялуторовске функционировало инфекционное отделение только для взрослых под руководством С. С. Вершинского).

Вот что дословно сказал Н. Ф. Шестаков: «Мне повезло работать с Е. Н. Демьяновой. Это Доктор с большой буквы, очень ответственный и грамотный специалист».

Но работать коллективу приходилось в трудных условиях. Вероятно, в проекте были какие-то просчёты, а может быть, строители что-то сделали не так, но изначально в новом здании было сырьё, холодно, не работала вентиляция.

Но как бы то ни было, а лечить детей надо. Молодая заведующая понимала, что только слаженный коллектив, единая команда может добиваться хороших результатов в лечении. И ей удалось создать команду единомышленни-

ков, заложить традиции.

Бывшие сотрудники до сих пор поддерживают связь, встречаются, поздравляют друг друга через газету с юбилеями.

Н. А. Ульянова, проходившая интернатуру у Евдокии Никаноровны, а в 1986 г. принявшая у неё эстафету заведующей отделением, отмечает её высокий профессионализм, работу над собой, справедливую требовательность, большую любовь к своим маленьким пациентам, человечность, душевность, уважение к людям.

Врач Л. А. Комар, год проработавшая в отделении с Евдокией Никаноровной, перечислила то, что ей понравилось в коллеге: умение быстро принимать решения, не теряя ни минуты времени; деловитость, мобильность, собранность; внимание к людям; честность, порядочность; спокойная требовательность; искреннее переживание за каждого ребёнка; умение работать, не считаясь с личным временем и не показывая свою усталость.

А ещё её поразило вот что. В отделении лечилось много детей-татар (с ними были и мамы). Чтобы лучше понимать друг друга, заведующая и медперсонал выучили много необходимых слов на их родном языке.

Врач-реаниматолог Б. М. Бахтин, бывший заведующий отделением реанимации, сказал, что ему с Евдокией Никаноровной приходилось вместе выхаживать крайне тяжёлых детей. Он отмечает её добросердечность, милосердие, мягкость, умение глубоко сопереживать, интеллигентность, готовность приходить на помощь больным детям и в выходные, и в праздничные дни.

В домашней библиотеке Е. Н. Демьяновой есть книга, подаренная бывшим заведующим хирургическим отделением, Почётным гражданином города Ялуторовска В. Н. Нестеровым, с надписью: «Евдокии Никаноровне в знак глубокого уважения и преклонения».

С ним она тоже сотрудничала многие годы.

По плану гражданской обороны в 70-е годы прошлого века проводились учения.

Е. Н. Демьяновой и С. М. Шакурову было поручено развернуть ожоговый госпиталь на базе Беркутской школы. Комиссия оценила их работу на 4,75 балла из 5 возможных.

Была Евдокия Никаноровна и членом комиссии по ликвидации вспышки кори.

Врач-терапевт В. П. Климов, бывший главный врач станции скорой помощи, вспоминает, что пока в медучилище ещё не было отделения повышения квалификации средних медработников, приходилось самому организовывать курсы ФПК для фельдшеров скорой помо-

**Евдокия Никаноровна
Демьянова. 1960 г.**

щи, где лекции читали ведущие врачи различных специальностей, а по инфекционным болезням – всегда Евдокия Никаноровна. Курсы заканчивались конкурсом для фельдшеров.

В середине 80-х годов XX столетия в южных областях России стали появляться больные холерой, казалось бы, побеждённой навсегда.

Е. Н. Демьянова и Н. Ф. Шестаков еженедельно проводили практические занятия с медперсоналом ЯЦРБ, чтобы быть готовым к встрече с настоящим больным холерой. В инфекционном отделении был создан отдельный бокс по всем правилам для холерных больных с особой одеждой и обувью. И бокс-то пригодился.

Летом 1975 г. возвращался домой с юга житель Ханты-Мансийска, решивший заехать к своим родственникам в Ялуторовск.

Тут-то и настигла его болезнь. Холерный вибрион, ранее попавший в организм этого человека, сделал своё «чёрноё дело».

Но местные медики сработали отлично. Благодаря вовремя проведённым учениям не было допущено ни одной ошибки: правильно поставлен диагноз, больной своевременно госпитализирован и вылечен.

И общественные поручения у этого неутомимого доктора были очень весомые по профсоюзной, комсомольской и партийной линии.

Детское инфекционное отделение три года подряд занимало первое место в соцсоревнованиях, поэтому ему был вручен вымпел на вечное хранение. А портрет заведующей можно было увидеть на досках Почёта ЯЦРБ и города. Самоотверженный труд Е. Н. Демьяновой оценён множеством Почётных грамот и благодарностей разного уровня (больничных, городских, областных).

А работать с такой полной самоотдачей Евдокия Никаноровна могла потому, что у неё дома был «крепкий тыл». Муж, Иван Иванович, любил и понимал свою жену, брал на себя заботу о двух дочерях, помогал по хозяйству. Но с годами от такой напряжённой работы стало сдавать здоровье, и по её просьбе Е. Н. Демьянова была переведена в 1986 г. штатным преподавателем инфекционных болезней в медучилище, где она трудилась ещё 18 лет.

Сбылась и её детская мечта стать учителем.

Некоторый опыт преподавательской работы у Евдокии Никаноровны был. В 60-70-е годы прошлого века, пока медучилище ещё не было укомплектовано штатными педагогами

по медицинским предметам, выручали врачи-совместители. Вот и ей приходилось читать лекции по микробиологии, детским, инфекционным болезням, а потом помогать вести практику по своей специальности.

Безусловно, трудно браться за новое дело в 48 лет, но Евдокия Никаноровна, как человек творческий, неравнодушный, не умеющий работать спустя рукава, быстро вошла в курс дела, тем более, что рядом работали очень опытные коллеги, мастера своего дела: Л. Р. Шейко (латинский язык); Т. В. Грехнёва (фармакология); Н. А. Фёдорова (терапия); Т. П. Коршунова (хирургия) и другие, у которых было чему поучиться, чем она и пользовалась с успехом, а вскоре оказалась в ряду с передовыми педагогами-новаторами, стала преподавателем высшей категории, была занесена в «Книгу почёта медколледжа».

Вот что рассказала о своей бывшей коллеге Л. Р. Шейко, проработавшая с ней рядом 18 лет: «На её занятиях царила атмосфера сотрудничества, Евдокия Никаноровна всегда опиралась на сильные стороны своих студентов, умело направляя их на осмысленное, научное познание инфекционных болезней, учила анализировать ситуацию, принимать верное тактическое решение в зависимости от профиля обучаемых. В течение первого же года работы дисциплина «инфекционные болезни» была методически оснащена: определён уровень знаний и умений для медсестер, фельдшеров, создан цикл клинических задач и ситуаций, алгоритм изучения каждой учебной темы, методический блок преподавателя, включающий в себя все виды контроля знаний, обновлены материалы экзаменационной семестровой аттестации.

Творческий подход к методическому оснащению каждой лекции, каждого семинара, практического занятия, использование примеров из личного врачебного опыта, вовлечение студентов в работу с дополнительной литературой, организация и проведение клинических конференций с ролевыми играми, конкурсов, составление кроссвордов, опорных сигналов позволили преподавателю добиваться высокого качества знаний у студентов, что подтверждало результаты итоговой семестровой аттестации».

С приходом Е. Н. Демьяновой в медучилище впервые здесь появился кабинет инфекционных болезней, созданный и руководимый ею. Справилась она и с ещё одним непростым де-

**Коллектив детского инфекционного отделения. 1968 г.
Е.Н.Демьянова в верхнем ряду шестая слева.**

лом - с классным руководством, в чём ей помогла В. А. Иванова. Евдокия Никаноровна выпустила в жизнь медсестёр 58 и 71 групп, а теперь гордится работой тех из них, кто трудится в Ялуторовске.

Естественно, и общественной работой она занималась в медучилище: была членом МК профсоюза.

Супруги Демьяновы вырастили двух дочерей. Старшая Маргарита окончила Омский сельхозинститут, а Алла – Ишимский педагогический. Помогали бабушка и дедушка растить двух внучек и внука, а в январе 2012 г. у Евдокии Никаноровны появилась правнучка Катенька.

Уже в зрелые годы пришла эта женщина, как

говорят в народе, к Богу, приняла крещение и старается в меру своих сил и здоровья помочь Успенско-Никольскому храму. Её послушание – чтение акафистов, а также помочь прихожанам по мере их обращений.

Одним словом, не может этот человек сидеть сложа руки. Служение людям – вот её девиз.

Недаром ей так нравится четверостишие из «Медицинской газеты»:

«У нас профессия такая,
Что станет до последних дней
Моею болью боль чужая,
А радость радостью моей».

Минсалим ТИМЕРГАЗИЕВ,
скульптор (г. Тобольск)

О славном Ваятеле заставляю словечко...

...Шарапов... зычно-зовущее, по-туркски сурровое слово... далёкое беспокойное ржание коней, скрип сыростины, крепкий потный запах костров как будто одновременно отдается в этом слове, в стародавние времена ставшим кличкой, потом именем, теперь это довольно известная в России фамилия... слово-сгусток, слово-время... Как не сложно оно проговаривается, но сколько занимательных интонаций, эмоций вдруг испытываешь, когда с наслаждением можно протяжно долго тянуть после шипящего начала почти французское грассирующее – rrpprrrr...Шарррапов...

Долгое время как-то не получалось увидеться, лично повидаться с Шараповым, хотя мы бывали на одних и тех же выставках, презентациях. Наши работы часто стояли недалеко друг от друга, но что, без сомнения, ни разу не встретившись – мы, когда урывками, а когда и по-долгу, более пристально разглядывали работы друг друга, и постепенно наше творчество всё-таки сближало нас. По фотографиям, конечно, было представление об этом художнике, но мы знаем, что в каталогах не всегда может быть фото соответствовать данному времени, потому в воображении представлялся настоящий образ, который пробирался через фамилию, через его произведения. И когда, наконец-то, в его мастерской долгожданная встреча состоялась, то убедился: воображение меня не подвело. В этой небольшой крепкой фигуре, долгом рассеянном взгляде в себя, есть что – то от заскорузлой аристократичности Родена, беспощадной суровости Пикассо и даже проглядываютя неясные черты характера мятежного Пугачева. Почти все встретившиеся мне по жизни скульпторы похожи на кузнецов. А так как считается, что кузничное и всякое другое ремесло пришло из – под земли, из Нижнего мира и обладали им гномы, эльфы, то Шарапов показался мне в вечернем полумраке мастерской очень серьёз-

ным умным Гномом. Домик-мастерская стоит на отшибе старого Ялуторовска, заросший кругом высокой болотной травой, с внезапными хлесткими взлетами уток, с раскрашенными закатами под петрово-водкинские картины, тут же в крохотном дворе лежали как-то не в масштабе не совсем законченные гранитные камни - изваяния, по ним взад и вперед беспрерывно носились невесомые трясогузки; то ли что-то замеряя, то ли их все-таки беспокоила странная незавершенность этих громадин.

Мастерская от пола до потолка заложена, наполнена, обставлена разновеликими работами из дерева, пластилина, керамики, металла и каких-то иных материалов. Все они начаты, не закончены, выглядят готовыми или эскизно намеченными, вперемешку с книгами, другими забавными интересными безделушками, фотографиями – нет свободных стен – все занято, полки с незабытыми предметами, гроздьями висят трафареты, наброски, картины, посередине мастерской с потолка свисает лебедка с винтильным крюком, крутая с грохочущими высокими ступенями железная лестница ведет на крошечную обзорную площадку и поворачивает в светлицу – спаленку с креслом - качалкой, она же библиотека, а под лестницей темница - кухонка с запахами чайных трав, кофе, гипса, где гостеприимный Домовой Шарапов изредка развлекает друзей и гостей очень укороченными беседами-разговорами и благоухающим полевым чаем, конечно же, из травы – муравы, составленной из гербария, растущего поблизости.

Он всегда в работе, занят, он, всегда мирно вдохновленный, с застенчивой улыбкой создает произведения невероятной душевной красоты. Будь это памятник в городской среде или миниатюрная скульптура. Они невероятны, но опрятны в задумке, идеи его отважны, философия осознанно глубока и добра, темы и сюжеты кажутся исторически далекими, но поразитель-

но актуальны сегодня. Стоит на площади Ялуторовска памятник прославленному Александру Суворову, в городе, в котором он никогда не был. Тщедушный на вид человечек, с разевающимся на ветру озорным хохолком на макушке, не проигравший ни одного сражения, гордость России, стоит в Сибири высоко на ветру, жестом поднятой руки как бы приглашая потомков помнить о славной истории российской, о подвигах ратных, о личной храбрости, упорстве в достижении цели, благородстве и достоинстве человека. Будучи свидетелем кропотливого подготовительно-периода (а это долгая предварительная работа с эскизами, тщательные поиски аналогов, дабы не повторяться, повсеместный сбор материала, знакомство с источниками, имеющими хоть мало-мальски ценные сведения о личности Суворова, поездки, переписка, консультации с местами, где бывал легендарный полководец) – отдаю дань неподдельного уважения к коллеге – труженику, скульптору Владимиру Шарапову. Чем не повторение подвига самого Александра Васильевича: мужественный переход через неудачи, творческие трудности, отчаяние и – вперед, к намеченной цели, к победе? Другой памятник или, скорее всего, уличная скульптура – Мальчишка, идущий по планете с метлой, удачно вставленная прямо в городскую среду, на тротуар, не столь пафосная, зато идея очень светлая, чистая. Ведь во все времена все мы желаем чистоты в любом ее выражении; например, мечтаем очистить захламленную мусором нашу планету Земля. А разве не хочется позаботиться о чистоте окружающей, прибранных площадях и улицах, парках и прудах, домах и подъездах?! Это несомненно будет способствовать чистоте нравственной, душевной. Потому и шагает Мальчишка с метлой на виду у всех, среди нас, не раз и не два за день попадается на глаза, напоминает, беспокоит.

Тема доброты, чистоты раскрывает другая скульптурная композиция «Материнство», тоже расположенная в городской среде, но, на мой взгляд, не совсем корректно, как-то мимоходом, на проходном пути, с невзрачным окружением вокруг памятника. Это одна из ранних, доперестроечного периода, работ скульптора, выполненная из светлого металла – алюминия, оттого выглядит по-домашнему уютной, с приятной взгляду пластикой, с аккуратными плавными линиями. Сам автор внешне суровый, немногословный, даже несколько на вид угрюмый, но сколько нежности, любви заложено Шараповым в фигурах Матери и Дитя; ребенок на

коленях матери, как в купели, безмятежен его взгляд; неуклюжи и робки его первые шажки. А она заботливо раскинула вокруг него руки, бережно раскрывает в своих объятиях шумный, еще пока незнакомый ребенку мир.

В Ялуторовске есть еще немало памятников и скульптур работы Шарапова: портреты земляков, посвящение событиям, просто симпатичные скульптуры. Заслуживает трепетного внимания мемориальный комплекс

- Поклонный Крест «Всем упокоенным в Ялуторовской земле». На холме, издалека похожие на ворота, арку, две скорбные фигуры, стоящие друг против друга, образуют в своих силуэтах между собой прозрачный Православный крест. Одна черная, другая белая, как

В мастерской скульптора.

день и ночь, как светлое и темное, как греческое и чистое - все было в прошлом на этой земле, поза Покаяния и Скорби фигур объединена Большим Крестом, который они уже не могут обронить. Отполированная до безукоризненного блеска поверхность каменных изваяний холодна и отчуждает их от живого мира; им суждено вечно нести свой общий Крест за себя, за всех. Наверное, современная трактовка памятника вызывает некоторое недоумение, может, даже возможное раздражение, но стоит согласиться, идея Единства Печали и Примирения наглядна, очевидна и понятна. Тут уместно сказать доброе слово о современнике, земляке скульптора Владимира Шарапова - о недавнем мэре города Владимире Дмитриевиче Зимневе. Его личная поддержка, своевременно оказываемая помощь, хороший вкус, искренняя забота о внешнем виде города позволили сохранить и приумножить культурное достояние сибирского города действительно добрыми произведениями монументального искусства. В истории городов российских такое отношение все еще редкость.

В небольших скульптурных композициях проглядываются пацифистские мотивы. Скульптура «Усталый воин» (1992 год) о бессмысленности войны, тяжких ее последствиях; о глубоком личном сочувствии автора к страданиям. Кто он этот воин? Победитель? Побежденный? От чего он устал – от бесконечных войн, от недавнего жестокого побоища или, наоборот, от томительного ожидания предстоящего, может быть, последнего для него боя? Зыбко сидящий на кончике щита, опираясь подбородком на руки с устало опущенными локтями и сложенные на рукоять тяжелого меча, похожего на могильный крест, безликий, без мысли, он сам по себе уже надгробный памятник.

Тема одиночества поднимается в работе «Размышление» (1998 год). Видимо, давно уже в нелегких раздумьях сидит на вертком крутящемся стуле человек; на ладонях у него сидит точно такой же подобный ему человек, а тот в свою очередь тоже в своих руках держит точно такого же ... Кто он - ваятель? Что или кто в руках? Его модель, изваяние, случайная находка?.. Кажется странно-однообразная цепочка фигур, себе подобных! Намек на вымиранье, вырождение рода человеческого или стандартное клонирование?.. Вот и сидит человек, вертится на круглом табуретке, а в руках - следующая человеческая жизнь; спина человечка выгнута как парус, что придает ему внешнее сходство с бумажным корабликом из детства... Запустят ли человечка в плавание, вдохнут ли в него живительное тепло многообразия или сомнут, начнет ли он заново следующую несложную модель собственного подобия?.. От этих образов веет щемящим чувством Надежды и Одиночества....

Вот и скульптура «Диалог» тоже стоит как-то недалеко по замыслу; раздвоение личности не редкость в нашем мире, откуда и бесконечные сомнения, бесполезные споры, поднятый палец еще не совсем оптимизм, а опущенная рука не всегда – пессимизм... и ведь от этого не уйдешь, никуда не деться... так и живем враздряг, бестолково – два в одном...

Стоит заметить, что эти работы созданы в тревожные лихие 90-е годы. Художника, конечно, волновали события, происходящие вокруг, и все переживания обязательно отражались на его графических и скульптурных произведениях.

В работе «Живописец», посвященной супру-

ге Ольге, совсем другие приемы восприятия: выразительная динамичная пластика, бурлящий силуэт, скрупулезно, с любовью обработанная поверхность скульптуры. Энергичная поза, властная, как царица, в меру сосредоточенный взгляд, оттопыренный мизинец почти вибрирует, показывая, как напряженно и вдохновенно работает мысль, босая нога - как на старте, полная жизни, все в ней взволнованно колышется.

Как говорят, и в тихом омуте чертики водятся... Скульптура «Акт», наверное, навеяна эротическими африканскими мотивами: эскизно-небрежная, даже грубоватая по исполнению, отчего усиливается впечатление динамизма, напряженности поз, так и кажутся фигуры людей бодро скачущими всадниками... Куда только не заносит вдохновенная мысль очарованного художника. Маленькая неуклюжая скульптурка «Динозаврика» тоже выполнена в такой же грубоватой манере, как живо напоминает она мне старинные культовые отливки пермско-звериного стиля. В небольшом фантастическом силуэте Шарапов удачно отобразил мощь древнего чудища и шероховатую технологию первобытных мастеров.

Живет на краю сибирского городка скромный во всем, но отзывчивый для всех, мудрый, любознательный художник – философ Володька Шарапов. Его скульптура «Ваятель», похожая на Огюста Родена, вполне отражает его состояние - внешне замкнутый, но с открытой добродетельной душой, стоит он один в огромном пространстве, и все ему интересно и все хочется отразить. Крепко сжимают руки ваятеля молоток и резец. Ждем...

Альбина БОЛОТОВА,
заведующая историко-мемориальным музеем
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

Муза её жизни – музыка!

Интересно, что слово «культура» буквально – но переводится культ – у – Ра, то есть поклонение Богу Ра – Свету! Культурный, значит Божественно просветлённый, а некультурный – не поклоняющийся свету, находящийся во тьме. Этот древнейший смысл слова, понятный для людей еще с египетских времён, верен и сейчас. И в полной мере отражает светлый мир Н.Ф.Мальцевой.

Надежда Фёдоровна родилась в Ялуторовске в год рождения музыкальной школы, чуть её опередив – 19 января 1955 года. В большой христианский праздник – Крещение. Говорят, что люди, рождённые в православные праздники, особо одарены покровительством небес.

Природа одарила Надежду Федоровну чистейшим колоратурным сопрано, но частая работа с произведениями среднего регистра придала голосу грудные, томные, бархатистые ноты лирического сопрано. В России много по-

добных голосов, но тембр, окраска – она всегда индивидуальна, и потому незабываема.

Надежда Фёдоровна училась в городской третьей школе. Она считает, что ей всегда везло на педагогов. С большим уважением вспоминает об учителях – преподавателе начальных классов Лидии Дмитриевне Кульчицкой, классном руководителе, биологе Инне Васильевне Рожковой, директоре Александре Сергеевиче Мошкове. Школа была для нее вторым родным домом, где любят тебя и где любишь ты; где тепло, интересно и комфортно. Александр Сергеевич Мошков частенько говорил ей: «Я слежу за развитием твоего голоса, вырабатывай свою манеру пения, не похожую ни на кого».

А учиться приходилось... у радио. Благодаря ему Надежда узнала многие песни, романсы, арии из опер. Очень хотелось петь, но для этого требовалось помещение. И будущая певица

скоро его нашла: после уроков многие классы пустели, пой, сколько душе угодно! И она напевалась в них досыта. И только потом возвращалась с подругой домой.

Эта страсть привела девятилетнюю девочку в музыкальную школу. Но в то время не было преподавателя и сольному пению не учили. И, проучившись больше года по специальности фортепиано, она ушла из школы.

В десятом классе решила съездить на прослушивание в Тюменское училище искусств. Там и решилась ее судьба. В Тюмени ей повезло, впрочем, как всегда, с преподавателем. Она попала в класс Р. Г. Тихоненковой. Раиса Григорьевна окончила Московскую консерваторию, училась у Натальи Дмитриевны Шпиллер. Да, той самой выдающейся певицы двадцатого столетия! Шпиллер – народная артистка РСФСР, лауреат двух Сталинских премий, профессор, музыкальный, общественный деятель. Пела в Большом театре.

С 1950 года она преподавала в музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных, заведовала там кафедрой сольного пения.

Р.Г.Тихоненкова в Тюменском училище искусств в преподавании придерживалась школы Шпиллер. Надежду Фёдоровну она курировала особенно, как талантливую ученицу. Студентка училась легко, получала повышенную стипендию, считалась перспективной.

В 1980 году, после окончания училища (в тот год выпустилось четыре солистки), Раиса Григорьевна повезла свою ученицу в Москву, на прослушивание к Наталье Дмитриевне Шпиллер, в институт имени Гнесиных. Увидев великую певицу, Надя смутилась. На открытках она видела тоненькую девушку, а перед ней, вся в черном, в вуали, солидная дама восседала на двух стульях.

Профессор попросила девушку спеть, внимательно прослушала и сказала: «Поступать». Но 1980 год – год олимпиады, иногородних не принимали, её попросили приехать на следующий год. Вот так порой просто решается судьба. Надежда Фёдоровна вышла замуж и осталась на работе в Тюменском училище искусств – преподавала вокал в хоре мальчиков. Поскольку муж был тоже ялуторовский, он уговорил жену перебраться в родной город. Тем более, что родился сын Алёша.

В Ялуторовске она начала преподавать сольное пение. До неё в музыкальной школе этому никто не обучал. Да и в Тюмени она шла в первом выпуске вокалистов. Начинающему педагогу сначала казалось, что она ничего не зна-

ет, не умеет. Она не понимала, как будет учить других петь. Но постепенно выработалась система, появились свои методы.

Надежда Федоровна убеждена, что сольному пению необходимо учиться всю жизнь. Обязательно надо много слушать, анализировать прослушанное. И учась у других, нельзя ничего брать вслепую даже у самых выдающихся певцов, потому как необходимо постоянно самому искать новые приемы своего индивидуального пения.

В то время молодому преподавателю не хватало знаний по педагогике, психологии. И она поступила в Тюменский государственный университет на филологический факультет. Литературу любила всегда, стихи с ранних лет жили в её душе, поэтому училась с большим интересом. Защищалась по теме «Советская литература» на пять с плюсом. Теперь для неё сольное пение и литература неразделимы. По её методике учащиеся музыкальной школы должны знать, откуда «растут стихи», должны чувствовать взаимосвязь стихотворного и музыкального текстов, находить правильные акценты в словах.

Надежде Федоровне посчастливилось работать с преподавателем по классу деревянных духовых инструментов, а также директором школы Виктором Александровичем Азановым. Выпускником Новосибирской консерватории, новатором, вдохновителем многих школьных традиций, умелым стратегом в развитии коллективного музыцирования, создателем оркестровых коллективов. Благодаря ему в Ялуторовске в 2000 году появился симфонический оркестр. И в то же время он является автором новых инструментов для оркестров и хоров.

Звание «Заслуженный работник культуры РФ» – это только малая толика заслуг этого человека. Работать рядом с ним, видеть его достижения – уже большая удача для его коллег.

Благодаря ему и руководителю оркестра народных инструментов Сергею Владимировичу Салдину, тоже впоследствии директору школы, Надежда Федоровна постоянно участвует в отчетных концертах этого замечательного коллектива. Почти двадцать лет она поёт в городском ансамбле «Русское раздолье», созданном при ЦНК, дает сольные концерты в ялуторовских профилакториях «Сосновый бор» и «Светлый».

Я двадцать лет веду салоны при музее, и На-

**Надежда Фёдоровна
Мальцева.**

дежда Фёдоровна ни разу не отказалась выступить. А в год мы проводим несколько таких праздничных приёмов. Приезжают гости из Екатеринбурга, Тюмени, Омска, Челябинска, Ближнего Зарубежья, Индии, Франции. И всех она очаровывает красивым голосом. Слушатели её романсов испытывают изумление, радость, тоску. Полные и глубокие ноты её голоса одновременно звучны и беспредельны по диапазону. Иногда она своим слушателям предлагает спеть с ней. Те с радостью начинают ей подпевать, а заканчивается одним и тем же – никто «не дотягивает».

Надежда Фёдоровна обладает прекрасным сценическим обаянием. Она не просто поёт, она изумительно рассказывает об авторах стихов и композиторах. И не устаёт повторять всем своим почитателям: «Пойте, это так необходимо для нашей души и физического здоровья».

У Надежды Фёдоровны сформировался свой класс, воспитанники показывают хорошие достижения в конкурсных выступлениях. Есть перспективные ученики, продолжившие свое обучение в высших специальных учебных заведениях Тюмени. Это Саша Бирюкова, Оля Шевелева, Наташа Софейкова, Яна Депчинская. У каждой из них – своя певческая судьба, своя творческая жилка, свои победы и, к сожалению, разочарования.

Но, вместе с тем, Надежда Фёдоровна глубоко убеждена, что музыкальной грамоте необходимо обучать всех. Все дети могут обучаться этому искусству, они должны с детства привыкать слушать живую музыку. Для этого её просто надо слушать. Ведь именно музыка явля-

ется одной из основных частей в воспитании культурного человека. Разве дворяне могли себе представить, что их ребёнок не будет понимать серьёзной музыки. А в Ялуторовске во время концертов часто пустые залы. Грустно. Надо детей привлекать с помощью родителей, классных руководителей. А потом они сами не смогут уже без классической музыки жить.

Почти тридцать лет Надежда Фёдоровна трудится завучем в училище искусств, а последние годы исполняет обязанности директора. Руководить творческим коллективом всегда очень сложно, но, благодаря поддержке коллег, она справляется с этой сложной работой. Хорошо знает всех учеников школы, вникает в их проблемы, помогает. Наград немногих, но они для неё значимы. Пусть это грамота городского комитета по культуре, главы Ялуторовска или признание в конкурсе «Женская элита». Ей, как и каждому человеку, приятно получать знаки отличия за свой труд.

Дома она хорошая, заботливая мама двоих детей и умелая хозяйка. Но главное в её жизни – это музыка. Она считает себя счастливым человеком только потому, что Бог подарил ей музыкальный талант.

Музыкальное искусство – это прекрасный мир. И благодаря таким личностям, как Надежда Фёдоровна Мальцева, в этот светлый мир постепенно вовлекается всё большее количество горожан через своих детей, внуков. И школа искусств яркой звездой ялуторовской культуры осветит жизнь ещё многим поколениям ялуторовчан.

**Надежда ШЕСТАКОВА,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации**

Течёт в народ «Реченька»

В развитии ялуторовской культуры важная роль принадлежит творческим самодеятельным коллективам, их руководителям и участникам. Их любовь к народному искусству, горячий энтузиазм и желание творить позволяют сохранить и передать будущим поколениям драгоценные крупицы народной культуры. Одним из таких коллективов по праву является фольклорная группа «Реченька», созданная в ноябре 2002 года при Центре национальных культур г. Ялуторовска. Руководитель и творческий вдохновитель этого коллектива ветеран труда Валентина Исаковна Бухарова.

Русская песня... То широкая, раздольная, как сибирские просторы, то плавная, неторопливая, как полноводная река, наполненная величавым многоголосием, то вдруг – веселая, удалая. В этой песне – жизнь целого народа со всеми ее радостями и горестями, в ней история нашей Родины, отражение человеческой судьбы. Такой судьбы, как у Валентины Исаковны Бухаровой, в девичестве Журавлевой, и многих

ее сверстниц.

Семьи ее родных по линии матери Лукерья Галактионовны Мининой и отца Исакия Агеевича Журавлева в период коллективизации были высланы из деревни Онуфриевой Исетского района в поселок Косулино Свердловской области. Жили в бараках. Одна семья от другой была отгорожена ширмой из половиков и каких-то рогожек. Бабушки и деды напряженно трудились, испытывая все тяготы, и очень рано ушли из жизни. Их дети, Исакий и Лукерья, поженились и завербовались на золотые прииски в Якутию. Путь на реку Алдан был неблизкий, их первенец Тимофей в дороге умер.

Обосновались Журавлевы в селе Кабактан, где отец трудился старателем, а мать – кухаркой в старательской партии. В 1936 году в семье родилась дочка Валентина, в последующие годы еще двое сыновей Владимир и Николай. В 1941 году Исакий Журавлев ушел защищать Родину и свою семью от фашистов. Младший ребенок – грудничок скончался. Дочку Валю и сына Воло-

ду мать уберегла, переехав в Тынду.

В 1943 году после тяжелого ранения и контузии отец вернулся домой, вывез семью в поселок Соловьевск, ближе к железной дороге.

Началась мирная жизнь, еще не совсем сытная, но радостная. Люди оживали, и, собираясь по праздникам, пели. «Я, подросшая, смышленая, слушала песни сибирские, что пел мой отец и его знакомые. Эти песни ложились в мою голову, я переживала с их героями и даже плакала», - вспоминает Валентина Исаковна. С детства началась любовь к народной песне.

По окончанию восьмилетки она поступила в педагогическое училище на станции Сковородино, проучилась один год, а продолжила музыкально-педагогическое образование уже в городе Талица Свердловской области, куда вернулась семья Журавлевых после долгого отсутствия.

Молодая учительница начальных классов была направлена на работу в глухую деревню Медведкову Талицкого района Свердловской области, где встретила своего суженого Михаила Бухарова, вышла замуж. Все родственники хорошо пели. «Как запоют - у меня в душе переворот, вспоминаются песни отца в детстве. Много я у них взяла песен, и опять положила на полочку в своей памяти», - рассказывает Валентина Исаковна. «Вот одна из них, что пела моя свекровь за прялицей»:

*«Знаю, ворон, твой обычай:
Ты сейчас от мертвых тел
И с кровавою добычей
К нам в деревню прилетел.
Где же ты гулял по свету,
Где кружил над мертвцем,
Где спохтил руку эту
Руку белую с кольцом?»*

В 1972 году семья Бухаровых, в которой уже было трое детей (два сына и одна дочь) переехали в Ялуторовск. Валентина Исаковна решила не расставаться с музыкой и поступила на вечернее отделение музыкальной школы, устроилась музыкальным работником в детский сад и даже приобрела свой любимый инструмент – аккордеон. В свободное время выходила с ним на вечеринки, юбилеи, старалась пополнять свой песенный багаж, хотя всегда хранила в своей памяти народные песни.

Прошли годы. Дети выросли, муж ушел в мир иной, подошел возраст пенсионный.

«И запросились мои песни из далекого детства наружу. Задумалась, как бы сохранить на-

родные песни для потомков, в их первозданном виде. Судьба забросила в деревню Старая Зимка Заводуковского района, прожила там четыре года, познакомилась со своими ровесниками, удалось уговорить их петь старинные песни», - продолжает рассказ Валентина Исаковна.

Вернулась в Ялуторовск и решила создать группу из юных почитателей народной песни. Обратилась за помощью в школу, но получила отказ. Одна учительница, классный руководитель пятого класса, помогла организовать двенадцать девочек. Так появилась в средней школе № 4 фольклорная группа «Ручеек», с которой проработала три года. Было нелегко, собирались дома у руководителя. Валентина Исаковна сама покупала ткань на концертные пла-

тья девочкам. Она понимала, что девочкам песни были интересны, они хорошо усваивали благодатный материал и даже самостоятельно исполняли. Школьницы выступали с концертом в профилактории «Светлый», в музее. Повзрослев, они запомнили эти песни.

В 1995 году Валентина Исаковна пришла в хор ветеранов го-

рода Ялуторовска «Наша биография», где пели ее сверстницы, многим уже за 60 лет.

Среди них нашлись любители старинных песен. Они объединились в группу и дали ей название «Реченька». За 10 лет ее состав менялся, но навсегда остались в памяти ялуторовчан знаток фольклора и замечательная исполнительница народных песен и частушек Тина Ивановна Глазычева, исполнитель народных песен Аркадий Рябков, который не только хорошо пел, но и играл на мандолине. Пять лет пела в коллективе Алина Михайловна Скрыпник - душевная, улыбчивая, музыкально образованная, которая запомнилась слушателям своим удивительным исполнением лирических песен 50-60 - х годов XX века.

Сегодня творческий портрет ансамбля казачьей песни «Реченька» - так теперь называется коллектив, представляют девять обаятельных женщин и трое мужчин. Все они - уважаемые люди, умудренные житейским опытом и творчески одаренные. У каждого из участников ансамбля своя жизненная дорога, но всех объединяет любовь к русской песне.

В составе замечательного коллектива ветераны педагогического труда Валентина Тихоновна Бетехтина, Ксения Кирилловна Стерлягова, Лидия Семеновна Казакова. Они не только

Фольклорный ансамбль «Реченька». 2011 г.
Руководитель В.И.Бухарова первая справа.

учили наукам и воспитывали детей, но и прививали им чувство прекрасного. Галина Ивановна Алехина, Тамара Егоровна Шалагинова работали на Ялуторовском молочно-консервном комбинате и других предприятиях города. Медсестра Нина Григорьевна Черепанова заботилась о здоровье ялуторовчан, Лидия Александровна Павлова, швея КБО, стремилась сделать людей нарядными. Нина Александровна Ярцева более тридцати лет трудилась продавцом в магазинах города. Тамара Александровна Тотолина добросовестно выполняла обязанности секретаря Ялуторовского суда, работала в государственном страховом агентстве.

В нынешнем составе «Реченьки» появились новые мужские голоса: Леонид Константинович Басинский, Геннадий Михайлович Тараканов, Сергей Назарович Богданович. Это люди разных профессий, которые более полувека живут в Ялуторовске. Л.К Басинский более тридцати лет работал на железной дороге, был начальником караула железнодорожного моста, Г.М.Тараканов много лет трудился на лесозаводе столяром, С.М Богданович работал на горпищекомбинате. Руководитель ансамбля Валентина Исаковна Бухарова, - ветеран труда. Художественный руководитель Ксения Кирилловна Стерлягова, - ветеран педагогического труда.

В репертуаре коллектива более шестидесяти песен - исторических, бытовых, лирических, их мелодии и тексты сохранились в первоначальном варианте. Существует много вариантов песни «Черный ворон». Для исполнения был выбран тот, что пели в семье Т.А. Тотолиной. Иногда приходится восстанавливать песни, используя воспоминания людей. Так было и с казачьей песней «Течет речка по песочку». Руководитель ансамбля В.И. Бухарова искала ее восемнадцать лет, а услышала точную мелодию и текст в деревне Старая Заимка Заводоуковского района. Песню «Знаю, ворон, твой обычай» В.И. Бухарова слышала от свекрови, которая жила на Урале, она исполняла только четыре куплета. Спустя много лет концовку этой песни Валентина Ивановна узнала в селе Старая Заимка Заводоуковского района.

«Теперь ворон их не тронет.

Над могилой – тишина,
По колечку да я узнала,
Чья у ворона рука»

И стало понятно, что в этой песне рассказывается о невесте, «что ждет казачка из похода, но ворон принес ей весточку – руку казака с кольцом».

Песню «На берегу сидит красотка» подарила коллективу Тина Ивановна Глазычева. В ней в сказочной форме повествуется о девичьей мечте, о встрече с красивым принцем, который ее полюбит и увезет в далекую и богатую страну.

«На берегу сидит красотка,
Шелками шьет она платок.
Работа чудная такая –
Шелков у ней не достает.
На счастье парус забеллся:
Корабль к берегу плывет.

*Корабль подходит, все готово,
Моряк по берегу идет»*

Историческую песню «Рано-раненько», которую пели в деревне Слобода Бешкильская Исетского района, привезла Мария Дмитриевна Тишинская.

*«Рано-раненько, на зорьке в ледоход,
Провожала я любимого в поход.
На кисете на добро – не на беду
Алым шелком шила-вышила звезду.
Шила-вышила удалой голове,
Серп и молот шила шелком по канве.
И уехал он, кручинушка моя,
Биться с белыми в далекие края».*

Участница ансамбля Тамара Егоровна Шалагинова гостила в городе Муравленко нашей Тюменской области, где услышала лирическую казачью песню «Ой, загулял казак!..» и, конечно, показала ее коллективу. Эта песня очень понравилась коллегам по творчеству, и теперь звучит в исполнении «Реченьки».

Подлинно народные, записанные с голоса песни находят своих слушателей. Фольклорный ансамбль выступает перед ветеранами войны и труда в Центре национальных культур, педагогическими коллективами города, отдыхающими санаториев-профилакториев «Светлый», «Сосновый бор», в комплексном Центре социальной защиты населения, Центре творчества детей и молодежи, принимает участие в концертных программах, проходящих в Ялуторовском остроге. Все песни исполняются акапельно.

Коллектив «Реченьки» - неоднократный участник открытого фестиваля творчества имени известного мецената, нашего земляка С.И. Мамонтова, удостоен дипломов II и III степени. С 2009 года принимает участие в Тюменском фестивале казачьей песни «Благовест», имеет дипломы I и II степени. За выступление на этом фестивале в октябре 2012 года получил звание Лауреата.

Ансамбль «Реченька» не просто исполнительский коллектив, это дружная семья, где заботятся друг о друге, помогают словом и делом. Здесь царит творческое общение и понимание. Коллектив имеет свое помещение в Центре национальных культур. Постоянно ощущает внимание и поддержку от руководства Центра и комитета по культуре и туризму администрации г.Ялуторовска. В 2009 г. ансамблю пошли новые платья. Материальная поддержка дает возможность совершенствоваться, расширять свой кругозор. Участники ансамбля побывали на экскурсиях в Тюмени, Тобольске. Встречи с мастерами и любителями народного искусства творчески обогащают, помогают обновлению репертуара.

У ансамбля есть свой девиз:

*«Россия, Русь! Куда я ни взгляну –
Везде твои страдания и битвы.
Люблю твою, Россия, старину:
Твои леса, погосты и молитвы»*

Побывав на репетиции, я заметила, как тщательно участники ансамбля готовятся к концерту, стремясь к точности мелодии и выразитель-

ности исполнения. Подготовлены три концертные программы, объединенные общей темой «Моя родина - Сибирь». Концерты ведет художественный руководитель К.К. Стерлягова. Она не просто объявляет песню, но и рассказывает о ней. В планах коллектива дополнить третью программу ямщицкими, шуточными песнями.

Накопленный песенный репертуар записан на диск, подготовлена видеокассета. Участникам коллектива и руководителю В.И. Бухаровой очень хочется, чтобы песни жили, звучали, нашли своих новых исполнителей и слушателей. А таких немало, о чем свидетельствуют записи в

Книге отзывов. Вот одна из них, оставленная Н.Г. Нижнаковой из поселка Советский, ХМАО:

«Дорогая «Реченька». Хорошо что вы есть. Вы дарите тепло русской народной песни. Низкий поклон вам всем и крепкого здоровья!!! Пусть это счастье общения с вами продлится еще на долгие годы. Всего доброго вам, артисты с большой буквы».

У коллектива есть мечта создать при ансамбле группу из молодых любителей фольклора, которая продолжала бы хранить и приумножать славные традиции своих предшественников и развивать народное песенное искусство дальше.

Наталья АРТЕМЬЕВА,

научный сотрудник

историко-мемориального музея

ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

« ...Уйти за грани бытия...»

Как приятно осознавать, что человек, с которым ты знаком – замечательнейший мастер, к

Тамара Васильевна Фоминова среди вышитых работ.

тому же с такой доброй и щедрой душой.

Одно из прекраснейших качеств этой милой женщины – любовь ко всему прекрасному. Скрыть такое чувство просто невозможно, потому как увлечение Тамары Васильевны Фоминовой, можно сказать, - беззвучно, но оно настолько пронзительно ярко и выразительно «выливается» из её души, что не может остаться незамеченным. Из-под её ловких, умелых рук рождаются преисполненные чувств, превосходные сюжеты и картины. Как же так получилось, почему, не имея ни малейшего представления о том, что вышивание – это одно из самых древнейших и сложных рукодельных искусств, Тамара захотела вышивать? Как она, будучи ещё маленькой девочкой, увлеклась таким непростым и требующим внимания и усидчивости делом? Да, ребятишки, её сверстники, не зная забот, бегали по двору с утра до вечера, но разве могла Тамара

упустить возможность поучиться у соседки, тёти Наташи, искусству вышивать крестиком. Вместе со своей подружкой Валей она наблюдала, как тётя Наташа, склонив голову, внимательно и неторопливо проколов иголочкой небольшой отрез ткани, выводит нитью красивый узор.

- Стежок, стежок, ещё стежок...
Что проще может быть,
Когда в кресте наскосок
укладываешь нить.
Но расцветают под иглой
волшебные цветы!
Секрет у чуда есть? Какой?
О нём расскажешь ты?
- Послушай, здесь секретов нет,
но делай всё с душой,
И вышитый тобой букет задышит,
как живой.
Росу и трепет в лепестках
ты сможешь ощутить.
А чудо у тебя в руках:
иголочка и нить!

А ещё, вспоминает Тамара Васильевна, разве это забудешь, – приезжал к ним во двор на лошадиной повозке мужчина с необходимым для рукоделия товаром: тесьмой, иглами, крючками, нитками.... Звали его дядя Миша. Он обменивал свой товар на ненужные вещи. И Тамара каждый раз волновалась, а найдутся ли в сундучке у дяди Миши нитки нужного ей цвета.... Радости не было предела, когда в руках появлялся желанный моточек. Девочки старались не пропускать занятия, хотя иногда так хотелось побегать со всеми.... Но зато в воротничках, вышитых своими руками, они были самые нарядные на школьной линейке.

Разве могла предположить маленькая Тома, что её детская заинтересованность перерастёт в увлечение всей жизни, в необходимость, в потребность погрузиться в такую кропотливую работу, отнимающую и время, и

силы, и здоровье.... Но какое это счастье! Как радивая хозяйка – умеет всё – и замечательно вяжет, и вкусно готовит, и даже (не имея специального образования) умеет играть на домре, а душа рвётся вышивать.

А ведь, как у любой хорошей хозяйки, бывает время, когда просто дня не хватает, чтобы успеть переделать все домашние дела.... Весной, летом – огород, здесь, как в сказочном саду – и беседка, сплошь покрытая вьюном, и теплица, и парник. Осень – у любой хозяйки – «святое время года»: засолки, варенья, маринады, грибы...

Вот почему среди вышитых работ Тамары Васильевны есть картины с прекрасными цветами, фруктами и грибами. Так что в эту пору некогда и прикоснуться к любимому занятию. Тамара Васильевна призналась – «Даже во сне, порой, вижу - вышиваю картину.... Когда проснусь, понимаю – соскучилась! Скорей бы зима!»

Но вот пришла зима, а работы почти не убавилось. Каждый знает, если свой дом – это значит уборка снега, другие заботы. Нужно ещё обязательно уделить внимание родным – и взрослым, и маленьким - у Тамары Васильевны две замечательные внучки Машенька и Да-рьюшка, которые, к слову, как и дочь Светлана, умеют и очень любят вышивать.

И, всё-таки, вот оно - это заветное время, вроде бы со всем управилась, присела, начала «колдовать над пляльцами», так хочется успеть побольше вышить, а тут уже и вечер – зимние денёчки коротки, да не всегда яркие. Ну что ж, вот и ночь на пороге. «Да я всё равно не усну, - рассуждает Тамара Васильевна, - буду думать, ворочаться..., посижу ещё!» Вот уже и муж из дальней комнаты окликнул: «Может, на сегодня хватит?» Да где там! Работа в самом разгаре! Вот сейчас... ещё... это место вышью, а потом... вот тут ещё уголочек...». И так, бывает, досиживает до самой середины ночи.

*Зацепилась ниточка тонкая,
Да за ушко легкой иголочки,
Зацепилась и тянется... алая,
Вышивает узоры на скатерти.
Вышивает, старается... крестиком,
Завиточки рисует... листики,
Ей с иголочкой ладно и весело,
Дело спорится, ночка близится.*

Ну, а кто побывал в гостях у Фоминовых – точно посетил картинную галерею – такого множества замечательных работ сегодня в домашнем интерьере встретишь нечасто. А сколько было раздарено родным, друзьям и близким людям не только Ялуторовска, а и других городов, и даже государств! Столько тепла, души и положительной энергии она вкладывает в свою работу. Каждая вышивка - как любимый ребёнок. О каждой своей картине может рассказать целую историю.

Любимый журнал Тамары Васильевны – «Вышивка для души». Однажды она даже от-

правила в журнал своё письмо с фотографиями, получила несколько приятных отзывов.

Все картины Тамары Васильевны оформлены в красивые рамы – это заслуга мужа – Кузьмы Ефимовича. Он – и самый первый созерцатель, и самый главный ценитель её творений. Вот уже 40 лет они вместе! И в августе 2012 года отмечали уже «рубиновую свадьбу».

Работ у Тамары Васильевны, если считать с 2003 года, уже более 60-ти. Вышивает сюжеты на разные темы, здесь и картины природы, и птицы, и звери, и портреты. Имеются и вышитые иконы, на что в Храме было получено благословление.

*Час поздний, земля погрузилась во тьму,
За вышивкой я и волшебные нити
К иконе, на ней будет Ангел Хранитель,
Я в сердце своём обращаюсь к нему.*

*Ах, Ангел Хранитель, прошу, помоги
Тому, для кого я сейчас вышиваю,
Молитву к тебе про себя повторяя,
От бед и напастей его сбереги!*

*Пусть горе обходит его стороной,
Пусть как о скалу разбиваются страсти,
Нападки глупцов и другие несчастья,
Храни его, Ангел, Заступник святой!*

Украшение коллекции Тамары Васильевны – репродукции картин отечественных и иностранных художников: И. И. Шишкин «Утро в сосновом бору», Леонардо да Винчи «Мона Лиза».

*Стежок к стежку, игла рисует
Сложнейший колорит шитья.
И вышивальщица рискует
Уйти за грани бытия...
Но нити крепко держат сердце,
Гармонии рождая лад,
И как сиреневое скерцо
Те нити радостно звучат.*

Беседуя с Тамарой Васильевной, я не замечала, как быстро пролетает время, словно по волшебству...

И как хочется, чтобы также - как по волшебству - исполнялись все желания этой замечательной рукодельницы!

Минувшее

Николай АБРАМОВ

Река Тобол с её притоками

«Река Тобол с ее притоками» - одна из исследовательских работ Николая Алексеевича Абрамова (1812 - 1870), историка, географа, члена-корреспондента Русского Географического и Археологического общества, автора работ по археологии, истории, статистике и этнографии Сибири. С 1849 по 1850 годы он служил штатным смотрителем Ялуторовских училищ.

Современный читатель впервые знакомится с этим трудом, не теряющим актуальность и для наших дней.

Тобол принадлежит к примечательнейшим рекам Тобольской губернии. По берегам его и побочных рек в глубокой древности обитали разные народы, один другим сменявшиеся. Потом несколько столетий владычествовали там племена туркские, из них некоторые впоследствии приняли название татар. Затем, по завоевании Сибири русскими, в 1586 г., на старом устье (*) Тобола основан главный город сибирского царства Тобольск и оттуда эта река вверх постепенно начала принадлежать Российскому государству, а по берегам ее, особенно левому, начали основываться русские селения. Окрестности Тобольска изобилуют многими произведениями природы. Там, особенно в Курганском и Ялуторовском округах, лежат места утчененные стадами скота древних обитавших народов, способные к хлебородию. По Тоболу, начиная с Курганского округа, производится вниз барочное, а с устья Туры судовое и пароходное водоходство.

Как Тобол, так и приточные к нему реки в отдаленнейшие времена без всякого сомнения имели несколько переменных названий. Но настоящие им имена туркские или татарские. Некоторые догадочно производят имя Тобола от

слова Табулу, значащего таволга, кустарника, растущего во множестве по берегам Тобола; другие от татарского владетеля Тоболака, которого городок Тобол-тура (ныне Тоболтурские юрты) находится при реке Тобол; но я думаю, что сам Тоболак получил имя от Тобола, потому что Тобол с самого истока в киргизской степи имеет это имя; наконец есть и другие догадки о названии его (**).

Тобол вытекает из киргизской степи Оренбургского ведомства в северной широте 510 и восточной долготе 780, из юго-западных отклонов Урала, из кряжа Караадыр (черное ущелье), на плоскую возвышенность Ак-тасты (белокаменная) и проходит через несколь-

ко озерок и болот с кисло-квасновою и гнилою водою, а потом в разных местах на несколько верст то скрывается под землею, то опять показывается (***)». Приняв далее к северу некоторые речки, врезывается в степное пространство

и расширяется. Течение Тобола в киргизской степи полагают более 500 верст. При Звериноголовской станице (крепости) (далее даются неразборчиво географические координаты. – Ред.) выходит из киргизской степи; по соединении с рекою Уем протекает по границе от запада к востоку и потом поворотя к северу, течет в Челябинском уезде Оренбургской губернии; далее по Курганскому округу 275 верст, шириной от 20 до 60 саж., глубиною до 1 ½ саж. с частыми мелями и островками, весною иногда очень широко разливается, затопляя окрестные селения. По Ялуторовскому округу – 200 верст, шириной от 60 до 80 саж. и весною разливается верст на 20. По Тюменскому округу – 155 верст и расширяется от 80 до 90 саж. По Тобольскому 93 в., шириной от 90 до

(*) Прежнее русло Тобола было почти прямо нагорной части Тобольска (около деревни Савиной) и в этом месте вода Тобола делала напор в Иртыш, отчего воды последнего ударяя в гору, подмывали ее до того, что большие глыбы песчано-глинистой земли обрушивались с грохотом в реку. В предосторожность несколько раз были сделаны деревянные обруби, но сила воды разрушала их; и потому губернатор Гагарин, воспользовавшись шведскими военнопленными из-под Полтавы пришедшими солдатами, около 1716 г. распорядился ими, выше за три версты от Иртыша прорыт из Тобола в Иртыш канал, в котором и образовалось новое настоящее русло Тобола. Соч.

(**) Журнал Мин. Просв. За 1841 г. Статья моя: «Догадки о значении имен рек Тобольской губернии».

(***) Топографическое описание Оренбургской губернии 1762 г.

110 сажен, глубиною до 2 саж. (*) и вблизи Тобольска, под 580 121 с.ш. и 850 и 561 в.д. впадает в Иртыш. Всего течения Тобола, с его извилинами и уклонениями, можно полагать до 1000 верст.

Дно Тобола большую частью песчанистое и суглинистое. Левый берег возвышен, в некоторых местах с высокими ярами, из белого песку с глинаю, а правый отлогий, луговой. Река эта несколько раз в разных местах переменяет русло, отходит от левого берега в правую сторону; оставшиеся после нее протоки в старом русле называются старицами. В некоторых местах реки в Курганском и Ялуторовском округах есть омыты и воловороты.

Местность на левой стороне Тобола волнистая, и по обеим сторонам пересекается небольшими возвышенностями, или так называемыми увалами. Правая сторона в южной части песчаниста и солонцовата, а далее к северу, по обеим сторонам почва черноземная, под которой лежит глина.

В вершинах Тобола вода кислая, вяжущая, от квасновой земли (ачугас), сквозь которую река проходит, далее мутна и неприятного вкуса; но по принятии побочных рек, она делается постепенно чистою и вкусною (**).

В Тоболе рыба: щуки, окунь, налимы, ерши, язи, чебаки, пискари (*Cyprinus gobio*), в Тобольском округе стерляди, заходящие из Иртыша.

От вершин р. Тобола вышли три речки Улькуяки, текущие в реку Тургай (**). По берегам одного из Улькуяков находится много могил, известных между киргизами батырей и ханов. К системе Тобола принадлежат реки начиная с киргизской степи: с правой стороны Кайракты, Абуган, протекающая через озеро Абуган, имеющее длины до 30, ширины до 12 верст, невдалеке от Кишмурунского укрепления, лежащего в области сибирских киргизов; с левой стороны: в самых вершинах Тобол принимает Чер-

тынды, Джиль-кувар, далее к северу Аять и на границе Оренбургской линии Уй. Затем с правой стороны Верхнюю Алабугу, Нижнюю Алабугу, Чернавку, Суерь, Емуртлу, Ук, Коктюль, Бачанку, Юрту и Тап; с левой Куртамыш, два Утяка, Черный Ик, Тебеняк, Исеть, Туру и Тавду.

Замечательные из рек, впадающих в Тобол:

а) Уй, вытекает, в с.ш. 540 и в.д. 770 , в виде ручья, из предгорий Урала, а именно из горы Кара-тас (черный камень) (****). До впадения в

Тобол, Уй принимает в себя одиннадцать речек, из них более примечательные Карабсан, Кадыша, Карыштым и Увелка. По сей последней множество древних, насыпанных курганов, а вверху этой речки в первой половине прошлого столетия открыто

та белая, годная для фарфорового дела, глина (*****). На левой стороне Увелки в первой половине прошлого столетия находилась каменная палата, оставшаяся от прежних обитателей, кладенная из обожженного квадратной и немалой фигуры кирпича; впоследствии она была разломана и кирпичи увезены в город Троицк (****). Такая же палата находилась около вершин речки Таузана, верстах в 50 от Троицка (*****). На Увелке, от села Коельского, по дороге к Челябинску, в 4 верстах есть пещера; в первой половине XVIII стол., во время сыскывания старообрядцев, осматриваема была капитаном Крыловым; в нее можно проходить до 30 саж., ширина и высота 1 саж. По сказанию в то время башкиров, в дальнем конце этой пещеры была яма и будто в прежние времена в той яме видели змею чрезвычайной величины. Другая пещера в 20 верстах от сказанного села, не в дальнем расстоянии от речки Кабанки, длиною такой же величины, как и первая, но несколько шире и по сторонам ее находились расселины, в виде камор. В 1750 г. Челябинскийproto-

(*) Топографические съемки Тобольской губернии.

(**) Топографическое описание Оренбургской губернии 1762 г.

(***) Топографическое описание Оренбургской губернии 1762 г.

(****) Дневные записки путешествия Академика Лепехина в 1770 г. Ч.II, стр. 157.

(*****) Глина эта открыта секретарем Исетской провинции Черемисиновым. По промытии ее, из полупуда вышло самой чистой глины два кирпича, весом 5 фун. Кирпичи эти были посланы в С.-Петербург, на Порцелейную фабрику и по пробе глина оказалась годною, в фарфоровое дело.

(******) Описание Оренбургской губернии, Дебу, 1837 г., стр. 113.

(******) Там же, стр. 114.

поп нашел в них несколько скрывающихся старообрядцев (*). Уй течет до Увелки не шире 10 саж. и не глубже 1 арш., весною же разливается до 200 саж. Ниже города Троицка Уй разливается до 15 саж. глубиною 2 арш. По берегам его выходят обширные скалы из флеца; есть роговой камень близ малого юрта и кварцевый в Акембе-тау, красноватый змеевик, известковый камень, лучистый гипс, квасцовье, углекислые и железистые ключи (**). Рыба в Уе: щуки, окунь, налимы, ерши, чебаки, пискари и сорога. По р. Ую в первой половине XVIII ст. учреждена Уйская линия с крепостями: Уйская в самых вершинах Уя; там в 1762 г. было 100 домов и церковь Иоанна Предтечи, Уклы-Карагайская, при озере Уклы-Карагай, основана в 1733 г., с церковью Святителя Николая. Петропавловская, при двух речках Ка-дыш и Суяк, впадающих в Уй, с церковью Петра и Павла. Степная на степной или правой стороне Уя, с церковью Архангела Михаила. Троицкая с церковью Св. Троицы. Каракульская при Уе, близ озера Каракуль (черное озеро), в 1743 г. Крутоярская на яру р. Уя. Усть-Уйская, под 540 161 с.ш. и 810 381 и 3111 в.д. (***)^(***), близ впадения Уя в Тобол, основана в 1743 г.

б) Река Исеть вытекает из Исетского озера в восточном Урале в нескольких верстах выше Екатеринбурга. Течение ее в открытой плодоносной стране на восток мимо Екатеринбурга, и разных горных заводов, Долматова, Шадринска, села Маслянского; Ялуторовского округа Терсюцкой слободы и сел Камышевского, Кодского, Мостовского, Рафаиловского, Исетского, Красногорского, Архангельского, Бешкильского, слободы Бешкильской. Исеть протекает по Пермской губернии 310 верст, потом по Ялуторовскому округу 150 в. с шириной от 15 до 20 саж. и в пяти верстах выше Ялуторовска впадает в Тобол. В Исеть текут: Уктус, Сысерть, Каменка, Синара, Теча, Борневка, Миас, Терсюк, Мостовка, Ирюм, Верхний, Средний и Нижний Бешкиль, Боровая Юзя-Ингала. По Исети наход-

сятся древние насыпные курганы и так называемые городища. От города Шадринска верстах в 8-ми, вверх по Исети в бору, возле куры, называемой Городищенской, Чудское городище, кругом его вал и ров; и сверх того древние насыпные чудские могилы. Примечательные из них три: две от Шадринска верстах в 14, на степи, позади бору, а третья против Шадринска верстах в 4, за р. Исетью (****). От Исетского села вверх по Исети, верстах в 9 к западу, при речке Ирюме, на горе находится очень красивое местоположение и там земляной вал, вышиною в аршин и ров глубиною около двух аршин, в окружности около 100 саж., в средине их курган, все это называется Чудское городище. В северной же стороне от Исетска находится много курганов, которые почитаются за моги-

лы древних, обитавших там народов. От села Рафаиловского в 2 ½ верстах, по реке Исети находится городище: возвышенное место, в попечнике 20 саж., окруженное валом и рвом; с южной стороны вала проход шириной 1 ½ сажени. Близ этого городища находится другое называемое малым городищем — возвышенное место, также окруженное валом и рвом.

В середине его вырыта яма, глубиною 1 ½ аршина, как полагают должно, кладоискателями. Оба эти городища от берега Исети саженях в 200(****). По реке Исети при бывшем Рафаиловском монастыре в первой половине XVIII ст. открыта краска умбра; а от села Исетского в 31 версте, вверх по речке Ирюму, с левой ее стороны, в болотном месте найдена лазоревая краска. При Рафаиловском монастыре и Бешкильской слободе открыта белая глина.

в) Река Тура вытекает из Уральского хребта, имеет падение крутое и течение быстрое, сначала в берегах пологих, потом в утесистых и обрывистых. Протекая извилисто по предгорьям восточно-уральским, уходит в леса Верхотурского уезда. В одной версте ниже Верхотурия есть высунувшийся камень, называемый говорливым, потому что эхо, которым повторя-

(*) Топографическое описание Оренбургской губернии 1762 г.

(**) Минералогическое описание Российского государства, Севергина, 1809 г. Ч. 1, стр. 87, 225, 261 и ч. II, стр. 98.

(***) Федор Лунн. Кульмин. 1833 г.

(****) Топографическое описание Оренбургской губернии 1762 г.

(*****) Известия Императорского Археологического Общества. Т. II, выпуск 1. Статья моя: «Курганы и городища в Тюменском, Ялуторовском и Курганском округах Тобольской губернии».

ется явственно и даже звучнее не только каждое сказанное на правом берегу слово, но и переливы звука. Тура, при принятии реки Салды в 30 верстах ниже Верхотурья, становится судоходною, и оттуда до границы Тобольской губернии течет 106 верст, при средней глубине 3 ½ аршина. В Верхотурском уезде в нее впадает несколько речек, из них замечательные три Октябрь, Озерная, Куссия, Куй и Тагил. В Туринском уезде с левой стороны Кут, Турубаевка, Сарагулка и проч., всего до 10 речек, а справой стороны Сусатка, Чукреевка и проч., до 7 речек. По Туринскому уезду Тура протекает 259 верст, шириною от 40 до 70 саж. По Тюменскому – 280 верст, шириною от 70 до 100 саж.; принимает в себя реки Пышму, Ниццу и Иски(*).

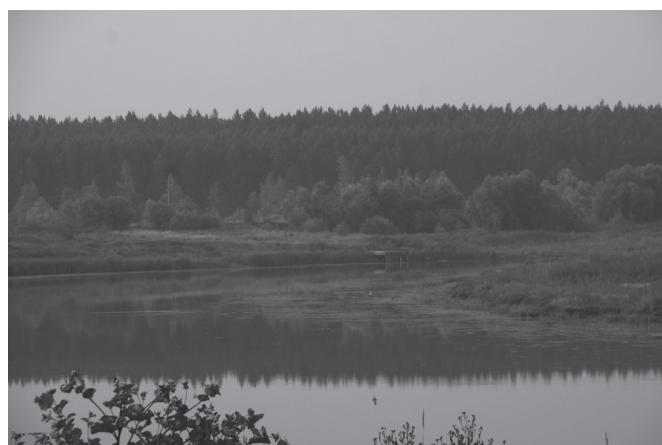
Дно Туры в вершине галечное с обломками различных пород, а далее до устья песчано-глинистое. При Туре в татарское владычество сибирью были города: Еланчин (Туринск) и Чимги-тура (Тюмень). По Туре в Тюменском округе находится много древних курганов. В 60 верст. От Тюмени в полуторах верстах от деревни Елкиной, на правом берегу Туры находится семь древних насыпных курганов с заметными вокруг них рвами и валами. В двух верстах от города Тюмени находится много насыпных курганов(**). Тура протекает в округах: Туринском мимо селений и волостей Жуковской, Благовещенской, Усениновской, Шухруповской, Коркинской, Куминовской и Туринской; в Тюменском: слободы Усть-Ницинской, сел Липчинского, Каменского, Луговского, Мальковского, Созоновского и Покровского. Всего течения Туры полагают около 900 верст. Она впадает в Тобол близ татарских юрт называемых Тарханскими, где у татар был городок Тархан-калла.

г) Река Тавда составляется, в с.ш. 590 и в.д. 810, из соединенных речек Лозвы и южной Сосвы, которые начинаются из Уральского хребта в Пермской губернии, - течет по уезду Верхотур-

скому, потом по округам Туринскому 430 верст с шириной от 30 до 40 с.; Тюменскому около 200 верст, с шириной от 40 до 50 саж.(*****) и впадает в Тобол около деревни Багилиной, в 100 верстах выше Тобольска. По Туринскому округу левый берег Тавды болотист, и потому там менее населения. Почва по всему течению ее большую частью глинистая и иловатая. По Тавде сплавляются в Тобол строевой лес и дрова. В нее текут более примечательные речки, с правой стороны Сулья, Емна, Кылья, Табаринка и Азанка, с левой Тыня, Пельм, Черная и другие, всего с левой стороны до 30, столько же с правой. Тавда течет по округам: Туринскому мимо волостей Пельмской, Гаринской, Табаринской, Кошутской; по Тюменскому – Антроповской, Тавдинской и Еланской. Тавдинский край находится большую частью в глуши болот и лесов кедра, лиственницы, сосны, липы и других.

За всем прежде сказанным обращаюсь опять к реке Тоболу. По берегам его, побочных рек и в окрестностях кочевали разные народы, один другим сменявшиеся. В глубокой древности там обитали некоторые племена Скифов, под общим названием которых греческие историки и географы разумели несколько разных народов. По сказаниям новых писателей, основанных на древних сведениях и географических картах греческих и римских писателей, Скифия разделялась на большую и малую, простиравшуюся от Крымского полуострова по южному отклону Уральского хребта по Барбинской степи до Алтайских и Саянских гор, по разным наречиям языка, разделявшаяся на многие отдельные или боковые ветви. По другим сведениям малая Скифия начиналась от Черного и Азовского морей и простиравась к востоку до китайских земель(*****).

К северу Скифия граничила с океаном Гиперборейским или Скифским. К югу с рекою Яксартом и Иманскими горами. В числе Скифских

(*) Топографические съемки Тобольской губернии.

(**) Подробности о Чинги-туре Тобольские губернские ведомости 1858 г., №№50,51,52. Статья моя «Город Тюмень».

(***) Вышеприведенная статья моя о курганах и городищах.

(****) Топографические съемки Тобольской губ.

(*****) О скифах писали: бывший при С.-Петербургской Академии наук профессор Байер, в разных своих диссертациях; тайный сов. Татищев в Российской истории, основываясь на сведениях греческих и римских писателей, особенно Геродота, Страбона, старшего Плинния, Клавдия Птоломея и Императора Константина Порфириогенита. Соч.

народов обитали приблизительно по местам настоящей западной сибири: Антропофаги (людоеды), Галактофаги (молокоеды), Анареи, Абийские скифы, Гиппофаги (конееды), Аскатанки, Массагеты и проч.(*)

В названиях Чудских городищ, Чудских могил и Чудских рудников сохранилось в Сибири имя народа Чуди в глубокой древности там жившего. Часть этого народа вытесненная попеременно Славянями, Монголами и Туркскими племенами переселилась на север России на тундры(**). Земляные и насыпные курганы, окруженные рвами и валами, доныне сохранившиеся, суть последние остатки, как полагать можно, от Скифов(***) и Чуди. Некоторые из курганов очень значительной высоты и объема, - свидетельствуют о многочисленности обитавшего народа, ибо насыпать такие груды земли требовались очень многие руки. Царев-курган или Царево-городище, на левом берегу Тобола, где основана была около 1663 г. слобода Царево-городище (ныне город Курган). Курган этот имеет в окружности, при подошве около 80 саж., был конической фигуры и довольно

значительной высоты, так что в настоящее время, при замечаемой осадке кажется до четырех сажен, перпендикулярную же высоту его можно определить до семи сажен. С уступкою на 8 арш. его окружают вал и ров, из них первый во второй половине прошлого столетия был вышиною около $1\frac{1}{2}$ саж., судя по этому и ров должен иметь соответствующую глубину. Вся окружность рва около 120 саж.; вход к кургану был с северной стороны. Коническая фигура его впоследствии изменена кладоискателями или так называемыми бугровщиками и особенно вершина его, по приказанию коменданта князя Мещерского, в конце первой половины XVIII ст., скрыта и в ней выкопана глубо-

кая яма, для отыскания клада(****). Рядом с царевым курганом к сесеру находится другой курган меньшего объема, кажущийся вышиною около 4 арш., также, как и первый, окружен был валом и рвом. В этих курганах будто бы кладоискателями вырываемы были разные серебряные вещи, что и было поводом дать Кургану герб: «в зеленом поле два серебряные кургана»(*****).

(*)Древняя география, Страфенгаузена. С.-Петербург. Географическая карта Скифии Серики, после стр 304, и сказание о Скифии, стр 306 и 307.

(**)В 1113 г. Новгородцы с князем своим Мстиславом пустились в Эстляндию и разбили Чудь, жившую в лесах. На четвертый год Мстислав опять ходил с Новгородцами на ту же чудь и взял город Медвежью Голову, лежавший почти на границе Чуди с Литвой. В 1217 г. Новгородцы и псковичи вели войну с Чудью. (Новгородская летопись, стр. 1 и 35).

(***)Herodot Libr.IV caput 127 приводит разговор Скифского царя Иданфирса с Персидским царем Дарием. Первый говорил последнему, что у Скифов нет городов, а есть древние земляные курганы.

(****)Путешествие Палласа по Сибири, в 1770 годах.

(*****)*Древнейшие обитатели Сибири, погребая умерших знаменитых или любезных людей, имели обыкновение зарывать с ними в землю вещи при жизни их употребляемые и любимые: посуду, военные доспехи и проч. В одном из 1840 годов заседатель Кокпектинского округа (нынешней Семипалатинской области) разрывал там один древний курган и открыл в нем могилу, которая была выложена из глинистого сланцового камня, внутри покрытая алоей краской и закрытая плитами из того же камня. В ней сохранились человеческие кости и разные мелкие золотые украшения, весом 19 золотников. В 1853 г. заседатель Пельмского отделения (Туринского округа) разрывал в селе Пельмском (что прежде город) находящийся там курган и нашел там несколько серебряных мелких вещей. Статья моя: «О курганах и городищах». Известия Императорского Археологического общества. Т. II. На левом берегу р. Алея, впадающего в Иртыш, находится ряд 16 курганов и в одном главном из них в два поиска найдено было кладоискателями золотых разных изделий до 60 фунтов. Доктор Бель бывший в свите постстаника Измайлова в Китай (1719-1720 г) между прочими редкостями, вырытыми из курганов и древних могил кузнецких, видел конного истукана, отлитого, и несколько зверьков из золота. Один из кладоискателей сказывал Белью, что добылся в Кургане до свода, под которым лежал остов человека, на серебряной доске с доспехами – луком, стрелами и колчаном. Сибирский историограф Миллер в Колыванских заводах купил из могильных драгоценностей золотого на коне всадника и золотой кувшинчик обронной работы. Путешественник Гмелин (в 1735 г.) видел у Красноярского воеводы вырытый из кургана род подноса и небольшой горшок из серебра, под золотом.*

Кроме этих курганов, много таковых находится в Курганском округе. В Ялуторовском округе также много курганов и особенно по левому берегу Тобола. Вниз от города Ялуторовска, от деревни Гилевой, на пространстве 10 верст ряд курганов в близком расстоянии один от другого, вышиною до 2 ½ саж. Бердюгинской волости, в одной версте от деревни Кангинской, курган в поперечнике 40 саж. и вокруг него заметный вал и ров. От Асланинских татарских юрт, в 4 верстах, возвышенное место в поперечнике 8 саж., с заметными валом и рвом(*).

В татарское владычество в Сибири(**), кроме Царева-городища (Курган) по реке Тоболу были известные городки.

Явлу-тура (Ялуторовск) местность его была длиною в 70, шириной в 50 саж. Она с двух сторон была окружена водою Тобола, с третьей находилось озеро Чать, а с четвертой два рва, глубиною в три сажени и между ними земляной вал до реки Тобола. Для въезда в это укрепление была одна дорога – через рвы и вал, а водою через ров от Тобола(***)

По правую сторону р. Тобола близ впадения в него Туры был татарский городок Тархан-калла (ныне Тарханские юрты). Там жил владелец Тархан, т.е. не платящий никому дань. Пред приходом Ермака в Сибирь недалеко от Тархан имели свои городки татарские мурзы и князцы Кашкара, Варвара и Майтмас (ныне юрты сего названия). Они вели несколько дней сражение с Ермаком, наконец он победил их и взял много добычи. Яшил-тура, на липовом яру (Липовское село) городок этот построен был татарским владельцем Тайбугою. Тоболтура, на долгом яру (Тобол-турские юрты) основан братом Тайбуги Тоболаком, пришедшем туда с устья Исети (в 5 верстах выше Ялуторовска). Карабчин улус, где жил Думный Мурза хана Кучума. Ермак имел с ним жестокое сражение и

после одержанной победы взял много добычи, состоящей из золота, серебра, жемчугу и проч.

В вершинах реки Тобола и далее к северу по ней и впадающим речкам до устья Уя, а также по речкам Чертынды, Джилькувару и по впадающим в них речкам, по р. Каяту, впадающему в Тобол и по трем речкам Ул-куяк кочуют киргизы средней орды Оренбургского ведомства.

При Тоболе в Курганском, Ялуторовском округах находятся более примечательные селения, и два города. Звериноголовская крепость (ныне станица), основана в 1753 г. и получила название от звериной головы, найденной там в земле. Эта крепость сначала была в ведом-

стве Сибирской губернии, но вскоре, при командире сибирской линии, генерал-майоре Киндерманне причислена к Оренбургской губернии.

Слобода Утяцкая. В 1750 г. в ней было 71 дом. Жителей муж. Поля от 16 до 50 л. 178. Укрепление ее состояло: город лежачий в столбах, с надолбами и рогатками.

Прежде там была деревянная, а впоследствии построена каменная церковь, во имя Святителя Николая и Богоявления Господня.

Село Черемуховское. В 1850 г. там было 42 дома, жителей муж. Поля от 16 до 50 лет – 86. Деревянная церковь, во имя Св. Апостолов Петра и Павла с приделом Знамения Божией Матери, а в 1830 годах построена каменная с переименованием придела во имя Казанской Божией Матери. В первой половине XVII ст. укрепление сего села состояло из города лежащего в столбах, с надолбами и рогатками, - в предосторожность от набегов степных народов киргизов и кара-калпаков. Город Курган, переименован из слободы Царево-городище(*), которая была основана выше 8 верстами настоящего города при Тоболе, близ сказанного Царевакургана. Но когда берег Тобола или Ялгинский яр начал обваливаться, то некоторые жители перенесли дома далее от берега и образова-

(*)Статья моя: о курганах и городищах в Тюменском, Ялуторовском и Курганском округах.

(**)О татарах писали Абулгази-Баядур хан в истории о татарах и прежде его Рашид-Эддин Персидский писатель; а также Бержерон и Страленберг в описании северо-восточной Азии.

(***)Вышеприведенная статья моя о курганах и городищах в Тюменском, Ялуторовском и Курганском округах.

(****)Статья моя: «Слобода Царево-городище до переименования ее городом Курганом», помещена в Вестнике Географического Общества за 1854 г и потом в Тоб. Губ. Вед. За 1860 г.

ли две деревни Курганские; а другие на настоящем месте Кургана, с удержанием имени слободы Царево-городища. От этого разделения домов в 1750 г. в новой слободе было только 59 домов и жителей мужского пола от 16 до 50 л. 200. Слобода эта, когда пограничная линия шла по Тоболу, была крепостью. Там был город Кремль рубленый, с двумя проезжими башнями и город лежачий в столбах; при них четыре проезжие ворота и восемь бастионов, крытые драницами, с надолбами, рогатками и ровом. Вместо деревянной церкви в 1770 г. была построена каменная, во имя Св. Троицы, с приделами Рождества Христова и Св. мученика Димитрия Селунского; в 1820 годах построена другая церковь каменная, во имя Рождества Богородицы и Св. Алексия человека Божия. В 1858 г. там было жителей муж. пола 1668. жен. 1756, домов каменных 14, деревянных 726.

Слобода Иковская, в 1750 г. укрепление ее состояло из города лежащего (горизонтально забранного) в столбах, с одною проезжею башнею; надолбы, рогатки и ров. Домов было 96, жителей от 16 до 50 лет муж. пола 205. Церковь сначала была деревянная, а около 1822 г. построена каменная, во имя Владимирской Божией Матери и Архангела Михаила.

Слобода Белозерская, в 1749 г. укрепление ее было: город Кремль рубленый в углы, при нем одни проезжие ворота, надолбы, рогатки и ров. Домов 23, жителей муж пола от 16 до 50 л. 83. Там в 1698 г. заложена была деревянная церковь, во имя Св. Алексия человека Божия; по пришествии в ветхость вместо нее заложена в 1755 г. деревянная же, а в 1784 настоящая каменная, того же имени с приделом Св. Параскевы Пятницы.

Усть-Суерская (Пухова) слобода. В 1749 г. там был город лежачий в столбах, с проезжею башнею, надолбы, рогатки и ров. Домов было 38, жителей муж. пола от 16 до 50 лет 88. Церковь сначала деревянная, а потом каменная, во имя Св. Николая.

Суерская (Осипова) слобода. В 1749 г. там было укрепление: город Кремль рубленый в углы, при нем башня проезжая и другие ворота в город лежачий в столбах, при нем трое проезжие ворота, надолбы, рогатки и ров. Домов 69, жителей муж. пола от 16 до 30 л. 202. Церковь сначала деревянная, а потом каменная, во имя Смоленской Божией Матери с приделом Афанасия и Кирилла Александрийских.

Город Ялуторовск. Сначала был острогом; укрепление его состояло из стоячего острога, кругом 210 саж. 8 арш., и около него город лежачий, забранный в столбы, всего на две версты 394 саж. При этом остроге три башни проезжие, одна в Исетскую провинцию, другая в Тюмень и

третья в г. Тобольск; а с левой стороны вокруг острога ров, надолбы и рогатки. В 1749 г. домов было 172, жителей податного состояния муж. пола от 16 до 50 л. 300. Церковь сначала была деревянная, а потом построены каменные: в 1760 годах Сретенская, а около 1815 г. Вознесенская. В 1860 г. там домов было 559 из них 5 каменных а прочие деревянные. Жителей муж. пола 1568, жен. 1462, всего 3030 д. По Тоболу - в Тюменском округе село Гилево-Липовское, с каменною церковью; в Тобольском село Липоярское, с каменною церковью, - лежит на возвышенном, пространном холме, с приятными окрестностями.

Относительно царства ископаемого, по берегам Тобола и в окрестностях находятся: квасцы при истоке его, щелочная соль вверху этой реки, на Куртамыше и у Царева-кургана; але-бастр между городом Троицком и верхним Тоболом; белый рухляк близ города Кургана; трубочная глина в нескольких верстах от Кургана у села Введенского (по старинному Чертищевой); хрупкий шифер по берегу Тобола; чистый натрон на левом берегу Тобола в 20 верстах от слободы Куртамышевской; ватриоль по глинистому берегу речки Степной, близ Тобола; красновато-охристое железо при Тоболе, в киргизской степи. На левом берегу этой реки в Курганском и Ялуторовском округах вымываются слоновые кости(*) .

По левому берегу Тобола растет лес частью из сосны и преимущественно из березы, образуя рощи. Сосновый лес в некоторых местах Курганского округа переходит и на правую сторону Тобола, но только там, где почва песчаная. В начале настоящего столетия в полной еще мере красовался Илецкий бор, широко расположенный от Илецкой защиты под 510 91 и 811 с.ш. и 720 401 5511 в.д. вниз по левую сторону Тобола в Курганском и частью в Ялуторовском округах, среди которого в Курганском протекали реки Черный Ик с чистейшей водою, катившиеся по песчаному руслу. Берега его поросли черемуховыми, рябинными и боярочными кустарниками. Другие места по левой стороне Тобола с березовыми колками и рощами украшаются (в Курганском и отчасти Ялуторовском округах) кустами вишни и растений с ягодами костянники, клубники и земляники. По правому берегу Тобола в таловых кустах растут смородинник и ежевичник. Верст за 90 выше Тобольска по правому берегу Тобола начинается и еловый лес. В окрестностях Тобола по Курганскому и Ялуторовскому округам растут травы, употребляемые деревенскими лекарями и лекарками в лекарства. Богородская трава – водяной отвар ее пьют от головных болей, от лихорадки, от кашля и густых мокрот в

(*) Минералогическое описание Росс. Государства Севергина, ч. 1, стр. 236, 253 и ч. 2, стр. 104 и 105.

груди, от остановки мочи, от разных истерических и судорожных припадков; толченую прикладывают к ранам, которые эта трава скоро очищает и заживляет; она также зубную боль утоляет. Красный девятильник полезен от кровохаркания, употребляется, во время женского периодического очищения, как чай. Синий девятильник также полезен в сказанном случае, трава его употребляется в грудной болезни. Желтый девятильник – отвар его употребляется против глистов, выжатый из свежей травы сок прикладывается к расколовшейся коже на ногах и очищает раны. Черноголовник – сушеный корень его принимают против поносов. Полевая горчица – толченое семя ее с разным кислым тестом и солью употребляется как горчишник. Малиновый скрыпун – снаружи в припарках от закрытого геморроя и застарелых ран. Дикая спаржа и Конская грива гонит урину, очищает легкие и почки. Жабрей сок, из травы выжатый, употребляется в раны. Синий зверобой употребляется как чай от кашля и грудной боли. Георгиево копье отвар из него и соку употребляется от головной боли и от расслабления. Рыжик семена варятся в воде с примесью меда, употребляется от принятых ядовитых веществ, от желтуницы и кашля. Семена на подобие хлопчатой бумаги употребляются от удушья. Казак – гонит урину и полезен в болезни мочевого пузыря. Зверинец употребляется от ломоты в костях, венерической болезни, чесотки и чахотки. Кашник или Мохнатник употребляется от боли в животе, в промывательное; сваренная трава прикладывается теплая на запальчительную опухоль. Крестовый зверобой отвар из него употребляется от кровавого поноса, от остановления урины и с медом от застарелого кашля. Желтоголовник – от простуды, грудной болезни и ломоты в пояснице. Перелойная трава – отвар ее употребляется женщинами для прибавления в грудях молока. Хмельник отвар его смешанный с сывороткою, очищает желудок, гонит мочу и чистит кровь. Скорокопыточник – свежая трава прикладывается к носу, при сильном течении крови, а отвар сухой травы от кровавого поноса. Черноголовник имеет укрепительную силу и унимает у женщин белую грыжу. Марьин корень – отвар употребляется от родимца и истерических припадков. Поле-

вая ромашка от лихорадки и от ветров в животе. Если в ухе произойдет боль от попавшего туда ветра, то берут луковицу, разрезывают надвое, вынимают сердечко и вместо него кладут цветок ромашки; складывают вместе разрезанную луковицу и кладут в печь, в горячую золу, чтобы луковица испеклась, потом вынутый из нее пропитанный луковым соком цветок ромашки теплый кладут в ухо – превосходное испытанное лекарство. Сенокосные места изобилуют там мягкими, вкусными и разнородными травами наполняющими воздух приятным запахом. В Курганском и Ялуторовском округах, считающимися самыми хлебородными в Тобольской губернии, в особенности в окрестностях Тобола урождается рожь, пшеница, ячмень, овес, горох и сверх того в первом округе просо, а во втором гречка. В обоих лен, конопля, различные огородные растения, а в Курганском вкусные арбузы и дыни.

Из зверей около Тобола и в окрестностях водятся волки, лисицы, зайцы, барсуки. Из птиц: аисты, стерхи, бабы, орлы, ястребы, гуси, утки и проч.; в боровых местах тетерева, глухари, рябчики и куропатки.

Через Тобол и впадающую в него реку Аbugan в киргизской степи лежит караванный путь от города Троицка в Чугучак, а именно: из Троицка реки Тогулак 50 верст, оттуда 100 верст, брод через Тобол, и опять 100 верст брод через реку Аbugan и далее. Из Бухары в Троицк также идут караваны по урочищу Домбар, при р. Тоболе, мимо озера Яман-ала куль (худое, пестрое озеро), между Тоболом и Николаевским укреплением. Из Троицка в Ташкент караваны идут через урочище Домбар на Тобол.

Из Курганского и Ялуторовского округов летом идут по Тоболу в Тобольск барки с рожаною и пшеничною мукою, крупами: яченою, просою, гречневою, молочным маслом. Следующие из Томска суда и пароходы в Тюмень идут Обью, Иртышем, Тоболом и Турою и обратно. Из Тюмени пароходы идут в Томск теми же реками. Кроме того тюменские пароходы следуют и в Семипалатинскую область реками Турую, Тоболом и Иртышем, с различными купеческими товарами и другими тяжестями в города Тобольск, Тару, Омск, Павлодар, а летом 1862 года тюменский пароход «Союз» доходил и до Семипалатинска.

Павел БЕЛОГЛАЗОВ,
директор ГАУК ТО
«Ялуторовский музейный комплекс»

Город Ялуторовск и Ялуторовский округ во второй половине XIX века

В распоряжении Ялуторовского музеиного комплекса оказался бесценный источник информации – оцифрованные в ФГУ «Российская государственная библиотека» комплекты «Тобольских губернских ведомостей» - первого периодического издания в Тобольской губернии. Спасибо руководителям двух уважаемых областных учреждений культуры – Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника и Тюменской областной научной библиотеки им. Д.И. Менделеева С.Ю. Сидоровой и О.Б. Адамович!

На отдельных номерах газеты есть штампы Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, Румянцевской публичной библиотеки. Отметки «Ялуторовское городовое хозяйственное управление» свидетельствуют, скорее всего, о том, что некоторые экземпляры приходили в Ялуторовск в рассылку и перед тем, как попасть в фонды Тобольского музея, находились в Ялуторовской городской управе. «ТГВ» имели статус официального печатного издания и публикуемые в нем распоряжения и указы должны были неукоснительно исполняться на местах.

Первый номер «ТГВ» вышел 27 апреля 1857 года, последний – 3 апреля 1918 года. Оцифрованный вариант охватывает довольно продолжительный период - с 1857 по 1873 гг. 1857 год представлен со второго номера, полностью отсутствуют комплекты издания за 1858, 1861, 1862 гг. Очевидно, их не удалось собрать для оцифровки. Многие экземпляры газет подписаны редактором И.Юшковым.

Предлагаемый для анализа период – с 1857 по 1873 гг. – характеризуется определенной демократизацией политической системы и общественной жизни в России, в том числе и в провинции, обусловленной приходом к власти императора Александра II, известного своими либеральными взглядами на основы государственного устройства, в отличие от своего предшественника – Николая I, который, жестоко подавив выступление декабристов на Сенатской площади, полагался лишь на силовые методы управления огромной страной. Александр II, царствовавший с 1855 по 1881 гг., отменил крепостное право (его еще называют Освободитель) и провел ряд реформ, способствовавших развитию капитализма в России. На него совершено 4 покушения (1866, 1867, 1879, 1880). Убит народовольцами. После польского восстания 1863-64 гг. во внутренней политике начались реакционные признаки, которые уси-

лились к концу правления самодержца. Знаковый исторический факт: в 1837 году Александр Николаевич побывал в Сибири в ранге цесаревича и наследника престола в сопровождении воспитателя поэта Василия Жуковского. Посетил он и Ялуторовск.

Собственно говоря, появление на свет «ТГВ» – прямое следствие демократических перемен в России. И хотя газета подвергалась цензуре и выражала, в основном, одну точку зрения – официальную, на ее страницах можно найти массу информации для анализа.

Учитывая большой объем материала, автор публикации постарался привести его в систему, разложив информацию по отдельным разделам, характеризующим экономическую и общественную жизнь в окружном городе и его окрестностях. При изложении исторических документов дается современная транскрипция.

Сухим языком статистики

В нескольких номерах за 1862 год даются краткие статистические описания окружных городов Тобольской губернии. Они подписаны инициалами В.И. (?). Подача материала, глубина информации выдают в нем знатока.

Сначала речь идет о местоположении Ялуторовска. Автор акцентирует внимание на том, что от Ялуторовска до Санкт-Петербурга 2787 верст, до Москвы – 2114. До губернского города Тобольска по почтовому тракту – 341 верста, по коммерческому – 260. Точь-в-точь, как сейчас!

Ялуторовск расположен на левом берегу Тобола, на расстоянии не менее полутора верст от реки. Странно, не правда ли, ведь обычно старинные поселения основывались по берегам водных артерий. Автор статистического описания так объясняет этот парадокс: «Тобол близ Ялуторовска, как можно достоверно заключить, несколько раз переменил свое течение, что доказывается глубокими рытвинами и образовавшимися в некоторых из этих рытвин озерами, получающими воду во время разлияния реки. Тобол по всей вероятности первоначально проходил вблизи самого города. След прежнего русла реки обозначается и теперь резкою чертою, показывающею прежнее возвышение левого берега. В настоящее время Ялуторовск стоит выше уровня воды Тобола на 4 ½ сажени».

Древние поселенцы выбрали удачное место: «Местоположение города довольно ровное. Взрытое только местами прежним руслом Тобола и насыпями (курганами), происхожде-

ния которых предания объясняют древними могилами и иными предположениями. Эти насыпи или курганы находятся больше в северной части города и откуда на довольно близком один от другого расстояния идут по прибрежью первоначального русла Тобола, теряясь уже за границами земель, принадлежащих городу. Вообще местоположение Ялуторовска можно назвать довольно красивым, чему много способствует его возвышение над левым берегом реки, открывая в дали длинную перспективу рассеянных в окрестности деревень. Самое большое протяжение города до двух верст. Ширина до 1 ½, а окружность до 5 верст.

Внутри городской черты под заселением, садами, огородами и улицами считается 285 дес., а всего во владении города 2,422 дес.».

О климате: «По климату Ялуторовск подходит всего более к Кургану, чем к другим городам губернии. Климат Ялуторовска тоже довольно сухой и здоровый. Растительность почти также обильна, как и в Кургане, что и делает эти два города с принадлежащими к ним округами плодороднейшими местностями Тобольской губернии».

О названии города: «Наименование свое Ялуторовск получил, по преданиям, потому что основан на месте, принадлежавшем татарскому владельцу Ялутору. Некоторые же производят слово Ялуторовск от двух татарских слов: аул – деревня и тур – жить».

В статистическом описании Ялуторовск предстает средним населенным пунктом. В нем 559 домов, а вот каменных только 5, да и то 4 – казенных и лишь один – частный, церкви две – обе каменные. Жителей по статистическим таблицам за 1860 год насчитывается 3030 человек, причем мужчин (1568) больше, чем женщин (1462). Объяснение этому демографическому перекосу логично вытекает из таблицы распределения населения по сословиям: потомственных дворян – 7 муж., 8 жен., личных дворян – 85 муж., 78 жен., духовенства православного белого – 36 муж., 32 жен., купцов – 141 муж., 149 жен., мещан – 289 муж., 302 жен., крестьян – 403 муж., 389 – жен., военных – 253 муж., 70 – жен., бессрочно-отпускных – 4 муж., 1 жен., отставных и солдатских жен и детей – 89 муж., 123 – жен., ссыльно-поселенцев – 99 муж., 43 – жен., лиц, не принадлежащих к указанным разрядам – 162 – муж., 67 – жен. Наличие в Ялуторовске воинского гарнизона –

главный фактор преобладания мужского населения.

Демографическая ситуация в этот период имеет отрицательный баланс. В 1860 году в городе родилось 72 мужчины и 65 женщин, а умерло 65 мужчин и 80 женщин.

Далее следует описание улиц: «По полицейскому управлению Ялуторовск разделяется на два квартала, в городе считается четыре улицы, восемь переулков и одна площадь, где расположен гостинный двор. Мостов два, – один плашкотный наводится через Тобол посреди лета или иначе с наступлением сенокосного времени, а другой переброшен через ложек в деревне Борошинской, ко-

торая составляет как бы предместье города. Улицы все широкие и немощеные. Последнее обстоятельство можно приписать отчасти небогатому состоянию жителей, а более тому, что в этом не предвидится существенной необходимости. Город стоит на довольно возвышенном месте и летом после дождей осушается в самое короткое время, так что вместо грязи улицы летом, по незначительной деятельности города, бывают покрыты густыми зелеными полянами. Деревянное строение в Ялуторовске на больших улицах довольно опрятно, даже красиво; общая ценность всех строений города простирается до 48,700 р.с.».

О торговле: «Торговая деятельность собственно жителей города очень невелика. Большая часть купцов и мещан, оставя торговлю и ремесленные занятия, считают для себя более выгодным быть в услужении у откупщиков питейных сборов в разных городах империи или у золотопромышленников в Восточной Сибири. Только самая незначительная часть купцов Ялуторовска занимается торговлею, также как и самая малая часть мещан извозничеством и ремеслами портным и сапожным. Торговля по округу большей частью сосредоточена в руках крестьян, торгующих по свидетельствам 3 и 4 рода, между которыми находится довольно много значительных капиталистов. Находясь, так сказать, в центре сельской производительности, крестьяне эти пользуются всеми выгодами своего положения и кроме торга хлебом, салом, маслом, кожами, щетиной и другим оптовым товаром, имеются салотопенные, мыловаренные и кожевенные заводы и лавки со всем потребным для крестьянского быта, так что крестьянин почти не встречает потребности ехать в город, как за сбытом

Мостик у берёзовой рощи

Фото М.Знаменского. (?)

Кон. 1850-х - нач. 1860-х гг.

своих произведений, так и за закупками необходимого для себя».

О ярмарках: «В Ялуторовске бывают четыре ярмарки, именно: сретенская с 31 января по 4 февраля, благовещенская с 23 по 27 марта, сергиевская с 24 по 27 сентября и никольская с 4 по 8 декабря. Годичный оборот этих ярмарок бывает до 100 т.р.с. На ярмарки собираются большую частью крестьяне Ялуторовского округа и тюменские торгари с кожевенным и разным мелочным лавочным товаром; лучшие же лавки бывают шадринских купцов. Но все эти ярмарки города незначительны перед ярмарками и торжками, бывающими в его округе, число которых простирается до 55; на некоторые из этих ярмарок привозится товаров более чем на 500 т.р.с.

Гостиный двор в Ялуторовске заключает в себе 12 каменных и 105 деревянных лавок. Обыкновенно большая часть этих лавок стоят пустыми и занимаются только во время вышеупомянутых четырех ярмарок.

В настоящее время считается в Ялуторовске 45 купеческих капиталов, именно 1 второй и 44 третьей гильдии. Кроме того находится 20 торгующих крестьян, - осьмнадцать по свидетельствам 3-го и два 4-го рода».

О промышленности: «Фабричная и заводская деятельность города Ялуторовска тоже незначительна; в нем считается всего три завода, именно один салотопенный и два мыловаренные. Зато 83 завода находятся в его округе, - 8 салотопенных, 2 мыловаренных, 33 кожевенных, 4 клееваренных, 25 маслобойных, 5 для выделки крупчатой муки, 5 стеклянных и 1 сургучный.

В отношении ремесел Ялуторовск тоже город малопроизводительный. Если и существуют какие-либо ремесла, то собственно для потребностей жителей города. Всех ремесленников в Ялуторовске считается по статистическим сведениям 181 чел., и большая часть из них занимается портным и сапожным ремеслом.

Застой, как в торговой, так и в промышленной деятельности Ялуторовска, большую частью происходит от того, что город этот лежит в стороне от большого сибирского почтового тракта. Тракт этот пролегает в настоящее время всего в пятиверстном расстоянии от города, через деревню Памятинскую. Было предположение, чтобы оживить город и дать ему более способов, провести этот тракт через Ялуторовск, что сократило бы самый путь на 23 версты; но предположение это по настоящее время не осуществлено, как кажется, по неимению в виду чем покрыть издержки, необходимые при исполнении этого предприятия».

О дорогах: «Ялуторовск имеет три въезда с севера из Тобольска, с юго-запада из Кургана (летний) и Тюмени и с юга из Кургана (зимний) и Ишима».

О власти: «В Ялуторовске находятся все

присутственные места, какие должны быть в окружных сибирских городах. Думу же и прочие городовые учреждения заменяет в Ялуторовске городовое хозяйственное управление».

О доходах: «Городские доходы в последнее время простирались до 2913 р. 77 к. с., а расходы до 2285 р. 93 $\frac{3}{4}$ коп». Несмотря на довольно ограниченные возможности для сбора налогов, город, как видим, жил по средствам и лишнего себе не позволял.

Образование: «Из числа учебных заведений в Ялуторовске находятся приходское и уездное (*) училища и женская школа, в которой в последнее время обучалось до 38 дев. При этом надо заметить, что ялуторовская женская школа одна из самых первых женских школ, основанных в Сибири».

Место Ялуторовска среди городов Тобольской губернии

Вот таким увидел Ялуторовск автор публикации. В его описании городок на Тоболе предстает зеленым, теплым, уютным для проживания, но без особых перспектив развития. Мундир окружной столицы для него явно великоват. Это, скорее всего, административный центр для управления обширной территорией со всеми необходимыми для этих целей учреждениями – полицейскими, судебными, церковными органами, тюремным замком и даже собственной воинской командой. Интересно, а как выглядит Ялуторовск в сравнении с другими городами Тобольской губернии? Проанализируем статистические сведения по Тобольской губернии за 1861 г., которые публикуются в «ТГВ» в №№39-44 за тот же 1862 год.

О численности городского населения: «По населению многолюднее других Омск, в котором считается 17,363 жителя обоего пола. Затем по числу населения города Тобольской губернии следуют в таком порядке: Тобольск (16,926 ч.), Тюмень (11,553 ч.), Петропавловск (8,700 ч.), Тара (4,895 ч.), Туринск (4,091 ч.), Курган (3,542 ч.), Ялуторовск (3,348 ч.), Ишим (2,939 ч.), Березов (1,448 ч.), Тюкалинск (1,403 ч.) и Сургут (1,188 ч.)». По численности лиц городских сословий (мещане, купцы и др.) Ялуторовск занимал лишь 9 место в губернии. Для справки: в 1856 г. население г. Ялуторовска составляло 3345 чел.

О численности сельского населения: «Самый многолюдный по населению Ишимский округ, в котором считается, исключая население городов Ишина и Петропавловска, 193, 935 ч. об. пола. Затем по числу населения округа Тобольской губернии следуют в таком порядке: Курганский (184,744 ч.), Ялуторовский (158,761 ч.), Омский (131,882 ч.), Тарский (93, 834 ч.), Тобольский (89,604 ч.), Тюменский (81,109 ч.), Туринский (51,027) и Березовский (25,262 ч.). По густоте населения первый округ в губернии есть Ялуторовский, в котором причитается 10 ч. на одну квадратную версту, худ-

(*) В январе нынешнего годаздание Ялуторовского уездного училища с библиотекою и со всеми учебными пособиями сгорело.

ший же в этом отношении Березовский округ, в котором на 32 квадратные версты причитается только по 1 чел.».

О вероисповедании. Самое большое число единоверцев (6343 ч.об.п.) проживает в Ялуторовском округе. Это более чем третья часть единоверцев в Тобольской губернии. Наиболее населен раскольниками тоже Ялуторовский округ (13,036 ч. об. п.). В самом Ялуторовске 2 раскольника. В Ялуторовске с округом зарегистрировано 4 лица, исповедующих армяно-греко-православную веру, 1 караим, 117 протестантов, 4788 магометан обоего пола.

О полиции. Полицейских будок в городах губернии насчитывалось 40, в Ялуторовске 2, в Ишиме, Березове, Турийске, Сургуте, Тюкалинске их нет вообще.

О числе церквей. Из городов большее число церквей отмечено в Тобольске (17 каменных), затем идут Тюмень (11 кам.), Омск (7 кам.), Тара (6 кам.), Турийск (5 кам.), Петропавловск (3 кам.), Ялуторовск, Курган, Ишим, Березов (по 2 кам.), Тюкалинск (1 кам.).

О числе домашнего скота. Из городов наибольшее количество всех пород домашнего скота насчитывается в Таре (8273 ш.), затем следуют по убывающей Петропавловск (5904), Омск (4974), Ялуторовск (4600), Тюмень (4489), Тобольск (3164), Березов (2517), Курган (1993), Турийск (1910), Ишим (1537), Сургут (816), Тюкалинск (518). В том числе по рогатому скоту ситуация выглядит так: Тара (3575), Тюмень (2382), Петропавловск (1933), Ялуторовск (1745), Омск (1435), Тобольск (1180), Курган (989), Турийск (986), Ишим (607), Сургут (311), Березов (236), Тюкалинск (215). Лошадей: Тара (3570), Омск (3107), Петропавловск (2959), Тюмень (1850), Тобольск (1742), Ялуторовск (1690), Турийск (778), Курган (723), Ишим (635), Сургут (388), Тюкалинск (183), Березов (170). В Тобольской губернии зарегистрировано 103 верблюда, и все они находились в безуездном городе Петропавловске, и 186,986 голов оленей, в том числе 1987 штук в городе Березове и 36 штук в Сургуте. На каждого жителя Березовского округа приходилось 7,5 оленя.

Власть

Окружной город Ялуторовск, как один из административных центров Тобольской губернии, имел в обозреваемый период (с 1857 по 1873 гг.) все необходимые органы управления обширной территорией. Здесь находились окружной и земский суды, окружное казначейство, конторы различных окружных чиновников – стряпчего, исправника, землемера, врача, соляного и винного приставов, почмейстера, надзорительного помощника Управления питейно-акцизного сбора Западной Сибири и др. Имелось также окружное частное управление, которое занималось организацией торгов. Все закупки, осуществляемые на казенные средства, производились на конкурсной основе, заблаговременно, официальные источники сообщали о недобросовестных поставщиках. В самом Ялу-

торовске делами распоряжалось городское хозяйственное управление. Вся исполнительная власть была сосредоточена в руках городничего, в подчинении которого находилась градская полиция. Представительная власть осуществлялась через старосту, которому общество delegirovalo на какой-то период определенные полномочия, и его помощника (кандидата).

Должность городничего в этот период занимали (данные неполные): коллежский советник Белоусович (1857 г.), Ковалев (1863 г., в 1866 г. назначен Туринским окружным судьей), Шишко (в 1868 г. назначен во вновь созданное полицейское управление помощником Курганского окружного исправника). Государь Император, по положению Сибирского комитета 23 марта 1857 г., «высочайше повелеть соизволил производить со дня выслуги установленного срока прибавочное жалованье из сумм Государственного казначейства Ялуторовскому Городничему Коллежскому Советнику Белоусовичу 178 руб. 69 коп.». В 1866 году в «ТГВ» прошло сообщение: «Государь Император, по всеподданнейшему докладу министром внутренних дел ходатайства Ялуторовского городского общества о присвоении звания почетного гражданина г. Ялуторовска бывшему тамошнему городничему, надворному советнику Ковалеву, - всемилостивейше на сие соизволил». Выходит, градоначальник Ковалев (к сожалению, ни имени, ни отчества не сообщается) был одним из первых почетных граждан г. Ялуторовска. И звание это присваивалось с одобрения самого царя.

Почетные граждане. Кроме уже указанного выше городничего Ковалева, удалось установить еще трех почетных граждан г. Ялуторовска: купца I гильдии, миллионера, золотопромышленника и владельца пароходов Никиту Федоровича Мясникова, купца I гильдии Александра Степановича Попова (потомственного почетного гражданина), Н.П. Попова, владевшего недвижимостью в Ялуторовске и имеющим «Усадьба Благодатная» в 29 верстах от Ялуторовска по почтово-торговому Московско-Сибирскому тракту, в полутора верстах от Падунского винокуренного завода. Кстати, Н.П. Попов – один из немногих жителей Ялуторовского округа, кто выписывал «Тобольские губернские ведомости», и однажды редакция даже извинялась перед ним за нерегулярную доставку газеты. В 1871 году Н.П. Попов, много сделавший для Ялуторовска, собирался переезжать в другие края и разместил в «ТГВ» объявление о продаже недвижимости. «Усадьба Благодатная» включала в себе 1576 дес. 1442 саж. отличной пахотной и сенокосной земли, огромные березовые рощи, господский дом с флигелем и всеми необходимыми хозяйственными строениями, хорошей мебелью, экипажами, небольшой конный завод, рогатый скот и овцы, хлеб в посеве и налицо. В имении протекают две рыболовные речки – Ук и Бигила, на которых удобно разместить фабрику или завод. Сена ставится до 6 тысяч копен. Дом в Ялуторовске, где жил Н.П. Попов, состоит из 11 комнат, на камен-

ном фундаменте, с отличной мебелью, большими зеркалами и прочими богатыми украшениями. Имение и дом продавались вместе и по-разному.

Н.П. Попов имел чин коллежского советника, являлся одним из директоров Ялуторовского отделения попечительного о тюрьмах комитета и почетным смотрителем Ялуторовского училища. 25 февраля 1872 г. Государь Император пожаловал ему за внеслужебные отличия орден св. Станислава 2 степени, в 1870 году - орден св. Анны 3-й ст. – за исполнение обязанностей почетного смотрителя Ялуторовского уездного училища.

Старосты. В журнале губернского правления за 1857 г. есть запись о том, что 2 декабря избранные Ялуторовским городским обществом по Городовому хозяйственному управлению старостой купец Соколов и кандидатом к нему купец Богданов утверждены в настоящих должностях на 1858 год. В 1864 г. Ялуторовскому городовому старосте Мясникову объявлена благодарность губернатора за хорошо организованный сбор податей и повинностей. В этом же году начальник губернии объявил благодарность городовому старосте П.А. Куклину, организовавшему сбор средств для Ялуторовской женской школы.

В 1960-е годы столоначальником в Ялуторовске служил Филатов, письмоводителем Василий Словцов (эта фамилия довольно часто встречалась в Ялуторовске) канцелярским служителем Дмитрий Кремлев, квартальными надзирателями городской полиции – Митрофан Загибалов, Хлебников, губернский секретарь Фогелев, Ипполит Шалабанов, Петр Мутин, письмоводителями городской полиции Карпинский, Пузин, состояли в штате Ялуторовской городской полиции коллежский регистратор Рычков, отставной канцелярский служитель Никандр Попов. В 1867 г. письмоводитель Ялуторовского городового хозяйственного управления губернский секретарь Левин увольнялся в отпуск на 4 месяца с сохранением жалованья в Санкт-Петербург, Москву и Воронежскую губернию. В 1870-е годы письмоводителями Ялуторовского хозяйственного управления служили коллежский секретарь Николай Шалавин, титуллярный советник Иван Васильев (переведен из Тары).

В ворохе официальной информации попадаются весьма интересные сведения, касающиеся тех или иных персоналий. Три года назад музейщики с помощью работников ЗАГСа

по просьбе иркутского художника Е.В. Ушакова восстанавливали некоторые страницы его родословной. Удалось обнаружить свидетельства о рождении Е.В. Ушакова в 1925 году, о бракосочетании его родителей Владимира Алексеевича Ушакова, по профессии статиста, и Серафимы Лаврентьевны Пятницкой, учительницы. «Тобольские губернские ведомости» пролили свет на характер занятий ее отца, отставного коллежского регистратора Лаврентия Пятницкого, определенного постановлением Тобольского губернатора от 8 апреля 1872 г. в штат Ялуторовского окружного полицейского управления, а в 1873 г. перевещенного в штат

Тюменского приказа о ссыльных. Вот откуда семейная легенда о якобы польских корнях этой фамилии! Л.Пятницкий вовсе не ссыльный поляк, как писал в своих мемуарах Е.В. Ушаков, а сотрудник ведомства, которое занималось делами ссыльных в Тобольской губернии, в том числе и поляков. Также на страницах «ТГВ» мелькнула информация о деде С.Л. Пятницкой – Христофоре Лапине, который в 1871 г. служил канцелярским чиновником в Ялуторовском окружном казначействе. Ищите да обрящите!

По отрывочным сведениям, да к тому же официальным, трудно судить о том, как тот или иной чиновник исполнял возложенные на него обязанности. Бросается в глаза очевидная тенденция: чиновники на своих должностях долго не засиживались, очевидно, во избежание мздоимства и кумовства. Губернатор переведил в Ялуторовск служилых людей из Туринска, Тобольска, Омска, Петропавловска, Кургана, Тюмени, Семипалатинска. А из Ялуторовска – в указанные выше города. К примеру, окружной стряпчий Скорняков был переведен в Ялуторовск из Тобольска, а из Ялуторовска отправлен на ту же должность в Тюмень. Помощник Ялуторовского почмейстера Редько перевещен в Омск, а его омский коллега Шевелев – в Ялуторовск. Земский исправник Родзянко прибыл в Ялуторовск из Туринска в 1863 году. За управление Туринским округом ему была объявлена благодарность губернатора, а императором пожалован орден св. Станислава 2-й степени. Вскоре он получил благодарность за исправление почтовых дорог в Ялуторовском округе. В 1864 году Родзянко уже назначен советником Семипалатинского областного правления. В 1863 году губернатор выразил благодарность Ялуторовскому окружному землемеру Дорофееву, секретарю Ялуторовского земского

Перекрёсток. г.Ялуторовск

Фото М.Знаменского. (?)

Кон. 1850-х - нач. 1860-х гг.

суда Гвоздеву, секретарю Ялуторовского окружного суда Виктору Садкову (имена пишу тогда, когда они указаны в первоисточнике. – П.Б.), Ялуторовскому соляному приставу Николаю Лосиевскому, столоначальнику Ялуторовского окружного суда Николаю Чудинову, секретарю Ялуторовского земского суда Палладию Архарову, столоначальнику Ялуторовского окружного суда Ковалеву, заседателю Ялуторовского земского суда Серкову. В том же году признательность генерал-губернатора Западной Сибири объявлена окружному судье Шалабанову (он же в 1865 г. пожалован орденом св. Анны 3-й ст.), окружному врачу Матвееву, окружному стряпчему Скорнякову, окружному казначею Накарякову, бухгалтеру казначейства Серых.

Добросовестных чиновников государство замечало и привечало. Существовала такая форма поощрения, как присвоение очередного классного чина за выслугу лет. Причем делалось это Указом Правительствующего Сената. Так, в 1863 г. Ялуторовский почмейстер Мартиниан Звездин был произведен в чин губернского секретаря, в 1866 г. Ялуторовский окружной стряпчий Клементий Слотвинский – коллекционного секретаря, в 1867 г. Ялуторовский окружной землемер Федор Дорофеев – титулярного советника, Ялуторовский соляной пристав Александр Брехов – коллекционного асессора, в 1869 г. Ялуторовский окружной казначай Дмитрий Накаряков – надворного советника, в 1872 г. Ялуторовский окружной казначай Константин Серых – коллекционного асессора.

2 февраля 1868 года высочайше пожалованы наградами: орденом св. Станислава 2-й степени – Ялуторовский окружной казначай Накаряков, орденом св. Анны 3-й ст. – Ялуторовский окружной исправник Игумнов, штатный смотритель Ялуторовских училищ Аристов, орденом св. Станислава 3-й ст. – бывший непременный заседатель Ялуторовского земского суда (ныне земельный заседатель окружного полицейского управления) – Серебренников.

В 1866 г. начальник губернии А.И. Деспот-Зенович, побывав в Ялуторовском округе, за образцовый порядок объявил благодарность Ялуторовскому земскому исправнику Игумнову, чиновникам Ялуторовского земского суда Ерохину и Словцову (снова эта фамилия!).

Случались в прошлом, судя по публикациям, и неприятности в среде чиновничества. Маленькие: потеря печати Ялуторовского земского исправника «занимающимся у него письмоводством крестьянином Толстых». Побольше: в 1869 г. Тобольское губернское правление разыскивало родственников умершего квартального надзирателя бывшей Ялуторовской градской полиции Ипполита Шалабанова, «нужных для объявления им решения губернского суда по делу о нанесении Шалабановым городничему Шишко (опечатка: надо Шишко) удара». Эта фамилия часто мелькала в официальной хронике, чаще всего – с негативным оттенком.

Впрочем, были конфузы и куда масштабнее. В пример следует поставить скандальное дело

Ялуторовской купчихи (называют ее и мещанкой) Варвары Петровны Алянчиковой, в котором замешан все тот же городничий Шишко со товарищи. Из газетных сообщений до конца так и не ясно, в чью пользу оно закончилось, но то, что эта история попортила кровь у некоторых официальных лиц, несомненно. А может быть, и карьеру.

В одном из номеров «ТГВ» за 1869 г. публикуется объявление: «Тобольский губернский суд вызывает в двухмесячный срок членов бывших ялуторовских: городской полиции и земского суда (ныне переименованных в окружное полицейское управление, городничего – ныне помощника Курганского окружного исправника Шишко, земского исправника – ныне Тюменского окружного исправника Игумнова, непременного заседателя – ныне участкового заседателя Ялуторовского округа Серебренникова и секретаря Ялуторовского окружного полицейского управления Словцова или их поверенных для дачи ответов по иску Ялуторовской 2-й гильдии купчихи Варвары Петровны Алянчиковой убытков, понесенных ею, по закрытию ея виноторговли означенными лицами во время служения их в Ялуторовске». Трудно сказать, что было на самом деле, а уж тем более – кто прав, а кто виноват. И я бы не решился представить Алянчикову жертвой чиновничьего произвола, хотя обрушившиеся на нее напасти дают некоторые основания для подобного предположения. Ясно одно: приняв решение о закрытии в Ялуторовске доходной точки, чиновники не ожидали наткнуться на решительный отпор. Пострадавшая сторона не смирилась безропотно с выпавшей участью, а призвала в союзники губернское правосудие. И тут же получила ответный удар от ... коллекционного асессора Поклевского-Козелла, который вчинил ялуторовскому 2-й гильдии купцу Николаю Павлову Алянчикову и его жене Варваре Петровой иск на 3764 руб. 47 коп. (Почему именно «винный король», известный в нашем крае промышленник, благотворитель выступил в этой роли, остается только догадываться. Можно предположить, что Алянчиковы брали в долг вино на винокуренных заводах Поклевского-Козелла в Падуне или Талице, а расплатиться после закрытия бизнеса им было уже нечем). В удовлетворение этого иска в Ялуторовском окружном суде в 1870 году была назначена продажа движимого и недвижимого имения, в том числе старого одноэтажного дома, принадлежавшего Алянчиковым. Торги состоялись. Вскоре Ялуторовский окружной суд выдал купчую крепость поверенному коллекционного асессора Альфонса Фомича Поклевского-Козелла коллекционному асессору Виталию Яковлеву Шалавину на владение доверителю его, Поклевскому-Козеллу, купленным с публичных торгов за 50 рублей деревянного дома с пристройкой и землей в 1 квартале г. Ялуторовска, в приходе Вознесенской церкви. Пошлины при том взыскано 11 рублей 23/ ¼ коп. Через несколько номеров еще одно объявление: по иску все того же чиновника Поклевского-Козелла в

Ялуторовском окружном суде назначена к продаже значительная часть имущества Алянчиковых: «деревянный двухэтажный дом, крытый тесом, с пятью комнатами вверху и одной внизу, баней, здание, в котором помещается ренсовский погреб и амбар, 4 стайки, пиво-медоваренный завод, деревянный ледник». Площадь земли, занимаемая службами, составляла 1160 квадратных саженей. По решению суда, Поклевский-Козелл вступил во владение всем этим имуществом, расположенным в самом престижном месте Ялуторовска - в 1 квартале города, в приходе Вознесенской церкви, по оценочной стоимости 900 рублей «по случаю неявки желающих купить его». А тут еще решением Тобольского губернского суда «по делу о продаже низкодобротного вина из питейных заведений ялуторовской мещанки Алянчиковой, ей воспрещено производить торговлю вином». Как от таких превратностей судьбы не впасть в отчаяние! Варвара Петровна скоропостижно умирает. И вот уже Тобольский губернский суд «вызывает к прочтению и рукоприкладству наследников умершей ялуторовской купчихи Варвары Петровой Алянчиковой по делу о взыскании Алянчиковой с бывших членов Ялуторовской городской полиции и земского суда убытков 3.449 р. 58 к., понесенных ею от неправильного закрытия виноторговли».

Пищу для размышлений добавляет вердикт Тобольского губернского правления «о повсеместном наложении ареста на движимое имение, где бы каковое ни оказалось, принадлежащее бывшим Курганскому окружному исправнику титулярному советнику Александру Елизарову Кевролеву и помощнику исправника титулярному советнику Аркадию Викентьеву Шишко, по делу о растрате ими казенной сумму 1551 р. 37 к.». Если вокруг чиновника клубится ореол нечистоплотности, то это, само по себе, отягчающее в данной истории обстоятельство.

Дело умершей купчихи продолжается и в 1871 году. Тобольский губернский суд, как сообщает официальная хроника, «вызывает титулярного советника Аркадия Викентьева Шишко, колледжского секретаря Николая Федорова Себренникова, такового же Василия Константиновича Игумнова, титулярного советника Ивана Васильева Словцова, или его доверенного, и наследников умершей купчихи Варвары Алянчиковой, - по делу о взыскании ялуторовской купчихи Алянчиковой с бывших членов ялуторовских земского суда и городской полиции убытков 3449 р. 58 к., за неправильное закрытие ее виноторговли».

Купчиха пребывает в мире ином, но есть живой ответчик – ее муж Николай Павлов Алянчиков, мещанин. И вот уже Ялуторовское окружное полицейское управление, не располагая даже приметами, объявляет его в розыск «для взыскания с него штрафа за продажу низкодобротного вина».

В 1871 г. Тобольский губернский суд разыскивал «имение» (имущество) Варвары Алянчиковой «для взыскания из него в доход

с-петербургской сенатской типографии 8 р. 20 к. и типографии Тобольского губернского правления 2 р. 20 к., следующих с Алянчиковой за припечатание объявлений по делу о взыскании ею с бывших членов ялуторовской городской полиции и земского суда убытков 3449 р. 58 к., понесенных ею от неправильного закрытия виноторговли ее». Оказывается, предприимчивая купчиха предала свое дело гласности. И теперь после ее кончины кто-то должен возместить типографиям Тобольска и Санкт-Петербурга понесенные убытки.

Вообще-то фактов продажи некачественных спиртных напитков в Ялуторовске было зафиксировано немало. 9 сентября 1869 г. Тобольский губернский суд запретил торговлю вином бывшему ирбитскому мещанину, ныне ялуторовскому купцу Степану Крупкину. В 1872 году Ялуторовский окружной суд разыскивал тюменского 1 гильдии купца Хацкеля Бейлина, по делу о низкодобротном вине, найденном в его питейном доме (он же содержал в Ялуторовске дом заезжих). В 1873 году Ялуторовский окружной суд объявил в розыск ялуторовского мещанина из ссыльных Андрея Ласкова «для объявления ему и исполнения над ним решения суда по делу о неправильной торговле им вином». Однако, в отличие от дела Алянчиковой, эти инциденты не имели столь печальных последствий и общественного резонанса.

Примерно в такой же жизненной ситуации оказался тюменский торгующий крестьянин Андрей Григорьев, потерявший в результате пожара свой товар на сумму 4297 р. 30 к. (огромная по тем временам сумма!), хранившийся у ялуторовского мещанина Загурского. 17 августа 1871 г. в Ялуторовском окружном суде была назначена продажа разных товаров, описанных у торгующего крестьянина Андрея Тарасова Григорьева, для уплаты долга тюменскому купцу 1-й гильдии Ивану Васильеву Трусову и другим кредиторам, оцененных в 4725 р. 85 ½ к.

В 1872 г. еще одно сообщение, касающееся этого человека, попавшего в беду: «...21 марта будет продаваться движимое имение несостоятельного должника, торгующего крестьянина Андрея Тарасова Григорьева – бакалейные и другие товары, на удовлетворение иска кредиторов - 4725 р. 85 ½ к. Торг будет производиться с 11 часов утра в лавке гостиного двора».

Губернская газета очень редко публиковала корреспонденции с мест, ограничиваясь официальной хроникой. Если судить по газетным публикациям, то одним из главных событий в общественной жизни окружного Ялуторовска стало открытие в 1868 году нового полицейского управления. Не нового уездного училища взамен сгоревшего! Не дома призрения! Материал под рубрикой «Местные известия» наглядно отражает стереотипы общественного сознания той поры, поэтому хочется, чтобы читатель познакомился с ним в полном объеме. А познакомившись, вслед за автором воскликнул: «Ба, да ничего не меняется в нашем отечестве, вот и покой наших граждан стережет опять поли-

ция!». Правильные во все времена слова о долгे, совести и чести, произнесенные Ялуторовским исправником Игумновым, можно вложить в уста сегодняшних руководителей правоохранительных органов. Но только всегда ли им следуют в практической деятельности?! Этот вопрос звучит риторически, если его соотнести с уже известным нам делом Варвары Алянчиковой.

Корреспонденция из Ялуторовска, подписанная псевдонимом Ялуторовецъ, начинается в полном соответствии с канонами бытописаний той эпохи: «Ялуторовск. 21 января восприяло у нас в Ялуторовске начало свое новое полицейское управление, дарованное Сибири милосердием нашего Августейшего Монарха. Еще накануне, 20 числа, разосланы были повестки о имеющем быть торжественном Богослужении и открытии нового управления. После совершения в соборной церкви литургии и молебствия о здравии Его Императорского Величества, духовенство, в преднесении икон, прибыло в здание присутственных мест, где и отправлено было другое молебствие с водоосвящением, по окончании которого провозглашено многолетие Государю Императору и всему Царствующему Дому и новое полицейское управление объявлено открытым. Затем все духовные особы, гражданские и военные чины и граждане города прибыли в квартиру г. исправляющего должность окружного исправника, где городовым старостою поднесена была г. Игумнову от всего ялуторовского общества хлеб-соль; потом предложен был хозяином завтрак, в конце которого г. Игумнов обратился к присутствовавшим с несколькими исполненными чувства словами».

Речь Игумнова построена по всем правилам риторики и не потеряла актуальность для наших дней: «Господа! Сегодня, испросив благословение Божие, мы открыли ялуторовское полицейское управление. Высшему начальству угодно было удостоить меня назначением к исправлению должности окружного исправника. Вступая с сего числа в управление новой обязанности, - я желал бы изложить перед вами гг. граждане здешнего общества тот путь, по которому я обязан по долгу службы, чести и совести, следовать на новом поприще своей служебной деятельности. С моей стороны, будьте уверены гг., будет употреблено все усердие, чтобы доставить вам полную безопасность и спокойствие. Я буду стараться, чтобы в полицейских деятелях, до последнего десятского, вы видели не грубых карателей, но людей, готовых исполнить всякое ваше желание, - людей, цель которых предупреждать зло, оберегать и охранять вас и ваши интересы; но гг. труды одной полиции, как бы она деятельна ни была, будут тщетны, если сами жители будут поверхностно относиться к исполнению лежащих на них по закону обязанностей в отношении общественной безопасности (выделено мною. – П.Б.); поэтому позвольте гг. граждане надеяться, что все распоряжения по-

лицейского управления, которые сделаны будут для общей пользы, каждым из вас будут встречены с сочувствием и исполнены в точности. Только при таком единодушном старании и исполнении поможет нам Господь достигнуть той благодетельной цели, для которой пекущийся о нас наш Возлюбленный Монарх учредил полицейское управление и за здоровье которого, а также и за исполнителей Его державной воли, наших высших начальников, его высокопревосходительства г. генерал-губернатора и его пре-восходительства г. начальника губернии предлагаю гг. тост». Нечего говорить, что тосты эти были приняты с энтузиазмом и громкое «ура!» огласило зал, а певчими пропел гимн: «Боже, Царя храни!» и многая лета, после этого еще был пропел другой гимн:

О, Боже, молим, нам внимай!
Храни Царя, народ и край!
Храни нам Александра!
И прочее.

Речь г. Игумнова неоднократно прерывалась была возгласами граждан города, изъявивших полную готовность содействовать распоряжениям полиции и благим целям правительства».

Только в самом конце сообщения с мест безымянный корреспондент позволил себе небольшую либеральную вольность: «От души желаем всякого преуспеяния преобразованному управлению. Теперь остается нам ожидать преобразований судебной системы, гласного судопроизводства. Дай Бог, чтобы ожидания наши осуществились скорее». Вот так и живем, от века к веку, ожиданиями и надеждами!

Полномочия власти. У власти на местах были четкие, прописанные в установлениях сверху обязанности. Органы управления должны были безропотно исполнять волю начальства, нести обязательные повинности, собирать налоги, эффективно использовать городское имущество, поддерживать общественный порядок, бороться с пожарами, эпидемиями, наводнениями и выполнять еще множество функций, необходимых для управления территорией.

Какое-то представление о полномочиях окружных и городских органов власти можно почерпнуть из официальной хроники, опубликованной в «ТГВ».

1857 г. Для проведения 10-й народной переписи в Ялуторовске создана ревизская комиссия, в нее вошел заседатель Ялуторовского окружного суда Щербаков, на содержание комиссии отпущено 50 руб. серебром.

1857 г. В состав членов-корреспондентов Тобольского статистического комитета введен Ялуторовский земский исправник Ильин, которому поручено описание стеклянных и овчинных заводов округа.

1862 г. «Тобольский Приказ Общественного Призрения вызывает наследников жены государственного преступника Ентайцова, Александры Ентайцовой, к получению оставшихся после мужа ея денег 81 р. 20 коп. сер., заключающихся в билете сего приказа, с тем, чтобы на-

следники обратились с законными доказательствами на получение этих денег к г-ну Тобольскому Гражданскому Губернатору».

1862 г. Ялуторовское городовое хозяйственное управление разыскивает находящихся в неизвестной отлучке ялуторовских мещан: 1. Никанора Васильева Осколкова, состоящего в реестрской очереди, 26 л.; 2. Петра Иванова Пьянова (из ссыльных), 53 л., при нем жена Федосья Матвеева.

1863 г. «20 декабря в Ялуторовской полиции будет производиться раздача в арендное содержание казенных питейных заведений». 5 марта 1865 г. в Ялуторовской полиции назначены торги на деревянные казенные питейные дома Архангельский, Заводоуковский, Романовский и др.

1864 г. В Ялуторовском окружном суде будет продаваться на пополнение долга Омской полевой провиантской комиссии 700 руб. 88 ½ коп. за недопоставленный провиант неисправным подрядчиком крестьянином Томиловской волости Николаем Жернаковым (в другом извещении – Жернаковым. – П.Б.), принадлежащая ему с поручившимся за него отцом, Григорием Жернаковым (в другом извещении Гаврилой Жернаковым. – П.Б.) водяная мукомольная мельница о двух поставах в дер. Петровском-Заводе, расположенная на расстоянии от Ялуторовска 33, а от волости – 32 версты. Мельница приносит доход 300 руб. в год, оценена в 900 руб.

1864 г. Ялуторовский земский суд вызывает наследников скоропостижно умершего отставного денщика Андрея Иванова Микова для выдачи им вещей и медали, оставшихся после его смерти.

1865 г. «В Ялуторовском городовом хозяйственном управлении назначены 30 мая торги, с переторжкою через 3 дня, на отдачу в арендное содержание на 12 лет городских участков земли».

1865 г. «Ялуторовское частное окружное управление объявляет, что в его присутствии 26 февраля назначены торги и через 3 дня переторжка на продажу на слом зданий старого тюремного замка: четырех домов деревянного строения, крытых тесом, часовни, построенной из тесу и крытой тесом, и имеющейся кругом ограды бревенчатой».

1865 г. 15 октября в присутствии Ялуторовской полиции будет продаваться движимое имение, принадлежащее бывшему заседателю Ялуторовского окружного суда Загибалову, описанное на удовлетворение казенного взыскания 186 р. 16 к.

1866 г. Тобольское губернскоеправление объявляет о назначении торгов на отдачу в содержание перевозов в губернии, в том числе в Ялуторовском округе: через реку Тобол при дер. Лыбаевой и через реку Исеть и старицу на грунтовой дороге из Шадринска в Ишим.

1866 г. Ялуторовское частное окружное управление вызывает в свое присутствие 6 ноября на торги желающих взять перевозку в Ека-

теринбургский монетный двор из Ялуторовского казначейства медной монеты в количестве 18586 руб., заключающей в себе до 1160 пуд. по 16 р. с. в пуде весом, и особо на устройство ящиков или бочонков для перевозки этой монеты.

1866 г. В Ялуторовском окружном суде 26 мая назначен торг на продажу на пополнение долга Омской полевой провиантской комиссии за не доставленный провиант с неисправного подрядчика – крестьянина Томиловской волости Николая Жернакова – принадлежащей поручившемуся за него отцу Гавриле Жернакову водяной мукомольной мельницы об одном поставе, с толчей для выделки дуба, двумя сушильнями, пятистенной избой и амбаром, состоящей на дачах татар Асланинской волости и оцененной в 179 руб.

1867 г. Купцы и мещане города Ялуторовска в 21 день мая после Божественной литургии и молебства в храме Сретенского собора по случаю совершеннолетия Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича собрались в городовом хозяйственном управлении и здесь, в ознаменование этого дня, общественным приговором своим заключили следующее: «числящуюся на общественниках своих недоимку с 1858 по 1866 год по уплате податей и повинностей и разных долгов, всего в количестве 389 рублей 89 ¾ копеек, - сложить и не взыскивать».

1867 г. «Ялуторовская городская полиция объявляет, что в г. Ялуторовске от мещан из ссыльных Шмакова и Шиповалова отобраны две не принадлежащие им лошади: жеребец саврасый и кобыла гнедая».

1867 г. «Тобольское губернское правление объявляет, что в его присутствии 10 апреля с.г. назначен торг и через 3 дня переторжка на продажу деревянного дома, с пристройками, состоящего на новой улице г. Тобольска, принадлежащего крестьянину Бегишевской волости Андрею Васильеву, - за неисправление, по контракту, тына около Ялуторовского острога, на пополнение казенной суммы 192 р. 85 ¾ к.».

1867 г. «Ялуторовская городская полиция объявляет, что в присутствии ее назначены 21 октября с.г. и через 3 дня переторжка, на продажу дома с флигелем и пристроями в г. Ялуторовске, в 1 квартале, оцененного в 379 р., описанного у ялуторовской купчихи Сесениной по иску вязниковской мещанской вдовы Заренкой».

1867 г. «Ялуторовский земский суд вызывает в оный царскосельского 1 гильдии купца Александра Попова к выслушиванию решительного определения по делу о взыскании Поповым с отставного рядового Алексея Лыжина 66 руб.».

1867 г. На 6 ноября в Ялуторовском частном окружном управлении назначены торги и через 3 дня переторжка на отдачу в 1868 г. переправы через р. Тобол при д. Памятной.

1868 г. Городской бюджет. Среди городов Тобольской губернии Ялуторовск по доходам (5148 р. 66 ½ к.) занимал 7 место, ниже стоя-

ли только Березов и Тюкала. Доход Ишима – 10.337 руб., Кургана – 7479 руб. Расходы равнялись доходам. Из числа расходов на учебные заведения (приходское училище и женские школы) в Ялуторовске выделялось 796 р. 10 к. Запасного капитала или сбережений прежних лет считалось 9350 р. 86 ¼ к. На покрытие оказавшихся по расписям дефицитов при недостаточности обыкновенных доходов из запасных капиталов предполагалось отчислить 411 р. 84 к. Недоимок считалось – 631 р. 68 ¼ к. Из числа недоимок назначалось на покрытие дефицитов 163 р. 73 к. Недоимки при поступлении относились к запасным средствам. Кроме запасных средств город имел так называемый неприкосновенный капитал – на устройство школ, освещение, улучшение пожарной части, пенсии и проч. Он никогда не употреблялся на обыкновенные расходы, определяемые ежегодными расписями. В Ялуторовске неприкосновенного капитала было 46 р. 53 ½ к.

Для сравнения доходы по городам Томской губернии: Каинск – 3741 р., Кузнецк – 2634, Бийск – 3354, Мариинск – 3551, Барнаул – 5150, Колывань – 2060, Нарым – 2260.

На учебные заведения расходовалось: в Тобольске – 1543 р., Таре – 484, Омске – 798, Ишиме – 278, Кургане – 741, Ялуторовске – 796, Туринске – 491, Петропавловске – 2278, Березове – 280, Тюмени – 1606. В Тюкале, где есть мужская и женская школы, город вот уже несколько лет средств не отпускал.

Недоимок: в Тобольске – 7902 р., Таре – 736, Омске – 12, 683, Ишиме – 2501, Туринске – 447, Ялуторовске – 631, Кургане – 534, Петропавловске – 3464, Березове – 154, Тюкале – 70, Тюмени – 17, 086.

1868 г. Помощь голодающим. По подписному листу исправляющего должность Ялуторовского окружного исправника поступили пожертвования для жителей губерний, пострадавших от неурожая хлеба: от ялуторовских торговцев крестьян: М.К. Скажутина 150 р., Л.С. Скажутина – 100, Ф. Ядрышникова – 100, от крестьян: Д.Н. Собенина – 100, г. Собенина – 100, от ялуторовских купеческих сыновей братьев Колматовых – 300, от ялуторовского купца И. Мясникова – 20, от купцов: Н. Балакшина – 10, А. Андреева – 10, Д. Васильева – 10, от мещанина А. Куклина – 10 и других, всего 2375 руб.

1869 г. Тобольский приказ общественного призрения вызывает желающих взять на себя перевозку игральных карт в города: Омск – 159 дюжин, весом 8 пудов, 24 фунта; Тюмень – 158 дюжин, весом 8 пудов 16 фунтов; Ялуторовск – 160 дюжин, весом 8 пудов 24 фунта – в деревянных ящиках, обшитых рогожами, увязанных веревками с надлежащими пломбами.

1869 г. Тобольский приказ о ссыльных вызывает желающих на перевозку арестантской одежды и обуви в окружные города Тобольской губернии для пересыльных арестантов в 1870 г. весом приблизительно: в Ишим – 203 пуда, Тару – 32, Омск – 353, Туринск – 15, Ялуторовск – 118, Курган – 135, Тюмень – 314.

1871 г. Интендантское управление Западно-Сибирского военного округа объявляет о заготовке для войск на 1872 г. продовольственных припасов: на поставку в ялуторовский магазин: муки ржаной 429 четв., муки ячной 43 четв.».

1871 г. О распространении холеры в Тобольской губернии. 5 августа Ялуторовский окружной комитет общественного здравия заключил: «Имея в виду, что Ялуторовск на Московском тракте, в тюремный замок которого еженедельно приходят и отходят арестантские пересыльные партии, следующие из г. Перми через Тюмень в числе 200, а иногда и более 300 человек, которые, несмотря на тесноту и разные неудобства, помещаются в тюремном замке, следовательно, рационально то предположение, что холерная эпидемия в г. Ялуторовске может быть первоначально занесена этими партиями. Поэтому комитет общественного здравия признал необходимым, в предупреждение холерной эпидемии, сделать следующие распоряжения:

1). Проходящие из г. Тюмени через Ялуторовск пересыльные арестантские партии не помещать в тюремный замок до того времени, пока эта мера будет признаваема необходимую, а отвести для этих партий помещения в старом остроге, который, по осмотру членов, оказался удобным. Для этой цели необходимо очистить во дворе выросшую траву, убрать в зданиях, которые будут для этого предназначены, сор и другие нечистоты, стены комнат обить известью, насколько будет это возможно.

2). Каждую проходящую арестантскую партию не допускать до города, останавливать в одной версте, на предмет освидетельствования ее г. городовым врачом Ольгияти, о чем он должен быть тотчас же извещаем по прибытии партии полицейским надзорителем и одержимых холерою помещать в том же старом сороге в одном из зданий, предназначенном для этой цели по усмотрению директоров тюремного отделения.

3). Надзор за этими арестантами смотритель тюремного замка обязан иметь неослабный; с этой же целью, в видах облегчения, ему взять двух надзорителей. В учреждении же военно-го караула просить начальника местной команды Меньщикова, не признает ли он возможным оставлять для караула партий на одни сутки в течение недели тех воинских чинов, которые конвоировали партию.

4). Денежные расходы по приведению для выше предназначеннной цели старого острога в возможный порядок и наем двух надзорителей просить тюремный комитет принять на экономические суммы тюремного комитета».

Рассмотрены также предупредительные меры для населения:

1). Находящиеся в делах Ялуторовского комитета общественного здравия правила, проектированные в 1866 году окружным исправником по принятию предохранительных мер на случай появления в Ялуторовском округе холерной эпидемии, одобренные г. начальником гу-

бернии, предписать всем волостным правленим с препровождением с них копий тотчас при появлении в округе холерной эпидемии привести в исполнение со всей строгою последовательною точностью, под опасением, за противное, строжайшей ответственности. Относительно же чистоты в селениях и устраниении порчи воды, уборки навозу и других нечистот, как в самих селениях, так и вблизи их, предписать им, по получении тотчас же убрать, или свозить в отведенное для этого удобное в санитарном отношении место. О наблюдении же за всем этим предписать земским заседателям.

2). Ялуторовское хозяйственное управление просить, чтобы оно, на случай появления холерной эпидемии в городе, безотлагательно приискало удобный для помещения временной больницы дом, хотя на двадцать кроватей. Кроме того просить его, чтобы оно, ввиду всеобщей безопасности, обязало жителей принять деятельные и энергичные меры к очистке дворов, помойных ям, ретирадных мест, навозу и сору на улицах и других нечистот. Также вменить в обязанность каждому жителю, под опасением строгого взыскания, не продавать гнилых съестных припасов, ягод, фруктов и в особенности рыбы.

3). Полицейским надзирателям предписать, чтобы они за всем вышеприведенным усиленно следили и надзирали за количеством продаваемых съестных припасов, фруктов, ягод и в особенности рыбы».

1872 г. «Ялуторовское городское хозяйственное управление объявляет, что 29 июля назначены торги, с переторжкою через 3 дня, на отдачу в оброчное содержание на 1873 г. городских оброчных статей: мясных лавок, весов и мер, пожарного обоза, сбора с торгующих в городе лиц разного рода лесом и с провозимого через оный в другие города для перепродажи (вот бы в наши дни ввести подобный налог! – П.Б.), рыболовных мест, как-то: рек Большого и Малого Тоболов, протекающих по городской черте и озер, принадлежащих городу; – что 29 июля с.г. назначены торги, с переторжкою через 3 дня, на отдачу в оброчное содержание городской выгонной и неудобной земли 18 квад. сажен – 10 саж. на 10 и 8 саж. – на 12 лет».

1872 г. Ялуторовское окружное полицейское управление разыскивает дворянина Федора Савельева Хмелевского – «по делу о прижитии с ялуторовской мещанской дочерью Анной Щуровой незаконнорожденного младенца.

1872 г. Ялуторовский окружной врач изъял на ярмарке пуд конфет, завернутых в оболочку из свинца.

1873 г. «Ялуторовское полицейское управление объявляет, что 1 ноября будут проведены торги на отдачу в содержание в будущем 1873 г. Памятинского перевоза на реке Тобол, близ дер. Памятной Томиловской волости».

1873 г. «Ялуторовское городское хозяйственное управление объявляет, что в оном 24 ноября будут произведены торги, с переторжкою через 3 дня, на отдачу в оброчное содерж-

жение городских приходных статей: платьемойных плотов и прорубей и исправление печей и очистка дымовых труб, сроком на 1 год, с 1 января 1873 по 1 января 1874 г.».

1873 г. «Ялуторовское городское хозяйственное управление объявляет, что 16 апреля назначены торги, с переторжкою через 3 дня, на отдачу в оброчное содержание на лето 1873 г. сенокосных угодий города в количестве 53 паев».

1873 г. «Ялуторовское окружное полицейское управление разыскивает крестьянина Томиловской волости Василия Протасова, нужно по делу об удалении его далее в Сибирь».

1873 г. «Полицейский надзиратель I участка г. Ялуторовска разыскивает крестьянина Томиловской волости, дер. Бараушки Варфоломея Шешукова для спроса по делу о растлении крестьянской девки Авдотьи Алексеевой, 27 лет». Этот же полицейский чиновник разыскивал священнического сына Василия Вознесенского по этому же делу.

1873 г. Разыскивались: крестьянская жена Мария Заседкина, во втором муже Ходакова, приговоренная «решением губернского суда за двоебрачие к заключению в тюрьму на 1 ½ года»; мещанская девка Анна Пилленкова «для приведения в исполнение над ней наложенной на нее духовным начальством за блудодеяние семилетней епитимии»; пересыльный арестант Александр Васильев Петров «для взыскания с него кормовых денег 1 р. 70 к., выданных ему при пересылке в г. Мариинск Томской губ.»; цыгане: девица Параксавья Бурович, Николай Хлебников, жена его Александра и мать Мария, Павел Богомолов, обвиняемые в конокрадстве.

1873 г. «Ялуторовское городское хозяйственное управление объявляет, что в присутствии его 10 декабря назначены торги с переторжкою на отдачу в оброчное содержание сроком на 8 лет земли, находящейся в городском выгоне под салотопенные заведения 375 и 260 кв. саж., и поставку для Ялуторовского тюремного замка на 1874 г. дров однополенных березовых 474 саж. И 75 пуд. сальных свеч».

1873 г. «Ялуторовское городское хозяйственное управление разыскивает лиц, находящихся в неизвестной отлучке, за которыми числится податная недоимка: Никиту Васильева, 76 л., его сыновей – Прохора 46, Герасима 33, Константина – 43, сына последнего Василия 17, Ивана Кошленко – 67, его сыновей Никонора 41, его сына Егора 14, Филина 34, его сыновей Ивана 12, Василия 10, Афонасия 27, Ивана 26, Андрея 23 л., и мещанина Василия Оссоева, 45 лет; из поименованных выше дети Ивана Кошленко будут подлежать к отправлению ректской повинности».

1873 г. Тобольский губернский совет утвердил налог с недвижимых городских имуществ на 1873 г. Ялуторовску назначено 399 р., Туринску – 447, Ишиму – 1415, Березову – 125, Сургуту – 60. Утвержден также 40-процентный сбор с этой суммой, который шел на квартирное довольствие офицерских чинов как пособие по статье государственных земских повинностей.

1873 г. Утвержден список присутственных мест и должностных лиц Тобольской губернии, обязанных получать сенатские издания на 1873 г. В Ялуторовске «Сенатские ведомости» должны были выписать окружное казначейство, окружной суд, окружное полицейское управление, уездная почтовая контора, уездное училище, городское хозяйственное управление. Кроме того, окружной суд выписывал «Собрание узаконений и решений». Подписка на «Сенатские ведомости» с пересылкой обходилась в 7 р. 70 к., без пересылки – 6 р. 50 к., на «Сборник узаконений и решений» - соответственно 17 р. 60 к. и 14 р. 50 к.

Казачество – надежная опора местной власти. В период зарождения первых русских городов за Уралом казаки охраняли восточные границы государства Российского от набегов кочевников. В середине XIX века они помогали поддерживать общественный порядок. В 1865 г. Тобольское губернское правление определило потребность для нужд округов в строевых и внутренне-служащих казаках Сибирского казачьего войска. В ведение полицмейстеров и городничих Ялуторовска, Турина, Тары, Ишима, Кургана поступало для ночных разъездов по 6 казаков, Омска – 24, Тобольска – 1 офицер, 2 урядника, 18 казаков, Тюмени – 1 офицер, 2 урядника, 12 казаков. Кроме того, для несения службы при земских судах выделялось для каждого округа по 6 казаков. В Ишим, во время ярмарки, с 1 декабря по 1 января, по требованию тамошнего начальства высыпалось 19 пеших казаков при 1 уряднике с отнесением их содержания за счет городских доходов. Для препровождения арестантских партий на этапах внутри губернии выделялось 84 казака.

Когда не хватало казенных средств, на помощь приходили попечители. В 1857 г. «ТГВ» напомнили предысторию создания в Тобольске попечительного о тюрьмах комитета. События, о которых пойдет речь, относятся к периоду правления Генерал-губернатора Западной Сибири князя П.Д. Горчакова. Президентом попечительного о тюрьмах общества был князь В.С. Трубецкой. Особая признательность общественности выражена ялуторовскому купцу, попечительному гражданину Н.Ф. Мясникову: «Но никто так много и с такою готовностью не помог со ставлению тюремного комитета, как Ялуторовский купец Никита Федорович Мясников, который кроме денег, пожертвованных осторожному священнику и причетчику, единовременно внес в комитет в конце 1836 года 1,000 руб. ассигнаций, обязался ежегодно доставлять по 200 рублей...». В списке вице-президентов и членов Тобольского тюремного комитета, открытого 22 ноября 1836 г. значатся: Ялуторовский исправник Черкасов, который внес 50 руб. и обязался ежегодно вносить по 25 руб.; Ялуторовский стряпчий Андрюков – соответственно 25 и 10 руб.; Ялуторовский 1-й гильдии купец Медведев – 250 и 25 руб.

Попечительство о тюрьмах носило, как сегодня говорят, добровольно-принудительный

характер. Действовал принцип разнарядок, спускаемых сверху на каждую территорию. И кто бы возражал, если Государь Император лично назначал директоров окружных отделений комитета?! В 1863 году Александр II утвердил в должности директоров Ялуторовского отделения Тобольского тюремного комитета почетного смотрителя Ялуторовского училища коллежского асессора Николая Попова и земского исправника Родзянко, окружного судью Шалабанова, городничего Ковалева, непременного заседателя земского суда Дмитриева, в 1864-м – Ялуторовского окружного стряпчего Скорнякова, командира внутренней стражи капитана Попова, в 1865-м – земского исправника Игумнова, командира внутренней стражи капитана Плещкова, в 1866-м – окружного врача Матвеева, окружного стряпчего Слатвинского, священника Курбаковского, исправляющего должность городничего Шишко, в 1867-м – купеческого сына Богданова, окружного стряпчего Мокеева, в 1869-м – помощника Ялуторовского окружного исправника Константина Пескова, ялуторовских 2-й гильдии купцов Михайла Ильиных и Ивана Мясникова, в 1870-м – помощника Ялуторовского окружного исправника Серкова, ялуторовского 2-й гильдии купца Куклина, в 1872-м – городового врача Ольгияти, командира местной команды, штабс-капитана Меньщикова.

В 1863 году в Ялуторовске был построен новый тюремный замок, считавшийся достопримечательностью дореволюционного Ялуторовска. Его еще называли пересыльной и каторжной тюрьмой. Сооружение этого грандиозного, самого высотного на ту пору каменного здания в три этажа – во многом плод усилий попечительного о тюрьмах комитета. В 1864 г. Тобольский губернский комитет попечительного о тюрьмах общества «объявил искреннюю благодарность омскому 1-й гильдии купцу Вольфу Гудовичу за пожертвование оставшегося от постройки Ялуторовского тюремного замка кирпича, 20 тыс., на случай постройки иконостаса в церкви при том же остроге». В 1864 г. в «ТГВ» появилось объявление: «При выстроенном в г. Ялуторовске тюремном замке предположено устроить церковь. Поэтому Ялуторовское попечительное о тюрьмах отделение вызывает желающих взять на себя устройство иконостаса, с двумя клиросами, престолом и жертвенником, которые должны быть сделаны из хорошего материала и, где следует, с резьбою и позолотою, по полименту, лучшим червонным золотом, с написанием четырех местных, пяти на царских вратах и двух на пономарских дверях икон, хорошей живописи. Желающие принять на себя сказанную постройку, с установкою на место, благоволят прибыть в г. Ялуторовск, с надлежащими залогами или ручательствами, к председательствующему в отделении Н.П. Попову, где и предъявятся условия и план иконостаса».

В 1864 г. освящена каменная Богоявленская церковь, построенная при тюремном замке на средства Министерства внутренних дел. Большую помощь оказали и благотворители. В тю-

ремном храме был один престол – во имя Божией Матери Всех Скорбящих Радость. В 30-е годы двадцатого столетия здание тюрьмы и школы перестроено под молочный техникум, позднее здесь размещалась воинская часть, а в наши дни – торговый комплекс.

«ТГВ» дают нам возможность узнать имена тех, кто служил в период с 1857 по 1873 гг. смотрителями Ялуторовского тюремного замка. Это – коллежский секретарь Соколович, определенный приставом гражданских и уголовных дел в Петропавловскую градскую полицию, прибывший на его место квартальный надзиратель Петропавловской градской полиции, губернский секретарь Качинский, коллежский секретарь Блохин, отставной фельдфебель Лев Шахтаров, отставной титулярный советник Померанцев, губернский секретарь Козьма Полковников, квартальный надзиратель Ялуторовской полиции Загибалов, Райков (из штата Ялуторовской полиции), хорунжий Бронников, помощник столоначальника Тобольского общего губернского управления, титулярный советник Васильев, журналист Ялуторовского полицейского управления Аврамов, отставной коллежский секретарь Петр Боярский.

На страницах «ТГВ» довольно часто встречается информация, касающаяся тюремного замка.

1867 г. В присутствии Тобольского губернского правления на 10 апреля назначен торг с переторжкою через 3 дня на продажу деревянного дома с пристройками на новой улице в Тобольске, принадлежащего крестьянину Бегишевской волости Андрею Васильеву – «за неисправление, по контракту, тына около Ялуторовского острога, на пополнение казенной суммы 192 р. 85 ¼ к.».

1869 г. Тобольский приказ о ссылочных вызывает желающих на перевозку арестантской одежды и обуви в окружные города Тобольской губернии, для пересыльных арестантов в 1870 г. весом приблизительно: в Ишим – 203 пуда, Тару – 32, Омск – 353, Туринск – 15, Ялуторовск – 118, Курган – 135, Тюмень – 314 пуд.».

1870 г. Ялуторовское попечительное о тюрьмах отделение объявляет, что в присутствии Ялуторовского полицейского управления 5 декабря назначен торг с переторжкою через 3 дня на поставку в 1871 г. для ялуторовского тюремного замка материалов: сукна фабричного 967 ½ арш., сукна крестьянского 162 ½ арш., холста 4696 арш., пестряди 180 арш., котов 460 пар, рукавиц кожаных и суконных по 50 пар.

1870 г. Тюменский приказ о ссылочных, имея надобность в перевозке арестантской одежды и обуви в окружные города Тобольской губернии, для пересыльных арестантов, в пропорции 1871 г., вызывает желающих взять на себя эту перевозку – возчиков, постоянных на целый год, которые бы, кроме исполнения обыкновенной развозки, взяли на себя и экстренные не-предвиденные случаи, за предварительно установленную плату. Ныне предположено перевезти следующее количество вещей: в Ялуторовск

– до 120 пудов, Курган – до 75, Тобольск – до 140, Туринск – до 25, Тару – до 45, Омск – до 25. Всего – 430 пудов. И в Ишим – сколько потребуется.

1871 г. Ялуторовское окружное полицейское управление разыскивает бежавшего из Ялуторовского тюремного замка арестанта Григория Исаева.

1872 г. 20 сентября в присутствии Ялуторовского окружного полицейского управления назначены торги на отдачу заготовления припасов для Ялуторовского тюремного замка по продовольствию арестантов в 1873 г.

1872 г. 10 ноября в Ялуторовском городовом хозяйственном управлении назначены торги, с переторжкою через 3 дня, на поставку в 1873 г. для Ялуторовского тюремного замка сухих березовых однополенных дров 474 саж. и свеч сальных 75 пудов.

1873 г. Тюменское окружное полицейское управление разыскивает арестантов Якова Митрофанова, Ивана Никифорова, Матрену Закрышкину, бежавших с Богандинской станции в ночь с 4 на 5 июня 1868 г., следовавших в партии из Тюмени в Ялуторовск.

Соль – статья особая, можно сказать, такой же стратегический товар, как пушнина. И находился он под зорким государевым оком. В 1811-1822 гг. в Тобольской губернии отпуск соли на вольную продажу дозволен был лишь через 5 оптовых магазинов: Тобольск, Тюмень, Ялуторовск, Усть-Ишим, Коряковская пристань на Иртыше. В 1857 г. цены на соль в Ялуторовском оптовом магазине и магазинах местного продовольствия утверждались императором.

Тобольская казенная палата установила на 1862 год продажные цены на казенную соль: по оптовым магазинам Тобольскому и Омскому – 58 коп. за 1 пуд, по Ялуторовскому и Тюменскому – по 46 коп.

«ТГВ» за 1862 г. сообщали, что в присутствии Ялуторовского частного окружного управления 4 сентября назначен торг, с узаконенной переторжкою, на перевозку из ялуторовских магазинов, по оставшемуся летнему пути, в Шадринский казенный соляной магазин Пермской губернии 8 тыс. пудов соли, с тем, что эта перевозка может быть предоставлена выигравшему на торгах низшую цену – в том случае, если торги будут утверждены начальством. Чуть позже там же напечатано: «...в присутствии Ялуторовского окружного управления 2 октября назначен торг, с переторжкою через 3 дня, на перевозку из ялуторовских магазинов по первому зимнему пути в город Шадринск Пермской губернии семи тыс. пудов соли».

«На 1867 г. высочайше утверждены цены на соль по Тобольской губернии: а). Из коряковских запасов -35 коп. за 1 пуд, б). по оптовым магазинам: Тобольскому – 48, Омскому – 46, Ялуторовскому – 58; по магазинам местного продовольствия: Усть-Ишимскому – 50, Тобольскому – 52, Омскому – 46, Самаровскому – 58, Ялуторовскому – 58, Березовскому – 63, Туринскому – 64, Пельмскому – 76, Сургутскому – 68».

В Сибири монополия государства на соль закончилась только в 1872 г. 27 марта этого года последний соляной пристав в Ялуторовске губернский секретарь Тарыкин «по случаю прекращения продажи казенной соли в Ялуторовске оставлен за штатом». А в 1873 г. он уволен от службы по акцизному ведомству с выдачей надлежащего аттестата.

И вот логическое завершение соляной эпопеи: «Управление I акцизного округа Западной Сибири объявляет, что надзорителем I акцизного округа Черновым, в присутствии Ялуторовского окружного полицейского управления, 9 октября назначен торг, с переторжкою 13 октября, на продажу: 1). здания ялуторовского соляного магазина и стойчной лавки на снос, оцененных в 103 р.; 2). Движимого имущества упраздненного ялуторовского соляного магазина – 25 р. 86 ½ коп.».

Просвещение

Вторая половина XIX века складывалась для ялуторовского просвещения не самым благоприятным образом. В январе 1862 года в Ялуторовске сгорело уездное училище с библиотекой и всеми учебными пособиями. Пожар уничтожил также 4 дома и амбар. Сообщая об этом прискорбном факте, «Тобольские губернские ведомости» отмечали: «Убытку понесено, кроме понесенного училищем, который еще не подсчитан, на 5872 р. 75 к. с.».

В связи с отъездом ссыльных декабристов в Европейскую часть России после амнистии радикальным образом изменился образовательный статус знаменитой всесословной школы для девиц, первой в Сибири, открытой в 1846 г. И.Д. Якушкиным при активном содействии протоиерея Сретенского собора С.Я. Знаменского. Это учебное заведение в 1858 году было передано в министерство народного просвещения и отошло от ланкастерского метода обучения.

Кстати, женскую школу чуть было не постигла та же участь, что и уездное училище. Утром 15 февраля 1871 года в доме, занимаемом женской школой, произошел пожар. Причина - ветхость печной трубы. Пожарная команда прибыла быстро, и школа отделалась минимальным ущербом – 10 рублей.

В «Тобольских губернских ведомостях» регулярно публиковались отчеты Ялуторовского женского училища 2-го разряда (так стала именоваться школа для девочек). По этим документам можно иметь представление о развитии этого учебного заведения.

Из отчета за 1862/63 учебный год. Ялуторовское женское училище управляет двумя советами: попечительным и педагогическим. Попечительный совет состоял из попечительницы, непременных членов: окружного судьи, штатного смотрителя училищ, городового старосты, выборных членов: от дворян и чиновников, от купцов, и надзирательницы. Педагогический – из штатного смотрителя и преподавателей.

Супруга коллежского советника Екатерины Петровна Белоусович, по случаю перевода

мужа в Тобольск на службу, от должности попечительницы уволена. Вместо нее генерал-губернатором определена супруга почетного смотрителя, Марья Григорьевна Попова. Выборный член от дворян и чиновников – титулярный советник Паутов от должности отказался, вместо него выбран почетный смотритель Н.П. Попов. Выборным членом от купечества избран купец М.В. Корчемкин.

В 1862/63 учебном году в училище было 2 класса: приготовительный и первый (по курсу мужского уездного училища). В приготовительном было 35 учениц, в первом – 10. Всего – 45. Из них детей дворян и чиновников – 8, духовного звания – 2, купцов – 2, мещан и других городских обывателей – 19, казаков и крестьян – 14.

В 1862/63 учебном году по воле родителей выбыло 15 учениц и к 10 июля 1863 г. осталось 30.

Учениц с успехами: хорошими – 10, достаточными – 15, посредственными – 5; по поведению: отличных – 15, хороших – 15; за успехи в науках награждены: похвальным листом – 7, книгою – 11. Переведены из приготовительного класса в первый 8, из первого во второй – 4 ученицы.

В приготовительном классе обучение грамоте и письму производится по методе Золотова. В первом классе все предметы по курсу мужского уездного училища преподавали учителя уездного училища безвозмездно, закону Божию в обоих классах обучал безвозмездно священник Аполлон Бирюков. Рукоделию обучала надзирательница училища.

22 декабря 1862 г. подробную ревизию училища провел директор училищ. 18 и 19 марта 1863 г. училище осматривал Тобольский гражданский губернатор.

Бюджет училища складывался следующим образом: «К 1 июля прошлого 1862 г. оставалось: наличными 132 р. 68 к., билетом на 150 р. С 1 июля 1862 г. по 1 июля 1863 г. поступило: наличными 543 р. 56 ¾ к., билетом на 100 р. Всего с остаточными наличными 676 р. 24 ¾ к., билетами на 250 р. В 1862/63 учебном году в расходе: наличными 603 р. 83 ¾ к., билетом на 150 р. Затем к 1 июля 1863 г. в остатке: наличными 72 р. 41 к., билет на 100 р. Ялуторовское городовое хозяйственное управление в течение прошлого года отпустило из городских доходов 100 р. и собрало пожертвованных купцами при объявлении капиталов 43 р. 50 к.; всего 143 р. 50 к. Следовательно, остальные за тем 400 р. 6 ¾ к. училище приобрело само, а именно: благородными спектаклями, лотерею, продажею рукодельных работ и пожертвовано лицами посторонними и состоящими в составе училища».

Женское училище было расположено в собственном одноэтажном деревянном доме, поместительном для училища и квартиры надзирательницы.

Учебными пособиями по мере возможности училище снажено достаточно и недостатка в оных пока не предвидится.

Торжественный акт проходил 9 июля 1863 г.,

вместе с уездным и приходским училищами, в присутствии попечительницы, членов попечительного совета, чиновников военных и гражданских, духовенства, купцов, почетных граждан и родителей учащихся.

Кстати, о каких «благородных спектаклях», источниках пополнения бюджета учебного заведения, идет речь в отчете женского училища? Об одном из них писал в «ТГВ» в 1863 г. под рубрикой «Местные известия» очевидец, укрывшийся под инициалами А.С.

«Ялуторовск. 30 ноября. Читая Губ. Вед., единственный местный орган в губернии, мы не редко видим в неофициальном отделе отголоски из разных городов по какому-нибудь случаю из общественной жизни. Само собою, - где жизни больше, оттуда больше и отголосков, или по крайней мере больше материалов для них. Наш Ялуторовск, как известно, никогда не имел претензии что-нибудь заявить о себе, или по недостатку жизненных явлений, или по нежеланию лиц из общественной среды быть проводником этих явлений в печати.

Два спектакля, данные любителями в пользу здешней женской школы, дали нам повод заявить, что и здесь пробуждаются стремления, давно уже присущие прочим городам. Нельзя умолчать при этом, что инициатива устройства спектаклей принадлежит попечительнице женской школы М.Г. Поповой и смотрителю училищ А.И. Аристову. Театр был устроен в доме, занимаемом женскою школою и, к сожалению, не представлял удобств достаточного помещения для сцены и публики. Всего мест было только 50. В первый спектакль, бывший 26 сентября, сыграны были водевили: «Мотя и Жених, Чемодан и Невеста», а во второй – 25 ноября – «Ворона в павших перьях и Поздний урок». Здесь мы не будем пускаться в разбор исполнения самих пьес, но скажем только, что вообще спектакль, в нашей маленькой уездной жизни, уже сам по себе и по цели его назначения, оставил в нас приятное впечатление и благодарность ревнителям-артистам к благому делу. Сбор со спектаклей, по незначительности помещения, был очень небольшой, так что окупил только расходы на первоначальное устройство сцены и прочие потребности. Но важно одно уже начинание и говорят, что этот спектакль не последний. Горячо желаем, чтобы деятельность на этом поприще гг. распорядителей и артистов наших не охлаждалась, тогда и публика понемногу начнет входить во вкус к подобного рода удовольствиям.

Кстати скажем несколько слов о здешней жизни вообще. Общественной жизни здесь почти нет. Поговорили было некоторые устроить клуб, но, по многим условиям здешней жизни, нашли, что устроить клуб дело трудное, если не совсем невозможное. Два раза нарушалось общее сиденье по своим углам вечерами с танцами, устроеннымми по общей подписке в доме купца Шабалина. Были и еще впрочем два вечера в частном доме, где, преимущественно молодежь, собирались почтить и действитель-

но прочитаны были несколько статей из современных журналов. Казалось, все довольно были такого рода вечерам и каждый более или менее заинтересован был чтением. Однако чтение не в большом ходу здесь. Журналов выписывается очень мало. Чиновники большей частью далеки от литературы, кто по неимению времени от служебных занятий, кто и по неимению потребности к чтению. Очень не многие что-нибудь прочитают иногда. Поэтому и нельзя не пожелать, чтобы вечера для чтения были почаще и чтение обратилось бы в насущную потребность и, насколько возможно, заменило бы обычные картишки».

Безымянный автор А.С. оказался дальновидным бытописателем. В 1865 г., в Фомино воскресенье, в женском училище вновь был дан спектакль любителями драматического искусства. На этот раз ставилась комедия «Свадьба Кречинского». Спектакль удался, и публика осталась довольной. Сбор в пользу училища составил до 50 руб. серебром. Да еще выручка за лотерею до 120 рублей. Написавший заметку «Из Ялуторовска» «Ялуторовецъ» выразил надежду, что «этим доброе дело не кончится и найдет себе последователей».

Случались в провинциальной жизни и нечаянные развлечения, далекие от устройства «благородных спектаклей», но денежные. 14 июня 1866 года австрийский подданный, антрепренер труппы вольтижеров Эммануэль Беранек дал в Ялуторовске представление в пользу бедных горожан и женской школы, от которого выручено 80 руб. 23 коп. За такое пожертвование начальник губернии объявил г-ну Беранеку благодарность. Как попал заезжий артист в Сибирь, газета не сообщала.

12 февраля 1871 г. в зале Тобольского купеческого и мещанского собрания продавались с аукциона вещи, оцененные в 90 р. 40 к., описанные у тобольского мещанина Петра Федорова Ревниных для удовлетворения иска Ялуторовского женского училища и погашения числящейся на доме Ревниных недоимки в доход города. Как такое могло произойти, остается только гадать, однако ясно, что в Ялуторовске деньги считать умели.

В 1864 году начальник губернии объявил благодарность Ялуторовскому городовому старосте П.А. Куклину, который «принимая живое участие в деле приобретения средств для существования и поддержания Ялуторовской женской школы, по собственному своему желанию, испросил у попечительного совета сего учреждения книжку для добровольного сбора в пользу училища во время 4-х существующих в городе ярмарок, и уже собрал и представил более 51 рубля».

Как видим, училище, хоть и числилось за министерством просвещения, финансировалось за счет городских доходов (частично) и частной инициативы (в основном). Сбор пожертвований являлся одним из главных источников пополнения бюджета учебного заведения. В 1867 г. газета сообщала: «По приглашению попечительни-

цы Ялуторовского женского училища г-жи Шишко и члена попечительного совета этого училища г-на Игумнова пожертвовали в пользу женского училища: отставной надворный советник Паклевский-Козелл (эта фамилия пишется через «о». –П.Б.) – 50 р., благочинный священник Курбаковский – 5 р., помощник акцизного надзирателя Дмитриев – 5, купцы: Бейлин – 10, Ка-плун – 5, Орлик – 3, мещанин Беркович – 5, винокуры: Стерин (?) – 3, Цериман (?) – 3, торгующий крестьянин Ив. Корольков – 3, крестьяне Ялуторовского округа: Скажутин – 25, Ваганов и О. Дьяконов – по 10, П. Дьяконов и Колосов – по 3, Родионов, Гаврилов, Мороков, Корольков, Баклашев, Снохин, Пермяков, Дерябин, Толстоухов – по 1 р., Безгоднов – 1½ р., Ситников и Загудаев – по 50 к., Худобородов – 20 к. За что начальник губернии объявляет им благодарность».

В 1870 г. попечительный совет женского училища объявил благодарность публично чиновнику Поклевскому-Козелл за пожертвование 50 рублей в пользу училища.

В 1872 г. начальник Тобольской губернии объявил благодарность: «гг. колл. сов. Н.П. Попову, подполковнику Корзуну, заседателю Ялуторовского окружного полицейского управления Козлову, купеческим женам: А.А. Калмаковой, Е.И. Ильиных, Е.В. Каплун, купцам: М.М. и И.С. Ильиных, Ф.Ф. Ботову, заводоуковскому волостному голове В.Г. Карманову, а равно и командиру ялуторовской команды штабс-капитану Меньщикову и заседателю Ялуторовского окружного суда Тихонравову – за сочувствие к делу народного образования, выражившееся в пожертвованиях, сделанных ими в пользу Ялуторовского женского училища».

Жители Ялуторовска вносили пожертвования и в детский приют Тобольской Мариинской женской школы. В 1863 г. в это заведение почетный смотритель Ялуторовского уездного училища Попов перечислил 10 рублей, ялуторовский купец Балакшин – 5.

Из отчета о состоянии Ялуторовского женского училища 2-го разряда за 1863-1864 учебный год. В попечительном совете состоят: попечительница, супруга почетного смотрителя М.Г. Попова, непременные члены: окружной судья С.О. Шалабанов, штатный смотритель А.И. Аристов, городовой староста А.П. Куклин (выше читаем: А.П. Куклин? – П.Б.), выборных членов: от дворянства и чиновников почетный смотритель Н.П. Попов, от купечества: купец 1-й гильдии М.В. Корчемкин. Для управления домом, хозяйством и надзором над учащимися состоит надзирательница, вдова титуллярного советника Любовь Брехова. Закон Божий преподает священник Вознесеской церкви Апполоний Бирюков безвозмездно. Точно так же без оплаты учителя уездного училища Абрамов, Лапин и Лукьянов в 1 и 2 классах преподают грамматику, арифметику, историю и географию, в приготовительном, после перещения М. Глуховцова в Ишим учителем русского языка, - учитель Н. Десятов, окончивший курс в Тобольском уезд-

ном училище.

В 1863-1864 учебном году в 1, 2 и приготовительном классах обучалось 47 учениц. Из них детей дворян и чиновников – 9, духовного звания – 2, почетных граждан и купцов – 2, мещан – 12, крестьян и разночинцев – 20. В течение учебного года из приготовительного класса выбыло 15 учениц, из первого – 4, из второго – 2, всего 21, больше всего детей крестьян и разночинцев – 13.

Обучение чтению и письму в приготовительном классе осуществляется по методе Золотова, в 1 и 2 классах все предметы по курсу мужского уездного училища преподаются по книгам и учебникам, утвержденным министерством народного просвещения. Рукоделию обучает надзирательница.

Бюджет училища. К 1 июля 1863 г. наличных денег было 72 р. 41 к., билетами – 100 р. В течение учебного года поступило наличными 522 р., билетами – 100 р. Израсходовано 538 р. В остатке осталось наличными 56 р. и билетами 200 р. Ялуторовское городовое хозяйственное управление отпустило на содержание училища 100 р. и прислало пожертвованных купцами и разными лицами в пользу училища 157 р., всего 257 р. Остальную сумму – 265 р. училище приобрело своими средствами: от благородных спектаклей, лотерей, продажи рукодельных работ и от пожертвований.

Из отчета за 1867-1868 учебный год. Учащихся было 51 человек. Из них детей дворян и чиновников – 12, духовного звания – 3, купцов и мещан – 24, сельского сословия – 12. По вероисповеданию: православного – 46, католического – 3, еврейского – 2.

23 июня 1868 г. в присутствии штатного смотрителя Ялуторовских училищ, проведены частные испытания учениц в учебных предметах. Успехи оказались удовлетворительными. Педагогический совет 26 июня перевел из приготовительного класса в 1 класс 7 учениц, из 1 во 2-й – 2 ученицы; из второго же перевода достойных в 3-й класс не оказалось, поэтому в следующем учебном году в училище будет только 2 класса. Выпущены по окончании полного курса наук со свидетельствами 2 ученицы.

На основании предписания директора училищ Тобольской губернии в апреле 1868 г. открыты классы для обучения девочек нотному пению, для чего приглашен регент с платой 2 рубля в месяц. С октября 1867 г. введено для желающих обучение башмачному ремеслу, для чего нанята учительница с платой 2 рубля в месяц.

При училище имеются фундаментальная и продажная библиотеки. Первая состоит из книг, большей частью пожертвованных разными лицами, в количестве 29 названий, в 95 томах, на сумму 39 р. 35 к., вторая открыта с 10 апреля 1868 г. по постановлению попечительного совета – на приобретение продажных книг отпущено из имеющихся наличных сумм училища 25 р. Вырученные от продажи книг деньги должны поступать на приобретение необходимых руко-

водств и учебников.

16 апреля 1868 г. утверждена в звании попечительницы училища супруга Ялуторовского исправника Игумнова, Ольга Николаевна, вместо выбывшей в Курган супруги бывшего городничего Шишко.

Денежные средства училища состояли: 1) из сумм, ежегодно отпускаемых на содержание училища городовым хозяйственным управлением; 2) из сумм, жертвуемых ежегодно ялуторовским городским обществом, - купцами при объявлении капиталов и торговыми при выдаче им свидетельств; 3) из пожертвований разными лицами; 4) из сумм, вырученных от разыгранной в 1868 г. лотереи; 5) из процентов с имеющихся 3-х государственных 5% билетов. К 1 июля 1867 г. поступило 875 р. 27 ½ к., к 1 января израсходовано 746 р. 91 ¾ к. – на покупку 4-х 5% билетов внутреннего займа, с выигрышами, на жалованье учительнице, надзирательнице, башмачнице, служителю, отопление, чистоту и др. мелочные расходы. Были поступления и во второй половине 1868 г., часть из которых израсходована на указанные выше статьи. К 1 июля 1868 г. остаток наличных 95 р. 25 ¾ к., в билетах – 700 р.

Из отчета за 1869-1870 учебный год. К 1 июля 1869 г. обучалось 58 девочек. К 1 июля 1870 г. – 40. Из приготовительного в 1-й класс переведено 8 учениц. Удостоено награды за благонравие и успехи 15 учениц.

Обучением нотному пению безвозмездно занимался законоучитель женского училища священник Николай Лапин.

Попечительный совет состоял из попечительницы супруги Ялуторовского окружного врача, Губановой, председательствующего в попечительном совете Ялуторовского окружного судьи Попова, выборного члена от дворян Губанова, штатного смотрителя училищ Фонякова и городского старости Кукина.

Из отчета за 1870 г. К 1 января 1870 г. в училище состояло 43 ученицы, к 1 января 1871 г. – 37. По отношению к вероисповеданию: православных – 31, римско-католиков – 1, евреев – 5, по отношению к сословиям: детей дворян и чиновников – 8, духовных – 3, городских – 16, сельских сословий – 10.

Училище состоит из двух классов – приготовительного и первого. Второго и третье класса нет. В первом полугодии 1870 г. из 40 обучавшихся успевало 17, во втором полугодии – из 37 девочек успевало 24.

Составитель отчета сетует: «Обучение шитью, вышиванию и другим рукоделиям выполняется добросовестно, и родители воспитанниц относятся к этому делу вообще сочувственно...к сожалению, должно сказать, что потребность в образовании женского пола здесь сознается как-то вообще слабо, и общество довольствуется пока, относительно воспитания девочки, одними почти рукоделиями, на которые училище и обращает особое внимание, не в ущерб, разумеется, научной части. Воспитательная же часть училища с нравственной и религиозной

стороны тоже удовлетворительна. Заботы училища обращены на то, чтобы воспитанницы его не только вели себя хорошо в училище, но и в среду своих близких вносили добрые семена».

И далее: «По недостатку средств училище почти совсем не имеет детской библиотеки и даже некоторых необходимых учебников. Платы же за учение в училище, или за право учения, никакой не полагается, и училище, кроме 325 р. 10 к., отпускаемых от городового хозяйственного управления, и 35 р. процентов от капитала, находящегося в государственном банке, никакими другими средствами не располагает».

И сам храм просвещения нуждается в хозяйственной заботе: «Здание женского училища, хотя по своему помещению и не представляет особых неудобств, но по ветхости своей требует ремонта, на который училище также не имеет никаких средств».

Из отчета за 1871-1872 учебный год. В училище состояло 54 ученицы, больше, чем в предыдущем учебном году на 6. Детей дворян и чиновников – 6, духовного звания – 2, городского сословия – 19, сельского сословия – 9, в том числе по вероисповеданию: 30 – православного, 6 – иудейского.

Учение продолжалось с 16 августа 1871 г. по 15 июня 1872 г. по руководствам, одобренным министерством народного просвещения. Ближайший надзор за учащимися лежал на надзирательнице Федоровой, которая состояла также учительницей приготовительного класса.

По постановлению попечительного совета, из приготовительного в первый класс переведено 8 учениц, из первого во второй – 6. Из числа переведенных награждено за прилежание и успехи похвальными листами 5 учениц.

К отчетному году в распоряжении училища состояло 746 р. 43 ¾ к., в течение года поступило 1384 р. 15 ¼ к. Израсходовано 969 р. 33 ¼ к.

В отчете делается акцент на укрепление финансового состояния: «Усилинию материальных средств своих училище обязано сколько усердию членов попечительного совета, столько же и сочувствию к делу просвещения других лиц, выразившемуся в разных пожертвованиях».

О персоналиях. Попробуем по сообщениям в губернской газете составить представление о том, кто трудился на ниве просвещения в Ялуторовске в период с 1857 по 1873 гг.

1862 г. Штатный смотритель Ялуторовского училища, коллежский асессор Голицынский увольняется от службы, на его место переводится штатный смотритель Омского училища Аристов.

1862 г. Приказом министерства народного просвещения отставной надворный советник Николай Попов определяется почетным смотрителем Ялуторовского уездного училища.

1863 г. Благодарность генерал-губернатора Западной Сибири за преподавание в женских училищах объявляется учителям Ялуторовского уездного училища Василию Лукьянову, Петру Лапину (переведен в Березово), Максимилиану Сафонову (переведен из Березово).

1863 г. Учитель Ялуторовской женской школы Михаил Глуховцев переведен учителем русского языка в Ишимское уездное училище.

1863 г. Генерал-губернатор Западной Сибири объявил благодарность попечительнице Ялуторовского женского училища супруге надворного советника Поповой.

1864 г. Указом Правительствующего Сената учитель Курганского уездного училища Абрамов переведен в Ялуторовск.

1865 г. Приказом генерал-губернатора Западной Сибири объявлена признательность начальства членам педагогического съезда в Тобольске: смотрителю Ялуторовского уездного училища Аристову, учителю Ялуторовского уездного училища Гусеву, учителю Ялуторовского женского училища Девятову, учителю сельского училища Ялуторовского округа Кладовикову.

1865 г. Смотритель Ялуторовского училища А. Аристов назначен членом общества для вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии, учрежденного 25 июля 1865 г.

1865 г. Законоучитель Ялуторовского уездного училища протоиерей Словцов, выслуживший срок, оставлен на службе еще на 5 лет. (Речь идет о Я.К. Словцове, протоиерее Сретенского собора, известном пастыре, отце И.Я. Словцова, краеведе, основателя Тюменского музея. Прах его покойится в ялуторовской земле. – П.Б.).

1866 г. Учителем русского языка Ялуторовского уездного училища утвержден Макаров.

1866 г. В списке почетных и действительных членов общества для вспомоществования бедным студентам в Тобольской губернии от Ялуторовска Александр Ильич Аристов.

1866 г. Генерал-губернатор Западной Сибири разрешил выдать из специальных сумм училищ в награду за отлично-усердную службу учителям Ялуторовского училища Василию Лукьянову – 60 р., Андрею Харламову – 40, Владимиру Гусеву – 25, учителю Ялуторовского приходского училища Константину Стукальскому – 75.

1866 г. Генерал-губернатор объявил благодарность почетному смотрителю Ялуторовского уездного училища Попову за усердную и полезную деятельность.

1867 г. Учитель истории и географии Ялуторовского уездного училища Василий Лукьянов за выслугу лет произведен в чин коллежского секретаря.

1867 г. Уволен от службы по прошению штатный смотритель Ялуторовского уездного училища, коллежский асессор Аристов.

1867 г. За выслугу лет произведен в чин губернского секретаря учитель Ялуторовского уездного училища Андрей Харламов.

1867 г. Генерал-губернатор Западной Сибири объявил благодарность законоучителю Ялуторовских училищ священнику Космакову и учителям Фонякову, Лукьянову, Харламову.

1868 г. Увольняется в отпуск на 2 месяца сверх вакационного времени с сохранением жалованья учитель искусств Ялуторовского

уездного училища Владимир Гусев.

1869 г. Генерал-губернатор Западной Сибири объявил благодарность учителю Ялуторовского уездного училища Харламову.

1869 г. Окончивший курс в Тобольской гимназии Петр Минхгаузен определен учителем русского языка в Ялуторовское уездное училище.

1870 г. Государь Император наградил орденом св. Анны 3-й ст. почетного смотрителя Ялуторовского училища, надворного советника Попова.

1870 г. По распоряжению директора училищ Тобольской губернии определена окончившая курс Мариинской женской школы девица Федосья Федорова учителем в Ялуторовское женское училище.

1870 г. Увольняются от службы, согласно просьбам, Ялуторовского уездного училища почетный смотритель, надворный советник Николай Попов и учитель русского языка Петр Минхгаузен (здесь эта фамилия пишется именно так. – П.Б.).

1870 г. Учитель Заводо-Екатерининского приходского училища Мартирий Харламов перемещен на таковую же должность в Ялуторовское приходское училище, а учитель Ялуторовского приходского училища Михаил Яковлев уволен в отставку.

1870 г. Учитель Ялуторовского женского училища девица Мария Брызгалова перемещена в приготовительный класс Курганского женского училища, а в Ялуторовск на это место определена окончившая курс Мариинской женской гимназии в Тобольске девица Таисия Зданевич.

1871 г. Указом Сената за выслугу лет произведен в коллежские регистраторы, со старшинством, учитель чистописания и черчения Ялуторовского уездного училища Владимир Гусев, он же по болезни увольняется в отставку.

1871 г. Указом Сената учитель Ялуторовского приходского училища Михаил Яковлев произведен в чин коллежского регистратора.

1871 г. Генерал-губернатор Западной Сибири объявил благодарность попечительнице Ялуторовского женского училища г-же Губановой и супругу ее, Ялуторовскому окружному врачу Губанову, члену попечительного совета училища, за усердие в принятых ими обязанностях.

1871 г. Определен оставшийся за штатом надзиратель Екатеринбургской гимназии, коллежский секретарь Михаил Киселев учителем русского языка в Ялуторовское уездное училище.

1871 г. Назначен исправляющий должность штатного смотрителя Ялуторовских училищ коллежский секретарь Фоняков - штатным смотрителем Курганских училищ, на его место определен учитель истории и географии Омского уездного училища коллежский асессор Пешехонов.

1971 г. Генерал-губернатор Западной Сибири назначил коллежскому асессору Пешехонову награду 100 рублей, объявил благодарность коллежскому секретарю Фонякову – за усердную и полезную деятельность

1872 г. Указом Правительствующего Сената

от 24 ноября 1871 г. бывший почетный смотритель Ялуторовского уездного училища надворный советник Николай Попов награжден, при отставке, чином коллежского советника.

1872 г. С 14 апреля крестьянский сын Дмитрий Адамов, выдержавший специальное испытание на звание учителя городского училища, определен к исправлению должности учителя в младшем отделении Ялуторовского приходского училища.

1872 г. Уволен от службы по болезни учитель истории и географии Ялуторовского уездного училища, коллежский секретарь Василий Лукьянов.

1872 г. Исправляющий должность секретаря Пермского губернского правления, титулярный советник Павел Паутов определен учителем истории и географии в Ялуторовское уездное училище.

1873 г. Преподавательнице Ялуторовского женского училища г. Федоровой выдана награда 30 рублей.

1873 г. Начальник губернии объявил благодарность священнику Вознесенской церкви г. Ялуторовска Николаю Лапину за отличное и безвозмездное преподавание Закона Божия в местном женском училище.

1873 г. За выслугу лет произведены в очередной чин: титулярного советника – бывший учитель Ялуторовского уездного училища Василий Лукьянов, коллежского секретаря – учитель Ялуторовского уездного училища Андрей Харламов, коллежского регистратора – учитель Ялуторовского приходского училища Мартирий Харламов.

Ба, знакомые все лица! На страницах губернской газеты нет-нет, да и мелькнет знакомая фамилия человека, оставившего яркий след в истории Ялуторовска.

В 1857 г. священник С.Я. Знаменский, бывший протоиерей Сретенского собора и один из инициаторов открытия женской школы в Ялуторовске, принимал годичный акт у воспитанников Сибирского кадетского корпуса в Омске и произнес вдохновенную речь о необходимости служения Отчизне. После службы в Ялуторовске он поступил на должность настоятеля Воскресенского собора в г. Омске.

В июле 1862 г. Святейший Правительствующий Синод удостоил награждения палицей протоиерея крепостной соборо-Воскресенской

церкви г. Омска Стефана Знаменского «за отличную и ревностную службу». Он же 3 апреля 1871 г. «Всемилостивейше награжден» орденом св. Анны 2-й ст. с Императорской короной.

В июне 1872 г. Тобольская духовная консистория извещала о проведении в г. Омске торга на продажу зданий духовного училища, перемещенного из Омска в Ишим. Протоиерей Степан Знаменский был назначен председателем комиссии по продаже недвижимости.

Его сын, художник Михаил Знаменский, выпускник декабристской школы, тоже упоминается в ведомостях. В 1864 году читаем, что учитель рисования Мариинской женской школы, студент Тобольской семинарии Михаил Знаменский назначается переводчиком татарского языка при общем губернском управлении, и уже в следующем, 1865 году, указом Правительствующего Сената его производят в чин губернского секретаря, в 1867-м – коллежского секретаря, а в 1868-м за выслугу лет – в чин титулярного советника. В 1864 г. Государыня Императрица «соизволила пожаловать» ему «брильянтовый перстень», в 1865 г. уже сам Государь Император «пожаловал подарок от 500 до 600 р. учителю рисования Мариинской женской школы Знаменскому, за составленный им альбом зачайской экспедиции».

С 1839 по 1846 годы Капитон Михайлович Голодников служил учителем русского языка в Ялуторовском уездном училище. Автор статей «Ялуторовский округ губернии Тобольской» (1846 г.), «Государственные и политические преступники в Ялуторовске и Кургане» (1888 г.). Губернская газета сообщает, что в 1860-е годы он работал в акцизном управлении Западной Сибири, с 1869 года причислен к общему губернскому управлению с откомандированием к исправлению должности Тобольского окружного судьи, имел чин коллежского секретаря. В стихотворении «На новый 1870-й год», опубликованном в «ТГВ», Капитон Голодников напоминает о своих либеральных воззрениях, навеянных дружбой с декабристами:

«Дай суды нам равноправные,
И в них веру освяти,
Краю нашему исправному
Дай железные пути».

3 мая 1870 года скончался статский советник, советник Семипалатинского областного правления Николай Алексеевич Абрамов (родился 17 апреля 1812 г.), историк, член Императорского Географического общества, автор ряда работ по археологии, статистике и этнографии Западной Сибири. С 1849 по 1850 годы он служил штатным смотрителем Ялуторовских училищ. Автор исторического очерка «Город Ялуторовск с его округом», опубликованном в «Тобольских губернских ведомостях» в 1864 году, в №№ 25-29. Его мать, Татьяна Прокопьевна, умерла за два месяца до смерти сына в возрасте 76 лет и похоронена в с. Заводоуковское.

* Фото М.Знаменского (?) из статьи Е.Варенцовой «Из семейного архива Знаменских» в альманахе «Тобольск и вся Сибирь». Вып. 18, 2012 г.

Купечество

Этот раздел хочется начать с ярмарок, посредством которых торговый люд может и себя показать, и товар продать, как оптом, так и врозничу. Ярмарки в Сибири были мощным инструментом промышленного развития края. Хотя в окружном Ялуторовске по своему обороту и объему продаж они уступали не только соседней Никольской в Ишиме, но и некоторым ярмаркам в собственном округе. Ярмарки и ялуторовское купечество – неразделимые понятия.

В 1869 г. «Тобольские губернские ведомости» публикуют материал «Ялуторовские ярманки» (это не опечатка, в то время ярмарки писались именно так. - П.Б.) за подписью некоего Е.К.

«Ярманки Тобольской губернии образовались издавна, большею частию, по случаю приходских церковных праздников. Жители окрестных, а частию и отдаленных селений, собираясь сюда в эти дни, время от времени, приняли такие сборы за обычай, укоренившийся год от года более и более, при большом съезде народа в праздничное время стала производиться мало-помалу и торговля, начавшись с лакомств и съестных припасов, и, расширяясь год от года, переходила в торжки, образовывавшие из себя по утверждении правительством ярманки.

В Ялуторовске бывает ежегодно четыре утвержденные правительством ярманки: Никольская, Благовещенская, Сретенская и Сергиевская. Ярманки эти также носят свои названия от имени местных храмовых праздников и бывают: Никольская – 1-6 ч. декабря, Благовещенская 23-27 марта, Сретенская 31 января-3 февраля и Сергиевская 25-27 сентября. Некоторые из этих ярманок очень значительны по своим оборотам и посещаются иногородним купечеством; другие же, напротив, очень незначительны и представляют собою сбыт товаров в количестве, ограниченном местной городской потребностью. Значительными ярманками считаются Никольская и Благовещенская. Малолюдный и скучный, особенно в зимнее время, Ялуторовск на короткое время этих ярманок оживает и делается сборным пунктом купечества и приезжающих из многих городов Тобольской, Пермской и других губерний. Кроме обыкновенных ярманочных товаров, привозных на эти ярманки, особенно Никольскую, для потребности городских жителей сюда привозятся в значительном количестве: масло, сало, кожевенный товар и проч. Иногородние же жители немало навозят сюда и предметов своей ремесленности: посуды глиняной и деревянной, саней, телег и т.п. Прочие же ярманки, Сретенская и Сергиевская, в сравнении с этими ярманками весьма незначительны.

В 1868 г., по сведениям Ялуторовского городового хозяйственного управления, всех товаров на ялуторовские ярманки привезено было на 48, 915 р., продано на 30, 517 р. 50 к. и осталось на 18, 397 р. 50 к., а именно:

	привез.	продано	остал.
Никольскую	23,585 р.	16,110 р.	7,475 р.
Благовещен.	12,775 р.	7,725 р.	5,050 р.
Сретенскую	10,185	5,292 р. 50 к.	4,892 р. 50 к.
Сергиевская	2,370 р.	1,390 р.	980 р.»

Далее в статье расписывается ассортимент товаров, которые привозятся на ярмарки. Так, на Никольской ярмарке в большом ходу из российских товаров были шерстяные, бумажные, ленные и пеньковые, шелковые, кожевенные и мягкая рухлянь, рыбные, хлебные, мелочи. Слабо продавались металлические товары, фаянсовые и фарфоровые, хрустальные и зеркальные, мясные. Среди иностранных товаров были представлены только красители всего лишь на 260 р. В группе азиатских товаров продавались чай (на 750 р.), халаты бухарские и армяки (на 250 р.). Суммарная стоимость местных лошадей, привезенных на продажу, составляла 1,050 р.

Ялуторовские купцы, не находя сбыта на месте, активно торговали и на окрестных ярмарках. Так, на Абатской Петровской ярмарке (29 июня-9 июля) в 1859 г. продавалось стекло с завода ялуторовского купца Пороумова. Завод, как сообщает газета, находится в 18 верстах от Ялуторовска в д. Каптюль (конечно же, Коктюль. - П.Б.), на речке Уварыш. Ящик стекла в 16 пудов или по 120 листов стоил 29-30 руб. За привоз ящика с завода – 2 р. 40 к. Приказчик Пороумова все стекло сбыл омскому купцу Бородкину. Более 15 лет на Абатской Петровской ярмарке торгует железом ялуторовский купец Ильиных.

Представляет интерес для исследователей ведомость об обороте торговли на ярмарках и торжках в городах и селениях Тобольской губернии за 1858 г. В Ялуторовском округе, не считая города, ярмарки и торжки проходили в селах: Архангельское, Заводоуковское, Омутинское, Исетское, Котское, Красногорское, Мостовское, Новозаимское, Мокроусовское, Бешкильское, Шатровское, Коркинское, Бобылевское, Суерское, Рафайловское. По обороту торговли Ялуторовский округ занимал первое место в Тобольской губернии: на все ярмарки и торжки здесь завезено товаров на общую сумму 2,287,806 р., продано на 1,097,500 р. Наиболее оживленные ярмарки отмечены в Мокроусовском, Суерском, Рафайловском, Котском, Заводоуковском селах. Среди городов Тобольской губернии наибольший ярмарочный оборот зафиксирован в Ишиме – свыше 2,5 млн. руб.

В 1857 г. Тобольский губернский статистический комитет сообщал: «В Ялуторовском округе есть много стеклянных заводов и очень важно производство овчин, льняных тонких холстов и особенно крестьянской пестряди, которая выделяется из льняных ниток пополам с разноцветною бумагою и, по замечательной своей прочности, ценится крестьянами гораздо выше фабричных тканей».

По оценке того же статистического комитета, большое распространение в губернии получил откорм скота на сало. Скот пригоняется

из Киргизской степи на «базар» в окрестностях Петропавловска, который раскинулся на пространстве 200 верст. Здесь единовременно скапливается до 500 тысяч баранов и до 100 тысяч рогатых скотин. Купцы закупают живность большими партиями, а потом прогоняют ее до Ишима, Ялуторовска, Кургана по тучным пастбищам в течение всего лета, где истощенный в степи скот откармливается для дальнейшего приготовления на сало.

Рассуждая о значении рогатого скота для Тобольской губернии на страницах газеты за 1859 г., некто Ф.К. прослеживает тенденцию сбыта сырья: кожи и вытопленное сало свозятся на зимние ярмарки Ишимского, Курганского, Ялуторовского округов, где «кощи покупаются на Тюменские кожевенные заводы, а отчасти увозятся в Россию, сало же отправляется вместе с маслом большею частию на Петербургский порт и кроме того еще часть масла увозится в Одессу. Мясо же служит для местного продовольствия внутри губернии».

С Ялуторовском и одноименным округом связали свою судьбу известные купеческие династии. Первый среди них по капиталу купец 1-й гильдии, почетный гражданин Никита Федорович Мясников, чьи предпринимательские интересы простирались до Восточной Сибири, где он вел добывчу золота. В 1839 г. ему было даровано исключительное право на учреждение и содержание пароходства по о. Байкалу, рекам Оби, Тоболу, Иртышу, Енисею, Лене. О нем подробно рассказано в краеведческой литературе.

Мало кто знает о том, что в 1861 г. отставной надворный советник Попов подал ходатайство о выдаче привилегии на учреждение и содержание пароходства по реке Тоболу и в 1962 г. генерал-губернатор Западной Сибири поручил губернскому инженеру исследовать фарватер реки. Связано это было с настойчивыми просьбами жителей г. Кургана, которые в общественном приговоре на имя начальника губернии высказали необходимость восстановления судоходства по Тоболу.

Судоходство по реке Тоболу, отмечает газета, «в прежние времена уже существовало, но впоследствии преграждено устройством по этой реке мельниц, владельцы которых перегородили реку сваями и устроили заколы и перегородки, а плотины сделали из навоза и соломы».

Принимая во внимание, что судоходство по Тоболу несет несомненную пользу для благосостояния северных округов Тобольской губернии, нуждающихся в снабжении хлебом, и для самого Курганского округа, испытывающего недостаток лесных материалов, начальник губернии вновь поставил этот вопрос перед генерал-губернатором Западной Сибири, присовокупив личное мнение: «для устранения монополии не выдавать привилегий, а разрешить свободное судоходство, без всяких ограничений и стеснений».

Судоходство на реке Тобол было возобнов-

лено в 1863 г., и этим в дальнейшем воспользовались некоторые ялуторовские купцы для перевозки своих товаров дешевым водным путем в Тобольск, Курган и другие города.

Николай Абрамов рассказывает на страницах «ТГВ» о прибытии парохода «Союз» в Семипалатинск в июне 1862 г.

С большим размахом вели дело купцы Колмаковы (их фамилию писали и Калмаковы, и Калмыковы. – П.Б.), накапливая капитал и осваивая различные сферы деятельности. Постепенно они подбираются к 1-й гильдии. В разделе «Торги» губернская газета постоянно сообщала о новых приобретениях этой купеческой семьи.

1862 г. Губернская секретарша Татьяна Скибинская продала землю купчихе 3-й гильдии Вере Даниловой Колмаковой в дачах деревни Сокольниковой Заводоуковской волости, на речке Бигила. 1864 г. По иску В.Д Колмаковой за долги продается дом во 2-м квартале г. Ялуторовска, принадлежащий Петропавловскому купеческому сыну Ивану Владимирову. 1865 г. В.Д. Колмакова покупает у крестьянской вдовы Аграфены Анисимовой за 80 р. дом в приходе Сретенья Господня. Тобольский губернский суд налагает запрещение на деревянный дом со службами, принадлежащий Тобольскому мещанину Александру Михайлову, описанный за неплатеж долга 292 р. Ялуторовскому 2-й гильдии купеческому сыну Никите Колмакову.

1866 г. Ялуторовский 2-й гильдии купеческий сын Григорий Колмаков через суд взыскивал с крестьянина дер. Кокоревой Соловьевской волости Егора Попова 75 пудов пшеницы или следующих за оную денег 21 р. 43 к.

В 1867 г. ялуторовская купчиха 2-й гильдии Вера Данилова Колмакова купила мельницу у крестьян Ермутлинской (мы привыкли к другому написанию – Емуртла. – П.Б.) Ялуторовского округа Феофана, Андрея, Данилы и Тимофея Белобородовых на дачах деревни Слободчиковой, за 600 р. В этом же году в Ялуторовском окружном суде совершена закладная крепость на недвижимое имение в д. Падунской, принадлежащее жене тюкалинского мещанина Марье Сандецкой, заложенное ею ялуторовскому купеческому сыну Никите Васильеву Колмакову за 200 рублей сроком на 12 месяцев.

В 1868 г. В.Д. Колмакова за 40 руб. прикупает землю (15 десятин) у вдовы надворного советника Анны Федоровой Бурцовой при дер. Усть-Бигилинской, 1870 г. покупает дома у надворного советника Никиты Семеновича Богданова и сестры его на дачах с. Заводоуковского и у крестьян Верховых в д. Сидоровой и в с. Заводоуковском. Она же в этом году приобретает у родного сына Василья Васильева Колмакова 2 крупчатых водяных мукомольных мельницах на р. Ук за 500 рублей, в следующем году – водяную мельницу на реке Ук у крестьянина Заводоуковской волости Александра Маломыжева, а также водяную мельницу об одном поставе у крестьян Заводоуковской волости Черкашинских на правом береге реки Ук.

В 1872 г. мукомольная отрасль Колмаковых расширилась за счет приобретения Верой Даниловной за 1 тысячу рублей водяной мельницы на речке Усть-Бигилинской у Ялуторовского 2-й гильдии купца Степана Крупкина.

В 1872 г. Никита Колмаков пытается взыскать долг с указанного муллы Асланских юрт М. Сафаргалеева, а в 1873 г., действуя по доверенности от имени матери, покупает дом в Ялуторовске у солдатской жены Олимпиады Грязнухиной.

Правда, случались и осечки. В 1864 г. священник Иван Варлаков, проживающий в селе Кривинском Курганского округа, предъявил иск Ялуторовскому 2-й гильдии купеческому сыну Василию Васильеву Колмакову о взыскании им 1533 р. 42 $\frac{3}{4}$ к. за 5367 пудов купленной им пшеницы. Из сообщения не очень-то понятно, что так расстроило батюшку: или пшеница оказалась некачественной, или товар вообще не поставлен.

И, наоборот, зашаталась, казалось бы, нерушимая империя Полоумовых (в некоторых документах эта фамилия пишется Палаумов, Палоумов. – П.Б.). В 1857 г. купец 2-й гильдии Александр Полоумов продает крестьянину Томиловской волости д. Криволуцкой Федору Суворцеву (Суровцеву (?). – П.Б.) мукомольную мельницу о двух поставах на речке Уварыш в д. Копитало (Коктюль - П.Б.), со всеми к ней принадлежностями, толчеей, людской избой и баней, за 250 р. В 1863 году А.Полоумов скоропостижно умирает. Началась тяжба вокруг наследства. В 1868 г. Ялуторовский окружной суд закрепил за малолетним сыном умершего купца, Василием, две Коктюльские стеклоделательные фабрики, со всеми при них строениями и домом на сумму по описям 2187 р. 50 к. и движимое имение при тех фабриках – материал, инструменты и проч. На 3485 р. 21 к. Опекунами над имением и несовершеннолетним наследником назначены Ялуторовские 2-й гильдии купцы Михаил Марков, Петр Ильиных и Александр Андреев. Засвидетельствована раздельная запись о разделе имения. Вдове сына Полоумова Ивана, Александре Полоумовой, достался деревянный одноэтажный дом во втором квартале г. Ялуторовска, оцененный в 295 р. и движимое имущество на сумму 1241 р. 63 к. Василию Полоумову также выдана купчая крепость на деревянный дом во 2-м квартале г. Ялуторовска, принадле-

жавший капитанше Прасковье Жуковской.

В 1873 г. Тобольский губернский суд разбирал дело о взыскании купцом Иваном Мясниковым с купеческого сына Василия Полоумова по векселю 1230 р. и с его опекунов, купцов Ильина и Андреева, 600 р. Доверенным от Василия Полоумова выступал крестьянин Томиловской волости Степан Толстых.

Иван Мясников – еще один известный представитель купеческого сословия – капитал свой сколачивал постепенно и, видимо, намеревался стать еще одним промышленным королем в нашем крае. В 1864 г., состоя во 2-й гильдии, Мясников купил у отставного надворного со-

ветника Григория Иванова Брехова, за 1200 р., фабричные строения и службы при стеклоделательной фабрике близ дер. Шестаковой Новозаимской волости, в 1867-м – стеклоделательную фабрику со всеми строениями близ села Боровлянского, Тебеняцкой волости, Курганского округа у жены прaporщика Феоктисты Арменевской за 500 руб. В 1870 г. Ивану Мясникову пе-

Торговые ряды в Ялуторовске.*

Фото М.Знаменского. (?)

Кон. 1850-х - нач. 1860-х гг.

реходит имущество Ялуторовского купца 2-й гильдии Александра Ильиных – деревянный двухэтажный дом с тремя амбарами, тремя конюшнями, двумя завознями, мыловаренный завод с зольником, тремя чанами и «расколотым котлом» в счет удовлетворения долга 1000 рублей. В этом же году Иван Мясников покупает у торгующего крестьянина Червишевской волости Тюменского округа Григорьева дом на 4-й улице от р. Тобол, в Сретенском приходе. В 1868 году купец Иван Мясников состоит уже в 1-й гильдии. В 1872 г. Святейший Синод объявил Ивану Мясникову благословение «за пожертвования в пользу церквей».

Вел торговые дела и его брат, Никита Мясников, известно, что до 1873 года ему принадлежал деревянный дом с флигелем. Кухней, баней, другими пристройками в приходе Сретенья Господня, который был продан жене уволненного со службы майора Марье Урусовой.

Банкротство, притеснение со стороны властей, приски конкурентов – всего этого не миновала ялуторовская торговая братия. О скандальном деле купчихи Варвары Алянчиковой, вознамерившейся бодаться с чиновничеством, я уже рассказывал в разделе «Власть». В 1863 г. с торгов продавался мелочный товар и скот Ялуторовской 2-й гильдии купчихи Анны Семеновой, в удовлетворение иска Екатеринбург-

ской конторы госбанка на 5932 р. Вскоре она признана несостоятельной. Несколько лет, начиная с 1863 года, в судах тянулось «дело о фальшиво составленном завещании» купца 2-й гильдии Василия Сесенина, который перед смертью отписал имущество в пользу своей жены, Марии Сесениной. В спор за наследство включились сестра покойного, Ольга Сесенина и даже мещанская вдова Елена Зоренкова из Вязников, для удовлетворения ее иска к наследникам в 1870 г. Ялуторовский окружной суд продавал деревянный одноэтажный дом с флигелем, принадлежавший покойному купцу. А в 1870 г., через семь лет после смерти Василия Сесенина, торгующий крестьянин Червишевской волости Тюменского округа Андрей Тарасов приобретает еще один дом в Ялуторовске под № 201 на 4-й улице от р. Тобол, принадлежавший ему же.

Большие дела вел в Ялуторовске и окружающей местности купец 2-й гильдии Николай Балакшин, отец Александра Балакшина, основателя Союза сибирских маслодельных артелей. 13 августа 1870 г. Тобольское губернское правление засвидетельствовало духовное завещание Николая Балакшина на оставленное жене, Енавве Балакшиной, движимое и недвижимое имущество, на 1600 рублей.

В 1872 г. Енавва Балакшина продала паточный завод, раструсное, мукомольное и крупяное заведения и дом в дер. Курганской Смолинской волости в Курганском округе, на берегу реки Тобол.

В 1857 г. Николай Балакшин продал, очевидно, по поручению хозяина, некую березовую рощу (59 сажен по длиннику и 22 – поперечнику) в приходе Св. Сергия, в 1 квартале. Невозможно даже предположить, о каком зеленом оазисе идет речь? И по приходу какой церкви назван квартал, если в данном районе жители были приписаны к Вознесенской церкви? Нужна дополнительная информация.

В 1870 г. в Тобольском губернском правлении засвидетельствована закладная жены Ялуторовского 2-й гильдии купца Анисьи Николаевой Горской, урожденной Неволиной, на заложенный ею в опеку над именем умершего купца Пилленкова билет государственного заемного банка, в 5000 р., от 10 марта 1870 г. за № 2523, с накопившимися процентами 9 тыс. руб.

Ялуторовское купечество промышляло и зо-

лотишком. В 1867 г. генерал-губернатор Западной Сибири разрешил Ялуторовскому 1-й гильдии купцу Алексею Станкееву заняться производством золотого и рудного промыслов во внешних округах областей Семипалатинской и сибирских киргизов, с предоставлением начальнику алтайских горных заводов дозволительного свидетельства. В этом же году ему выдано еще одно дозволительное свидетельство на поиски золота по Восточной Сибири председательствующим в совете Главного управления Восточной Сибири, с разрешения товарища министра финансов. К сожалению, о том, чем занимался этот купец в Ялуторовске, ничего не известно. Вполне возможно, что он лишь объявил здесь свой капитал, а дела коммерческие вел в других городах и везде.

Купеческое сословие находило возможность помогать образованию, участвовать в попечительных советах различных обществ, приходило на помощь страждущим. 13 и 14 июля 1864 г. Тюмень была охвачена пожарами. Сотни людей остались без крова. Комитет, учрежденный в Тюмени для оказания помощи по-

горельцам, докладывал начальнику губернии, что поступили пожертвования от Ялуторовских купцов: Андрея Куклина -20 р., Михаила Ильина – 10, Ивана Ильина – 5, Ивана Балакшина – 6, Андреева – 1, Васильева – 2, купеческого сына Никиты Колмакова – 3 и неизвестных двух лиц по одному рублю и еще 4 р. 37 ½ к. пожертвованы неизвестными людьми из Томиловской волости.

Предпринимательская жилка и деловая хватка позволяли этому неугомонному племени смотреть далеко вперед и вместе со своей выгодой видеть интересы государства. В 1868 г. сибирскому купечеству выражена Высочайшая благодарность Государя Императора за верноподданнические чувства и соображения касательно предполагаемого железного пути для соединения России с Сибирью. Обратите внимание на дату! Ведь первый поезд придет в Тюмень в 1885 году, в Ялуторовск – в 1912-м, а купцы уже в 60-у годы девятнадцатого столетия предлагали царю свои проекты!

Попробуем по имеющимся сведениям составить список (далеко не полный) наших земляков, входящих в купеческое сословие в этот период. В электронной версии «ТГВ» отсутствуют номера газет за 1858, 1860, 1861 гг. К тому же

Вид города Ялуторовска.*

Фото М.Знаменского. (?)

Кон. 1850-х - нач. 1860-х гг.

* Фото М.Знаменского (?) из статьи Е.Варенцовой «Явление народу тобольской фотографии» в альманахе «Тобольск и вся Сибирь». 2009 г.

губернская газета упоминала далеко не всех ялutorовских купцов. Надо иметь в виду, что купеческое сословие постоянно изменялось под воздействием внешних обстоятельств. По сообщениям газеты видно, что многие купцы (Андрей Иванов, Анна Семенова), разоряясь, становились мещанами. Мещане же (Андрей Куклин, Михаил Ильиных), скопотив капитал, переходили в купеческое сословие. Но тот же Андрей Куклин в 1872 году в деле о засвидетельствовании духовного завещания представлен вновь мещанином, который оставляет в пользу своей жены, Александры Куклиной, все движимое и недвижимое состояние и капитал, всего на сумму 10746 р. 33 1/4 к. Вдова Елизавета Кропотина владела домом и пряничным заводом в Сретенском приходе, а числилась лишь мещанкой. Точно также считался мещанином Александр Кабанов, который купил у нее недвижимость с публичных торгов. Богатый крестьянин Суерской волости Ялторовского округа Варнава Ботов вел большую торговлю в Петровпавловске по свидетельству купца 2-й гильдии.

Кроме того, в Ялторовске вели дела купцы из других мест: 1-й гильдии Елабужский купец Капитон Ушков, Царскосельский купец Тимофей Нестеров, известнейший в Зауралье промышленник А.Ф. Поклевский-Козелл, которого чаще называли чиновником, 1-й гильдии Тюменский купец Хацкель Бейлин, Омский 2-й гильдии купец Вульф Гудович и другие.

В любом случае частота упоминаний купцов в печати свидетельствует об их экономической активности, да и общественной тоже.

1857 г.

1. 2-й гильдии купец Александр Пороумов.
2. 1-й гильдии купец Медведев.
3. Купец Балакшин.
4. Купец Воробьев.

1858 г.

1. Купец Соколов.
2. Купец Богданов.

1859 г.

1. Купец Пороумов.
2. Купец Ильиных.

1862 г.

1. 3-й гильдии купец Яков Медведев.
2. 3-й гильдии купеческий сын Николай Мещеряков.
3. 3-й гильдии купеческая вдова Прасковья Шабалина.
4. 3-й гильдии купчиха Вера Колмакова.
5. 3-й гильдии купец Иван Голыгин.
6. Купец М.В. Корчемкин.

1863 г.

1. 3-й гильдии купец Петр Андреев.
2. 3-й гильдии купеческий сын Иван Бронников.
3. 3-й гильдии купец Иван Мещеряков.
4. 3-й гильдии купеческий сын Николай Мещеряков.
5. Купец Балакшин.
6. 2-й гильдии купец Дмитрий Ваганов.
7. 2-й гильдии купец Петр Ильиных.
8. Купчиха Анна Семенова.
9. 1-й гильдии купец М.В. Корчемкин.

10. Купец Шабалин.
1864 г.

1. 2-й гильдии купец Иван Шураков.

2. 3-й гильдии купец Василий Сесенин.

3. 2-й гильдии купец Андрей Иванов.

4. Купчиха Марья Сесенина.

5. Купчиха Вера Колмакова.

6. Купец Андрей Куклин.

7. Купец Михаил Ильин.

8. Купец Иван Ильин.

9. Купеческий сын Никита Колмаков.

10. 2-й гильдии купец Иван Мясников.

11. Купеческая сестра Ольга Сесенина.

12. Купец Иван Балакшин.

13. 1-й гильдии купец М.В. Корчемкин.

1865 г.

1. 2-й гильдии купеческая жена Татьяна Суходаева.

2. Купец Ваганов.

3. 2-й гильдии купчиха Вера Колмакова.

4. 2-й гильдии купеческий сын Никита Колмаков.

1866 г.

1. 2-й гильдии купеческая дочь Ольга Сесенина.

2. 2-й гильдии купец Николай Балакшин.

3. Купец Матвей Родионов.

4. Купец Гаврила Куликов.

5. 2-й гильдии купчиха Прасковья Шабалина.

6. Купеческий сын Григорий Колмаков.

1867 г.

1. 2-й гильдии купеческая жена Татьяна Суходаева.

2. 2-й гильдии купчиха Прасковья Шабалина.

3. 2-й гильдии купец Иван Мясников.

4. Купец Бейлин.

5. Купец Каплун.

6. Купец Орлик.

7. 2-й гильдии купеческая жена Еннава Балакшина.

8. 2-й гильдии купец Николай Балакшин.

9. 1-й гильдии купец Алексей Станкеев.

10. Купеческий сын Богданов.

11. Купчиха Сесенина.

12. Купец Василий Пороумов.

13. 2-й гильдии купчиха Вера Колмакова.

14. Купчиха Пороумова.

15. 2-й гильдии купец Михаил Ильиных.

16. 1-й гильдии купец Александр Попов.

1868 г.

1. 1-й гильдии купец Иван Мясников.

2. Купеческий сын Никита Колмаков.

3. 2-й гильдии купец Михаил Пупырев.

4. 2-й гильдии купец Матвей Родионов.

5. Купеческий сын Филарет Брагин.

1869 г.

1. 2-й гильдии купчиха Варвара Алянчикова.

2. 2-й гильдии купец Михаил Ильиных.

3. 2-й гильдии купец Иван Мясников.

4. Купеческая вдова Марья Сесенина.

5. 2-й гильдии купеческая вдова Александра Пороумова.

6. 2-й гильдии купец Святослав Горский.

7. 2-й гильдии купец Николай Балакшин.

1870 г.

1. 2-й гильдии купец Николай Балакшин.

2. Купчиха Мария Голыгина.
3. 2-й гильдии купец Иван Мясников.
4. 2-й гильдии купец Михаил Ильиных.
5. 2-й гильдии купец Святослав Горский.
1871 г.
1. 1-й гильдии купчиха Вера Колмакова.
2. Купеческий брат Никита Колмаков.
3. Купеческий сын Василий Полоумов.
1872 г.
1. 2-й гильдии купчиха Енавва Балакшина.
2. Купец Иван Шураков.
3. 2-й гильдии купеческая вдова Прасковья Шабалина.
4. 2-й гильдии купец Иван Мясников.
5. Купеческий сын Никита Колмаков.
1873 г.
1. 1-й гильдии купчиха Вера Колмакова.
2. 2-й гильдии купец Степан Крупкин.
3. 2-й гильдии купец Мордух Беркович.
4. Купеческая вдова Енавва Балакшина.
5. Купеческий сын Василий Полоумов.
6. Купец Иван Мясников.
7. Купец Александр Андреев.
8. Купец Михаил Ильиных.
9. 2-й гильдии купеческая дочь Ольга Сесенина.
10. 2-й гильдии купец Николай Мясников.

Почта

В Ялуторовске, расположеннном хоть и не на самом Московско-Сибирском тракте, но в непосредственной близости от этого самого главного пути, связывающего столицу с восточными окраинами Российской империи, почта играла заметную роль в общественной жизни. Была здесь и почтовая станция, и целое социальное сословие – ямщицкое. «Тобольские губернские ведомости», в которых печаталась официальная информация, обязательная для исполнения на местах, и другая корреспонденция из губернского города Тобольска наверняка доставлялась почтовыми тройками в Ялуторовск, а через него в окружные города Ишим, Курган.

На №24 «ТГВ» за 1857 г. есть штамп «Ялуторовское городовое хозяйственное управление». Значит, этот экземпляр первой периодической газеты в Тобольской губернии шел в рассылку и предназначался для Ялуторовска. Значит, в 1857 г. чиновники Ялуторовского почтового ведомства получили номер газеты с объемной биографией Его Превосходительства, Почт Инспектора Сибирского Алексея Петровича Кичурова (вот как тогда писали – все слова с заглавной буквы! – П.К.). И узнали, что главный почтовый начальник Сибири - их земляк: «Алексей Петрович происходит не от сильных земли и не от знаменитых вельмож. Он был сын отставного сержанта Петра Кичурова, родился Тобольской губернии, Ялуторовского округа, селе Кизацком; в детстве получил воспитание самое простое от клирика церковного Ивана Арзамасова, который научил его только читать и писать». Отец его, сержант Петр Кичуров, служивший под начальством знаменитого героя России Суворова, бывал в Неметчине и Туретчине.

А.П. Кичуров упокоился близ алтаря по правую сторону Загородной Архиерейской церкви. На памятнике начертано: служил Царю и Отечеству 52 года, скончался 1854 г., мая 15 дня.

Кстати, из этого же местности, расположенной сегодня в границах Упоровского района, происходит еще один знатный представитель Тобольской губернии Василий Никитич Арзамасов, инспектор и профессор Тобольской духовной семинарии, коллежский советник, о превождевременной кончине которого на 57 году рождения с прискорбием сообщают «ТГВ» в 1867 году. В селе Кизакском (здесь употребляется распространенное сегодня написание. – П.Б.), пишет газета, «доселе живет престарелый 91-летний родитель его, священник Никита Арзамасов» (не у него ли постигал грамоту Кичуров? – П.Б.). Василий Арзамасов в течение службы три раза исправлял должность ректора семинарии и два раза – ректора духовного училища в Тобольске. Кавалер орденов св. Станислава 2-й ст. и св. Анны 3-й ст., награжден медалью в память о Крымской войне, знаком отличия за 20 лет беспорочной службы. Служил при 6 архипастырях Тобольской епархии.

Вот каких людей дает отчизне провинциальная глубинка! Недаром же село Кизакское в Ялуторовском округе считалось своеобразным духовным центром, и здесь одно время действовал известный в епархии монастырь.

«ТГВ» публикуют ведомость почтовым и земским станциям, этапам и полуэтапам, подлежащим отдаче в содержание в 1863 году. Из нее следует, что в Ялуторовском округе на торги выставляются следующие почтовые станции: Романовская с 8 парами лошадей, Ялуторовская городская – с 9 парами, Заводоуковская, Ново-займская, Зимовье-Багайская, Омутинская – по 8 пар на каждой, Слободо-Бешкильская, Исетская – по 2 пары. Кроме того, при Ялуторовском земском суде должно находиться 3 пары лошадей. Как видим, в этот период государственную службу несли частные подрядчики, которые ежегодно с публичных торгов получали право на «почтовую и земскую гоньбу». Бывали случаи недобросовестного исполнения подряда. В 1863 году Ялуторовский окружной суд разбирал дело «о неисправном содержании почтовой и земской гоньбы крестьянином Томиловской волости Карлом Долгановым и доверенным его ялуторовским мещанином Самойлом Давидовым Доренским». Свидетелями, а, возможно, потерпевшими приглашались коллежский секретарь Гаврила Григорьев Козлов-Угренинов и жена его Евгения Андреева. Объявляя о торгах на отдачу в содержание почтовой гоньбы в г. Ялуторовске и округе на 1872 г., Ялуторовский окружной суд напоминает, что на торги подрядчики должны явиться с «документами о своей личности и благонадежными залогами или ручательными одобрениями».

За состоянием почтовых дорог надзирали земские чиновники. В 1863 г. начальник губернии объявил искреннюю благодарность Ялуторовскому земскому исправнику Родзянко «за

успешное исправление почтовых дорог в Ялуторовском округе».

По адресам почтовой переписки можно судить о характере экономических связей г. Ялуторовска и Ялуторовского округа с другими территориями. Если проанализировать ведомость Тобольской губернской почтовой конторы о хранящихся в ней не отосланных письмах «за неотысканием подателей и получателей», то можно узнать, куда писали жители Ялуторовска в 1862-1865 гг.: Баргузин, Червь, Усть-Сысольск, Змеиногорск, Шадринск, Бийск, Москва, Енисейск, Пермь, Воронеж, Чита, Марийск, Саратов, Сарапул, Ставрополь, Соликамск, Верхнеуральск, Омск, Слободской, Новоузень, Яранск, Барнаул, Каргино. Особенно часто в почтовой переписке встречались Енисейск, Усть-Сысольск, Змеиногорск, Чита. Некто Потап Комленко писал Афанасию Комленко в Варшаву, но письмо не нашло адресата. Примерно та же картина вырисовывается в 1867 и 1868 годах. К указанным выше городам добавляются Семипалатинск, Данков, Бобруйск, Кирсанов, Петропавловск, Невьянск, Томск, укрепление Верное, Кашира, Мезень, Владимир, Богословск, Уржум, Измаил, Глазов. С завидной регулярностью письма из Ялуторовска шли в Енисейск, Усть-Сысольск. Два письма не нашли получателя в Санкт-Петербурге. Отставной рядовой Тит Разбойников писал прошение на имя генерал-лейтенанта Броневского. Рядовой Александр Ядринцев о чем-то информировал жителя столицы Филимона Вешкурцева.

Получали жители Ялуторовска и другие почтовые отправления. Причем в них иногда находились весьма экстравагантные предметы. В 1864 г. в присутствии Тобольского губернского правления продавался с аукциона «законфискованный почтовой конторой четвертной револьвер, оказавшийся с зарядами в посылке, следовавшей из Акмолинска в Ялуторовск на имя Василия Любимова, оцененный в 10 руб. сер.». Аналогичный случай произошел в 1871 г. 24 сентября Ялуторовский окружной суд назначил торги по продаже «4-х револьверов в кожаных чушках, с сумочками и 400 боевыми патронами в металлических гильзах, законфискованных Ялуторовской почтовой конторой, при выдаче посылки, адресованной на имя купеческого брата Никиты Колмакова, оцененных в 120 руб.».

Ялуторовская почтовая контора относилась ко 2-му классу среди почтовых учреждений Западной Сибири, вместе с Кайнской, Колыванской, Марийской, Петропавловской, Ишимской. По штату ей было положено иметь: 1 почтмейстера, 1 помощника почтмейстера, 1 старшего сортировщика, 1 младшего сортировщика, 7 почтальонов. Почтмейстер относился к VIII классу, как по должности, так и по шитью мундира, имел жалование 400 рублей в год и 100 рублей столовых. Должность помощника соответствовала IX классу с жалованием 250 рублей в год и 100 рублями столовых. Старший сортировщик получал в год 200 рублей,

младший – 160, почтальон – 84. На канцелярские расходы, почтовые материалы, отопление и освещение Ялуторовской почтовой конторе ежегодно выделялось 500 рублей. И еще 400 рублей на наем домов.

Объявив подписку на 1871 г., «ТГВ» сообщают, что она производится непосредственно в редакции и во всех почтовых конторах. Газета выходит еженедельно. Подписная цена за полное годовое издание: для частных подписчиков 4 руб., с пересылкой – 4 руб. 60 коп. Извиняются публично перед жителем г. Ялуторовска Н.П. Поповым, который жаловался на несвоевременную доставку издания.

В 1872 году между Ялуторовском и Курганом «независимо хода обыкновенных почт, учрежден ход одноконных почт, которые отправляются с одною простою корреспонденцией с 6 декабря с.г. по одному разу в неделю: из Ялуторовска по средам в 9 час. утра, из Кургана – по четвергам в 11 час. утра».

Есть сведения, правда, неполные, о том, кто работал на почте в Ялуторовске в период с 1857 по 1873 гг. В 1863 г. должность почтмейстера занимал губернский секретарь Мартиниан Звездин, в 1870 г., за смертью, он исключен из списков почтового ведомства и именовался уже «бывшим ялуторовским почтмейстером». В 1863 г. приказом Главного управления почты от 16 марта помощники почтмейстеров: омского – колледжский асессор Шевелев и ялуторовского – губернский секретарь Редько перемещены один на место другого. В 1869 г. старший сортировщик колледжский регистратор Кеткович определен помощником Ялуторовского почтмейстера.

В 1871 г. Указом Правительствующего Сената от 27 августа исполняющий должность Ялуторовского уездного почтмейстера Семен Куриленко произведен в чин колледжского секретаря. Вскоре его стали преследовать неприятности по службе. В 1872 г. Тобольский губернский суд вызывал к выслушиванию решительных определений дочь титуллярного советника Александру Михайлову Ярцеву и Ялуторовского почтмейстера Стефана Алексеева Куриленко, – «по делу о взыскании первой с последнего денег 159 р.». Далее следует увольнение этого чиновника от службы по личному прошению.

В 1871-1872 гг. в Ялуторовской почтовой конторе наблюдалась кадровая чехарда. Постановлением Тобольской губернской конторы в 1871 г. в Ялуторовск на должность младшего сортировщика перемещается не имеющий чина Майзаков, сортировщик из Тюмени. Ялуторовский почтальон Павел Сверкунов стремительно пошел на повышение и сразу стал старшим сортировщиком. Младший сортировщик Оршанской уездной почтовой конторы Франц Монтянцев перемещен тем же званием в Ялуторовскую почтовую контору на место уволенного в отставку колледжского секретаря Ивана Садовского, в 1872 г. Мотянцев становится Мотянцем и становится сначала старшим сортировщиком в Ялуторовске, а через несколько ме-

сяцев его видят в Тобольске на этой же должности. А на его месте – старший сортировщик Пензенской губернской почтовой конторы Салтанов. И это еще не все. Помощник экспедитора губернской конторы Калинин, не имеющий классного чина, становится помощником Ялуторовского почтмейстера, затем исправляет обязанности почтмейстера, а вскоре его определяют приемщиком в Тюменскую почтовую контору. Младшего сортировщика Ялуторовской почтовой конторы Иванова отправляют тем же званием в Ишим, а на его место попадает сортировщик губернской конторы Игнатьев. И, наконец, помощник Ялуторовского почтмейстера Сабинин направлен Березовским почтмейстером. Не много ли кадровых перетрясок за два года?!

А тут еще скандал за скандалом, в котором замешаны чиновники Ялуторовской почтовой конторы. Ялуторовский окружной суд разыскивает почтальона Стефана Тверских, - «по делу о фальшивом рублевом кредитном билете», ялуторовского мещанина Алексея Калинина, - «по делу о покраже у Ялуторовского почтмейстера Козлова-Угрейнова (ошибка в написании фамилии. – П.Б.) разного имущества и денег», затем самого Гаврилу Козлова - Угриннова (еще раз искажена его фамилия. – П.К.), названного бывшим помощником Ялуторовского почтмейстера, - все по тому же делу. Ялуторовское полицейское управление разыскивает ялуторовскую мещанку из ссыльных Михалину Шебекову, - «по делу о воровстве денег у почтальона Рудковского», а Ялуторовский окружной суд – Степана Александрова Тверских (раньше он назван Стефаном. – П.Б.), - «по делу о самовольном увозе жены крестьянина Василья Пашкина, Натальи Ивановой, неизвестным почтальоном с помощью почтосодержателя Куликова». Фантастика! А если еще вспомнить историю, которая произошла с Куриленко, то вывод напрашивается неутешительный: Ялуторовская почтовая контора переживала не лучшие времена.

Ссылка

После восстания 1863 года, когда Польша входила в состав государства Российского на правах провинции, в Ялуторовск было направлено 108 поляков. Чтобы разместить столь значительную колонию ссыльных, власти на первых порах использовали вместительный дом купца Н.Ф. Мясникова, который постоянно не проживал в Ялуторовске, а бывал здесь наездами. В отсутствии хозяина делами миллионера управлял купец 2-й гильдии Николай Балакшин, 35 лет прослуживший у него в должности управляющего.

О пребывании поляков в Ялуторовске «Тобольские губернские ведомости» ничего не сообщали читателям, дабы не портить общественное спокойствие. Не анализировалась и ситуация, связанная с направлением в Сибирь не только политических, но и уголовных преступников. В Ялуторовске бывали периоды, ког-

да его население чуть ли не на треть состояло из ссыльных. Представляете, на каком вулкане жили его обитатели, если самый знаменитый из польских ссыльных – аристократ Готард Собаньский, чей прах сегодня покоятся на мемориальном кладбище, был убит в собственном доме грабителем?! Случилось это еще в период пребывания первой колонии ссыльных поляков в Ялуторовске, в 1841 году, когда в городе еще жили декабристы. Но и после их отъезда из Сибири в Ялуторовске мало что изменилось. Недаром его иногда даже называли городом ссыльных. Да и знаменитая Ялуторовская пересыльная тюрьма считалась местной достопримечательностью и изображалась на почтовой открытке. На новое здание уездного училища, вместо сторевшего, у казны денег не нашлось.

Информацию об этой стороне жизни Ялуторовска можно почерпнуть в коротких официальных заметках, чаще всего под рубриками «Розыск» либо «Происшествия».

1857 г. Состоящий на поселении в Ялуторовском округе политический преступник Ржановский определен в штат канцелярии Тобольского общего губернского управления канцелярским служителем 4 разряда.

1862 г. Ялуторовское городовое хозяйственное управление разыскивает ялуторовских мещан из ссыльных Ефима Добровольского, Никифора Лукьянова и др.

1862 г. Ялуторовское городовое хозяйственное управление разыскивает находящегося в неизвестной отлучке, без письменного вида, с 1859 года водворенного в Ялуторовск ссыльного Логина Милаева с 9-летним сыном Андреем.

1862 г. Ялуторовское городовое хозяйственное управление разыскивает ялуторовского мещанина из ссыльных Якова Куркина, 29 лет.

1863 г. Ялуторовский мещанин Алексей Бушуев из цыган по выданному из городового хозяйственного управления паспорту находится в отлучке, а между тем в настоящий рекрутский набор он находится под жребием.

1865 г. Ялуторовская городская полиция объявляет, что ссыльный г. Ялуторовска Алексей Лукин потерял в г. Тюмени свидетельство, выданное Ялуторовской полицией на отлучку в Тюмень сроком на 1 месяц.

1869 г. Ялуторовское окружное полицейское управление разыскивает для высылки в место причисления – деревню Кутькин Томиловской волости политического ссыльного Адама Будалевича, который в декабре 1868 г. отлучился, без письменного вида, неизвестно куда.

1869 г. Ялуторовским окружным полицейским управлением разыскиваются: ялуторовский мещанин из ссыльных Федор Федоров для высылки его в место причисления; бродяги Иван без прозвания и Яков Поляков и переселенцы Михайло Киреев и Василий Федоров; ялуторовский мещанин из ссыльных Дмитрий Полонский; поселенец Федор Малиновский.

1869 г. Ялуторовским городовым хозяйственным управлением разыскивается находящийся

в неизвестной отлучке ялуторовский мещанин из цыган Галактион Базилевич.

1870 г. Ялуторовским окружным судом разыскиваются: ялуторовские мещане из ссыльных Сергей Меньков, Михайло Кривогузов, Иван Самсонов, Михайло Волокитин, Петр Николаев, Лукьян Чегонский, крестьянин Томиловской волости Арефий Захаров, девка той же волости Василиса Шешукова, переселенка Ишимского уезда, Аромашевской волости Устинья Воронина, для объявления им решения Тобольского губернского суда по делу об ограблении у отставного рядового Насонова денег 400 р. серебром.

1870 г. Ялуторовский окружной суд разыскивает ялуторовского мещанина из ссыльных Павла Афанасьева (он же Арановский) по делу о потере им пакета с 15 рублями.

1870 г. Ялуторовское полицейское управление разыскивает поселенца Сингульской волости Сейфутина Сагитова, мещанина из ссыльных Федора Доморослова, бежавшего из-под караула Томиловского волостного правления крестьянина Черниговской губернии Козьмы Плутова (он же Огородных), подлежащего ссылке далее в Сибирь.

1871 г. Тобольск. 10 января, на городском выгоне, близ подчувашского мыса, в 8 ½ часов утра, была исполнена конфирмация командующего войсками Западного Сибирского округа над рядовым Ялуторовской уездной команды Иваном Романовым и поселенцем Аркадием Алексеевым (Метелкиным), осужденными военно-полевым судом за умышленное убийство крестьянина Желтоношкина, - к смертной казни «расстрелюнем».

1871 г. Разыскиваются: ялуторовский мещанин из ссыльных Федор Малиновский – по делу о покушении его на жизнь поселенки Устиной Ульяновой; бессрочно-отпускной рядовой Федор Осколков – по делу о покраже у конвоира Ялуторовской местной команды Никанора Чирятских арестантских документов; сосланный на житье в Ялуторовск Илья Смелков – по делу о бродяжничестве.

1871 г. Ялуторовский окружной суд разыскивает причисленного к г. Ялуторовску политического ссыльного Теосия Гижинского – по делу о фальшивом трехрублевом кредитном билете.

1871 г. Ялуторовский окружной суд разыскивает бессрочно-отпускного рядового Федора Осколкова – по делу о поправке года рождения в метрическом свидетельстве временно-отпускного рядового Стефана Кремлева.

1871 г. Ялуторовский окружной суд разыскивает: ялуторовского мещанина из ссыльных Савелия Осовского – по делу о бродяге Савелии Осовских; ялуторовского мещанина из ссыльных Никанора Болховитина – по делу о покраже разных вещей из кузницы рядового Капитона Гаусина, ялуторовскую мещанку из ссыльных Розалию Хорошевскую – для спроса по делу о растлении 8-летней мещанской дочери Рыбарской. Приметы: 21 г., росту 2 арш.3 вершка, во-

лосы темно-русые, глаза серые, лицо рябоватое, лоб небольшой.

1871 г. Ялуторовский окружной суд разыскивает: крестьянина Томиловской волости Ивана Колбина – по делу о вышедшем из его рук фальшивом рублевом кредитном билете; ялуторовского мещанина из ссыльных Алексея Лотова – по делу о найденной у него фальшивой печати; ялуторовского мещанина из ссыльных Василия Шубкина – по делу об оказавшемся у него фальшивом рублевом кредитном билете; отставного урядника Мухамедъяра Антрасакова – по делу об отобранных у него фальшивых печатях; ялуторовского мещанина из цыган Петра Бозылевича – по делу об опознанной у него крестьянином Соловьевым лошади.

1871 г. Ялуторовское полицейское управление разыскивает: ялуторовских мещан, из ссыльных, Василия Шубкина и Захара Устюженка, для объявления решения Курганского суда по делу о бродяжничестве; ялуторовскую мещанку Дарью Немцову, по делу о сомнительной лошади; ялуторовского мещанина из ссыльных Алексея Орлова – конокрадство и побег из-под караула при Архангельском волостном правлении.

1872 г. Ялуторовский окружной суд разыскивает ялуторовских мещан, из ссыльных, Александра Цобеля и Андрея Малеева – по делу о покраже разных вещей у крестьянки Мещеряковой.

1872 г. Ялуторовское полицейское управление разыскивает ялуторовского мещанина, из ссыльных, Ивана Рукавишникова, 57 лет, росту 2 арш. 4 верш., волосы темно-русые, глаза карие, лицо чистое, на левой руке нет кисти.

1872 г. Ялуторовское окружное полицейское управление разыскивает: арестанта Адриана Бердникова – по убийству в Исетском волостном правлении двух караульных; бессрочно-отпускного рядового Ялуторовской местной команды Василия Толстогузова, отлучившегося по билету от 12 августа 1870 г. за № 14396, 35 лет.

1872 г. Ялуторовский окружной суд разыскивает солдатскую жену Александру Толстогузову – по делу о покраже у инородца Сингульской волости Халита Имачикова разных вещей и денег, всего на 35 р., крестьянином Заводоуковской волости Степаном Ульяновым.

1872 г. Ялуторовский окружной суд разыскивает ялуторовского мещанина Бушуева – по делу о покраже у крестьянина Томиловской волости, д. Старый Кавдык Козьмы Воробьевы двух лошадей ялуторовскими мещанами, из ссыльных, Ефимом Барановым, Николаем Щегловым и поселенцем Федором Соловьевым.

1872 г. Ялуторовское окружное полицейское управление разыскивает бежавшего из г. Ялуторовска с городских работ арестанта Филина Цыба, 34 лет, ялуторовского мещанина из ссыльных Семена Сорочинского, 37 лет.

1873 г. В Ялуторовске 10 апреля за городовой будкой найдено мертвое тело мещанина из ссыльных Емельяна Коцеренка, умершего от

излишнего употребления вина.

1873 г. Ялуторовское окружное полицейское управление разыскивает ялуторовского мещанина из ссыльных Флориата Соколовского для объявления решения Минской соединенной палаты уголовного и гражданского суда; ялуторовского мещанина из ссыльных Василия Тройницкого – по делу о потере барабанов, 50 штук; родственников бродяги Егора Оносова, взятого в Ялуторовском округе и приговоренного судом к отдаче в арестантские роты на 4 года, 35 лет, росту 2 арш. 6 верш., волосы русые, глаза темно-серые, у левой руки указательного пальца по ногтю нет; ялуторовских мещан из ссыльных Семена Сарачинского и Ивана Иванова – для объявления им решения суда о взятии их без письменных видов.

1873 г. Ялуторовский окружной суд разыскивает отставного рядового Ялуторовской команды Тимофея Лыкова – для объявления решения Тобольского суда по делу о покраже из лавки шелковых и бархатных товаров, принадлежащей тюменской купчихе Юдиной.

1873 г. Земский заседатель 1 участка Ялуторовского округа разыскивает ялуторовского мещанина из ссыльных Николая Золотарева и его жену – по делу о переводе разными лицами краденых лошадей.

1873 г. 25 июля в Томиловской волости в полуверсте от дер. Сингульской, в караульной избушке у поскотных ворот найдено мертвое тело служившего у тех ворот караульным ялуторовского мещанина из ссыльных Федора Плотникова, 40 лет.

Вот такая хроника. Воровство. Грабежи. Сбыт фальшивых денег. Бродяжничество. Бражничество... Иногда же все заканчивалось куда более трагично.

Криминальная драма. В ночь со 2 на 3 февраля 1866 года в Тюмени произошла кровавая драма, вызвавшая большой резонанс в обществе. В питейном доме, содержателем которого был поселенец Афанасий Попов, были зверски убиты сам хозяин, жена его, крестьянин Скрыпкин и крестьянская девочка Татьяна Фотеева. Благодаря энергичным действиям тюменской полиции, убийцы были вскоре установлены и взяты под стражу. Это – крестьянин деревни Крашенининой Пятковской волости Ялуторовского округа Прокопий Бородин, тюменские мещане из ссыльных Уферс и Лоскутов, ялуторовский мещанин из ссыльных Лукин и поселенец Ялуторовского округа Иванов.

Фабула драмы подробно изложена на страницах «Тобольских губернских ведомостей». Мотив банальный – бытовуха! Крепко подвыпившая компания, жаждущая продолжить хмельное застолье, на квартире Бородина говорилась ограбить Афанасия Попова, в доме которого неоднократно бывала по пьяным делам. В питейное заведение проникли без особого труда, назвавшись рабочими купца Ядрышникова: пришли, дескать, за выпивкой. Поначалу никто об убийстве вроде бы не помышлял, хотя Бородин предусмотрительно прихватил с собой не-

большой ломик, с помощью которого всех постояльцев потом и порешили, в том числе, на всякий случай, и спящую маленькую девочку. Упавших на пол людей душили, добивали поленом, попавшим под руку. Потом выбрали из сундуков (для сбивания замков вновь пригодился окровавленный ломик) лучшие вещи и завязали их в две шали. Сняли с полки четверть бутыли и штоф вина. И отправились на квартиру Бородина продолжать кутеж. При дележе каждому досталось по 10 рублей кредитными билетами и рублей по восемь серебряною монетою. Вот и вся нажива! А в итоге – четыре человеческих жизни.

Учитывая особую жестокость при совершении преступления, убийц судили военно-полевым судом. Показательный процесс открылся 7 июня в 10 часов вечера в зале Тобольского благородного собрания. Речи и допросы закончились в 4 часа утра. В 6 часов утра оглашен приговор. Преступники приговорены по лишению всех прав к смертной казни «разстрелением». Конfirmация отослана на утверждение командующего войсками Западного Сибирского округа.

О том, какой вердикт вынес командующий округом, сообщали читающей публике «Тобольские губернские ведомости» в рубрике «Местные известия». Публичное наказание приводилось в исполнение в трех городах Тобольской губернии – Тобольске, Тюмени и Ялуторовске. Из уголовной хроники: «30 июня в 11-ть часов утра на базарной площади в Тобольске была исполнена конfirmация г. командующего войсками Западного Сибирского округа над поселенцем Ялуторовского округа Ивановым и Тюменским мещанином из ссыльных Лоскутовым, осужденным за участие в убийстве с Бородиным, Уферсом и Лукиным в Тюмени 4-х человек, Иванова к наказанию 100 ударами плетьми и ссылке в каторжную работу в рудники на 20 лет и с содержанием в отряде испытуемых 10-ть лет, а Лоскутова к ссылке в каторжную работу в рудники на 20 лет». Следующее сообщение: «В Ялуторовске 1-го августа была исполнена конfirmация г. командующего войсками Западного Сибирского округа над ялуторовским мещанином из ссыльных Лукиным, осужденным военно-полевым судом за убийство на 3 февраля сего года в г. Тюмени 4-х чел.– к смертной казни разстрелением». Аналогичная конfirmация была исполнена в Тюмени 2 августа над крестьянином Ялуторовского округа Прокопием Бородиным. Какая участь постигла еще одного подельника – Уферса, газета умалчивает. Но вряд ли по отношению к нему, одному из главных действующих лиц чудовищного преступления, подошли столь же «мягко», как к Иванову и Лоскутову, приговоренным к каторжным работам.

Правосудие свершилось. Преступление не осталось без наказания. И вроде бы можно в этом месте поставить точку. Однако есть одно немаловажное обстоятельство, на которое необходимо обратить особое внимание. В ходе

судебного процесса, исходя из сложившейся практики судопроизводства тех лет, сторона защиты постаралась в деталях показать социальное лицо тех, кто преступил закон, предлагая суду рассматривать этот фактор в качестве смягчающего аргумента. У каждого подсудимого был персональный защитник. И не какой-то юнец желторотый! К примеру, Уферса защищал советник губернского суда, кандидат права Казанского университета г.Орлов, Лукина – столоначальник губернского суда, действительный студент Казанского университета г.Пребстинг, Иванова – исправляющий должность советника губернского суда, кандидат права университета св. Владимира г.Реутский. Из выступлений защитников, которые в полном объеме публикуют «Тобольские губернские ведомости», видно, как социальная среда подталкивала людей к совершению преступления и какой «отборный» контингент ссылался в благословенную Сибирь на перевоспитание. Стоит ли удивляться, почему в некоторые исторические периоды население Ялуторовска на треть состояло из ссыльных (по большей части – уголовников), которые, не имея социальной опоры, способствовали обострению криминальной обстановки в нашем крае, добывая себе пропитание преступным путем. Сама система нередко способствовала тому, чтобы человек, оступившись единожды, больше не мог вернуться на нормальный путь.

Вот какой социальный портрет нарисовал господин Пребстинг, характеризуя своего подзащитного. Алексей Лукин. 23 года. Родился в Москве в благополучной семье. Отец его – каретный мастер. Алексей с ранних лет честно зарабатывал себе на хлеб, будучи приказчиком при каретной лавке одного из купцов. Его жалование за непродолжительное время увеличилось в три раза. Будущность улыбается Лукину. Но... Однажды Алексей с товарищами пьет в харчевне пиво. Поссорившись со знакомым крестьянином из-за женщины, хватается за нож и грозит им противнику. Уголовное дело. По приговору Московской уголовной палаты Лукин попадает в арестантские роты на 20 месяцев. После отбытия наказания общество не принимает его в свою среду. И 22-летний юноша в составе партии колодников идет в Сибирь. В конце концов, он оказался в Ялуторовске, но здесь нет работы, и Лукин отправляется в Тюмень, богатый и промышленный город. Просрочил билет, и тюменская полиция отправляет его обратно, в Ялуторовск. Но что делать в Ялуторовске? И вот он снова в Тюмени, без билета. Полиция берет его как бродягу, и он отказывается даже от своего имени, которое опротивело ему. Снова – острог. Здесь его заподозрили в краже вещей в тюремном замке и обвинили в наличии фальшивого кредитного билета. Несчастья убивают в нем последнюю надежду. По выданному ему шестимесячному билету на приискание места работы Лукин еще раз отправляется в Тюмень, где шатается по питейным заведениям. И, опустившись на самое дно жизни, соглашается на

ограбление, которое стоило ему жизни.

Вряд ли выглядит более симпатично судьба ссыльно-поселенца Ялуторовского округа Иванова, в изложении господина Реутского. Иванов родился от крепостного дворового человека в старинном барском доме. С детства – пастух. В возрасте 10 лет взят в комнаты для прислуживания помещице. Побои, наказания за малейшую провинность. Лет в 14 его назначили форейтором, на более спокойную и удобную должность. И тут в барском доме случился пожар – загорелись сенные сараи и скотные дворы. Подозрение пало на кучера, его помощника, форейтора и все их семейство. Всех их сажают в Псковский острог, наполненный сотнями арестантов разного рода. 16-летний Иванов попадает в «школу», где порок и преступление считаются геройством. Новые приятелинушили ему пагубную мысль, что есть жизнь другая, лучше жизни крепостного, - в Сибири. Он берет вину в организации поджога на себя. Его приговаривают к каторжным работам на 2 года. Когда окончился срок, Иванов поселяется в богатой Тюмени. Шесть лет был в услужении у одного и того же хозяина. Женился на дочери бедного чиновника. Жизнь, казалось бы, начинала налаживаться. Но задавила беспросветная нужда. Горькое разочарование и тоска привели его к пьянству и закономерному исходу.

В «Тобольских губернских ведомостях» за 1864 год сообщается еще об одном случае судопроизводства в царской России с применением военно-полевого суда. 10 мая 1863 года в Шатровской волости Ялуторовского округа произошел сильный пожар, уничтоживший 113 (!) обывательских домов. В умышленном поджоге был обвинен крестьянин Федот Утюнин, который, как считалось следствие, таким образом намеревался уничтожить хозяйствственные службы другого крестьянина - Бориса Собенина. По конфирмации генерал-губернатора Западной Сибири от 24 октября 1864 года по военно-судному делу о поджоге Федот Утюнин был приговорен к расстрелу. По распоряжению начальника губернии приговор приведен в исполнение в 9 часов утра 6 ноября 1864 года в Ялуторовске.

О народном здравии

В №№43-50 «ТГВ» под заголовком «Народное здравие» публикуется медицинский отчет за 1863 г. по Тюменскому и Ялуторовскому округам, составленный окружным врачом государственных имуществ Надеждинским. Не лишенный публицистического дара, медицинский чиновник дает подробнейшую картину бытующих в различных местностях болезней и причин из возникновения. Причем многие телесные недуги связывает с погодными условиями и климатом, социальными особенностями.

Вот, скажем, каким выдался 1862 год с точки зрения «атмосферических условий»: «1862-й год был замечателен во многих неблагоприятных отношениях, главные из них: половодье рек, а преимущественно – Тобола, второе холод-

ное лето, малоснежная вначале зима и не очень удачный урожай хлеба, именно потому, что во рже замечалось весьма много спорыни. Совокупность всех этих неблагоприятных условий само собой разумеется должна была вызвать реакцию в народном здравии, что и оправдалось в течение следующего 1863 г.». А отозвался он тем, что «разные болезни, особенно горячка, начали показываться еще зимой, но сначала слабо, - летом же и осенью горячки эти разыгрались и почти повсеместно».

Надо сказать, в ту пору даже официальная медицина многие болезни именовала одним термином – «горячки». Чего уж там говорить о простолюдинах, которые занимались самолечением или лечились у знахарок. Между крестьянами различалось несколько видов горячек. Легчайшую форму, это что-то вроде простудной лихорадки, они называли «повертухой». К «огневой» относят все виды тифозных форм. Другие виды горячек известны под именем «родимцев», коих, уверяют знахарки, насчитывается двенадцать. Все детские болезни, колики, водянки называли «родимцами».

Крестьянам болеть было некогда: «...в крестьянском быту болезни тяжелы не смертельностью своей, а тем, что отнимают рабочие руки. Мало того, что больные не работают, нужно еще за ними присматривать кому-нибудь из здоровых и таким образом рождается двойная убыль рук». В крестьянском быту, пишет Надеждинский, встречаются и такие картины, когда «больных запрут в избе на замок, предварительно перед каждым поставив квасу или воды и положив по куску хлеба».

Если кто-то заболевает дизентерией, то к медицине стаются не обращаться. Пройдет само собой после нескольких дней диеты. Кровавые поносы чаще всего вызваны плохой пищей. Крестьяне в страдную пору, совпадающую с постом, редко что-то варят и питаются чем попало – ягодами, первыми овощами, грибами.

О систематической медицинской помощи не могло быть и речи: «...что может сделать врач один на расстоянии около двух тысяч верст и при народонаселении около тысяч сот четырех?». Надеждинский сетует: «Конечно, если бы в ведение этим врачам было дано для каждого округа по 2 или по 3 фельдшера, само собой разумеется, сведущих и добросовестных, то давно бы многие искоренились предрассудки в народе, особенно по «оспроприеванию». Между тем при настоящих условиях врачам этим предстоят только бесчисленные разъезды из конца в конец во вверенных округах: в одном месте развелась горячка, в другом поносы, в третьем оспроприеватель затерял материю оспенную – везде нужно быть самому».

Санитарная культура тоже оставляет желать многое лучшего: «Нет никакого сомнения, что русский крестьянин живет точно так же, как он жил при Рюрике. Народ остался верен своей старине и на йоту не шагнул на пути прогресса, а тем менее еще в медицинском отношении, хотя правительство день ото дня вводит для него разные

новизны. Так сначала правительство установило преподавание краткой медицины в семинариях, ввело из среды народа оспроприивателей; но ни то, ни другое не усвоилось в быту народном. Оспопрививание сделалось народу страшным и получило название «антихристовой печати», священники, выучившись медицине в семинариях, никогда правил ее не прилагали к делу».

В народе живы предрассудки: «Вообще говоря, крестьяне обращаются к врачам только в спорадических болезнях; в повальных они очень не любят лечиться. «Божье-то вздумал лечить! Больше Бога захотел быть», говорят они обыкновенно, когда при горячке медик вздумал давать больному лекарство. Нужно много усилий, чтобы при горячках заставить больного принимать лекарство и то только между православными, - раскольник скорее язык откусит себе, чем возьмет в рот какое-то бы ни было снадобье из рук медика». И еще: «Я уже имел случай упомянуть, что крестьяне боятся всякого чиновника, а в числе других и медика; особенно резко эта боязнь замечается при повальных болезнях. Неднократно мне доводилось видеть, как от меня крестьяне прятали горячечных больных в подполья и на чердаки».

Официальная медицина упоминала на помощь церкви: «Вообще в последнее время, чтобы каким-нибудь образом облегчить подачу пособия больным крестьянам при повальных болезнях и так как болезни развились в разных местностях, то я обратился с просьбою к священникам содействовать мне и священники охотно изъявили свое согласие. Чрез это многое выигралось пользы и облегчились мои разъезды и крестьяне очень довольны своими отцами духовными, не оставляющими их своим попечением как о душе, так и о теле».

О методах лечения знахарей: «По Ялуторовскому округу есть несколько личностей, приобретших известность своей практикой между крестьянами, одни из них терапевты, другие хирурги. Между этими личностями есть мужчины и женщины, женщин даже гораздо более. Все эти лица скрываются от глаз полиции под величайшим секретом, так что неудачная даже их практика не осмеливается их выдать в руки закона. О терапевтах даже и говорить почти нечего. Лечение их всякому известно: большую частью наговоры в этих случаях составляют главное действующее средство. К наговорам присоединяются: сулена, порох, камфора, бобковая мазь (что-то вроде сала и медного купороса, продаваемого в лавках мелочников, но в аптеках отпускается под этим названием: кайяпутное масло). Эти «надобья» даются или каждому по разнь или все вместе. Кроме того употребляется еще много других из растительного царства... Каждая «бабушка-повитушка» лечит по своему, одна с молитвой, другая наговорами, третья – надобьями... И все придумывают что-нибудь особое. Например, я слышал, как одна из «бабушек» лечила «крикуну» у младенца. Для этого она больного ребенка носила 6 бань в жаркую баню, поддавала на каменку, а пятками поджаж-

ривала ребенка на жаркой каменке, приговаривая разный вздор».

Деревенские «хирурги» пошли еще дальше «терапевтов»: «...тоже самоуки и приемы их всегда варварские, бесчеловечные. Кому, например, не доводилось видеть, как ставят там банки или накидывают горшки и после перочинным и большею частью тупым ножом делают насечки, чтобы выпустить «подкожную» кровь? О акушерской хирургии нечего и говорить, эта отрасль знахарства ежедневно провожает по деревням на тот свет многое множество рожениц. Там существуют и другие отрасли хирургии. Есть артисты, которые вырезывают раковые перерождения на всех частях человеческого тела, даже на горле, вскрывают холодные нарыва колен, вырезывают пораженные костоедой кости и проч.».

Далее медик анализирует влияние почвы, климата и флоры на состояние здоровья населения. Частые и продолжительные разливы сибирских рек приводят к заболачиванию прибрежных территорий. В целом же природа благоприятствует проживанию: «...климат Ялуторовского округа считается лучшим по Тобольской губернии. По причине обилия лесов, жесткость климата смягчается и не бывает продолжительных морозов и буранов, в других же местах морозы и бураны бывают продолжительные и жестокие, несмотря на то, что места эти лежат некоторые южнее Ялуторовского округа. Так, например, Курганский округ степной, безлесистый, а потому открытый ветрам.

О болезнях домашнего скота: «Как известно, Сибирь вообще славится упадками скота. На рогатый скот здесь вообще чаще свирепствует чума, на лошадей – сибирская язва, на овец – хромота. В продолжении пятилетней моей службы в Западной Сибири не прошло года, в котором бы домашний сибирский скот отдохнул от болезней. Сибирская язва на лошадей по Тобольской губернии не так сильно свирепствует и вообще случается только в жаркие засушливые месяцы, а именно в конце июня и начале июля, да и не повсеместно, чума же рогатого скота ежегодно по Тобольской губернии уносит десятки (если не сотни) тысяч голов, несмотря на строжайшие предписания о принятии мер самых деятельных и действительных к прекращению упадков, предписаний ежемесячно повторяемых от высших властей к низшим и от врачебной управы к врачам и ветеринарам, несмотря на траты казенных прогонных и суточных, командируемых для прекращения упадков почти ежегодно».

Г-н Надеждинский ничего не пишет о смертности населения в связи с неудовлетворительным состоянием медицинского обслуживания. Этот пробел восполняют те же статистические сведения по Тобольской губернии за 1861 год. В Ялуторовском округе на этот период была самая высокая рождаемость среди территорий губернии – почти 6% на все население, или 1:18 к числу жителей, здесь же, как ни парадоксально, отмечена и самая высокая смертность: умирал 1 из 22 жителей. Впрочем, никакого противоречия

тут нет, поскольку среди всех возрастных категорий больше всех умирало детей до года. Вот и получалось: чем больше рождалось, тем больше и уходило в мир иной.

Врачевание в XIX веке можно приравнять к подвижничеству. У нас есть возможность назвать имена тех, кто входил в эту славную когорту в обозреваемый период. В 1857 году батальонный лекарь Мингрельского grenadierского полка Рогожников переведен исправляющим должность городового врача в Ялуторовск. В последующие годы городское население лечили Матвеев, коллежский асессор Вакулинский, вольнопрактикующий лекарь Петр Кочерга (позднее тюменский городовой врач), Ольгияти, березовский лекарь Кудрявцев, впоследствии из Ялуторовска переведенный в Пельмь. Сведения отрывочные, почерпнутые из официальной хроники в «ТГВ». Больше других известно об Ольгияти, хотя даже имени его не называлось в газете. В Ялуторовск городовым врачом по линии министерства внутренних дел он был перемещен в 1867 году с должности врача Курганского и Ишимского округов. В 1869 г. Указом сената за выслугу лет Ольгияти произведен в чин коллежского асессора. Очевидно, каким-то образом он был связан с Санкт-Петербургом, поскольку в 1870 г. приказом генерал-губернатора Западной Сибири был уволен в отпуск на 4 месяца с сохранением жалованья. Приказом по министерству внутренних дел он уволен с должности городового врача в Ялуторовске с 15 ноября 1871 года. Известно также, что генерал-губернатор Западной Сибири объявил Ольгияти благодарность. В официальном разделе также прошло сообщение, что 21 января 1872 года Государь Император утвердил Ольгияти, ялуторовского городового врача (?), в звании директора Ялуторовского попечительского о тюрьмах комитета вместе с командиром местной команды штабс-капитаном Меньщиковым. Позднее прошло сообщение о враче, надворном советнике Николае Ольгияти, работавшем в Ирбите, а потом – в Кургане. Скорее всего, речь идет об одном и том же человеке с редкой для наших мест фамилией.

Дважды в газетных сообщениях всплывает еще один персонаж, имеющий непосредственное отношение к «народному здравию». Со 2 октября 1869 г. ялуторовская повивальная бабка Брехова приказом генерал-губернатора Западной Сибири уволена в отпуск на 2 месяца с сохранением жалованья в города Курган и Тюмень, губерния Московскую и Санкт-Петербургскую. А в 1873 года она же приказом по министерству внутренних дел переведена в Туринск, а на ее место определена туринская повивальная бабка Покребышева.

Должность Ялуторовского окружного врача в этот период занимали коллежский асессор Вакулинский (после выхода в отставку ему дозволено носить мундир, присвоенный после занимаемой должности), Матвеев, известный нам Надеждинский, старший лекарь 10 Туркестанского линейного батальона, коллежский асессор Губанов.

И еще одна информация, касающаяся городского здравоохранения. 10 ноября 1872 года были объявлены торги на поставку припасов для Ялуторовской градской больницы на 1873 год. Пример для сегодняшних чиновников, которые конкурсы, тендера проводят в середине отчетного года, а потом разводят руками: дескать, бинтов в больнице нет!

Разное

В этом разделе – различные занимательные случаи, происшествия, пожары, наводнения, состояние посевов в Ялуторовском округе, климатические метаморфозы, по сообщениям, опубликованным в «Тобольских губернских ведомостях» (1857-1873 гг.).

1857 г. У отставного унтер-офицера Василия Лыкова украдены знаки отличия.

1859 г. 8 апреля затопило низменную часть Кургана и почтовый тракт на Ялуторовск. В Ялуторовске Тоболом затоплены окрестности города, а 16 апреля вода залила 2 улицы и окружила 83 дома.

1859 г. 31 января Николай Абрамов пишет в «ТГВ» из Семипалатинска о Симеоне, пятом архиепископе Сибирском и Тобольском. И здесь же: «В 1659 году, по распоряжению Тюменского Воеводы Федора Веригина, основан Ялуторовский острог, на левом берегу реки Тобола. Вскоре построена там церковь во имя Сретения Господня».

1859 г. В 1762 г. Тобольскому Знаменскому монастырю в Ялуторовском дистрикте в 289 верстах от Тобольска вверх по Тоболу принадлежала вотчина Николаевская с двумя деревнями. В них душ: в с. Николаевском – 159, в д. Кокуйской – 89, в. д. Шашевой – 116. С них брали в пользу монастыря каждый пятый сноп.

1862 г. Объявление: «Крестьянин Ялуторовского округа И.Ф. Бархатов извещает о том, что изобрел стеклянную изморозь, заменяющую обои (25 руб. за 1 пуд). Употреблять при белении комнаты с известью и при оштукатурке».

1862 г. Ялуторовский земский суд разыскивает печать ялуторовского земского исправника, потерянную занимающимся у него письмоводством крестьянином Толстых».

1863 г. Ялуторовский земский суд объявляет, что крестьянин Ингалинской волости Путиловского выселка Петр Савин Зуев, отправляясь в дачи свои за жердями, нашел 6 новых тулузов из ордынских овчин разных шерстей.

1863 г. Ялуторовский земский суд объявляет, что у священника села Мокроусовского Матвея Иванецкого украдены три лошади.

1863 г. Вдова коллежского секретаря Серафима Кругляшова продала недвижимое имени на реке Гузеевке (?) Томиловской волости (земля, леса, поля) коллежской асессорше Елизавете Загибаловой.

1863 г. Ялуторовский земский суд объявляет, что кандидат Сингульской волости Шаширов и исправляющий должность волостного писаря Хевролин, в конце июля возвращаясь из Ялуторовска, потеряли завязанный в платке кузовок, в

коем были вещи: сюртук из темно-зеленого сукна, в кармане которого находились 3 трехрублевых кредитных билета и шелковый шейный платок; книга волостного правления, для записи цен на хлеб и фураж; две печати, одна на имя волостного правления, другая – на имя 1-го кандидата волостного головы.

1863 г. Ялуторовский земский суд объявляет, что у отставного рядового Василия Ухолова отобрана неизвестно кому принадлежащая лошадь (мерин сивый), а у сельского старосты дер. Хохловой Томиловской волости Ульяна Мясникова украдена его должностная печать.

1863 г. Ялуторовский земский суд считает недействительным потерянный билет бессрочно-отпускного рядового сибирского линейного №1 батальона Ивана Максимова Собенина.

1864 г. 17 апреля на правом берегу Малого Тобола найдено мертвое тело.

1864 г. Ялуторовский окружной суд вызывает наследников умершего неизвестного человека, называвшегося Пермской губернией, Кунгурского уезда, Березовской волости Иваном Горшилиным, к получению оставшегося от него имения: лошади – мерина бурого, синегривого, кошевы рогожной, с подрезами, телеги с окованными колесами, хомута с ременными гужами и шлеей. Далее идет длинный список вещей. В конце – «молотка железного и плички деревянной».

1864 г. В Москве прошла Всероссийская выставка сельских произведений. В числе экспонентов, заявленных Тобольской губернией, были также жители южных волостей Ялуторовского округа: Прокопий Безсонов, Григорий Собенин, крестьянская дочь Марья Галанина – Шатровская волость, Иван Пономарев, Ансины Пономарева, крестьянская дочь Федосья Кузьминых, 2-й гильдии купец Дмитрий Ваганов, с женой и сестрой – от Саламатовской волости, купеческие дети Колмаковы, крестьянка Степанида Тюленева – от Кизакской волости. Всем им присуждены бронзовые медали. Серебренные медали и премии присуждены крестьянам Курганского округа: А. Тюменцеву – за корову русской породы по кличке Машка, С. Тюменцеву – за корову русской породы по кличке Акулька. Многие экспоненты получили похвальные листы от Императорского Московского общества сельского хозяйства и признательность за пожертвование произведений в музей общества. Похвальные листы общества присуждались за зерновые хлеба, кожевенные и юфтеевые товары, коровье масло, лен, холст, полотенца, брань, скатерти, ковры, сапоги, сита из женского, конского и коровьего волоса.

1865 г. Ялуторовский мещанин из цыган Алексей Бушуев объявил Исетскому волостному правлению, что у него 3 июня во время сна на улице из бокового кармана куртки выкрадены 2 годовых паспорта на его имя и имя его отца, Петра, выданные Ялуторовским городовым хозяйственным управлением.

1865 г. Ялуторовский земский суд объявляет, что отставной рядовой Калина Беклемишев потерял свой паспорт об отставке.

1866 г. Местные известия. Ялуторовск. В Ялуторовском округе реки Тобол и Исеть с 20 апреля начали значительно прибывать и в настоящее время до того разлились, что сообщение из Ялуторовска по Московскому тракту до Заводоуковского селения производится от деревни Памятной (в 4-х верстах от Ялуторовска) до деревни Крестов (в 2-х верстах от Заводоуковского села) на паромах и лодках по Тоболу, на протяжении, если считать извилины Тобола, около 25 верст. Дорогу между этой станцией, уложенную гатью, во многих местах совершенно испортило. Вода продолжает прибывать. В Кургане снесло городовой мост.

1866 г. Ялуторовский земский суд объявляет о кражах в Ялуторовском округе. В Сингульской волости у крестьянина Пермской губернии, Камышловского уезда, Чупинской волости Моисея Осипова Юдина при следовании его с товаром пермского купца Каменского в г. Томск на 7-й версте от Ялуторовска (на сланях) ночью на 25 января украдена из обоза принадлежащая ему лошадь с двумя коробами плиса. У крестьянина д. Кулаковой Троицкой волости Тюменского уезда Максима Кузьмина Кулакова, когда он, возвращаясь домой с заработка в Ишимском округе, заночевал в юртах зимне-Сингульских 7 марта у татарина С. Алеева, украли ящик с вещами и деньгами.

1867 г. Ялуторовский земский суд вызывает хозяев к получению найденных в Ермутлинской волости медного шестиствольного револьвера, один из стволов коего поврежден, и медного желтого полуведерного самовара.

1867 г. Ялуторовский земский суд объявляет, что отставной рядовой Евдоким Иванов Бердюгин потерял свой указ об отставке, выданный ему в 1860 г.

1867 г. 2 января в г. Ялуторовске в гостинице мещанина Кирилла Уздерина вечером был ограблен ялуторовский мещанин Евграф Овсядовский, у которого из кармана вытащено 168 р. и снято пальто, а сам же Овсядовский избит.

1867 г. Начальник губернии объявляет благодарность крестьянину Томиловской волости, деревни Каньга Афанасию Шульгину за спасение 2 ноября 6-х крестьянских детей, не старше 10 лет от роду, которые, играя на льду речки Каньги, от проломившегося под ними льда начали тонуть.

1867 г. 10 июня крестьянский мальчик Василий Слободчиков, 5 лет, купаясь в о. Бабановском, утонул.

1867 г. 20 октября от неизвестной причины произошел пожар в мукомольной мельнице, принадлежащей Падунскому заводу Поклевского-Козелл, которая сгорела до основания вместе с зерновым хлебом до 600 пудов. Мельница была застрахована в Российском от огня обществе «Саламандра» на сумму 429 рублей.

1868 г. Генерал-губернатор Западной Сибири объявляет благодарность крестьянину Томиловской волости, деревни Каньги Афанасию Шульгину за спасение тонувших крестьянских детей с награждением 10-ю рублями из эстраординарных сумм.

1868 г. Градобитие. 30 мая в Ялуторовске был

град величиной с вологодский орех, которым в зданиях города выбито до 800 стекол. Убытку нанесено до 200 рублей.

1868 г. Тобольское губернское правление разыскивает имение умершего бывшего бухгалтера Ялуторовского окружного казначейства, коллежского секретаря Василя Фармаковского, который при назначении в 1860 году на эту должность получил из казны вперед жалованье 65 р. 49 ½ к. и не успел восполнить.

1868 г. Курганский земский суд объявляет, что проживающий в г. кургане уволенный от службы из Ялуторовского духовного правления канцелярский служитель Илья Кыштымов потерял свой указ об отставке.

1868 г. Ялуторовское окружное полицейское управление публикует, что рядовой Александр Иванов Завьялов потерял свой билет на желтой бумаге, выданный ему из 68-го лейб пехотного Бородинского полка.

1869 г. Состояние хлебов. В Ялуторовском округе при посеве яровых хлебов погода стояла благоприятная, но семян было везде (28 волостей) недостаточно, а в двух иногородних волостях – Асланинской и Сингульской – весьма мало. Плата рабочему в день в среднем была 15 коп. женщине и 20 коп. – мужчине. Озимые хлеба удовлетворительны и обещают урожай. Цены на жизненные потребности и главнейшие предметы потребления в июне в Ялуторовском округе: пшеницы четверть весом 8 пудов – 4 р., пшеничная мука за четверть в 7 пулов и 10 фунтов – 4 р. 80 коп., соль – 58 коп за пуд, хлебное пиво – 3 р. 20 коп. за ведро, дрова березовые – 1 р. 50 к., осиновые – 1 р. 30 к. за сажень.

1870 г. О повреждении телеграфа. В сентябре от почтовой станции Успенской к Туголымской умышленно повреждена телеграфная линия: похищены провода в нескольких местах. 19 сентября на 46 версте между столбами №№ 284 и 285 похищено со столбов 5 фунтов проволоки, 25-го на 10-й версте между столбами №№ 207, 208, 209 – 80 саж. проволоки.

1870 г. Ялуторовское окружное полицейское управление вызывает хозяев к получению вещей, отобранных у солдата Черкашенина и крестьян Ивана Устюгова и Ивана Комлева, как не принадлежащих им: двухствольного пистолета и кожаных сапог.

1870 г. Пожары. 20 сентября у ялуторовского 2-й гильдии купца Михаила Ильиных сгорело 380 копен сена, сложенного в загороде близ дома, на 133 р. Причина пожара неизвестна. 18 октября у мещанина Василия и крестьянина Михаила Семеновых сгорели по неизвестной причине надворные строения. Убыток – 822 р. 35 к. 27 октября в пристройках мещанина Загурского неизвестно от чего произошел пожар: сгорели до основания постройки и хранящийся в них товар крестьянина Тюменского округа Андрея Григорьева, на 4297 р. 30 к. 28 октября в доме надворного советника Попова от неосторожного курения табака крестьянином Елисеем Кабановым произошел пожар, от которого сгорели надворные строения при доме. Убытку нанесено на

1500 рублей.

1872 г. В деревне Могильной Томиловской волости, во время грозы, крестьянская жена Серафима Макарова, 25 лет, убита молнией.

1872 г. Засвидетельствованы духовные завещания: отставного унтер-офицера Андрея Знаменщикова на оставленное им движимое и недвижимое имение и капитал на сумму 342 р. в пользу солдатской жены Авдотьи Семейкиной, родного сына Дмитрия, снохи Анны, внука Лаврентия и жены его, а также градо-Ялуторовской Сретенской церкви, Вознесенской, Тюменской единоверческой и Тюменской церковной церквей; отставного фельдфебеля егерского князя Кутузова Смоленского полка Ивана Мореева на оставленное им в пользу градо-Ялуторовской Вознесенской церкви движимое и недвижимое имение на 150 р.

1872 г. Объявление: «Имея намерение, в продолжительном времени, отправиться из пределов Тобольской губернии в Иерусалим, для поклонения Гробу Господня, мы, согласно 436 ст. уст. о пасп. св. зак. т. XIV, объявляем об этом во всеобщее сведение. Крестьяне тобольской губернии, Ялуторовского округа, Заводоуковской волости Федор Костарев и Курганского округа, Мостовской волости Степан Бояркин».

1872 г. Погода. В Ялуторовском округе, по сведениям, полученным Тобольским статистическим комитетом на 25 августа, погода при уборке сена была сухая и благоприятная. Урожай трав был хороший, так что для продовольствия скота местным жителям достаточно и даже с излишком. Урожай озимых хлебов был удовлетвори-

тельный, и хлеба этого рода почти все поспели к жатве; яровые же не все, но обещают хороший урожай, кроме тех, которые от сильных дождей и ветров приклонились сильно к земле и в коих зерно вследствие этого будет не полно.

1873 г. Засвидетельствовано духовное завещание ялуторовской мещанской девицы Агапии Накаряковой на оставленное ею в пользу бессрочно-отпускного унтер-офицера Анисима Коренева и ялуторовских церквей Сретенской, Вознесенской, вновь строящейся кладбищенской и тюремной и церквей села Бердюгинского и Романовского движимое и недвижимое имение, на 70 рублей.

1873 г. 14 мая в деревне Коктюльской Томиловской волости крестьянский сын Петр Парфенов, 8 лет, при переходе по перекладам через речку Уварыш, упал в воду и утонул.

1873 г. 3 июня в деревне Чукреевой Томиловской волости крестьянский сын Алексей Мерзляков, вследствие неосторожного обращения с заряженным ружьем, нечаянно выстрелил и ранил крестьянскую девицу Кичигину.

1873 г. 12 июня в Ялуторовске от неосторожности сгорел дом с пристройками и частью имущества крестьянина Алексея Остякова, убыток – 1401 рубль.

1873 г. Ялуторовское окружное полицейское управление вызывает хозяев к найденному 10 февраля ситцу, в количестве 3 кусков (218 ар.) крестьянином Томиловской волости Семеном Прудавым, на дороге около дер. Пономаревой и в оной.

**Лидия ПЛОСКОВА,
ветеран музеиного дела (г.Ялуторовск)**

Документы из семейного архива Коломенцевых

Документы и фотографии, которые бережно хранит семья Коломенцевых*, позволяют заглянуть в прошлое нашего города. Неподдельный интерес вызывает свидетельство об успешном окончании курса в Вознесенской одноклассной церковно-приходской школе, выданное 30 июня 1912 года дочери крестьянина Анне Николаевне Никитиной, родившейся 3 февраля 1899 года. Документ заверен подписями священнослужителя С.Виноградова и протоиерея Машанова (?) Нашлась и фотография ученицы, правда уже повзрослевшей.

Второй интересный документ – похвальный лист, выданный испытательной комиссией при Вознесенской церковно-приходской школе Анне Никитиной 8 мая 1912 года за весьма хорошие успехи. Членами комиссии, председателем которой был священнослужитель С.Виноградов, состояли протоиерей М.Вишневский, учительница А.Бирюкова, учительница пения А.Вишневская. Несомненно,

эти документы интересны для изучения истории образования в городе. Да и «возраст» их немалый - 100 лет.

Фотография Татьяны Томиловой связана с событиями первой мировой войны. Датирована 4 января 1918 года. К сожалению, больше ничего неизвестно об этом человеке, в одежде сестры милосердия.

Глава семьи, Василий Александрович, оставил заметный след в истории Ялуторовска. Родился он в 1893 году в с. Мокроусовском Ялуторовского уезда в семье мещан. Окончил полный курс Ялуторовского городского четырехклассного училища (так он пишет в автобиографии). В 1910 году умерли его родители. В октябре этого же года Василий Коломенцев поступает в Шатровское почтово-телеграфное училище, где получает специальность чиновника 6 разряда. В январе 1912 года поступает на службу в штат Челябинской почтово-телеграфной конторы. Затем переводится в Шумиху Оренбургской губернии.

*Фото из семейного архива Коломенцевых на 3 странице обложки.

В 1914 году служит в Абатском почтово-телеграфном отделении. В 1915 году новое назначение - начальником почтово-телефонной конторы в Тополевый Мыс Семипалатинской области. С декабря 1918 года служит в Ялуторовской конторе. В августе 1919 года контора была эвакуирована в г. Тайга. Возвратился он в 1920 году, работал некоторое время заведующим канцелярией. В 1925 году его назначают заведующим Ялуторовским отделением связи. В 1929 году, как опытного работника, имеющего специальное образование, направляют в командировку для организации Ново-Зимской райконторы связи. В годы войны он вновь возглавлял Ялуторовскую контору и был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Был он человеком деятельным, многим интересовался. В доме всегда было много книг. Любил цветы, и в большом количестве выращивал на своем участке. Яблони, посаженные им, до сих пор плодоносят. Интересовала Василия Александровича и история города. Его имя упоминается в документах к проекту реставрации памятника-надгробия декабриста А.В. Ентальцева. Как известно, А.В. Ентальцев скончался в Ялуторовске 27 января 1845 года и был похоронен на городском кладбище. В том же году по заказу М.И. Муравьева – Апостола было сделано надгробие. Оно представляло собой ограду из пяти чугунных столбиков и литой чугунной решетки, кирпичного постамента с чугунной плитой и надгробной надписью. Об этой оградке упоминалось в журнале «Ермак» за 1919 год. Но в последующие годы могила была утрачена. В 1953 году директор музея Иван Степанович Терентьев решил восстановить надгробие. Именно Василий Александрович показал место захоронения декабриста. При снятии верхнего слоя земли примерно на 20-30 сантиметров были обнаружены кирпичные столбы фундаментов, на которых были установлены чугунные столбики, кирпичи от разрушенного постамента и детали чугунной оградки. К сожалению, это были небольшие фрагменты, по которым восстановить весь комплекс было невозможно. Но надгробие было восстановлено.

Война своим черным крылом коснулось и семьи Коломенцевых. В семье росли четверо детей - три девочки и сын Евгений. Старшая дочь Тамара работала в радиоузле Ялуторовской конторы связи. Именно она первая в городе приняла сообщение об окончании войны. Василий Александрович, как специалист, имел броню. А вот сын Евгений был призван в действующую армию в августе 1942 года. Ему едва исполнилось 18 лет. В ноябре 1941 года он поступил в цех деревообработки Ялуторовского лесозавода сколотчиком. Работал там до призыва. В семейном архиве сохранилась его расчетная книжка.

Записи характерны для того времени. Начисление зарплаты, заем, фонд обороны, лотерея. И каждый месяц сверхурочные. Последняя запись: «Долгов нет».

Евгений Коломенцев не успел написать родным ни одного письма. Весной 1943 пришла похоронка. Позвонили из военкомата. Отец ушел и долго не возвращался. До самого вечера ходил по городу. Трудно было сообщать родным эту горькую весть. Через много лет Василий Александрович узнал о том, как погиб его сын. От фронтовика, воевавшего вместе с ним. Это случилось под Ленинградом. Женя вызвался восстановить нарушенную связь через реку. Вот там и получил он тяжелое ранение, от пули снайпера, и скончался в госпитале. Долгие годы отец пытался найти место, где был похоронен сын, но все безуспешно. Вечочка с той войны пришла уже в XXI веке. Получила ее младшая сестра, Валерия. Копия фотографии обелиска и точное место захоронения. Так ей хотелось туда поехать, сердцем рвалась, но увы... годы.

Василий Александрович был еще и фотографом. Много городских событий запечатлено им. Но одна фотографии зацепила особенно. Это снимок 22 июня 1941 года. Фотографировал он со всем известного балкона здания почты, что на углу улиц Ленина-Первомайской.

Документы - немые свидетели истории, а как громко слышен их голос. Сколько судеб и событий переплелось в этих свидетельствах эпохи.

Анатолий МЯСНИКОВ,
заведующий отделом информации
АНО ИИЦ «Ялуторовская жизнь»

Ялуторовский след Распутина

Личность Григория Распутина привлекала и продолжает привлекать мировое сообщество. Уже то, что интерес к этой исторической персоне не ослабевает, говорит о ее неординарности. Вот почему информация о пребывании Г. Распутина в Ялуторовске не обошла наше внимание.¹ Автор, журналист Н. Ермилов (в 60-70-е годы работавший редактором местной газеты), опубликовал заметку об этом событии, озагла-

вив ее в духе времени – «Гришка Распутин в Ялуторовске?». За основу информации он взял вышедшую в «Книжной палате» книгу «Святой чёрт», или Тайна Григория Распутина, в которой приведены выписки из данных наружного наблюдения охранного отделения за 1915 год.² Сегодня эти тексты широко известны. Но насколько они достоверны? Всё же полагаем, что фактура событий, перемещений, встреч Распу-

тина имели место быть.

Приведём несколько выдержек, чтобы воти в курс дела:

«11 июля. К Распутину из Ялуторовска приехала Патушинская, жена офицера. Минут через 10 вышли из дома Соловьев и Патушинская, обхватив Распутина с обеих сторон, а он их, причём Патушинскую взял рукою за нижнюю часть туловища. В продолжение дня играли на граммофоне, и он был очень весел, пил вино и пиво».

«13 июля. Патушинская уехала в Ялуторовск по вызову мужа, причем при отъезде целовала Распутина в губы, нос, щеки, бороду и руки со сладострастием».

«21 июля. Распутин, Добровольский с женой, дьякон Ермолов с женой и две дочери Распутина на пароходе отправились до Тюмени, а оттуда в Ялуторовск к Патушинским».

«22 июля. В Ялуторовске на вокзал приехала встречать Патушинская на паре собственных лошадей, посадила с собой Распутина, а остальные расселись на извозчиках и отправились на квартиру к Патушинским, где их встретил сам Патушинский. В 8 часов вечера Патушинская, Добровольский с женой и дочери Распутина гуляли по улицам. Около 10 часов вечера Распутин выпрыгнул в окно (по-видимому, это было заранее условлено) на двор на террасу, а Патушинская вышла в заднюю дверь и затем через окно на двор и в тот же момент подала рукой знак Распутину и вместе удалились в темноту».

«23 июля. В 12 часов дня Распутин с дочерьми и Патушинской пошли в лес за городом, но через полчаса вернулись. Дочери зашли в дом, а Распутин с Патушинской пошли в нежилой дом в саду и через 20 минут оттуда вернулись. По словам прислуги Патушинских, в этом доме когда-то жили князья-декабристы».

Кто же такие Патушинские, которые запросто приезжали к Распутину в Покровское и которых он неоднократно навещал в Ялуторовске? Эта фамилия не раз звучит в донесениях жандармов, то упоминается офицер Григорий Патушинский, то его жена Елена. Читаем донесение жандармов:

«Григорий Иннокентьевич Патушинский, около 30 лет, из мещан, православный, кончил курс Иркутского юнкерского училища, с начала 1914 года городской нотариус. При мобилизации был призван из запаса на военную служ-

бу, контора нотариуса оставлена за ним. Оставлен в Ялуторовске телеграммой Главного штаба при уездном воинском начальнике. До вступления в должность проходил воинскую службу в 42-м Сибирском стрелковом полку».

Любопытную характеристику Патушинским даёт ротмистр Калмыков, помощник начальника Тобольского губернского жандармского управления Добродеева в своём донесении под грифом «совершенно секретно»: «По полученным мною сведениям от лица, указанного в предписании, видно, что Патушинский человек очень воспитанный, корректный и выдержан; что касается его политических взглядов, то он их не высказывает, по-видимому, «политикой» интересуется мало. Отличаясь слабовольным характером, Патушинский находится под влиянием своей супруги, которая и старается использовать своё знакомство с Григорием Распутиным для выдвижения супруга по службе; её же старанием Патушинский оставлен в Ялуторовске после призыва по мобилизации, и, как слышно, Распутин будто бы обещал выдвинуть Патушинского даже на пост губернатора».

О достаточно близких отношениях этого семейства с Распутиным свидетельствуют телеграммы последнего в адрес царской семьи. Так, после покушения в Покровском Распутин 6 июля 1914 года шлёт из Тюмени телеграмму царствующим особам: «...Вокруг меня близкие много слез пролили. Ялуторовские все со мной». Мы предполагаем, что в Петербурге знают об особых отношениях Распутина с Патушинскими и другими жителями Ялуторовска. То, что «ялуторовские» в этот момент вместе с Григорием Распутиным, подтверждают воспоминания известного тюменского доктора, Заслуженного врача РСФСР, Почётного гражданина Тюмени С. И. Карнацевича. В 1914 году он практиковал в хирургическом отделении Тюменской городской больницы, куда после ранения доставили Распутина. В областной газете «Тюменская правда» С. И. Карнацевич делится воспоминаниями: «...мы с доктором Владимировым в коридоре хирургического отделения моем руки, готовимся к операции. В этот момент из палаты «старца» выбегает со смехом молодая полураздетая женщина (как оказалось, одна из поклонниц Распутина, жена нотариуса города Ялуторовска). Доктор Владимиров начал ей выговаривать: «Как вам не стыдно! Ведь вы находитесь в лечебном учрежде-

Тот самый дом, в котором останавливался Г. Распутин. 2010 г.

нии!».³

О. А. Платонов в своей книге «Жизнь за царя» воспроизводит две телеграммы, отправленные царской семьей из Ялуторовска Григорием Распутиным.⁴ Одна от 1914 года: «Милый, не скорби, от их лукавых хитростей. Бог мудрый через крест показывает славу, сим крестом победивши. То время настанет. С нами Бог, убоятся враги». Другая отправлена 20 июля 1916 года: «Илья пророк подобен нам по доброте своей пылал огненно Господу, Власть дана ему от Бога укротить дождь, дать засуху, язычникам показать славу. А ныне по молитвам его даст нам».

Говорят о теплых отношениях Григория Распутина с семейством Патушинских и воспо-минания Аграфены Семеновны Ванновской, которые приводит в своей статье в «Тюменской правде» журналист П. К. Белоглазов.⁵ А. С. Ванновская – жена ссыльного революционера В. А. Ванновского, одного из основателей Московского союза борьбы за освобождение рабочего класса, делегата I съезда РСДРП, отбывавшего в 1907 году ссылку в Ялуторовске и снимавшего квартиру в доме нотариуса Патушинского. Женщина утверждает, что Елена Патушинская одно время даже исполняла обязанности личного секретаря Григория Распутина и сообщала её мужу подробности переписки Распутина с Государем, а Ванновский информировал об этом членов Государственной Думы.

Впоследствии нотариус Патушинский застрелился, история умалчивает о причинах этого, можно только предполагать, что в основе – отношения жены с Распутиным, ставшие предметом пересудов и сплетен.

Но где же этот дом, где жила семья офицера Патушинского и где бывал Григорий Распутин? Краеведческий поиск свёл автора этих строк с ялуторовчанином Юрием Михайловичем Ржаниковым. Человеком небезынтересным, увлекающимся краеведением, историей России. Наша примечательная беседа состоялась в середине девяностых годов. Под большим секретом Юрий Михайлович поведал, что в доме, где он сейчас проживает, гостили Григорий Распутин. А дом практически до самой революции 1917 года принадлежал нотариусу Патушинскому. Особняк этот стоит на углу нынешних улиц

Якушкина и Первомайской, бывшей Вознесенской. Вознесенская в давние времена являлась главной улицей города. На ней располагались храмы Ялуторовска – Вознесенская церковь, Сретенский собор, стояли дома купцов, промышленников, зажиточных мещан. На Вознесенской жила семья Мамонтовых, в которой в 1841 году родился будущий великий русский меценат и промышленник.

Дом двухэтажный, высокий, не лишен изящества, с красивыми наличниками, обшит тёсом с фигурной отделкой. И хотя нынешними жильцами он оставлен без внимания (не видно следов хотя бы текущего ремонта), внутри угадывается былая солидность: на второй этаж ведёт добротная лестница, перила с точёными балясинами, в комнатах высокие потолки, латунные дверные ручки. К сожалению, не сохранилось парадное крыльцо и веранда (терраса) с северной стороны дома, об их былом наличии свидетельствуют оставшиеся на обшиве следы, а также фотографии, выполненные в середине пятидесятых годов 20 века.

О том, что в этом доме бывал Распутин, что здесь жили Патушинские, Юрий

Михайлович знает от своей мамы Полины Петровны и её сестры Анны. Мать Юрия Михайловича по-селилась в этом доме в середине двадцатых годов, и была первой жиличкой при новой власти. А сразу после установления Советской власти в Ялуторовске, по её рассказам, прежних жильцов расселили, а в доме устроили какую-то больничку. От тех времён в доме оставались лишь Павла Петровна Турнаева и её сестра Анна. На тот момент, когда Юрий Михайлович помнит себя, Турнаева была самой старой по возрасту обитательницей дома. Она часто гостила в квартире у Ржаниковых, общалась с его матерью. И, как понимает Юрий Михайлович, именно Павла Турнаева была в услужении у Патушинских, разговоры об этом он слышал в детстве. А дом полностью принадлежал Патушинским. Все годы до своей смерти Павла Турнаева жила в одной из квартир первого этажа.

О пребывании в их доме Распутина Юрий Ржаников в детские годы слышал в разговорах матери и с другой соседкой - Елизаветой Медведевой.

Дом на углу Вознесенской очень уж любо-

Фото на память.

В первом ряду (слева направо) – Павла Петровна Турнаева, Варвара Петровна Ржаникова, Елизавета Николаевна Медведева. Во втором ряду – Елена Николаевна Преображенская (слева), Юрий Михайлович Ржаников, Анна Ивановна Лизуткина. 1953 г.

пытен. Одно время, уже в советский период, здесь жили актрисы Ялуторовского професионального колхозно-совхозного театра Вера Андриевская и Наталья Волконская-Гольинская, врач-микробиолог Анна Лизуткина, врач-эпидемиолог, профессор Елена Преображенская, отсидевшая в лагерях по 58 статье и сосланная на поселение в Ялуторовск. Случайно ли, что её подселили в квартиру к Павле Турнавой?

Но вернёмся к данным наружного наблюдения полицейских чинов: ...«Распутин с Патушинской пошли в нежилой дом в саду и через двадцать минут оттуда вернулись. По словам прислуги Патушинских, в том доме когда-то жили князья-декабристы».

Какой это дом? Научный сотрудник Ялуторовского музеиного комплекса А. Болотова в газете «Ялуторовская жизнь» проводит мысль о том, что Распутин с Патушинской зашли в дом Матвея Муравьёва-Апостола, где сейчас располагается музей.⁶ Это не так. Дом декабриста Муравьёва-Апостола никогда не пустовал, там всегда жили люди. К тому же он находится на другой улице. А в донесении всё предельно ясно - дочери Распутина зашли в дом (дом Патушинских), а сам он с подругой удалился в сад, в нежилой дом декабристов. Следовательно, речь идёт о доме, находившемся по соседству. И такой дом здесь ранее был!

Автору работы вспоминается встреча с одной пожилой женщиной, приехавшей в музей декабристов с экскурсией из Тюмени. Она, обратив моё внимание на старинную фотографию, на которой был изображён двухэтажный деревянный особняк с колоннами, и имелась надпись «Дом декабристов», воскликнула: «А я знаю этот дом!» И рассказала, что она родилась в Ялуторовске ещё до революции, и в детские годы с детворой часто бегала в этот дом, который их родители называли «театр декабристов». Дом этот, по её словам, был нежилым, и он сгорел в годы Гражданской войны. На вопрос, где же он стоял, женщина пояснила, что особняк находился на улице Вознесенской напротив одноименной церкви, второй дом от угла. А угловой дом, как мы предполагаем, принад-

лежал Патушинским. Тогда всё действительно сходится, потому что за этим домом декабристов имелся сад, выходивший на соседнюю улицу. Об этом мне рассказывал и мой отец Михаил Александрович, родившийся в 1910 году в доме, двор которого являлся продолжением этого сада. В советские годы вся «декабристская» усадьба была поделёна на огорода.

Кстати, о «Театре декабристов», сгоревшем в годы Гражданской войны (в 1919 году в дом попал снаряд с бронепоезда). В своих экскурсиях тогдашний директор музея, Заслуженный работник культуры РФ, Почетный гражданин Ялуторовска Николай Васильевич Зубарев также упоминал эту историю и указывал на то же самое место нахождения дома.

Ялуторовск становится туристическим городом. В туристский показ, кроме традиционных музеев, входят острог, духовно-мемориальный комплекс, восстановленный Сретенский собор – жемчужина архитектуры, реставрируемые «Торговые ряды» с музеем истории города и выставочным залом. Собираются воссоздать «купеческий квартал», центром которого будет сохранившийся дом Мамонтовых. И здесь же рядом, буквально наискосок, дом нотариуса Патушинского, в котором, как мы установили, не раз бывал Григорий Ефимович Распутин.

Сегодня на доме, где по нашим предположениям останавливался Григорий Распутин, висит мемориальная доска с указанием, что это «памятник архитектуры конца XIX - начала XX столетия». Но было бы справедливо отметить на ней и факт пребывания здесь самой загадочной фигуры Российской истории.

Литература:

1. «Ялуторовская жизнь» № 33, 20 марта 1993 г..
2. «Святой чёрт или Тайна Григория Распутина» М. «Книжная палата», 1991 г. Стр. 270-271.
3. Карнацевич С. И. «Проходимец, обласканный царем», «Тюменская правда», 19.07.1964 г..
4. Платонов О.А. «Жизнь за царя Правда о Григории Распутине», С-Петербург, «Воскресение», 1996 г..
5. Белоглазов П. К. «Распутин и Ялуторовск», «Тюменская правда», 13.11.2009 г..
6. Болотова А. Г. «Дозволено тем домом владеть...», «Ялуторовская жизнь», 21.07.2005 г..

Таинственные и ответственные...

K 105-летию газеты «Ялуторовская жизнь»

Трепетное чувство испытываешь всегда, когда берешь в руки старинную газету: за ней – дыхание эпохи, факты истории, собранные и опубликованные зачастую неизвестными журналистами. Как жили, чем увлекались в ту или иную эпоху наши земляки, что любопытного произошло в крае и стране - все это можно найти в старых газетах.

Отдельная тема – кто издавал газету и руководил ею. В Ялуторовском уезде первым печатным изданием историки считают «Крестьян-

скую газету», выходившую с 14 октября 1906 года на восьми страницах. Это было еженедельное издание Ялуторовского отдела Московского общества сельского хозяйства. Редактором являлся председатель Ялуторовского отдела МОСХ К. С. Колмаков. За два месяца (16 декабря издание по решению суда приостановлено) вышло десять номеров. Второе рождение «Крестьянской газеты» состоялось в ноябре 1907 года, но уже 8 марта следующего она прекратила свое существование.

Летом 1907 года вышла новая газета - «Ялуторовская жизнь». Её пилотный номер читатели

получили 21 июля. Первым редактором стала П. Я. Чеснокова. Газета выходила еженедельно, печаталась в типографии отдела МОСХ. Но вышло всего 14 номеров, по решению властей газету закрыли.

История умалчивает, издавались ли в Ялуторовске в последующие десять лет какие-либо газеты. Только 8 марта 1917 года в городе выходит новое издание – газета «Народная воля» Ялуторовского отдела общества сельского хозяйства и Совета крестьянских депутатов. Но по другим данным – орган Временного исполнительного комитета Ялуторовского городского общественного управления, что более соответствует истине. Ссылка на издание МОСХ, видимо, пошла от 54-го номера газеты, поскольку в нем появился подзаголовок «Крестьянская газета». Всего с марта по декабрь 1917 года вышло 76 номеров «Народной воли». Её периодичность – три раза в неделю. Первый номер подписал в печать редактор И. С. Коркин. А в некоторых последующих номерах указана другая фамилия - А. А. Иваницкий-Василенко.

В марте 1918 года увидели свет «Известия Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». Эта газета являлась органом уездного комитета РКП(б) и уездного исполнительного комитета Советов депутатов. Редактировал её М. И. Федосеев. Но «Известия» просуществовали недолго – вышло всего номеров семнадцать, поскольку через два месяца в Ялуторовске сменилась власть.

В 1919 году в городе, занятом белогвардейскими войсками, вновь (два раза в неделю) выходит «беспартийно-демократическая» «Ялуторовская жизнь», редактирует которую А. И. Бончановский. Издателем газеты значится отдел МОСХ.

С восстановлением Советской власти после освобождения Ялуторовска от колчаковских войск, с 6 января 1920 года стал издаваться «Официальный бюллетень действий и распоряжений Ялуторовского уездревкома и уездного комитета РКП(б)». Биллютень не был массовой газетой, так как печатались в нём исключительно официальные документы.

Наряду с этим изданием с 25 февраля того же года выпускалась и другая газета – «Красный вестник». Ответственный редактор - председатель ревкома С. П. Аггеев. В июне, в связи с переводом С. П. Аггеева на работу в губисполком, редактором становится С. А. Комольцев. В 1920-1921 годах газета выходила три-четыре раза в месяц (по мере накопления материала), а с 1922 года - шесть раз в неделю.

Редакция время от времени издавала специальные выпуски под названием «Неделя фронта», «Неделя ребенка» и другие. В основной газете одна из полос отводилась молодежи, печа-

талась страничка «Юный рабочий».

Сколько номеров «Красного вестника» увидели свет, неизвестно, как и то, до какого года издание просуществовало.

Все идеологические и административные передряги с изменениями границ Ялуторовского уезда, а затем и района, областным переподчинением, Гражданской войной отразились в истории местной печати.

Только в 1930 году в Ялуторовске и Ялуторовском районе появилось стабильное периодическое издание – газета «Колхозная правда». Её первый номер вышел 11 июня, газету подписал ответственный редактор Л. Г. Щапков. Правда, в «Летописи...», изданной к юбилею Ялуторовска, приводится другая дата первого выпуска «Колхозной правды» – 1928 год (по воспоминаниям С. Л. Степанова). Но это, скорее всего, погрешность мемуариста.

А 13 декабря в «Колхозной правде» стоит фамилия нового редактора – А. С. Улыбина. С его подписью газета выходила до 12 октября 1933 года. Издание печаталось шесть раз в неделю на четырех полосах, причем два номера – на татарском языке. Редактировал национальные выпуски Гарибуллин. Тираж «Колхозной правды» составлял 2,5 тысячи экземпляров.

На смену А. С. Улыбину пришел его заместитель Г. Д. Неустроев. Но он продержался в этой должности недолго – до весны 1934 года. Газете за 5 апреля подписывает уже другой редактор – А. С. Травников.

Любопытно, что в 1935 году «Колхозная правда» выходила три раза в неделю на четырех полосах, одна из которых на татарском языке. Скорее всего, в дефиците была бумага. А через год редакция возвращается к шестиразовой периодичности. Редактирует «Колхозную правду» В. А. Балмашев.

Великая Отечественная война не могла не отразиться и на издании «Колхозной правды». Редакция вынуждена была наполовину уменьшить формат газеты, периодичность снизилась до двух раз в неделю. Текущесть кадров также имела место в связи с мобилизацией.

В выходных данных первого номера газеты «Колхозная правда» за 1941 год, хранящегося в фондах Ялуторовского музеяного комплекса, значится ранее нам неизвестная фамилия главного редактора. Поскольку экземпляр поврежден, полностью её прочитать не удалось, только инициалы и начало – А. К. Кону.... По

А.С.Улыбин.

П.А. Пляскин.

И.П. Маров.

Н. И. Ермилов.

В.Н.Мухаметдинова.

А.И.Иванов.

некоторым местным документальным источникам прослеживается фамилия Конушин. Но так ли это, еще предстоит узнать. Как и то, как долго этот человек редактировал районку.

Собственно, в военный период «Колхозную правду» возглавляли учителя, находившиеся в Ялуторовске в эвакуации: Ляховский, Яковлева, М. Н. Скажухина, А. А. Ашмарина.

В 1947 году, с февраля по июль, газету подписывала А.А. Одинцова, работавшая в годы войны секретарем райкома комсомола. Именно она в 1943 году вручала комсомольский билет курсанту Заводоуковской летной школы, будущему космонавту Владимиру Комарову.

На посту редактора А. А. Одинцову 19 июля сменил К. К. Серебряков. Надо полагать, журналист со стажем, поскольку еще в 1936 году он непродолжительное время также возглавлял и «Колхозную правду». Тираж газеты в эти годы достиг трех тысяч экземпляров.

С начала нового 1951 года «Колхозную правду» на короткое время возглавил В. Г. Сирин. Затем (также на небольшой срок) от года до четырех лет руководителями газеты становились Н. Я. Бекишев, Б. Я. Быбин, А. Г. Романов, П. А. Пляскин, И. П. Маров, Р. С. Мехнина.

Более десяти лет, с января 1964 года по май 1975 года, ответственным редактором районки являлся Н. И. Ермилов. Можно назвать революционным решение властей изменить название газеты. С 1 января 1956 года подписчики вместо «Колхозной правды» начали получать газе-

ту «Ленинский путь», которая теперь выходила по средам, пятницам и воскресеньям на четырех страницах. Тираж её составлял 6 тысяч экземпляров. С 1962 года «Ленинский путь» перешел на четырехразовый выпуск. Газета являлась органом Ялуторовского районного комитета КПСС и районного совета депутатов трудящихся Тюменской области. Несколько

следующих лет (до января 1965 года) издателем газеты были партком КПСС Ялуторовского колхозно-совхозного производственного управления и Ялуторовский горком КПСС, районный и городской Советы депутатов трудящихся. Затем - орган Ялуторовского городского комитета КПСС, районного и городского Советов депутатов трудящихся.

Тираж газеты к концу восьмидесятых годов составлял более 13 тысяч экземпляров.

Достаточно продолжительный срок – 15 лет (с 1975 по 1990 годы) «Ленинский путь» возглавляла В. Н. Мухаметдинова.

В 1990 году на редакторство заступил А. И. Иванов. Его руководство газетой оказалось самым длительным – 18 лет. При Алексее Ивановиче районке возвращено историческое название – «Ялуторовская жизнь», это случилось 4 июля 1992 года. Издатель газеты - Ялуторовские городской и районный Советы народных депутатов. Тираж на эту пору составлял 7 тысяч экземпляров.

В августе 2008 года главным редактором становится Л. В. Калинина. Издателем газеты является автономная некоммерческая организация «Информационно-издательский центр «Ялуторовская жизнь», учредителем – департамент информационной политики Тюменской области. Периодичность выхода – три раза в неделю, количество полос доходит до шестнадцати. Тираж газеты все последние годы стабильно держится на уровне 8-10 тысяч экземпляров.

Ирина ПЕТЕЛИНА,
заведующая сектором экспозиционно-выставочной деятельности
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

Тореи пионерские костры

19 мая 2012 г. исполнилось 90 лет со дня основания пионерской организации, которая стала хорошей нравственной школой для миллионов подростков.

После окончания Гражданской войны создаётся много детских организаций, работающих под руководством партийных и комсомольских органов. Появляются «Детские комитеты» в Витебске, «Горсовет детских депу-

татов» в Екатеринославе, «Исполком детского интернационала» в Киеве и другие. В комсомольских ячейках, из которых более взрослая часть молодёжи уходила на фронт, насчитывалось большое количество детей и подростков. Поэтому на съездах часто вставал вопрос о выделении детей в особую организацию. По указанию Центрального комитета партии комсомол в начале 1922 года приступает к созда-

нию детской коммунистической организации юных пионеров.

В течение февраля-апреля 1922 года в Москве появляются первые пионерские отряды: в детском интернате, при 16-й типографии и при ремонтных мастерских Октябрьской железной дороги. 19 мая 1922 года вторая Всероссийская конференция комсомола вынесла решение распространять опыт Москвы на другие организации комсомола. Этот день и считается Днём рождения пионерии. Вскоре пионерские организации появляются во всех городах и сёлах Советского союза.

В сентябре 1922 года V Ялуторовская комсомольская уездная конференция приняла решение «начать систематическую работу среди детей». Но ни опыта, ни методических материалов о формах и методах работы с детьми не имелось...

VII Ялуторовская уездная конференция РКСМ в сентябре 1923 года поручила укому для начала организовать пионерские отряды в городе и просила губком о высылке материалов по детскому движению. В это время в детских домах города, в которых воспитывались дети, родители которых были замучены в застенках колчаковских тюрем, были созданы три первых пионерских отряда.

Осенью 1924 года райисполком выделил специальное помещение для клуба пионеров. Организация клуба и назначение специального работника из райкома комсомола позволили улучшить политico-воспитательную работу среди пионеров.

Уже IV Ялуторовская районная конференция РЛКСМ приняла резолюции по докладу «Работа в школе и пионердвижении», призывая активизировать пионерскую работу в школе.

Чтобы как можно больше привлечь детей в пионерское движение, в то время проводились так называемые детские недели. В эти дни среди членов профсоюза, среди детей рабочих, крестьян и служащих проводились беседы о назначении пионерских отрядов.

На общегородских собраниях читались лекции о жизни детей в России и в странах Запада. На одном из таких собраний члены профсоюза подарили пионерам флаг.

Осенью 1924 года для пионеров города выделили специальное помещение по ул. Тюменской, (где до недавнего времени размещался цирк «Романтик»). Это помещение стало пионерской базой, вокруг которой объединились все пионерские отряды.

Из воспоминаний первых пионеров города.

Ольга Михайловна Ващуркина (в замужестве Остякова): «Вступление в пионеры было для меня большим событием в жизни. С гордостью носила я пионерский галстук. Отряд у нас был очень дружный. Мы помогали друг другу в учёбе, ходили в походы по родному краю, читали книги, играли, собирали металлом. Мы заложили около школы сад и вырастили его. Весело было в нашем отряде!».

Фелицата Константиновна Кубасова: «Сколько радости было у меня, когда я впервые одела пионерский галстук! Пионерский галстук обязывал меня учиться хорошо, помогать старшим, заботиться о младших, быть всегда и во всём примером для других. В это время было очень много неграмотных. И мы, пионеры, обучали наших родителей письму и чтению. Я каждый день сидела со своей мамой над букварём и тетрадкой. Наконец, моя мама научилась читать и писать! Как приятно было видеть плоды своих трудов! Но мы не забывали и своих младших товарищей. Часто бывали у октябрят. С ними разучивали песенки, танцы, читали книги, играли. В нашем звене было 10 человек, и среди них не было ни одного неуспевающего. Много мы уделяли внимания спорту. А сколько у нас было радостных хлопот во время подготовки к празднованию годовщины Великого Октября или 1 мая!».

Антонида Семёновна Дивина: «Пионерский отряд, в котором я состояла, был создан при Ялуторовском мельзаводе, а учились я в железнодорожной школе. Всех нас связывала крепкая пионерская дружба: помогали друг другу в учёбе, вместе играли, отдыхали, собирали лекарственные растения, выступали с художественной самодеятельностью перед рабочими. Очень мы любили походы по родному краю, сборы у костра, ночёвки в лесу. Любимой походной песней у нас была песня «Картошка». А вечером, у пионерского костра, далеко по просторам родной земли разносилась песня «Взвейтесь кострами».

Большим событием в жизни школьников Ялуторовска был первый пионерский лагерь. Летом 1925 года ребята впервые отдыхали в нём. На лесной полянке возле деревни Падун Ялуторовского района ребята сами устанавливали палатки, а для вещей и продуктов соорудили шалаши.

У первых костров распевались песни «Взвейтесь кострами», «О юном барабанщике

Кокшаров Вячеслав (слева) - пионервожатый железнодорожного отряда. 1930 г.

и др. Всеми делами в лагере управлял выборный совет. Первой пионервожатой в Падунском лагере была Анна Павловна Пеннер.

В 1930-е годы пионеры Ялуторовска собирали лекарственные травы, был организован сбор птичьего пера. Причём с целью сбора пера организовывались ударные пионерские бригады. Перо собиралось по сортам, отделялось гусиное от утиного и т. д., перо каждой птицы должно было быть разбито по своим сортам и по цвету. За перо белого цвета надбавка была в размере 10 %, на серое и чёрное – 5%. Перо должно было быть чистым и сухим.

Каждому пионеру внушалась мысль: «Лозунг партии «Догнать и перегнать капиталистические страны мы сможем выполнить тогда, когда полностью по всем участкам дадим стопроцентное выполнение планов. Сбор утильсырья дал много миллионов рублей в фонд индустриализации. Об этом не должен забывать каждый пионер».

Основной задачей деятельности пионерской организации школы в 1930 году стала массово-оздоровительная. Эта работа была направлена не только на оздоровление детей, но и на их активное участие в проведении политики партии. Упор делался на общественно-полезный труд. К 15 мая был проведён медосмотр всех пионеров. При каждом крупном пионерском отряде организованы массовые детские площадки. Кроме детплощадок ор-

ганизовали пионерлагеря для детей рабочих, батраков и бедняков. Вспоминает бывший пионервожатый железнодорожного отряда Вячеслав Кокшаров: «Особенно хорошо было летом. За станцией был красивый берёзовый лес и там мы проводили всевозможные игры. Но любимой игрой было «Найти галстук». Я уходил в лес пораньше и где-нибудь прятал пионерский галстук. И вот начинались поиски. Ребята разбивались на группы и искали спрятанный мной галстук. А те, кто найдёт галстук, были в тот день «красными героями».

Во время Великой Отечественной войны пионеры заготавливали дрова, копали картофель, собирали подарки для солдат и отправляли их на фронт, а еще выступали с концертами перед ранеными в госпитале. В это же время стало развиваться тимуровское движение: пионеры объединялись в небольшие группы и оказывали помощь семьям фронтовиков.

Литература:

1. Историческая справка «Пионерское движение в городе Ялуторовске в 20-е – 30-е годы XX столетия». Усова В. Н. Ялуторовск, март 2001 г. Научный архив ЯМК, п. 83;
2. Историческая справка «Из истории пионерского движения в Ялуторовске». Терентьев И. С., 1959 г. Научный архив ЯМК, п.16;
3. Из воспоминаний Кокшарова В., НВФ, 1485/33;
4. История пионерской организации в г. Ялуторовске. КП 3047.

**Людмила АФОНАСЬЕВА,
заместитель директора
по научной работе
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»**

К истории Ялуторовского драматического театра*

Вольский-Мингалев Николай Тихонович
(20.10.1893 - ?)

Николай Тихонович Вольский-Мингалев родился 20 октября 1893 года в г. Бугульма Саратовской губернии. (ГАОО. Ф.1839. О.1. Д.156. Л.1-6). Его отец до преклонных лет служил садовником – пчеловодом («пчеляком») в имении Лермонтова. С 9 до 12 лет Николай учился в приходской школе. К театральному искусству пришел не сразу. С 1906 года работал в Елизаветинском волостном правлении, с 1910 – переписчиком в разных учреждениях города Бугульмы. В 1915 году мобилизован на военную службу: в г. Екатеринбург, в 149-й пехотный запасной полк, а затем отправлен рядовым солдатом в составе 551-го Великоустюжского пехотного полка на Юго-Восточный фронт. В 1918 году его отпустили в отпуск на родину, но обратно он не вернулся, а служил писарем в местном

военном комиссариате. По вечерам он работал любителем в Бугульминском гортеатре. После демобилизации в 1922 году Николай Тихонович был принят на ставку актера. В 1924 году Н. Т. Вольский-Мингалев приглашен на должность заведующего народным домом в селе Екатериновку Самарского округа. С 1 октября 1924 г. по февраль 1929 г. он вел драматический кружок. В любительских спектаклях участвовала юная Надя Введенская. Пути 30-летнего Николая Тихоновича и 17-летней Надежды сошлись. В 1929 году они поженились.

Введенская-Вольская Надежда Вениаминовна (27.12.1906 -?) родилась в селе Екатериновка Самарского округа в семье врача местной больницы. (ГАОО.Ф.1839.О.1.Д.153.Л.1-6). Отец умер, когда девочке исполнилось 8 лет. Ей и двум ее сестрам нужно было получить образование и устроиться в жизни. С 9 до 17 лет

* Продолжение. Начало в альманахе «Ялутор-городок», вып. №6.

Надежда училась в сельской школе. Став женой Николая Тихоновича, несколько лет находилась на иждивении мужа – не было профессиональных навыков. В 1929 году они переехали в Ставрополь, в Бугуруслан, где Николай Тихонович служит актером в городских театрах. В 1930-1931 гг. Надежда Вениаминовна работает кассиром при Бирском (Башкирия), Чистопольском (Татарстан) гортеатрах, играет небольшие эпизодические роли. С 1932 года актеры, переезжая из города в город, работая только по одному театральному сезону, осваивают сцены Невьянска, Тобольска, Березняков, Алапаевска, Новой Ляли, Нижней Салды и Нижнего Тагила.

В Ялуторовск Николай Тихонович приезжает в мае 1937 года, снимает временное жилье у Надежды Ивановны Пасечниковой по ул.Пущина, 21. (ЯМК. КП.9667). Затем они живут по ул.Пущина, 2.

Надежда Вениаминовна приезжает в Ялуторовск позже, чем Николай Тихонович, на работу в театр ее принимают с 1 сентября 1937 года. С этого времени и до дня закрытия театра Н.Т.Вольский-Мингалев и Н.В.Введенская-Вольская играют на Ялуторовской сцене почти во всех постановках, исполняя и главные роли, и второстепенные.

Николай Тихонович запомнился зрителям по созданным им сценическим образам:

Шалыги – «Мандрагора», секретаря горкома партии Купавина – «Далеко от Сталинграда», Гютьера – «Площадь цветов», академика Воронцова – «Так и будет», Антоныча – «Вынужденная посадка», начальника заставы – «Тиха украинская ночь», Кошкина – «Любовь Яровая» и др.

Исполняемый репертуар Надежды Вениаминовны следующий:

унтер-офицерша – «Ревизор», Мария Степановна – «Иван да Марья», Мир-Ахметова – «Павел Греков», Фрося – «Вынужденная посадка», няня – «Последние», Вера Касьянова - «Третий человек» и др.

Из-за нехватки актеров Надежде Вениаминовне приходилось играть в одном спектакле несколько небольших ролей.

За многолетнюю примерную производительную работу в театре и создание интересных сценических образов профессора Воронцова в пьесе «Так и будет», Лоняева в пьесе «Волки и овцы» и др. Н.Т.Вольский-Мингалев в 1945 году награжден ценным подарком – костюмом, а Н.В.Введенской за «хорошую работу по созданию сценических образов» выражена благодарность.

После закрытия театра в Ялуторовске Николай Тихонович и Надежда Вениаминовна переведены в Тобольский театр, где они уже когда-то работали.

Молодые актеры театра

Согласно постановлениям ЦК ВЛКСМ и Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР, проводились творческие смотры молодых актеров. Создавались конкурсные ко-

миссии из директоров театров, художественных руководителей, представителей партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, мастеров театра. Такие смотры организовывались и в Тюменской области. (ГАТО. Ф.912. О.1.Д.4а. Л.38 об.) В них участвовали представители Ялуторовского театра, но быть призерами конкурса им приходилось не часто. При положительных качествах, данных природой: яркая внешность, бойкий характер, дикция, голос – был у них один существенный недостаток. Им не хватало профессионального образования. Омское театральное училище, готовившее кадры, едва успевало обеспечить специалистами ведущие театры региона. В маленькие театры, в т.ч. колхозно-совхозные, выпускники не попадали.

Ялуторовский театр принимал активных молодых людей по рекомендации комсомола, общественных организаций, особо отличившихся участников художественной самодеятельности. Профессиональной школой для них являлся театр с актерами-наставниками. Театральное мастерство приобреталось с годами. Титанического труда многие не выдерживали. Этим объясняется частая смена молодых кадров. Только самые упорные и трудолюбивые оставались на сценических подиумах. Они исполняли не значительные роли, ценили наставления мастеров сцены, часами работали над образом и репетировали, репетировали...

На Ялуторовской сцене творчески выросли такие актеры, как В.Смирнова, П.Валов, Л.Корнеев, Т.Моляренко, Т.Лащенкова, И.Дурышин и др.

Валов Петр Иванович (1922 – 1956 г.)

Большинство актеров, прибывших для работы в Ялуторовский театр, прошли большую школу мастерства на сценах театров страны. На опыте маститых актеров училась молодежь.

В зрительном зале театра им рукоплескали юноши и девушки, которые ловили каждое слово и движение, восхищались игрой, стремились подражать. Среди них были Петр Валов и Валентина Смирнова.

Петр Иванович Валов родился в июле 1922 года в селе Исетском Ялуторовского уезда Тобольской губернии. (ГАСПИТО.Ф.136.О.2.Д.88.Л.1-6). Отец и не предполагал, что в его бедной крестьянской семье растет будущий актер.

В 1929 году Валовы вступили в колхоз. Для получения образования Петр переехал в Ялуторовск, где в 15 лет окончил 7 классов Ялуторовской средней школы. Тогда впервые он увидел спектакль. В то время он еще не знал, что не он в театре, а театр в его жизни сыграет главную роль.

В сентябре 1937 года он уехал в г.Хабаровск Дальневосточного края и поступил работать электромонтером на судостроительный завод. Приобретенная в молодые годы специальность не раз пригодится ему в жизни.

Начавшаяся вторая мировая война заставила юношу задуматься о военном образовании.

С достижением 18-летнего возраста он призываются Сибирским военным округом и с декабря 1940 по июль 1941 г. является курсантом 2-го Омского пехотного училища. Возвращается в Ялуторовск и до призыва 5 месяцев работает мастером слесарного цеха промартели им. Седова. В декабре 1941 года Петр Иванович Валов призван на фронт. Являясь заместителем командира 147-го пулеметно-артиллерийского батальона 118-го укрепленного района, он защищал Москву и Сталинград. По приказу командующего 62-ой армии Сталинградского фронта за выполнение боевого задания Петр Иванович Валов награжден орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Сталинграда».

В начале 1943 года он командир роты 2-ой воздушно-десантной гвардейской дивизии Центрального фронта. В июле 1943 года Петр Иванович получил тяжелое ранение и находился на лечении в эвакогоспитале города Пугачева. Вернуться в строй ему уже не пришлось.

В январе 1944 года гвардии старший лейтенант Петр Иванович Валов прибывает в Ялуторовск, устраивается работать электриком в театр. Так как актеров-мужчин в труппе немного, Петра Ивановича привлекают для исполнения ролей. В программах к спектаклям его фамилию можно встретить и как актера, и как заведующего электроцехом.

За четыре с половиной года П.И.Валов создал яркие сценические образы, такие как, Митрофанушка по пьесе Фонвизина «Недоросль» (1944-1945 театральный сезон), Синицын – «Так будет» (1945-1946-1947 гг.), Петр Коломийцев – «Последние» (1945 г.), Коваленко С.А. - «Где-то в Москве» (1946-1947 гг.), Шумилин – «Жестокий роман», Колупаев - «Вынужденная посадка» (1945-1946-1947 гг.).

Большинство героев в исполнении П.Валова – отрицательные. Зрительница Л.Черняева из Ишима после премьеры спектакля «Площадь цветов» писала: «Сложна роль предателя Мушкина. Нужно не только пересилить свои человеческие чувства, но и исполнить роль так, чтобы вызвать ненависть к врагу. Убивать, быть изменником Родины, народа трудно даже на сцене. Несмотря на это, артист Валов мастерски исполняет ее».

... Еще не знаешь точно, кого будет представлять этот человек, но по одной интонации голоса, вкрадчивого, неприятного, представляешь, что это недруг, и возненавидишь его, когда раскрывается вся его деятельность, как из-

менника. Но вот он гибнет, и легкий вздох облегчения проносится в зрительном зале». (ГАТО. Ф.1912. О.1.Л.3). Как утверждает зритель – художественный руководитель одного из районных Домов культуры В. Мачюлис, хорошо Петр Иванович в роли Красавина (спектакль «Далеко от Сталинграда»), где актер «без излишнего нажима» разоблачает карьеризм и трусость своего героя». (ГАТО. Ф.1912. О.1.Л.4). Как нужно так убедительно играть, создавая отрицательный образ, чтобы вызвать столько эмоций у зрителя! Петру Ивановичу это удавалось. П.И.Валов награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.».

В первый год службы в театре Петр Иванович познакомился с молодой начинающей актрисой Валентиной Смирновой. Совместная творческая работа вызвала серьезные чувства. Вскоре актеры поженились.

Смирнова Валентина Павловна

Родилась в г.Ялуторовске в семье железнодорожника. Окончила среднюю школу. Очень любила театр, не пропускала ни одного спектакля. Поэтому долго раздумывать о выборе профессии не стала.

Ее фамилия впервые появляется в театральных программах в 1940/1941 театральном сезоне в спектакле «Тиха украинская ночь», где она сыграла мальчишку Алика, сына начальника заставы.

А м п л у а
В а л е н т и ны
Смирновой –
роли молодых
женщин:

Фетис – в
спектакле
«Далеко от
Сталинграда»,
Ася Большакова – «Жестокий роман»,
Клаша – «Павел Греков»,
Катя – «Площадь цветов»,
Вера Коломийцева – «Последние»,
Надя – «Так и будет»,
Нюша – «Вынужденная посадка»,

**Валентина Павловна
Смирнова.**
Конец 1950-х гг.

Смирнова Анна Петровна, зенитчица – «Где-то в Москве» и др.

В 1946 году Комитетом по делам искусств при Совете Министров РСФСР, ЦК ВЛКСМ и Всероссийским театральным обществом объявлен Всероссийский смотр драматических и му-

Петр Иванович Валов.
Г.Тобольск. Начало 1960-х гг.

зыкальных театров. Цель смотра – определить уровень творческого роста молодых актеров театра, способствовать выдвижению талантливых специалистов на ответственные роли.

В Тюменской области смотр творческой молодежи театров проведен в марте 1947 года. 21 участник представил свою работу (17 актеров и 3 художника). Свои успехи продемонстрировали и актеры Ялуторовского драматического театра.

Среди лучших участников вместе с актером Тюменского драматического театра Евгением Семеновичем Матвеевым, позже ставшим Народным артистом СССР, были отмечены В.П.Смирнова, П.И.Валов, Т.С.Лащенко. Решением областной комиссии В.П.Смирнова удостоена 2-й премии, П.И.Валов – 3-й. (ГАТО.Ф.912. О.1. Д.4а. Л.72, 74).

В 1945 году в семье П.И.Валова и В.П.Смирновой свершилось радостное событие – у них родилась дочь Лидия. (По воспоминаниям Г.А.Казанцева. Жена Германа Андреевича Тамара – родная сестра В.П.Смирновой). Главный режиссер театра Юрий Андреевич Замятин стал крестным отцом девочки. Ответственность за её судьбу он нес всю жизнь.

После закрытия театра семья П.И.Валова уехала в Тобольск. Но еще раньше, в составе Ялуторовского театра, работая в легких платьях в плохоотапливаемых помещениях клубов, Домов культуры, Валентина Павловна заболела туберкулезом. Не могли не сказаться выступления в дождливое лето в Ишиме, когда сценическая площадка была в городском саду.

В Тобольске болезнь обострилась. Валентина Павловна скончалась рано, ей было чуть больше тридцати лет.

После смерти жены Петр Иванович продолжал работать в театре. В 1950 году он женился, и от второго брака родились две девочки.

Для П.И.Валова все складывалось хорошо, но в 1956 году случилось несчастье – он погиб, сбитый машиной. П.И.Валов и В.П.Смирнова похоронены на Завальном кладбище г.Тобольска.

Лиду Валову воспитывала в Ялуторовске мать Валентины Павловны – Екатерина Михайловна Смирнова. Сохранился удивительный снимок известного фотомастера И.Сапожкова. На фото старушка с привлекательным лицом, испещренном множеством морщинок, с добродушной улыбкой и задумчивым взглядом. Особое

**Лидия Петровна
Валова.**

Начало 1960-х гг.

настроение снимку придает цветок – светлая гвоздика, которую Екатерина Михайловна держит в руках.

В доме бабушки девочка росла, училась в школе, играла в спектаклях театрального кружка, а позже народного театра при районном Доме культуры: «Наша дочь» Л.Кулиджанова и Я.Сегель (1958 г.), «Васса Железнова» М.Горького (1961 г.), «Платон Кречет» А.Корнейчука (1962 г.).

Миловидная, ответственная и очень старательная девушка вызывала уважение самодеятельных актеров и любовь зрителей. Вот один из отзывов на постановку «Наша дочь» (режиссер В.Серебренников): «Главным героем повести является 14-летняя Наташа. И от того, насколько удачно подобрана исполнительница ее роли, зависела судьба всей драмы. Лида Валова – ученица 7 класса семилетней школы №4 – создала живой, обаятельный, запоминающийся образ Наташи. Порой кажется, что Лида не играет, а живет на сцене. Её непринужденная, свободная игра помогает исполнителям лучше раскрыть образы своих героев». (Жилин А. «Наша дочь» // Ленинский путь, 1958, 21 дек.)

После окончания школы в 1962 году Лидия Валова приглашена Ю.А.Замятиным в Тюменский областной театр, который стал стартовой площадкой к сценической жизни Лидии Петровны. Вместе с мужем, актером Анатолием Пономаревым, она играла на сценах Тобольска, Барнаула, Хабаровска. Ныне Лидия Петровна Валова проживает в Хабаровском крае. (Из воспоминаний Г.А.Казанцева).

Андреевская Вера Андреевна (3.03.1905 – 10.11.1959).

Ведущая актриса Ялуторовского драматического театра – Вера Андреевна Андреевская-Кочанова. Можно предположить, что настоящая фамилия Веры Андреевны – «Кочанова», а «Андреевская» – псевдоним, производный от отчества. Но именно «Андреевская» встречается в документах, афишах и программах.

Вера Андреевна родилась 3 марта 1905 года в г.Санкт-Петербурге в семье служащего. Училась в родном городе и г.Бердянске, где и окончила 6 классов гимназии, что по тому времени было неплохим образованием для девушки. В личном листке по учету кадров она отмечала, что немного знает два языка: французский и немецкий. (ГАОО. Ф.1839. О.1. Д.68. Л.1-5). К 1921 году она прошла 2 курса педагогического техникума, а в 1922 году работала в Бердянске в отделе снабжения 89-й бригады 30-й Иркутской

**Екатерина Михайловна
Смирнова.**

Фото И.Сапожкова. 1970-е гг.

имени ВЦИК стрелковой дивизии, в которой служила до перевода частей в другой город. В 1923 году 18-летняя девушка впервые ступила на сцену и навсегда связала свою жизнь с театром. Сколько пройдено городов, еще больше театров! С 1923 по 1925 – Бердянск, с 1927 по 1928 – Александрия, с 1928 по 1929 – Кременчуг, с 1930 по 1931- снова Бердянск, Серпухов, с 1931 по 1932 – Новокузнецк, с 1933 по 1934 – Ойрут-Тура, с 1934 по 1935 – Выкса, с 1935 по 1936 – Покровск, Бугуруслан, с 1936 по 1937- Кузнецк, Мелекес.

С ноября 1937 г. Вера Андреевна Андриевская принята в состав Ялуторовского драмтеатра. В ее исполнительском репертуаре уже было несколько десятков ведущих ролей: Марина Мнишек - в «Борисе Годунове» по А.Пушкину, Александра Николаевна Негина - в «Талантах и поклонниках», Катерина - в «Грозе», Екатерина Ивановна Кручинина - в «Талантах и поклонниках» по А.Островскому. С таким богатым багажом Вера Андреевна влилась в Ялуторовский театр, основной состав которого еще формировался. В анкете она пишет о семейном положении, что она замужем, на ее иждивении старая мать и ребенок. Проживает в Ялуторовске по ул. Новикова, 1, позже по ул. Шаурова в деревянном двухэтажном доме.

Режиссеры доверяли В.Андреевской играть глубоко драматические роли. Так, в пьесе Ильинкова «Площадь цветов» она - трогательная мать Кати Кашириной. Всю свою жизнь ее героиня прожила без больших потрясений, не видя горя, и растерялась, когда встретилась с невзгодами. Но чувство это – лишь мимолетная слабость. Когда изменник Мушкин обвинил ее в предательстве, у этой слабой на вид женщины находятся силы, стойкость и уверенность в себе. Она тяжело переживает гибель дочери Катюши, но верит, что ее смерть на благо победы. Такие разные чувства сумела передать зрителям актриса В.А.Андреевская.

Зал рыдал, когда на сцене ее героиня Елена Николаевна Кручинина («Без вины виноватые» по А. Островскому) падала без чувств, узнав по медальону сына, потерявшегося много лет назад. Своей убедительной игрой Вера Андреевна могла растрогать суровую сибирскую душу. Не зря роль Кручиной зрители считали одной из самых успешных в исполнении В.А.Андреевской. Она могла быть разной: коварной, лживой, обольстительной Гертрудой (в пьесе «Мачеха» по О.Бальзаку), трогательной, доверчивой, с детства увлеченной сцены актрисой провинциального театра Александрой Негиной («Таланты и поклонники» по

А.Островскому).

Зрители с большой теплотой отзывались об игре Веры Андреевны. Вот одно из впечатлений работницы меливодостроя из Тюкалинска Л.Тазовой: «Волнующие образы создает артистка Андриевская, исполняющая главную роль в пьесе Бальзака «Мачеха» и роль Веры в пьесе «Сады цветут». В последней пьесе она сумела так ярко передать характер испорченной, пустой, чуждой нашей советской молодежи девушки, что вызывала у зрителей непрерывный смех». (ГАТО. Ф.1912. О.1. Д.14. Л.8 об.).

Многогранный талант В.Андреевской сказался и в комических ролях. Она не боялась быть смешной. Время требовало, чтобы на сцене был прославлен герой-строитель социалистического общества. Таких ролей в репертуаре Веры Андреевны тоже немало. Например, Кира Александровна Андреева, молодой талантливый скульптор, невеста главного героя Градова в пьесе Н.Аликбекова «Мандрагора». Сохранился отзыв об игре Андриевской: «В

её лице автор показал нашу советскую талантливую молодежь, умеющую горячо любить и не менее сильно ненавидеть тех, кто заслуживает этой ненависти. Артистка Андриевская совершенно правильно ведет свою роль. Кира – веселая, жизнерадостная девушка, отдающая все свое дарование любимому творчеству, – показана Андриевской очень жизненно. Крепкая волевая натура Кирь передана Андриевской в сцене разрыва с ранее любимым ею человеком. Она сумела правдиво показать зрителю, как любовь к родине вытесняет у нее чувство к человеку, который хотя и невольно, но предал интересы своего народа». (ГАТО, Ф.1912. О.1. Д.14. Л. 2 об.).

У зрителей Вера Андреевна имела большой успех. За многолетнюю работу в Ялуторовском театре и создание ярких сценических образов В.А.Андреевская не раз была награждена ценных подарками и денежными премиями.

Лучшими её ролями признаны: майор Греч в пьесе «Так и будет», Мурзавецкая в пьесе «Волки и овцы», Любовь Яровая и Васса Железнова в одноименных пьесах.

18 апреля 1948 года, незадолго до закрытия театра, состоялся творческий вечер актрисы Веры Андреевны Андриевской. Она подвела творческий итог, прощаясь с Ялуторовской сценой. В типографии г.Ялуторовска отпечатаны 50 экземпляров афиш. Одна из них хранится в фондах ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс». На творческом вечере зрители увидели сцены из спектаклей «Васса Железнова», «Светит да не греет» (постановки режис-

Вера Андреевна Андриевская.

серы А.В.Цвиленева), «Обыкновенный человек» (постановка режиссера Ю.А.Замятин). Не только для В.Андреевской, но и для жителей города был организован яркий, запоминающийся праздник. Зрители дарили Веру Андреевне теплые слова благодарности и бурные аплодисменты. (ЯМК. ОФ. 843/1-3).

На тот момент трудно сказать, приняла ли Вера Андреевна решение уехать с театром в Тобольск или остаться в Ялуторовске? Ясно одно – она не могла существовать без сцены, друзей-актеров, без всего того, чем она жила в течение ялуторовских трудных 9 лет? Она пережила становление театра, невзгоды войны в маленьком сибирском тыловом городке, тяжелое голодное послевоенное время. Ей было трудно расстаться с Ялуторовском. Здесь ее знали и любили зрители, ценили властные структуры, налажен быт. Ей исполнилось 43 года.

Вера Андреевна не хотела все начинать сначала. Она была одной из немногих, кто остался в Ялуторовске.

В первое время В.А.Андреевская вела драмкружок при районном Доме культуры, в 50-е годы была назначена художественным руководителем, директором клуба лесозавода. В работе и дома – всегда рядом был муж Николай Иванович Урусов.

Все последующие годы Вера Андреевна свои силы, талант отдавала развитию художественной самодеятельности завода. В небольшом здании клуба собирались после трудовой смены лесозаводцы на репетиции драмкружка, хора, духового оркестра, на просмотр фильмов. Результат кропотливой работы – награды в городских и областных смотрах.

В ноябре 1959 года, на 55-м году жизни, Вера Андреевна Андреевская скончалась. Соболезнования выразили правление Всесоюзного театрального общества, коллектив Тюменского областного драмтеатра, районный Дом культуры, заводской комитет и коллектив художественной самодеятельности клуба завода. (Ленинский путь, 1959, 13 ноября). Похоронена на городском кладбище за горпищекомбинатом.

В памяти зрителей В.А.Андреевская так и осталась примой Ялуторовского драмтеатра.

Урусов Николай Иванович (10.08.1913 – 05.01.1976)

Николай Иванович Урусов родился 10 августа 1913 года в городе Саратове в семье инженера-строителя. После окончания школы поступил в Саратовский театральный техникум. (ГАСПИТО, Ф.136. О.12. Д.167.Л.1-16; Ф.136.О.27.Д.146. Л.2.). Затем началась передвижная театральная жизнь:

Урюпинск, Бузулук, Покровск, Бугуруслан, Кузнецк.

О многом говорят афиши, хранящиеся в фондах Ялуторовского музейного комплекса: 2-го колхозно-совхозного театра (Урюпинск) театрального сезона 1934 – 1935 гг. на комедию Киршона «Чудесный сплав», спектакли по роману М.Шолохова «Поднятая целина», по пьесе Прута «Князь Мстислав Удалой». (ЯМК. ОФ.848/ 1-3).

Можно предположить, что именно в этот театральный сезон пересеклись пути Николая Ивановича и актрисы Веры Андреевны Андреевской-Кочановой.

В афише об открытии театрального сезона 1935-1936 гг. Покровского колхозно-совхозного театра (Оренбургское областное управление театрально-зрелищными управлениями) в женском составе труппы В.А.Андреевская, в мужском – Н.И.Урусов. (ЯМК. ОФ. 846).

С 1935 года они много работают с режиссером В.С.Надеждиным в Бузулуке и Покровске. На афише к пьесе А.Островского «Последняя жертва» администратором указан Н.И.Урусов. (ЯМК.ОФ.850).

В.А.Андреевская на работу в Ялуторовск приезжает в конце октября 1937 г. На это время Николая Ивановича в списке актеров театра нет. Его фамилии нет ни в афишах, ни в программах. Известно, что в 1943 году он защищает Родину на Северо-Западном фронте. За боевые заслуги он награжден медалями: «За отвагу», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией». (ГАСПИТО. Ф.136.О.12. Д.167.Л.2, Л.16.).

Впервые Н.И.Урусов упоминается в списке творческих работников драмтеатра на 1 января 1945 г. (ГАТО.Ф.912. О.1.Д.1.Л.23).

За три с половиной года службы в театре

Николай Иванович играл во всех спектаклях. Даже в эпизодических ролях он ярок, убедителен, этим и запомнился зрителям. В.Мачюлис, художественный руководитель одного из районных Домов культуры, отмечая успех работы театра в спектакле А.Сурова «Далеко от Сталинграда» (художественный руководитель А.Цвиленев), писал: «Образ инженера Березина артист Урусов рисует верными и точными штрихами, отказавшись играть традиционного «чудака-профессора» и избегая шаблона. Н.Урусов подчеркнул в Березине его патриотизм и трудолюбие, что действительно взволновало зрителя».

**Николай Иванович Урусов.
Сцена из спектакля.
Г.Ялуторовск, 1960-е гг.**

(ГАТО.Ф.1912.О.1.Д.19.Л.4.) Даже в неудачной работе театра (по мнению критиков) в спектакле «Иван да Марья» в роли Карякина зритель отмечал правдивость чувств актера.

Фамилия Урусова встречается в афишах к спектаклям «Любовь Яровая» К.Тренева, «Губернатор Провинции» Бр.Тур и Л.Штейна, «Чужой ребенок» В.Шкваркина, «Обыкновенный человек» Л.Леонова, «Третий человек» А.Савельева, «За тех, кто в море» Б.Лавренева и др.

После закрытия театра Николай Иванович и Вера Андреевна остались в ставшем им родным Ялуторовске. Для Урусова наступил душевный и творческий кризис. Несправедливость, обида, ненужность – эти чувства Николай Иванович пытался заглушить с помощью известного русского способа. Вся его последующая жизнь чередовалась то взлетами, то падениями. В 1948 – 1953 гг. он с перерывами состоял в должности художественного руководителя районного Дома культуры. Он, то полностью отдавался творчеству, то его интерес пропадал.

С июня 1952-го по январь 1953-го Урусов работал на Ялуторовском лесозаводе на разделке рудстоки. Относился к труду добросовестно, систематически перевыполняя нормы выработки, числился в рядах стахановцев. По вечерам активно помогал в работе клуба завода: организовывал концерты в цехах, что раньше не практиковалось, выезжал с коллективом в колхозы по обслуживанию тружеников села, создал драмкружок из 28 человек. Постановка «Рыбачка с побережья» активно обсуждалась рабочими завода. С января 1953 года Н.И.Урусов снова принял художественным руководителем РДК. Активизировал деятельность драмкружка, показавшего неплохие результаты на районных и областных смотрах, стал одним из организаторов праздника песен. После проведения грандиозного для Ялуторовска мероприятия резко отстранился от дел.

В последующие годы работал директором клуба лесозавода, затем художественным руководителем. В этой же должности возглавлял железнодорожный клуб. В период творческого подъема достигал высоких результатов. Организованные им вечера с играми, танцами вызывали интерес у молодежи. Порой их участники забывали о тесноте и всех неудобствах маленьких тесных клубов. (Марков В. Вечер молодежи // Ленинский путь, 1957, 20 дек.).

Не раз клуб лесозавода занимал призовые места в смотрах художественной самодеятельности, представляя разнообразные жанры.

В 1958 году в клубе лесозавода создана одна из лучших культбригад города, выступавшая в цехах своего завода, в бригадах подшефного колхоза имени Фрунзе (в деревнях Прогресс, Памятное, Жернакова, Могильник). Напряженными были периоды весеннего сева и осенней уборки урожая, когда культбригада с концертами выступала в населенных пунктах Ялуторовского и Заводоуковского поселковых и сельских Советов. Николай Иванович не только ру-

ководил творческим процессом, но и сам активно в нем участвовал. Бурными аплодисментами встречали зрители Н.Урусова и Ю.Бусыгина, исполняющих сатирические частушки. (Николаев И. Готовят новую программу //Ленинский путь, 1958, 25 июня. Кравец М. С концертами в село // Ленинский путь, 1959, 12 апр.).

Н.И.Урусов – режиссер и исполнитель главных ролей в пьесах, поставленных в драмкружке завода. Рабочих и служащих он учил актерскому мастерству, и в этом не было ему равных.

В мае 1959 года состоялся кустовой смотр художественной самодеятельности рабочих лесной и бумажной промышленности. Ялуторовский лесозавод на данном конкурсе был на высоте. Самодеятельный коллектив подготовил пролог из пьесы «У лесного озера», рассказывающий о борьбе чекистов с контрреволюцией и беспрizорностью. Большим успехом у зрителейользовались постановки «Ночь перед судом», «Ведьма», сценка «Жених и папенька». (Харчев М. На сцене – рабочие //Ленинский путь, 1959, 3 июня).

В ноябре 1959 года скончалась его жена, верная подруга Вера Андреевна Андриевская. Переживаниям не было конца.

Не потеряться в жизни помогли друзья, привлекая его к творческой работе. Бывший актер театра, а в 1962 году директор Дома культуры И.Н.Дурышин приглашает его участвовать в спектаклях народного театра. В пьесе А.Корнейчука «Платон Кречет» Николай Иванович исполнил роль Береста. (Дурышин Н. Народный театр в новом сезоне //Ленинский путь, 1962, 16 ноября).

Скончался Н.И.Урусов в 1976 году. Веру Андреевну он пережил на 16 лет.

Волконская – Голынская Наталия Николаевна (3.09.1890 – 29.03.1983)

В 70-годы прошлого столетия по улице Ленина, главной улице Ялуторовска, прохаживалась элегантно одетая, с гордой осанкой пожилая женщина с маленькой собачкой на руках. Прохожие, провожая взглядом, тихо говорили: «Актриса». Это была Наталия Николаевна Волконская-Голынская. Судьба подарила ей 92 года жизни.

Но, как оказалось, о ней меньше всего сохранилось архивных документов. В Омском архиве ее личного дела нет, т.к. наиболее тщательно документы собирались в отделе кадров управления по делам искусств при Омском облисполкоме в 1937 – 1938 гг., а в Ялуторовск она приехала в 1940 году. Наталия Николаевна была беспартийной, поэтому сведений нет и в партархиве.

Источниками информации о жизни Н.Н.Волконской-Голынской стали афиши, вырезки из газет о работе театра, воспоминания жителей дома по улице Свободы, ее соседей, выписка из архива Ялуторовского ЗАГСа.

Волконская-Голынская Наталия Николаевна родилась 3 сентября 1890 года в городе Кишиневе. Родители большое внимание уделя-

ли воспитанию и образованию двух дочерей. В этом южном городе Наталия приобщалась к театральному искусству. Работала во многих театрах страны, в т.ч. Одессе. В Ялуторовск вместе с мужем, актером из Тобольска, она приехала в середине 1940 года. Как вспоминает Ф.Родомакина, муж, который был намного ее моложе, в Ялуторовский театр направлен директором. К сожалению, ни фамилии, ни имени его отыскать не удалось. В конце 1941 года он обучался военному делу в Ялуторовске, был призван на фронт, попал в пекло войны и погиб под Старой Руссой. Н.Н.Волконская продолжала жить в Ялуторовске в надежде, что случится чудо – он вернется живым. Всякое бывало в те годы. Тяжелые мысли заглушала работа.

В годы Великой Отечественной войны ею созданы яркие образы Настасьи Петровны в пьесе Б.Войтехова и Л.Ленча «Павел Греков», Татьяны Сергеевны Кашириной - в пьесе Ильинского «Площадь цветов», Пелагеи Ивановны Смирновой - в пьесе Вл. Масс и М.Червинского «Где-то в Москве», тети Саши - в пьесе К.Симонова «Так и будет», Василисы - в пьесе М.Водопьянова и Ш.Лаптева «Вынужденная посадка» и др.

В июне 1945 года отделом по делам искусств Тюменского облисполкома Н.Н.Волконская награждалась «за многолетнюю примерную производственную работу в Ялуторовском театре и создание интересных сценических образов: Соколовой - в пьесе М.Горького «Последние», Зубовой в пьесе «Поединок».

С театром Наталия Николаевна часто гастролировала с концертными программами и спектаклями по селам и городам Тюменской области.

1 октября 1946 г. Наталия Николаевна написала заявление об увольнении и на время покинула Ялуторовск (поэтому в документах, связанных с 10-летием театра, ее фамилии нет), но вскоре вернулась.

Н.Н.Волконская-Голынская жила в Ялуторовске одиноко в маленькой квартирке с окнами во двор двухэтажного деревянного дома по улице Свободы, № 49 (ныне №51).

Из воспоминаний Т.Богдан: «Наталия Нико-

лаевна жила бедно, никакой поддержки ни от кого не получала. У неё была очень маленькая пенсия, хватало заплатить за квартиру, на питание ей, собачке и кошечкам, которых жалела и подбирала на улицах. Иногда ездила в Москву, где жила ее сестра с семьей. Они не бедствовали, зять работал в МИДе. От сестры Наталия Николаевна привозила неплохие вещи, которые потом носила. Несмотря на неустроенность быта, она всегда тщательно следила за собой».

Из воспоминаний Л.Ф.Панфиловой: «Наталию Николаевну я знала с детства. Мы часто играли на улице в «лапту», «вышибало», а она любила сидеть на лавочке с собачкой. Ни разу не возмутилась, что мы шумим. Мы всегда ждали ее приезда из Москвы, т.к. она всегда привозила подарки и вкусный черный хлеб.

Наталия Николаевна очень требовательно относилась к своей внешности. Помню, она сфотографировалась на паспорт, а, получив снимок, была разочарована. Ее расстроила заколка бантом, которая получилась не так, как ей хотелось.

Из Тобольска ее навещала очень красивая женщина, наверное, тоже актриса. В последний приезд подруга в живых Наталию Николаевну уже не застала.

За несколько лет до кончины Тюменское телевидение снимало небольшой сюжет о Н.Н.Волконской-Голынской. Может быть, сохранился материал в архиве телерадиокомпании?».

Наталия Николаевна следила за успехами народного театра при Доме культуры, дружила с режиссером Владимиром Никифоровичем Чавкиным, помогала ему советами.

Скончалась Наталия Николаевна Волконская-Голынская 29 марта 1983 года, похоронена на кладбище за горпищекомбинатом. На ее могиле стоял деревянный крест, который с годами

разрушился. Долгое время могила была безымянной. В 2009 году власти города, общественность решили навести порядок на Ялуторовском некрополе. Сотрудники музеяного комплекса, бывшие соседи обратились с просьбой

**Наталия Голынская
в костюме ангела.
Г.Кишинёв, 1908 г.**

**Н. Н. Волконская – Голынская.
Г.Кишинёв, 1917(?) г.**

увековечить память актрисы.

В июле 2009 года был установлен памятный знак с надписью: «Здесь покоится актриса Ялуторовского театра Волконская-Голынская ...» (Панфилова Е. Память в сердце // Ялуторовская жизнь, 2009, 11 июля).

Дурышин Иван Николаевич (23.02.1917 – 1963(?) гг.)

Дурышин Иван Николаевич родился 23 февраля 1917 г. в г. Ялуторовске. Отец - маляр, до революции работал по найму. Мать - крестьянка. С 25 августа 1935 г. по 1 июня 1937 г. Иван Дурышин учился на судоводителя в Омском водно-речном техникуме, но закончил только 2 курса. О причинах он писал в автобиографии: «В 1937 году в связи со сложившимся материальным положением учение пришлось бросить и пойти работать». (ГУ ГАОО. Ф.1839. Оп.1. Д.188. Л.5).

С 15 июня 1937 г. по 15 мая 1938 г. он работал культработником в Ялуторовской артели инвалидов. 15 апреля 1938 г. принят актером в Ялуторовский 4-й совхозно-колхозный театр. Амплуа в первые годы работы – молодой актер (III план). За период с апреля по сентябрь 1938 г. И.Н.Дурышин исполнил роли:

Семена Скопцова - Тренев, «Любовь Яровая», военного - Некрасов, «Огни маяка», итальянского летчика – Гара, «Мы идем», Якорева – Горький, «Последние», Застрелихина – Шкваркин, «Простая девушка», Егорова - Бр.Штейн и Тур, «Очная ставка», цыгана – Островский, «Бесприданница».

В 1939 году И. Дурышин призван из Ялуторовского военкомата на действительную военную службу. (Архив Ялуторовского военкомата. Алфавитная книга №3 призванных на действи-

**Иван Николаевич
Дурышин.**

тельную военную службу Ялуторовским военкоматом в период с 1938 – 1941 гг.).

И.Дурышин служил в годы Великой Отечественной войны. Возможно, имея два курса речного техникума, он воевал на флоте. В послевоенные годы и до самых последних дней жизни Иван Николаевич носил форменную фуражку.

В 1962 году он снова работает директором ДК, играет в спектаклях режиссера В.Н.Чавкина.

Из воспоминаний В.А.Ивановой, работавшей методистом ДК: «Иван Николаевич Дурышин обладал особой внутренней культурой, был предельно честен в работе и общении с людьми. Немногословен, несуэтлив. Он умел видеть в человеке положительные качества. Как руководитель всегда принимал обдуманные решения. Почти никогда не прибегал к мерам воздействия, а по-отечески спокойно умел убедить подчиненного. Видя несправедливость (даже от вышестоящего руководства), он без оглядки принимал сторону подчиненного. Он всегда имел свое мнение и спокойно, с достоинством отстаивал его. Умел увидеть проблемы ближнего и в нужный момент приходил на помощь. Такие надежные и верные люди – редки. Мы его любили и гордились им. Поэтому в коллективе во время его руководства была деловая, творческая и доброжелательная атмосфера».

Горожане до сих пор вспоминают И.Н.Дурышина как доброго, приятного в общении человека. В Ялуторовске он жил с женой Линой и ее дочерью.

В связи с тяжелой болезнью Иван Николаевич трагически ушел из жизни в 1963 (?) году. Похоронен на старом городском кладбище.

Окончание в следующем выпуске.

Моё родословное древо

Наталья БЕЗРУКОВА
(г.Москва)

Тиаёбы. Глава из книги

«...Купечество в России и купечество в Сибири, казалось бы одно и то же сословие, но разница в нем есть и немалая. В России впереди купечества стояло другое сословие, не менее богатое и, к тому же гораздо просвещеннее его – дворянство. В Сибири дворянства почти не было, и потому впереди всех наших сословий по весу и значению становилось купечество. При таком значении купечества мы должны дорожить каждой заметкой о наших торговых домах, должны отмечать каждого представителя этих домов, который оставил в нашем обществе добрую память о себе».

Н. Абрамов, 1857 г.

Гилевы в Тюмени - известная фамилия. В 1701 г. С.У. Ремезовым была составлена карта Тюмени («Чертежная книга Сибири»), на ней в центре города – дом Гилева.

В 3-ем томе «Истории Сибири» Г.Ф. Миллер пишет: «Настало время для заселения русскими крестьянами верховьев реки Чусовой. Вся река была пожалована Строгановым, но они ее не освоили. Начало этим поселениям положили в 1651 г. два соликамских жителя Семен Васильев и Афанасий Иванов Гилевы, подававшие челобитную Алексею Михайловичу о разрешении им переселиться туда самим, а также поселить там охочих людей и устроить слободу. Они просили отвести им места по верхнему течению р. Утки, которые и были им предоставлены. Так появилась Уткинская слобода, потом Уткинская пристань, где строятся суда и нагружаются для перевозки в Россию сибирского железа и др. металлов» (34-й параграф).

В параграфе 39-ом снова называется эта фамилия: «Необходимо упомянуть еще о двух слободах. Первая из них – Липовская слобода, ныне ГИЛЕВ погост, основателем которой в 1657 г. был ЕЛИСЕЙ ГИЛЕВ. Относительно второй, Ялуторовской, из документов следует, что в 1659 г. во главе с упомянутым Елисеем Гилевым, Ялуторовский острог был основан на месте заброшенного татарского городка, и выбор места позволил сберечь много расходов на сооружение острога».

Фамилия колокольных мастеров ГИЛЕВЫХ впервые встречается в «Ведомости Тюменской воеводческой канцелярии» в списках о ремесленниках по специальностям в городе Тюмени за 1720 г., где есть такая запись: «..колокольного дела в городе мастер Иван СЕМЕНОВ ГИЛЕВ». Был он если не колокольным, то литейным мастером. О чем там же записи: «В 1715 году, по заказу казны в литейной мастерской Е. Колокольникова были отлиты мастерами Колокольниковыми и Гилевыми 14 мортир и пушек, которые предназначались для экспедиции в Джунгарию».

На Руси колокола выполняли важные общественные функции: ликовали, встречая победителей и знатных гостей, били тревогу, когда приближался неприятель или случался пожар, созывая народ к собранию, сопровождали церковные праздники. Благодаря этому колокол приобретал значение государственного символа, был частью национального самосознания.

В Тюмени было несколько семейных династий, занимавшихся литьем колоколов: Колокольниковы, Шапошниковы, Шмотины, Плехановы, Гилевы. Со временем некоторые из них прекратили заниматься этим тяжелым ремеслом, отдав предпочтение более выгодным торговым делам.

Самой известной династией колокольных мастеров в Тюмени были ГИЛЕВЫ, которые со временем и достигли высочайшего мастерства в своей профессии.

От СЕМЕНА, рождения 1660 г., до СЕМЕНА, рождения 1874-го, до 1917 г. (Октябрьской ре-

волюции) более 250 лет!

Родоначальником можно считать СЕМЕНА или ИВАНА Семеновича ГИЛЕВА, но данных о них кроме этих записей нет. Поэтому начнем с Ивана Ивановича, внука СЕМЕНА ГИЛЕВА.

По материалам Тобольского архива (ТФГАТО) ГИЛЕВЫ числятся по пятой ревизской сказке в г. Тюмени (5-ая перепись 1795 г.) как УСТЮЖАНЕ.

В 1837 г. Гилевы в Тюмени упоминаются как прихожане в списках Градо- Тюменской ПРОРОКО-ИЛЬИНСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ церкви, основанной в 1803 г., а ранее в списках раскольников (попов). Их родственники по женской линии почти всех мужчин Гилевых Решетниковы, числятся как раскольники - поморщица. На карте Ремезова в 1701 г. отмечены деревни Гилева и Решетникова. Гилево - деревня Тюменского уезда, одно из старинных русских густонаселенных сельских поселений. В 1780 г. здесь проживало 315 чел. Занимались они земледелием, ткачеством, «ковали из покупного железа и укладу» сошники, косы, серпы, топоры и ножи. Поэтому уже во второй половине 18 века здесь действовало два сельских торжка – 23 апреля и 29 июня. В 1820-х они превратились в две Престольные ярмарки, проходившие по этим же дням. Сюда съезжались как местные окрестные крестьяне, так и купцы из Ирбита и Тюмени. (Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири, т.1). В Тюмени сейчас одно из любимых мест отдыха горожан - Гилевская роща.

По переписи горожан тюменских церквей в приходе Ильинской Церкви (в первой части г. Тюмени) в 1806 г. значится купец ИВАН ИВАНОВИЧ ГИЛЕВ , 58 лет (1747г.р.), жена Варвара Николаевна из крестьян. И. Гилев – купец 3 гильдии, в купечество поступил из мещан. В 1797 году объявленный им капитал составлял 2005 руб. Был в купцах со своим семейством до 1807 г., видимо, года смерти. (Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири, т.1, Новосибирск. 1994 г.) Было у них четверо сыновей: ВАСИЛИЙ (1778г.р.), ГРИГОРИЙ (1779-1834 гг.), ИВАН (1781-1830 гг.) и ВАСИЛИЙ малой (1784 г.р.) После смерти отца между братьями произошел раздел имущества и капитала. Оба Василия вскоре ушли в кожевенное дело и поступили в купечество. Это дело было семейным делом кожевников РЕШЕТНИКОВЫХ, жен ВАСИЛИЕВ. За 18-е столетие кожевенная отрасль Тюмени прошла путь от мелких кустарных мастерских с сезонным характером работ до кожевенных заводов круглогодичного действия. К началу 19 в. кожевенные заводы Тюмени давали более половины всей сибирской кожевенной продукции. В книге городских обывателей тюменского общества на 1816-1818 гг. из 20 купцов, объявивших состояние, 15 занимались кожевенным производством. Кожевенники были городскими головами в Тюмени до 1855 года, за исключением небольшого перевыпа с 1834 по 1840 г. Среди них И.Е.Решетников и Ф.С.Колмогоров (сын

2-го мужа Елены Гилевой).

Братья Иван и Григорий ГИЛЕВЫ, не объявив своего капитала, считались мещанами, продолжали дело отца. Им с малых лет помогали их дети: сын Григория СЕРГЕЙ и сыновья и дочери Ивана: ПОЛИКАРП, АНДРЕЙ и ПЕТР и 2 сестры Анна и Елена. Все Гилевы записаны в ревизских сказках как поповщина, потом единоверцы. Сергей Григорьевич Гилев, купец 1 гильдии, ушел со временем в торговлю. Торговал чаем, сахаром от очень известной московской фирмы Кузнецова с алтайскими родственниками Гилевыми. При Николае I против старообрядцев был принят ряд крайне суровых мер. Это бросило их в лоно единоверия. «Единоверцы - течение в старообрядчестве, возникло в результате соглашения умеренных кругов старообрядцев с официальной православной церковью. Оформилось оно в 1800 г., подчиняется Синоду, но сохранило свои обычай и обряды. Правительство поощряло переход старообрядцев в единоверчество» (Энциклопедия).

Наряду с церковными колоколами Гилевы лили поддужные колокольчики. До нас дошли три поддужных колокольчика, отлитые в 1807 г. Василием Малым, и в 1820-м и 1834-м сыном Ивана ПОЛИКАРПОМ. (ГАТО. Ф. И.-2. Оп. 1, д.1151, л.52.) 1826 г. датировано прошение Тобольского губернатора к ИВАНУ ГИЛЕВУ на отливку 6 колоколов вышиною 4 аршина в диаметре со стенами 4 с половиной вершка для этапных казарм Тарского округа на сумму 95 р. 13 коп. У старшего сына Ивана ПОЛИКАРПА (1799-1873 гг.) в 1820 г. была уже своя фабрика. Чему в подтверждение есть колокольчик: «Лит в Тюмени фабрики Поликарп Гилева 1820 г.». И еще в подтверждение документ о вызове Поликарпа Гилева в Духовное Правление 28 января 1853 г. «по необходимости перелития 46-и пудового колокола в селе Преображенском».

Поддужные колокола были необходимы в Сибири, так как в 1730-х годах от Петербурга до Якутска (8600 верст) пошли первые почтовые станции регулярного сообщения.

В 1760 году закончилось строительство Сибирского тракта и Сибирского кандалального тракта. В это же время шло активное сооружение церквей, храмов, монастырей. Восточнее Тюмени колокола не отливались.

Следующее упоминание о Гилевых появляется во второй половине 19 века. В Тюмени промышленная статистика учла в 1866 году

два колокольных завода Гилевых. Первый из них, купца Андрея Гилева (второго сына Ивана), отлил за год 36 колоколов общим весом 800 пудов, на 13200 руб., имея 2-х наемных рабочих.

На публичной выставке, проходившей в 1871 г. в Тюмени, похвальный лист за колокол в 4 пуда 33 фунта получил Василий Малой Гилев.

Младший сын Ивана, ПЕТР ИВАНОВИЧ ГИЛЕВ, основал «ТОРГОВЫЙ ДОМ П.И. ГИЛЕВ». Он продолжил семейное дело прадеда, деда, отца и старших братьев Поликарпа и Андрея. И объединил мастерские в заводы. С открытием в Сибири крупных месторождений железных и медных руд и строительством медеплавильных заводов появилась возможность развития колокольного ремесла. В 1887 году на проходившей в Екатеринбурге Сибирско - Уральской научно - промышленной выставке изделия завода купца ПЕТРА ИВАНОВИЧА ГИЛЕВА получили почетный отзыв Уральского общества любителей естествознания. Помогал ему старший сын Александр, но 16.02.1890 г. в возрасте 25 лет он умер от паралича.

Летом 1892 г. в эпидемию холеры умер Петр Иванович Гилев. После его смерти дело продолжили его сыновья КОНСТАНТИН и СЕМЕН ГИЛЕВЫ. Семейное предприятие получило название «ТОРГОВЫЙ ДОМ П.И.ГИЛЕВА СЫНОВЬЯ». Зимой 1895 г. в возрасте 80 лет умер

Сергей Григорьевич Гилев. Детей у него не было. Все движимое и недвижимое имущество он завещал племянникам Константину и Семену Гилевым. В середине 19-го века завод становится крупным центром литья. В хорошие времена, когда были большие выгодные заказы, завод отливал по несколько колоколов в день. При этом Гилев гарантировал качество изделий. Он заявлял, что если колокола не понравятся заказчику по фигуре, а особенно по «грубоносу непронзительного голоса», то он перельет

их за свой счет. На богато и искусно украшенном колоколе, который ныне хранится в тюменском музее, можно прочесть такую надпись: «Лит в заводе бывшего торгового дома Петра И. Гилева сыновей в Тюмени 1912 год весу 31 пуд». То есть - полтонны. Но это не самый большой из гилевских колоколов. Гилевы отливали в 100 и 150 пудов колокола, т.е. более 2-х с половиной тонн. И получали за них много наград.

В 1901 году братьями Константином и Семеном был выигран крупный заказ на литье

Семья Петра Ивановича Гилёва. Около 1882 г.

Слева направо: Павла, 12 лет; Пётр Иванович, 66 лет;

Александр, 18 лет; Татьяна Дмитриевна, 39 лет;

Семён, 8 лет; Константин, 16 лет.

колоколов общим весом более 9000 пудов для церквей в районе Сибирской железной дороги. За эту работу они были пожалованы Высочайшей благодарности.

Но главная победа к братьям Константину и Семену Гилевым пришла в 1905 году на ВСЕМИРНОЙ выставке в БРЮССЕЛЕ. Колокола, отлитые на Тюменском колокольном заводе «ТОРГОВОГО ДОМА П.И.ГИЛЕВА СЫНОВЬЯ», своим качеством, малиновым звоном поразили искушенных европейцев. Мнение устроителей выставки было единогласным - высшая награда. Так большая золотая медаль и крест бельгийского короля попали в Тюмень. Это был триумф!

В 1907 году на Российской выставке в Ростове-на-Дону гилевские колокола были признаны лучшими.

О колокольном заводе Гилевых известно очень мало, не сохранилось ни его фотографий, ни сведений о его мастерах. Из газетной хроники конца 19 века известно лишь, что он находился в деревне Букино. Сохранилась лишь фотография администрации завода Товарищества «Н.Д.Машаров и К» (фото Т.К.Огибенина), Тюмень, начало 19 века, куда после 1896 года вошел «Торговый Дом П.И. Гилева СЫНОВЬЯ». 24.05.1915 г. от порока сердца умер КОНСТАНТИН Петрович Гилев в возрасте 48 лет. Из детей остались СЕМЕН ПЕТРОВИЧ и Павла Петровна.

После Октябрьской революции Гилевы оказались не у дел.

Сегодня гилевских колоколов сохранились единицы. Только в одном 1930 году с тюменских

церквей было снято 17 крупных и 40 мелких колоколов общим весом более 45 тонн. Часть колокольной меди досталась тюменскому заводу «Механик», а остальное было отправлено в Подольск и Ленинград на завод «Красный Выборжец».

Советская власть проводила последовательную политику в отношении церкви. Первоначально отделив ее от государства (в 1918 году), изъяло значительные ценности в пользу голодающих в 1921-1922 годах, потом развернула разностороннюю атеистическую пропаганду. Это выражалось в самых разных формах.. Печатные издания пополнились сатирическими заметками и карикатурными рисунками. По всей стране прошли публичные вскрытия святых мощей. То, что веками составляло святыню народа, подверглось осмеянию. К концу 20-х годов общество было готово к следующему этапу борьбы с религией - закрытию церквей.

21 декабря 1929 года Президиумом Тюменского Окружкома

было вынесено решение о закрытии всех культовых учреждений. В первую очередь закрыли Знаменскую, Спасскую, Архангельскую церкви.

Кампания по закрытию церквей в Тюмени начала свою работу в день Рождества Христова, что тоже должно было отмечать победу атеизма.

Поддужные колокольчики сохранились только на станциях железной дороги, и то недолго. Производство колоколов было прекращено, заводы закрыты, конфискованы, национализированы, разграблены.

Гилев Семён.

С. ГУЗЕНКО

Кто ты, шведский пастор Василий Еофитов?

(из «Родословной книги «Еофитовы, Берсеневы»)

«Без корня и полынь не растет» - утверждает народная мудрость. Наши корни – в наших предках: пахарях и воинах, поэтах и мастеровых, бунтарях и мучениках, земледельцах и купцах, всех тех, кто приумножал славу нашего Отечества.

Все, что нас окружает, имеет свою историю: земли и моря, государства и народы, города и деревни. Но и каждый человек также имеет свою историю – это история наших предков, тех, кому мы обязаны своим земным существованием. Иметь такую историю – наше святое, неотъемлемое право, знать ее – наш долг перед памятью предков, перед самими собой, перед нашими детьми и внуками. Без такого зна-

ния человек неполон, несовершенен, не так тверд в своем жизненном кредо.

За последние сто лет очень много с нами случилось такого, что приглушило нашу историческую память или совершенно искали ее, оборвало родовые связи, вытравило из наших душ чувства любви и признательности предкам. Уничтожились (по небрежению, неразумию нашему или из страха за свою жизнь, а то и просто в эгоистичном стремлении сохранить благополучие) старые документы, письма, фотографии, - все то, что связывало нас с ними, жившими до нас и нас породившими.

Связи эти можно восстановить – здесь многое зависит от нашего желания, потребности

знать историю своего рода, своей семьи. В архивах, центральных и местных, веками хранятся сведения о наших далеких предках: кто они были, где жили, чем занимались – независимо от того, были они простыми крестьянами, заводскими мастеровыми или сельскими священниками. Вот только не у каждого, даже при большом желании знать историю предков, дастся времени, сил и средств годами сидеть в архивах, объездить в поисках материалов пол-России, да и отсутствие специальных исторических знаний и навыков работы с архивными материалами будет сказываться на каждом шагу.

Давнее желание узнать историю своего рода заставило Аркадия Григорьевича Елфимова обратиться в Тобольское отделение Уральского историко-родословного общества. В марте 2006 года началась работа над книгой «Родословная Елфимовых».

Никто из нас и не представлял, что поиск приведет к столь неожиданным результатам. Известно, что основные источники составления любой родословной это:

1) устная родовая традиция и семейный архив, т.е. то, с чего, безусловно, следует начинать всякое родословное разыскание. Источником информации о предках могут быть личные документы (паспорта, свидетельства о рождении, атtestаты, дипломы, автobiографии и др.), старые письма, фотографии, воспоминания, дневники, семейные легенды и т.д. Сюда же входит и посещение «малой родины» - города, села или деревни, откуда родом предки, беседа со старожилами этих мест;

2) публикации – более доступный для составителя родословия комплекс источников, чем неопубликованные архивные материалы. К ним могут быть отнесены как тексты исторических источников, так и исследования – научные монографии и статьи, краеведческие и биографические очерки, содержащие исторические сведения о родах и отдельных их представителях;

3) архивные материалы, находящиеся на государственном хранении и в частных собраниях – главный комплекс источников, без них практически невозможно составление сколько-нибудь полного и исторически продвинутого родословия. Здесь возможности изучения зависят от степени сохранности основных документов по учету населения.

Используя вышеперечисленные источники, была составлена родословная схема нескольких поколений крестьян Елфимовых деревни Марковой Новозаимской волости Ялуторовского уезда. Надо отметить, что сначала из архивных документов были использованы лишь те, которые находятся на хранении в Тюменском и Тобольском государственных архивах. Т.е. до 4-ой ревизии (1782 год), следующий этап – это исследование более ранних документов, т.е. 3-ей ревизии (1762 год), хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Каково же было удивление, когда на запрос пришли следующие сведения:

«Написанной в бывшую последнюю ревизию умершаго швецкой нации крещенного пленника

Василия Ефимова сын Иван (10) (26)
у него жена Парасковья Яковleva тридцати лет государственного

крестьянина дочь

у них дети после ревизии рожденные

Тимофеи (-) (7)

дочери девки

Устинья (13)

Федосья (9)

Варвара (3)

Ефимья полугоду» (РГАДА, ф.350, оп.2, д.4195, л.275).

Таким образом, из этого документа следует, что Василий Ефимов 26 лет (цифра 10 здесь означает, что при предыдущей ревизии, которая проходила в 1747 году, ему было 10 лет) имел жену Парасковью Яковлеву 30 лет, сына Тимофея 7 лет и четырех дочерей. Имена и возраст совпадали, сомнений нет, семья та же самая, что и по последующим ревизиям. Но как оказался пленный швед в Ялуторовском остроге? Все эти вопросы заставили нас обратиться к истории взаимоотношений русских и шведов.

Русско-шведские контакты начались задолго до того, как в Швеции победила Реформация. Известно, что Ярослав Мудрый был женат на дочери шведского короля Олафа – Иннегерде. С середины XIII в. между Швецией и Русью начинаются военные конфликты, предметом спора в которых выступало побережье Финского залива. Однако эти конфликты заканчивались дипломатическими переговорами и установлением мирных отношений между Швецией и Россией, что способствовало расширению торговли и развитию культурных связей между ними.

В XVI веке царь Василий III (1521-1574 гг.) пригласил на службу к своему двору ремесленников, аптекарей, толмачей и судостроителей шведской национальности. Часто в Москву наезжали шведские купцы, получившие право торговли с Россией по договору 1524 г.

Большая группа шведов появилась на российских землях также в результате русско-шведских войн. После заключения Столбовского мирного договора в 1617 году Россия уступила Швеции Ингерманландию и Карелию, куда в срочном порядке были переселены природные шведы. В ходе Северной войны (1700-1721 гг.) эти земли перешли снова к России, а шведы остались на российских территориях уже в качестве военнопленных.

Неизмеримо большему количеству воинов великой армии шведского короля Карла XII пришлось не по своей воле задержаться в России. После поражения шведской армии под Полтавой 27 июня 1709 г. и капитуляции у Переволочены в плен попало более 15000 человек. Все они на долгие годы были лишены возможности встречи с родными и близкими, а многие из этих несчастных так больше никогда и не увидели отеческих берегов.

После триумфального шествия в Москве в

конце декабря 1709 г., где пленные шведы были продемонстрированы москвичам в качестве живых трофеев, их разделили на группы по 100 человек и отправили в разные города Архангельской, Казанской и Астраханской губерний.

Опасаясь вторжения турецких войск и бунта пленных каролинов в качестве «пятой колонны» в своем тылу, Петр I решил срочно перевести их в глубь русских просторов. Процесс перевода пленных на восток значительно оживился после того, как в апреле 1711 года в Свияжске был раскрыт офицерский заговор с целью бегства.

Шведские пленные были отправлены во все сибирские города, а также на горные заводы и рудные шахты. В одном только Тобольске – столице Сибирской губернии проживало несколько сот шведских солдат и офицеров.

Попав в тяжелейшие материальные и моральные условия, пленные каролины не теряли присутствия духа. Не получая практически никакой помощи с родины, они брались за любую работу, вспоминали полуза забытые мирные профессии, словом, делали все, чтобы выжить и вернуться домой. Среди шведов были искусные портные, ювелиры, косторезы, врачи и художники. Они принесли сибирякам новые ремесла и новые технические навыки. Работы многих из них были настолько качественными, что сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин, который много помогал несчастным, отправлял изделия самому царю и виднейшим вельможам. Именно шведы первыми в Сибири создали кукольный театр, первый профессиональный музыкальный ансамбль. Тысячи неизвестных пленников внесли свой вклад в экономическое освоение региона, разработку новых месторождений, создание металлообрабатывающей промышленности.

Шведы нередко оказывали практическую помощь местному населению. Например, Иоганнес Ренат научил калмыков выплавлять металл из железной руды, отливать пушки и ядра, он также возглавил калмыцкие войска в их сражении с китайцами. В 1773 г., вернувшись в свое отчество, он составил карту Джунгарии.

Шведам приходилось порой очень нелегко, не всегда складывались отношения с местным населением, уж очень разными были культура и религия. Но они не теряли интереса к жизни. Оказавшись в плена вместе со своими семьями, они задумались об обучении детей. На средства, собранные с помощью пietистской общины, в 1713 году в Тобольске капит-

ном Врехом была торжественно открыта школа, в которой наряду с детьми пленных обучались местные ребятишки.

Будучи очень религиозными, шведские военнопленные получили согласиеластей и построили в Тобольске кирху, где проводились регулярные службы.

Пленные шведы внесли заметный вклад в изучение и описание Сибири, ее территории и населения. Благодаря изысканиям и путешествиям капитанов Страленберга, Мюллера, корнета Шнитцкера, штык-юнкера Рената, полкового священника Седеберга, обстоятельный дневником Пилтстрема, Люта, Кага и др., Европа узнала об этой «далекой и дикой стране». Известно также, что шведские офицеры принимали участие в русских экспедициях А.Буковича и И.Бухольца.

Шведскими военнопленными за время своего пребывания в сибирском плена удалось сохранить свою культуру, свою религию, культурную идентичность. Это стало очевидным после того, как по условиям Ништадтского мира, подписанного 30 августа 1721 г., каролины на конец смогли отправиться на родину. Большая часть офицерского состава вернулась домой, в России остались те, кто решил связать свою судьбу с новым отечеством – поступил на русскую службу и поменял веру.

Судьба рядовых пленников и депортированных жителей Прибалтики была более трагичной. Многие из них попали в частное владение, были насильно перекрещены и навсегда исчезли из поля зрения исследователей. Частично это коснулось и тех каролинов, которые работали на сибирских заводах и шахтах.

Те, кто остался в Сибири, «пустили корни» и к началу XIX века уже ничто не указывало на принадлежность их родоначальника к шведской нации. Так произошло и с родом Елфимовых, чей предок был шведским пленным. В начале XVIII века он жил в Ялуторовском остроге (ныне г.Ялуторовск), принял православие с новым именем Василий и женился на русской крестьянской девушке. От этого брака в 1737 году появился на свет сын Иван, будущий отец огромного хозяйства. Иван Васильев сын Елфимов с законной женой Парасковьей Ивановной и детьми переехал к моменту проведения 4-ой ревизии (1782 г.) в дер. Маркову Новозаимской волости Ялуторовского уезда, где и прожили всю жизнь. Там же оставались их внуки и правнуки. Сегодня в дер. Марковой живут три семьи рода Елфимовых, хотя недавно, всего

Аркадий Григорьевич Елфимов.

лишь сто лет назад, там было более 20 семей. Разлетелись по разным сторонам потомки человека, имя которого нам уже никогда не удастся узнать. А ведь в Швеции, возможно, у него оставались родные.

В поколенной росписи, приведенной ниже, рассматривается одна ветвь родословного древа семьи Елфимовых, та самая, которая корнями уходит в далекую Швецию.

Нина ПЯТКОВА,
потомок В.С.Барановой
(г. Тюмень)

Барановы, Крыловы, Пятковы...

В городе Ялуторовске, на улице Революции, 70, в большом бревенчатом доме, жила какое-то время простая молодая крестьянка Варвара Самсоновна Баранова, ставшая впоследствии женой знаменитого декабриста Евгения Петровича Оболенского. Дом этот был срублен «на корню» - значит это, что выбиралось основательное дерево, и тут же, рядом, из него строился дом. Спустя много лет в нем появилось несколько пристроек, а на тот момент дом был очень прост и сколочен без изысков, но добротно. Пол его состоял из толстых плах, под ними находился подпол. Окошки были маленькие, зато имелась большая печь, на которой помещалось три, а то и четыре человека.

Стены этого дома помнят многое, повидали они за свое существование не одно поколение самых разных людей. Две семьи, Барановых и Крыловых – потомки брата Варвары Самсоновны, жили в доме на улице Революции с 1930-х до 1960-х годов, спустя столетие после нее. Глава семейства – Антон Александрович Баранов, приходился внуком Варваре Самсоновне – его родным дедом был ее брат, Дмитрий Самсонович. Кроме Антона Александровича там жили две его дочери и два сына, двое из них со своими семьями: и в числе этих двоих была Нина Антоновна Крылова с двумя дочками, Лией и Люсьюной. Большому семейству необходимо было много места, и хоть дом на тот момент был уже гораздо масштабнее, чем столетие назад - появились вышеупомянутые пристройки, семьям все же сложно было располагаться вместе в одном доме. Одна из пристроек некоторое время служила Антону Александровичу винным магазином. Когда в доме соединились несколько се-

мей, постройка уже пустовала, и семья Крыловых вынуждена была переехать в нее, чтобы в доме стало просторнее. Лия Александровна, которой сейчас уже 86 лет, рассказывает, что в пристройке было сырое и холодно, а в самой избе также тепло, как и век назад, еще при жизни там Варвары Самсоновны.

Барановы, Крыловы, Пятковы.

Антон Александрович Баранов в первом ряду крайний слева,
Нина Антоновна Крылова над ним, Лия Александровна
Крылова во втором ряду, четвёртая слева.

Лия Александровна Крылова школьницей имела удовольствие слушать, как дед, Антон Александрович Баранов, рассказывает о своей бабушке, Варваре Самсоновне. Она, благодаря своей удивительной судьбе, жила на устах потомков, как живет и по сей день. По рассказам дедоньки (так внуки, Лия и Люся, называли Антона Александровича), Лия Александровна вспомина-

ет: «Варвара Самсоновна была очень сметливая, умная крестьянка. Она быстро обучалась, и даже учила иностранные языки. Вот за ум, за доброту Оболенский ее и полюбил, ведь она была отнюдь не красива».

Все рассказчики истории Оболенского и Барановой сходятся в одном: Варвара Самсоновна была некрасива, но обладала на редкость добрым, мягким нравом, быстро развивалась, склонна была к познанию. Ее наружность меркла перед внутренними качествами, которые и пленили Евгения Петровича и заставили забыть про социальное неравенство. Оболенского описывают как скромного, замкнутого, очень религиозного человека, чей спокойный характер сильно контрастировал с активным характером его приятеля, знаменитого декабриста, Ивана Ивановича Пущина. С Пущиным Оболенский познакомился и сдружился во время каторги, и они некоторое время жили под одной крышей. Как раз в это вре-

мя у них служила Варвара, и есть версия, что именно Пущин нанял ее в услужение в их дом в качестве гувернантки для внебрачной дочери Анны. Оболенский полюбил крестьянку Варю, и, несмотря на сопротивление своих друзей, твердо решил жениться на ней. Рассказывают, что сопротивление это быстро прошло благодаря славному нраву Варвары Самсоновны, она была принята и на равных правах вошла в общество декабристов. Евгений Петрович помог новоиспеченной жене освоить необходимые женщины ее положения привычки, знания и навыки, а она держалась в обществе с достоинством и сумела снискать уважение и добное отношение друзей супруга.

Пятковы - потомки В.С.Барановой в музее.

Лия Александровна, бывшая тогда Крыловой, а впоследствии Пятковой, выйдя замуж за Михаила Игнатьевича Пяткова, является потомком Варвары Самсоновны в пятом поколении. Ваша покорная служа, ее внучка – уже в седьмом. Отдаленное родство не позволяет говорить о какой-либо кровной связи, но позволяет со всем интересом изучать историю предков. Бабушка моя сожалением говорит, что нужно было при жизни дедоньки больше расспрашивать его о жизни и судьбе семейного клана. И действительно,

сведения подобные ценнее, чем информация из научных источников – они живые. Это мир прошлого глазами тех людей, которые с ним соприкасались.

Иван МАШЕГОВ,
студент II курса
Ялуторовского аграрного колледжа

Старая шкатулка

Самыми достоверными хранителями исторических событий являются люди и вещи. Те самые вещи, которые хранятся в каждой семье и становятся со временем экспонатами различных музеев. Они так же, как и люди «рассказывают» о тех или иных исторических событиях, о «годах минувших», пробуждают в нас интерес к историческому прошлому. Одна из таких вещей есть и в нашей семье – это шкатулка. Она небольшая, прямоугольной формы. Досталась нам от прабабушки Анны по маминой линии.

Сам я никогда не видел прабабушку, только на фотографии. Но мама рассказывала мне, что Анна была замужем за Павлом, имела трех детей, хорошо шила и в трудные времена принимала заказы на дом. За один из таких заказов с ней и рассчитались шкатулкой, той самой, которая хранится в нашей семье. На вид шкатулка совсем простая: сверху закрывается съемной крышечкой. Боковые стороны шкатулки и крылечка украшены зелеными пластинами из малахита. На спилах и срезах видны характерные концентрические узоры и, благодаря этой особенности, малахит в старину называли «павлиньим камнем». Чтобы изготовить такую шкатулку, мастерам нужно было распилить поделочный камень так, чтобы линии рисунка были направлены одинаково.

Прабабушке Анне малахитовая шкатулка

очень нравилась. Она стояла у нее на выбитой льняной салфеточке и служила украшением комода. Что же хранила прабабушка в шкатулке? Неужели она стояла пустая на комоде? Нет! Прабабушка Анна хранила в ней свои деньги. Она считала, что деньги должны храниться именно в красивой шкатулке, так как они очень тяжело зарабатывались. Но прабабушка умерла, умер и ее сын, мой дедушка Лёня. И с тех пор малахитовая шкатулка живет у нас. Только она у нас не украшение комода, а хранится в шкафу, как память о прабабушке. Со временем она потеряла полировку, но мы бережем ее и очень редко берем в руки. Но иногда очень хочется прикоснуться к ней, она оказывает положительное влияние на меня. Часто возникает желание погладить поверхность шкатулки, провести пальцами рук по гладким, узорчатым, зеленым пластинам и поднести шкатулку поближе к глазам, чтобы рассмотреть тонкие нити извилистого рисунка. И рука невольно поднимает крылечку, и взгляд устремляется внутрь малахитовой шкатулки, и, кажется, что сейчас она заговорит. В настоящее время в ней хранятся клеёнчатые бирки моего рождения и сестры. На них написано: «Машеговы: мальчик, роды 23.05., 09.10, вес 3800, обхват груди 34, рост 54, девочка, роды 19.08., 13.20, вес 3300, обхват груди 33, рост 51». Эти предметы, как говорят мои родители, очень ценные,

в них семейная память, память о рождении новой жизни. Каждая вещь, независимо от её первоначального предназначения, может служить разным целям, потому что за каждым предметом стоит человек. Именно человек определяет, чему и как будет служить предмет. И пусть малахитовая шкатулка расскажет моим будущим

детям не только историю Анны, но и историю моих родителей, моего рода. И мне верится, что каждая семья хранит вещи, которые рассказывают поучительные, трогательные истории. Только надо уметь разговаривать с каждым отдельным предметом старины!

Страница юного краеведа

Анна ДЕМАКОВА,
ученица 5 класса
Ялуторовской православной гимназии

Молитва в звуке

В Светлую Пасхальную седьмицу, когда с колоколен несется радостный трезвон, мы с мамой поднялись на колокольню Сретенского Собора, чтобы поучаствовать в этом празднике звука. В этом звуке была неведомая сила и радость. Каждое воскресенье этот благодатный звон разливается над нашим сибирским городком, радует, завораживает, пробуждает.

Колокольный звон сопровождает православного человека всю его жизнь, подчеркивая христианские обряды - крещение, венчание, отпевание. При победе над врагом радостным звоном встречали победителей. За мелодичность, богатство музыкальной гаммы народ ласково называет благозвучные колокольные звонь малиновыми, красными. В народе говорят: икона-молитва в красках, храм - молитва в камне, колокол - молитва в звуке.

Я узнала, что первые колокола появились далеко от России. По одним сведениям - в Китае, в 3 веке до нашей эры, по другим - в Италии, в провинции Кампаньи, в 4 веке нашей эры. По преданию, епископу Ноланскому Павлину однажды приснился ангел с чудесно звенящими полевыми колокольчиками. И верно, форма колокола и форма цветка колокольчика очень похожи. В Россию колокола вместе с церковной утварью привез равноапостольский князь Владимир из Византии. В древности в колокола звонили не обычным способом, раскачивая язык, а раскачивали саму чашу.

Очень интересно было узнать о строении колоколов. Колокол воспринимали как живой организм, состоящий из тела, языка и уха. Он часто бывает украшен святыми изображениями, священными надписями. Им давали имена: «Красный», «Лебедь», «Первенец», «Медведь», «Царь - колокол»...

К колоколам на Руси было особое отношение. Литье их считалось делом богоугодным и очень уважаемым. У мастеров-литейщиков была разработана целая технология:

1. Вырывалась яма, в которой особым образом готовилось дно (площадка должна быть идеально ровной);
2. Из глины готовилась форма с пустотой

внутри, а по краям ямы строились печи для плавки металла;

3. В форму по нескольким каналам заливали раскаленную колокольную медь или сплав олова и бронзы. Для особой красоты звука к сплаву добавляли серебро;

4. Яму накрывали и ждали, когда металл остывает;

5. Затем форму освобождали от земли, разбивали глиняный кожух, колокол извлекали и несли к священнику для благословления.

Первые летописные упоминания о колоколах на Руси датированы 988 годом (это год крещения Руси, зарождения христианства). Слово «колокол» образовалось от старинного слова «коло», что значит «круг», «чаша». Форма колокола и правда напоминает чашу, из которой изливаются звуки.

Более 500 лет назад на Русь из Италии приехал знаменитый мастер Аристотель Фиорвanti, который по повелению Ивана III основал в Москве пушечнолитейную «избу», а затем и «двор». Именно он начал у нас лить первые колокола. Сохранился самый древний подлинный колокол с Пушечнолитейного двора. Он сравнительно небольшой, весит 20 пудов. А на нем надпись: «Лил колокол Федька Пушечник». Так, 5 веков назад итальянцы помогли нам наладить свое колокольное производство.

На Руси научились отливать и огромные колокола. Самый известный - «Царь - колокол». Его вес - 200 тонн, высота-6 метров 24 сантиметра, диаметр- 6 метров 60 сантиметров. Меня поразила его история: В 1654 году «Царь - колокол» был отлит по приказу царя Петра I. Весил он тогда 130 тонн и был действующим 50 лет, но в 1704 году во время пожара был поврежден. В 1733 году было принято решение – переплавить колокол. За дело взялись братья Моторины – русские мастера – литейщики. По приказу императрицы Анны Иоановны в новый колокол добавлен материал, от чего его вес увеличился до 200 тонн. После того, как колокол остыл, с него сняли кожух и в литейную яму спустились чеканщики. Они прорабатывали рисунки на поверхности колокола. Эта работа за-

няла полтора года и не была закончена в связи с новым пожаром в мае 1737 года. Москвичи, тушившие пожар, поливали колокол водой, опасались, что он расплавится. Но от неравномерного охлаждения тот треснул во многих местах, а один кусок отломился. Только в 1836 году новый «Царь-колокол» и установили на колокольне «Ивана Великого».

Своим колокольным звоном славился город Ростов Великий. Знаменитый Успенский собор украшала звонница с 13 колоколами. Два самых больших колокола изготовил мастер Филипп Андреев и назывались они «Лебедь» и «Полиелей».

У нас в России есть старинный город с красивым названием Звенигород. На гербе его не случайно изображен колокол. Это сторожевой форпост Московского княжества в 14 веке. В двух верстах от него находилась сторожевая башня с вестовым колоколом, приводившим своим звоном местную рать в боевую готовность при появлении противника. Первую часть своего названия Звенигород получил от слова «звенит».

Колокольный звон разливался по всей Руси. Для этого требовалось промышленное производство колоколов. Были построены заводы в Москве, Воронеже, Каменск – Уральске, даже в городе Тюмени в 19 – начале 20 века был свой завод по отливке колоколов. Его основал Иван Гилев. В 1905 году на Всемирной выставке в Брюсселе тюменские колокола завода Гилевых за свой малиновый звон были отмечены золотой медалью. И мне очень приятно осознавать, что на нескольких тюменских храмах – Знаменском кафедральном соборе, храме Святого Ильи Пророка в женском Ильинском монастыре сохранились эти колокола и до сих пор звонят.

На уроках православной культуры нам рассказывали о гонениях на Русскую Православную церковь. Вместе с храмами разрушались и переплавлялись колокола, закрывались колокольные заводы. В 1928 году советское правительство издало указ, по которому на всей территории был запрещен колокольный звон на оставшихся больших храмах. Языки на колоколах были приварены, звонарное искусство затухало. Лишь в 1980-х годах закон был отменен.

Началась эра возрождения церквей и вместе с ними колокольного звона. Так, в нашем городе был восстановлен Сретенский собор во всем своем величии и красоте. Отлиты и установлены все колокола, а в 2010 году состоялся Фестиваль колокольного звона. Участниками его были лучшие звонари Тюмени, Тобольска, Сургута.

На Руси колокола исправно трудились. Колокол собирал жителей города на сход, набатом предупреждал о беде, пожаре, наводнении, о нападении врага. А если случись метель, то запоздалому путнику «вестовой» колокол указывал дорогу. До появления башенных часов, курантов, время отбивали «часовые» колокола. Вот отсюда появилось выражение «пробил час».

Колокол – это голос Божий, он пробуждает душу, заставляет людей задуматься о смысле жизни.

У человека, слышащего колокольный звон, в душе что-то меняется. Известны случаи, когда голос храма предотвращал преступление или самоубийство, приводил к покаянию.

И самое главное – колокольный звон созывает верующих на Богослужение, сообщает отсутствующим в храме о времени совершения особо значимых моментов Литургии.

Мне удалось побеседовать со звонарем Сретенского собора. Оказывается, есть устав церковного звона, там определены обычные звонные наборы. В праздники удары чаще, а в будни медленнее, в пост – совсем медленно. Когда идет венчание в храме, то трезвон и перезвон звучит радостно, а в день отпевания покойного колокол звучит сдержанно и скорбно. На колокольню допускается только человек православный, верующий. Он должен нести ответственность за то, что делает. В тот миг, когда люди пребывают в покое, он начинает прикасаться к такому великому таинству, которое всегда называется голосом Божиим.

Колокольный звон прочно вошел в нашу жизнь благодаря произведениям искусства. К нему обращались такие композиторы, как Глинка, Мусоргский, Бородин, Чайковский при создании своих опер. Широко известна песня «Вечерний звон» на слова И. Козлова (музыка народная). Картины И. Левитана, поэмы и проза – все связано с настроением русского человека.

В Толковом словаре В.В. Даля я нашла несколько поговорок и загадок на эту тему. «Пришло счастье, хоть в колокола звони». Это значит, что звон колокола связывался в народе больше с радостью, с хорошей вестью. «В церковь людей зовет, а сам никогда не бывает». Действительно, колокол всегда обращен к народу, к миру.

Я поинтересовалась у жителей нашего города, какие эмоции они получают при звоне колоколов. И вот какие услышала высказывания:

«Благодатное звучание очищает мою душу»; «Это песня, зовущая ввысь, дающая необъяснимую радость»; «...Хочется даже иногда всплакнуть. Это так красиво!».

Из анкетных данных я узнала, что настроение людей бывает и грустным и радостным, торжественным и скорбным.

Я решила опытным путем проверить, как влияет звон колоколов на эмоциональное состояние человека. Всего в эксперименте приняло участие 18 человек. Детям были разданы цветные карандаши и листки бумаги с изображением 9 квадратов. Условно с ребятами определились, что, услышав фрагмент определенного звона, они выражают свое настроение в цвете: отличное, веселое – красный; хорошее – желтый; спокойное – зеленый; грустное – синий; плохое – черный.

По окончанию эксперимента, я соотнесла раскрашенные квадраты с фрагментами прослушанных звонов. Каждому колокольному звуку соответствует определенное эмоциональное состояние. При прослушивании праздничного, свадебного звона, вальса колоколов, дети

раскрасили квадраты красным цветом. «Встречный», «Будничный», «Благовест» они нашли более спокойными и раскрасили желтым и зеленым цветом. Настроение при прослушивании погребального звона было у всех плохое, поэтому все использовали черный цвет, и выразили желание поскорее сменить этот звон на другой.

О колоколах сложилось много легенд. Сохранились наблюдения, что под колокольней не живут крысы, что звон способствует выздоровлению, заживлению ран. Раньше на Руси во время эпидемий звонил колокол. В наше время ученые опытно доказали, что колокольный звон уничтожает болезнетворные микроорганизмы, улучшает духовное и физическое состояние человека. Группа ученых под руководством Ф. Я. Шипунова выдвинула гипотезу, что колокола – это генератор энергии в ультразвуковом диапазоне, которые разрушают болезнетворную среду. Колокольный звон обезвреживает вирусы гриппа, желтухи и др. Если в комнате поставить даже маленький колокол, то при его звоне вирусы превращаются в кристаллические структуры, и не несут никакой заразы. Когда я прочитала об этом в книге, мне захотелось спросить у прихожан Сретенского собора: «Были ли случаи в Вашей жизни, когда посредством колокольного звона затихала душевная и физическая боль?». И вот такие ответы я получила: «Да, я исцелилась от телесного недуга и тоски по умершей docheri»; «Да, идя в храм на службу, я страдал зубной болью. Услышав колокольный звон, постоял чуточку дольше и с удивлением заметил, что боли нет»; «Даже дома, слушая записи колокольного звона, у меня проходит головная боль, наступает покой, ясность мысли, проходит боль в ногах».

Более половины опрошенных горожан верят, что колокольный звон несет в себе лечебные свойства, но сами не ощущали этого действия.

В детском журнале «Православный сибирячек» я прочитала рассказ о том, как в мужском православном монастыре монахи становились вокруг большого колокола, один из них раскачивал язык и ударял со всей силы, в то время братья его прикладывались лбами к стенкам колокола. В монастыре говорят, что это лучшая профилактика от всех болезней.

Профессор Саратовской консерватории Александр Сергеевич Ярешко защитил докторскую диссертацию о русском колокольном звоне. Он уверен, что ни одна церковь России за много лет не повторилась набором колоколов, их звучанием.

В библиотеке музеиного комплекса, листая

подшивки газет и журналов, мы с мамой нашли интересную цифру. Звук колоколов Сретенского собора в прошлом веке распространялся на 18 километров. Его слышали в окрестных деревнях по праздникам. И мне захотелось узнать, как далеко слышен колокольный звон в современном звучании.

Анализируя анкеты, мне не трудно было установить, в каких районах города звук колоколов слышен достаточно громко. Безусловно, это центр города, достаточно хорошо колокола слышны на улице Поселковой, Лизы Чайкиной, Ишимской, Ворошилова. Жители деревни Криволукской тоже слышат звон колоколов, но отмечают, что весной и летом звук сильнее. А вот в деревне Старый Кавдык жители не слышат звон, о чем сожалеют.

Участники анкетирования отметили, что праздничный звон слышен достаточно громко.

и вот будничный звучит приглушенно. Это можно объяснить тем, что в праздничном звучании участвуют большие колокола. Они издают более громкий, массивный, бархатный звук. Чем меньше размер колокола, тем звонче он звенит, но дальность распространения его невелика.

Мне показалось очень странно, что в населенных пунктах, достаточно удаленных от Сретенского собора, слышен колокольный звон. Но все встало на свои места, когда мне объяснили следующее: весной и летом звук распространяется дальше благодаря тому, что он отражается от водной глади реки Тобол и ее пойменных водоемов. А вот городские высотные застройки гасят звук колоколов. Поэтому в новых районах города, расположенных в западной части Ялтуровска, звук не слышен.

Из всего этого я сделала вывод: около половины жителей нашего города имеют возможность слышать благодатный звон колоколов, но, к сожалению, звук не распространяется так далеко, как раньше.

Я всегда хотела подняться на звонницу собора, побывать между небом и землей, испытать смешанные чувства восторга и смирения. И вот моя мечта осуществилась. Мы с мамой медленно поднимаемся по винтовой узкой лестнице. Считаем в полумраке ступени. Всего их 34. И вот первая площадка. Можно перевести дыхание. Хочется посмотреть вниз, но толстая кладка стен и высокие круглые проемы окон не позволяют это сделать. Теперь снова вверх по лестнице, почти вертикально. Открываем крышку тяжелой двери! Я на колокольне Сретенского собора! Какая высота!

Колокола всегда размещают на высоких колокольнях, чем выше колокольня, тем дальше слышен колокольный звон, раздающийся под

Экскурсия на колокольню.

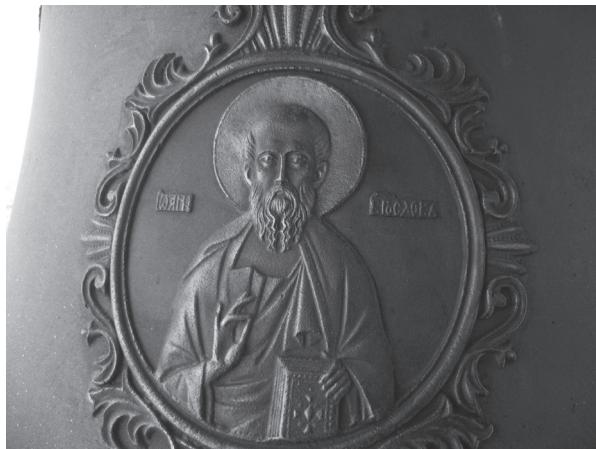
куполом небесным.

В библиотеке Сретенского собора мы нашли сведения об особенностях его архитектуры. Как и основное здание храма, звонница построена из кирпича. Высота восстановленной звонницы, как и прежде, составляет 35 метров со шпилем. По горизонтали здание звонницы разделено тремя поясками. Взгляд невольно обращается туда, где в широком пролете звонницы видны колокола. Каждый пролет огорожен ажурной решеткой. Звонница имеет много путей. Это усиливает звук колоколов.

На основной площадке звонницы установлено 13 колоколов. Вес самого большого колокола 3400 кг. Высота колокола 1 метр 74 сантиметра, диаметр - 1 метр 36 сантиметров. Самый маленький колокол весит всего 14 кг, высота его около 30 сантиметров.

Отлиты колокола специально для Сретенского собора из сплава меди (80%) и олова (20%).

Колокола украшены рисунками и надписями. Так, на большом колоколе изображены лики Спаса нерукотворного, Рождество Христово, Господь Вседержитель, Святой Иоанн Тобольский. Надпись на колоколе: «Благовестуй земле радость велию, хвалите небеса Божию славу».

Большой колокол вещает нам по особым праздникам. Чтобы раскачать его язык, надо много потрудиться.

Два других колокола весом 1950 кг, 1024 кг. На них другое изображение: Пресвятая Троица, Крещение Господне, Святой Николай Угодник, Преподобный Сергий Радонежский. На них мы читаем надпись: «Работайте Господеви со страхом, и радуйтесь ему с трепетом». Их звон мы слышим по воскресным дням.

Подзвонные колокола расположены в ряд. Они радуют нас заливистым звоном. Звонят они дружно, подхватывая друг друга.

Вид с колокольни Сретенского собора отрывается великолепный. С одной стороны - это улицы города, с его суетой, шумом. С другой - это необъятные просторы нашего края с его вековой историей, тишиной и величием.

Все это заставляет нас помнить о скротечности времени и вечности жизни. Я, находясь на колокольне, испытывала особое волнение, хотелось думать только о хорошем, и

делать только добрые дела. Мое настроение подтверждают мнения горожан, которые имели возможность побывать на колокольне. В анкетах они выразили это следующими словами: «Я даже звонила сама! Эйфория! Восторг, вдохновение. Хотелось звонить красиво. На земле, когда спустилась, чувствовала прилив сил, умиротворение»; «Я поднималась на колокольню на Пасхальной неделе. Было очень трудно подниматься, но испытала такую радость, полет, забыла, что я уже старушка»; «Я очень рада, что в дни Светлой седьмицы есть возможность позвонить в колокола, поделиться радостью с другими. Хочется обнять весь мир».

Снова я жду Светлую седьмицу, чтобы подняться по винтовой, узкой лестнице на колокольню Сретенского собора, и испытать чувство восторга, радости, перебрать нити колоколов, послушать звон, пробивающий все преграды и препятствия, звон, олицетворяющий русское раздолье, звон, о котором можно говорить вечно.

«Колокола Сретенского собора стали родными и любимыми, словно членами любой семьи, к ним мы готовы приходить каждый день, в любую погоду». Так отзываются о них жители города Ялуторовска. Мне показалось очень метким еще одно высказывание в анкете: «Когда слушаешь колокола, тогда чувствуешь, как важно не засорять пространство».

Многие горожане считают, что колокольный звон можно считать символом звука России. Они высказали это так: «Россия немыслима без колокольного звона»; «Это гимн любви к Богу, Родине, всем, кто нас окружает»; «Русским другого символа и не надо».

Общаясь с горожанами, прихожанами Сретенского собора, я почувствовала себя гражданином своей Родины, поняла, что нужно быть терпимее, добрее.

Сергей ДОМАШЕНКО,
учащийся МАОУ СОШ №90 г. Тюмени

Декабристы и сегодня формируют культурный облик Ялуторовска

Победоносная для России Отечественная война 1812 года продолжает волновать умы и сердца наших современников, особенно в этот юбилейный год её двухсотлетия. Для России она с первых дней была войной справедливой, носила национальный характер и поэтому способствовала росту национального самосознания.

Мне захотелось детально изучить жизнь и деятельность некоторых декабристов-участников войны 1812 года, сосланных в Ялуторовск, чтобы проследить взаимосвязь влияния войны 1812 года на судьбу отдельного человека и влияние отдельного человека на формирование культурного облика отдельного города и страны в целом.

После того, как в Европе воцарился мир, в среде офицеров-фронтовиков начался тяжелый кризис невостребованности. По совершенно справедливому замечанию Ю.М. Лотмана, войны приучили русских дворян «смотреть на себя как на действующих лиц истории».¹

Юные ветераны Отечественной войны, не знаяшие «взрослой» довоенной жизни, в военные годы свыклись с мыслью, что от их личной воли, старания, мужества зависит в итоге судьба отечества. Молодым офицерам послевоенной эпохи приходилось выбирать: жить спокойной размеренной жизнью, либо попытаться сломать сословный строй в России, построить новую страну, где им могло найтись достойное место.

Таким образом в стране начинает формироваться новое политическое движение «Декабристы» – это в основном дворянская военная молодежь, усвоившая идеи западного либерализма о народном суверенитете, освобождении личности, гражданских свободах. Основные свои идеи они черпали из произведений французских просветителей, всесторонне показавших бесперспективность сохранения феодализма и абсолютизма.

Размышлять о себе в связи с войной 1812 года начали сами декабристы. О войне они говорили много и охотно, поскольку некоторые из них воевали, а большая часть страдала оттого, что повоевать не успела. В любом случае все декабристы были современниками великих исторических событий, память о которых была вполне актуальна. Во время войны, когда будущие декабристы еще не знали, что станут таковыми,

их подобно большинству молодых русских дворян вдохновляли высокие чувства любви к отечеству. «Мы были дети 1812 года. Принести в жертву все, даже самую жизнь, ради любви к отечеству было сердечным побуждением. Наши чувства были чужды эгоизма. Бог свидетель этому», - писал на склоне лет Матвей Муравьев-Аpostол, ветеран движения, участник восстания Черниговского полка.²

Изучив данный материал, проследив взаимосвязь между событиями 1812 года и формированием патриотических взглядов у дворян на происходящее угнетение простого народа, можно сделать вывод о том, что война 1812 года сыграла решающую роль в становлении декабристского движения, которое впоследствии привело к восстанию декабристов 14 декабря 1825 года. К сожалению, восстание было подавлено, к следствию и суду по делу декабристов было привлечено 579 человек, 5 человек были приговорены к смертной казни, другие были сосланы в Сибирь.

Одним из сибирских городов, куда на поселение были отправлены ссыльные декабристы, стал город Ялуторовск. С 1829 по 1856 год на поселении в Ялуторовске находились пять декабристов - участников войны 1812 г. Это были образованнейшие люди России, герои войны, награждённые за мужество орденами: Матвей Иванович Муравьев-Аpostол, Иван Дмитриевич Якушкин, полковники Василий Иванович Враницкий, Вильгельм-Сигизмунд Карлович Тизенгаузен, подполковник Андрей Васильевич Ентайцев.

Изучение влияния этих людей на формирование культурного облика г. Ялуторовска я начал с посещения музея декабристов. Во время посещения музея состоялось мое знакомство с Альбиной Григорьевной Болотовой. Альбина Григорьевна провела со мной индивидуальную экскурсию по домам, где во время ссылки жили декабристы, рассказала о том, как они жили, чем занимались, как помогали жителям города. Я своими глазами смог увидеть оружие времён войны 1812 года, боевые награды, полученные декабристами за участие в сражениях против Наполеона, их личные вещи, письма, дневники и т.д. Всё это оставило у меня незабываемые впечатления, я как будто соприкоснулся с историей

**В доме декабриста
М.И.Муравьёва-Апостола.**

того времени.

Ссыльные декабристы принесли немалую пользу Сибири и ее жителям. Они сделались лекарями и правозащитниками, ходатаями за обиженных и притесняемых. Они способствовали изучению истории и природных богатств края, занимались просвещением, распространением новых сельскохозяйственных культур. Кто-то из них завел здесь семью, выбрав жену среди сибирячек, воспитывал детей. Сибирь, где прошла значительная часть их молодости, их жизни, стала для них второй родиной. Несмотря на все пережитые здесь тяготы, нужду, преследования, покидая ее, они отдавали ей дань благодарности и предрекали светлое будущее. Они первыми приступили к созданию публичных библиотек, организации бесплатных школ, открыв женские школы на территории Сибири, они фактически первыми в России положили начало вовлечению женщин в сферу умственного труда. Само пребывание декабристов в сибирских городах, их разнообразная деятельность, их споры, переписка влияли на общественное мнение. Они и в ссылке оставались гражданами в высоком смысле. И отчетливо осознавали значение своих дел. Говоря о влиянии декабристов на развитие общей культуры в Сибири, Н.В.Басаргин писал: «Мы уверены, что добрая молва о нас сохранится надолго по всей Сибири, что многие скажут спасибо за ту пользу, которую пребыва-

ние наше им доставило».³

Дата 14 декабря стала значимой для жителей города Ялуторовска. Горожане в этот день собираются на мемориально-духовном комплексе, чтобы почтить память декабристов.

В 1987-м начали проводить салонные вечера. С 1996 года «Декабристские вечера» имеют статус областного фестиваля. Память о декабристах - главнейшая достопримечательность Ялуторовска. Их именами названы улицы, средняя школа, берёзовая роща.

Празднуя 200-летие Отечественной войны 1812 года, трудно не согласиться со словами нашего земляка историка Ю.А.Фабрика: «Годовщины, отмечаемые нами – это напоминание о нашем долгом пред Отечеством, о том, что жили на земле нашей люди достойнее, чем мы, исполнившие этот долг. И славные годовщины нам и в назидание и, быть может, в укор. А им, свершившим и ушедшим, в знак благодарности нашей памяти».⁴

Ссылки:

1. Нечкина М.В. Декабристы. - М., 1982, с.54.
2. Зубарев Н.В. Ялуторовск. Свердловск, 1972 г., с.12.
- 3.Афонасьева Л.И., Болотова А.Г., Шестакова Н.М. Границы истории, сборник краеведческих статей научных сотрудников Ялуторовского музеяного комплекса. Ялуторовск, 2002 г., с.23.
4. Фабрика Ю.А. Сибирский щит, 2011 г., с.43.

Полина МОГУТОВА,
ученица 6 класса МАОУ «Средняя
общеобразовательная школа №1» г.Ялуторовска

Живу я на улице Новикова...

Я живу в г. Ялуторовске на улице Новикова. В нашем городе много улиц, названных фамилиями декабристов – Якушкина, Пущина, Оболенского..., есть улицы Олега Купрыча и Алексея Шлагинова, ребят, погибших в Афганистане, много улиц, носящих имена известных людей XX века – Ленина, Ворошилова, Свердлова..., есть улицы с красивыми названиями – Берёзовая, Луговая.... И мне стало интересно узнать, чьё же имя носит моя улица? С таким вопросом я обратилась к своим подругам, знакомым, бабушкам, соседям.

Из 10 человек (8 взрослых и 2 детей), опрошенных мною, только 3 взрослых смогли что-то ответить. Дети, молодёжь и люди среднего возраста вообще ничего не знают о названии улицы. Не получив точных сведений, я пошла в библиотеку и в музей, и вот что я узнала...

До 28 марта 1911 г. улица даже не имела своего названия. С этой же даты улица, «поперечная Оболенской», получила название Свирелинской в честь инженера Свирелина - начальника 3-й дистанции 1-го участка управления по постройке Тюмень-Омской железной дороги.

1 декабря 1922 г. на заседании президиума Ялуторовского Совета было принято решение переименовать улицу Свирелинскую в Новиковскую. Это было сделано, чтобы увековечить имя Владимира Васильевича Новикова, депутата Ялуторовского Совета, трагически погибшего при подавлении крестьянского восстания 1921 г.

Владимир Васильевич – сын столяра. Член партии с 1905 г. В армии Новиков вместе с другими коммунистами выполнял задание партийной организации. В 1909 г. он был арестован и сослан в Сибирь на каторгу, где провёл более 8 лет. Только Октябрьская революция подарила ему свободу. Вся жизнь большевика Новикова – борьба с врагами Советской власти. Он погиб в 1921 году. На Сретенской площади, возле храма, стоит скромный обелиск. Здесь похоронены и Шауров, и Новиков, и другие большевики, сложившие свои головы за светлое будущее нашего народа.

Прошло много лет. Что же изменилось в облике ул. Новикова? Давайте пройдём по ней и совершим небольшую экскурсию.

В семидесятых годах прошлого века улица начала застраиваться многоквартирными пятиэтажными домами. В 1972 г. городская библиотека (взрослая и детская) получила новое просторное помещение – нижний этаж дома №26.

Пятиэтажные дома мирно соседствуют с частными. На одном из них, на нечётной стороне, висит памятная доска, увековечивающая имя Николая Васильевича Зубарева, ветерана Великой Отечественной войны, орденоносца, прошагавшего от стен Кремля до Праги. Николай Васильевич долгие годы работал директором нашего музея, написал книгу «Ялуторовск» об истории нашего края, стал Н. В. Зубарев стал Почётным гражданином города. В 1995 г. городская Дума приняла решение назвать его именем улицу в районе плодопитомника.

У здания, расположенного на углу улиц Свободы и Новикова, известном как первая в Сибири школа для девочек, открытая декабристами, интересная история.

В 1943 г. здесь находился детский дом-интернат под руководством В. Анисимовой. В 2003 г. здание реконструировано. В 2004-м, в наши дни, в преддверии Дня города, возле него появился бюст И. Д. Якушкина работы ялуторовского скульптора В. Н. Шарапова.

Есть на моей улице и специальная коррекционная школа №5, открытая в 2001 г., и сквер им. Ю. Друниной с памятником известной поэтессе. Семью Друниных эвакуировали из Москвы в с. Заводоуковское. 17-летняя Юлия несколько раз ходила по шпалам в Ялуторовский военкомат – просила отправить её добровольцем на фронт. И в 1942 г. ее просьбу удовлетворили. После войны она несколько раз побывала в Ялуторовске. В музейном комплексе хранится скромный сборник её стихов с дарственной надписью от 31 июля 1971 года.

В конце ул. Новикова расположены автовокзал, открывшийся 19 ноября 2007 г., и обновлённый железнодорожный вокзал, недавно открывший свои двери после реконструкции. В 1997 г. на площади у двух вокзалов (ныне площадь Декабристов) установлены бюсты 9 декабристов. Они изготовлены московским скульптором, лауреатом Ленинской премии В. Е. Матросовым. Здесь часто бывают экскурсии, много гостей приходит сюда и в дни фестиваля «Декабристские вечера».

Вот такая она, моя старая и новая улица, но-

сящая имя Владимира Васильевича Новикова, улица, смело смотрящая в будущее, гостеприимно встречающая и провожающая гостей города у площади Декабристов. Моя улица с каждым годом становится всё лучше, на ней появляется что-то новое. Вот и пешеходный бульвар недавно построили. Здесь особенно красиво летом – всегда чисто и много цветов.

Улица Новикова входит в туристический маршрут города.

Мне бы очень хотелось, чтобы все жители города знали свою историю, берегли свой неповторимый город, и чтобы как можно меньше было тех названий, о которых ничего бы не знали люди.

Пусть в нашей жизни все будет так, как сказал поэт:

Погибшим –
быть бессменно на посту,
Им жить в названьях улиц и былинах.
Их подвигов святую красоту
Отобразят художники в картинах.
Живым – Героев чтить, не забывать,
Их имена хранить в бессмертных списках,
Об их отваге всем напоминать
И клась цветы к подножьям обелисков!

Список использованной литературы

1. Белоглазов П. К. Ялуторовск: след в истории. – Тюмень: Тюменский издательский дом, 2003. – 280 с.
2. Мореев В. Диктатура хуже царской // Ленинский путь. – 1972. – 16 марта.
3. От Елисея Гилёва и Петра Ульянова до наших дней: летопись / сост. Т. Г. Бурлакова; ред. П. К. Белоглазов. - Тюмень, ТРИ Т, 2003. – 240 с.
4. Хряков П. Владимир Васильевич Новиков // Колхозная правда. – 1937. – №227 (ЯМК. НВФ. 1482/1.)

*Улица Новикова. На прогулке.
Справа моя бабушка и тётя. 1962 г.*

Мир музея

Людмила АФОНАСЬЕВА,
заместитель директора по научной работе
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

Реконструкция боевого мундира образца 1812 года

Троє из пяти декабристов, участников Отечественной войны 1812 года, отбывавших ссылку в Ялуторовске за участие в восстании 1825 года, служили в лейб-гвардии Семеновском полку: М.И.Муравьев-Апостол, И.Д.Якушкин, В.К.Тизенгаузен.

В период войны и заграничных походов они находились в невысоких воинских званиях: Иван Дмитриевич Якушкин – подпрапорщик (1811 г.), прапорщик (1812 г.). Звание подпоручика получил в 1816 г. Матвей Иванович Муравьев-Апостол - подпрапорщик (1811 г.), прапорщик (1812 г.).

На 1812 год М.И.Муравьеву-Апостолу и И.Д.Якушкину по 19 лет. На тот период они были очень молоды.

Только Василий Карлович Тизенгаузен, участник русско-шведской и русско-турецкой войн, имея опыт боевых действий, был в звании капитана (1811 г.). В 1814 году он переведен в Семеновский полк. Звание полковника присвоено в 1815 г. В 1812 году В.К.Тизенгаузену 32 или 33 года (учитывая неточную дату рождения).

Таким образом, при реконструкции военного мундира образца 1812 года мы остановились на форме прапорщика лейб-гвардии Семеновского полка.

На первом этапе реконструкции важно было изучить исторический материал.

Сохранились две акварели Н.И.Уткина: «Портрет С.И.Муравьева-Апостола. 1815 г.», «Портрет И.Д.Якушкина. 1816 г.». (Декабристы и Сибирь. М., 1988, с.21, 38). На портретах видны темно-зеленые двубортные мундиры с высокими светло-синими, расшитыми желтым шитьем, воротниками. На плечах эполеты без бахромы, с одним широким и одним узким витками.

В русской армии не было четкой системы знаков различия званий и чинов. По внешнему виду воина можно было определить категорию чина.

Мундиры для гвардейцев шили из лучшего сукна, отличались они изяществом и тонкостью отделки. Как бы ни менялись детали одежды русского воина в зависимости от времени, условий войны, моды, но в основе её со временем Петра I лежал темно-зеленый мундир с красной отделкой.

Итак, мы выбрали мундир темно-зеленый, двубортный, укороченный, фрачного покрова, с

12 пуговицами по борту (два ряда по 6 пуговиц). Верхняя сторона фалд темно-зеленая (как и мундир), нижняя – красная. Нижние края фалд загнуты на зеленую часть, закреплены пуговицей. Фалды недлинные, примерно до середины бедра.

Обшлага на рукавах красные, чуть расширенные книзу. На зеленой и красной ткани - черный вертикальный клапан, с застегивающимися пуговицами (орнамент одинаков с орнаментом на воротнике). По 3 пуговицы на каждом рукаве.

Существует исторический анекдот о том, как на одном из смотров офицер свиты обратил внимание на то, что Александр Павлович забыл застегнуть нижние пуговки клапанов и сказал ему, что обшлага застегнуты не по форме. «У императора ничего не может быть не по форме», - ответил Александр, и с той поры мода расстегивать нижние пуговки обшлагов распространилась среди офицеров по всей армии. Со временем на клапане даже перестали прорезать петли: верхние «застегнутые» пуговицы нашивались прямо на клапан, а нижня – «расстегнутая» - на обшлаг под клапаном. Этот своеобразный фасон обшлагов сохранялся на русских офицерских мундирах до Первой мировой войны. («За веру и верность». Три века Российской императорской гвардии. СПб., 2003, с.105).

При общей гвардейской форме Семеновский полк имел высокие светло-синие воротники с красной выпушкой, продолговатые узорчатые петлицы, окаймленные витым орнаментом. (Не по всему обхвату горловины, а с серединой до застежки впереди).

Эполеты обер-офицеров, в т.ч. подпоручиков и поручиков были без бахромы. Цвет эполет (поле) соответствовал присвоенному полку металлическому прибору, а подбой строился из сукна прикладного цвета. Пуговицы в цвет поля.

В декабре 1807 года нижним чинам пехоты были даны новые зимние суконные панталоны с кожаными крагами на семи пуговицах внизу, одевавшиеся поверх укороченных сапог. Офицерам при зимней форме полагались высокие, под колено, сапоги. Летом в строю офицеры надевали полотняные панталоны, что и у нижних чинов, но с металлическими пуговицами.

Любопытно, что в начале века обувь не различалась на левый и правый сапог. Они были совершенно одинаковы, на какую ногу

одевать - безразлично.

Кивер представлял собой фетровый усеченный конус, расширяющийся кверху. Верхняя его плоскость обтягивалась черной кожей. Высота кивера около 17 см. По бокам для прочности нашивались кожаные ремни в виде буквы V. Нижний край кивера также обшивался кожаным ремнем, чтобы диаметр нижней части можно было регулировать по размеру головы. Под ремень вшивался козырек из толстой юфтевой кожи. С боков кивера к V-образному ремню крепился под-

бородный ремень, поверх которого нанизывалась так называемая «чешуя», состоявшая из отдельных фигурных пластинок. Она изготавливала из меди и у офицеров золотилась или серебрилась. Цвет её зависел от присвоенного полку приборного металла (золото или серебро). На кивер крепился кутас (украшение в виде шнурас с кистью). Кутас состоял из двух ветвей – передней и задней. К нему крепились левый и правый этишкеты (длинный шнур с двумя кистями на конце, идущий от верха шапки к воротнику). Левый этишкет был короткий (до нижнего обреза кивера) и состоял из двух небольших кистей. Правый был значительно длиннее и представлял сложное плетеное украшение. Кутас и этишкет у офицеров плелись из золотых или серебряных шнурков, у солдат из шелкового белевого шнура белого или желтого цвета.

На передней стороне кивера в полку лейб-гвардии крепился медный (у офицеров золоченый) киверный орел общегвардейского образца.

В полках гвардейской пехоты, в т.ч. Семеновском на киверах носили знак в виде двуглавого орла (с короной между головами) с лавровым венком в правой лапе, перунами в левой. На груди орла – щит с изображением св. Георгия. Этот знак введен 16 апреля 1808 г.

Данный знак очень похож на изображение официальной эмблемы празднования 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года, утвержденной Президентом РФ. Добавлены некоторые элементы: «ополченский крест» с датами, развивающаяся лента и др.

В верхней части кивера крепились – репеёк и султан. Узкий и, несколько расширяющийся кверху, султан вставлялся в специальный ко-

жаный кармашек. В том же кармашке под султаном крепился шерстяной репеек батальонного цвета. У солдат репеёк представлял собой овальную выпуклую деревянную деталь. У каждого полка цвет репеяка и султана различен. Так, у Семеновского полка цвет репеяка – красный, султана – черный. Султан – украшение из заячьего меха (?) высотой 17,6 см. В описаниях встречается, что султаны изготавливались также из страусиных (для штаб-офицеров и генералов), петушиных (для обер-офицеров) перьев, конского волоса.

Султаны надевали на кивера обычно не только на смотрах, парадах и в иных торжественных случаях. В повседневной службе, перед боем султан снимали и укладывали внутрь кивера.

Вообще кивер был не только головным убором. В кивере кроме султана нередко хранили ложку, деньги, нитки и иголки, гребешок, щеточку для усов, вакс-помаду, фабру – косметическую мазь для натирания усов, чтобы они не свисали, а также для окраски усов и бороды в темный цвет.

Нередко там можно было найти трубочку с табачком, запасной кремень для пистолета, шило, отверточку. Мастеровитые солдаты носили и всякий мелкий инструмент своего ремесла. Не было другого удобного в мундире места держать всю эту нужную в солдатском быту мелочь.

В сражениях, при плохих погодных условиях на кивер надевали серый или черный промоленный чехол. Несмотря на предосторожности, под дождем фетр размокал, терял форму и быстро разрушался. Поэтому в повседневной службе носили не кивер, а фуражную шапку, очень похожую на современную. Солдаты иunter-офицеры имели фуражную шапку без козырька, офицеры – с козырьком.

В ходе победоносной Отечественной войны 1812 года и кампаний 1813-1814 годов кивер стал весьма популярен не только в Российской армии, но и в войсках союзников. С 1813 года подобные головные уборы были введены в Пруссии, а позднее еще в некоторых европейских армиях. В царствование Николая II кивер 1812 года был использован в качестве образца для новой военной формы.

Форма воина 1812 года больше подходила для парадов и не всегда была удобна в боевых действиях. В походах, в условиях войны, в ненастную погоду она намокала, грязнилась от дыма, летящей земли от копыт коней, от разрывов снарядов. В действительности солдаты и офицеры выглядели не столь нарядно, как мы видим в кинофильмах «Война и мир», «Гусарская баллада».

Изучив историю мундира прапорщика лейб-гвардии Семеновского полка, мы приступили к его реконструкции. Сразу обозначилось несколько проблем. Первая – сложно было най-

Л.А.Хребтова за изготавлением кивера.

ти соответствующую по цвету ткань, в основном, плотное сукно хорошего качества. Вторая - привлечь к работе мастеров, которые помогли бы реализовать задуманное. Сшить мундир согласилась костюмер кино-концертного зала «Юбилейный» Надежда Борисовна Иванецкая. Пошив формы для нее – дело не новое. Несколько лет назад она работала швеёй в ателье для военнослужащих. Ей также пришлось начать с изучения костюма воина 1812 года. Особые затруднения вызвал пошив эполет и воротника с золотым шитьем, т.к. современные материалы значительно отличаются от тех, которые использовались в первом десятилетии XIX века.

Кивер создала Людмила Александровна Хребтова, в прошлом «шляпных дел» мастер, ныне руководитель театра мод «Людмила». Она сама подбирала фетр, кожу, мех на султан, ткань на репеёк, шнур на кутас и этишкеты, металлические пластинки для «чешуи», привлекая знакомых и друзей.

**А. Орлов в форме
прапорщика
лейб-гвардии
Семёновского полка.**

Вместе с ней мы вели поиск умельца для изготовления киверного орла. Как выяснилось, любимое увлечение многих в 1980-е – 1990-е годы – чеканка – забыта, инструменты утеряны. Людмила Александровна обратилась к ялуторовчанину Сергею Горюхову, который за два дня выполнил сложную работу.

Исполнить роль прапорщика лейб-гвардии Семёновского полка согласился наш добровольный помощник Алексей Орлов. Он терпеливо ходил на примерки, под его фигуру шилась и подгонялась форма. На его глазах создавался костюм от кусков ткани до полного комплекта.

В полном обмундировании А.Орлов предстал перед посетителями в «Ночь музеев» 19 мая 2012 года. Реконструированный костюм привлекал внимание ялуторовчан и гостей города, вызывал интерес у журналистов.

Сейчас военный мундир образца 1812 года представлен в экспозиции «За честь Отчизны», посвященной 200-летию Отечественной войны, в мемориальном доме ветерана этой войны, декабриста М.И.Муравьева-Аpostola.

**Наталья ЕФИМОВА,
заведующая научной библиотекой
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»**

Библиотека Кириака Колмакова

Известный ученый А.А. Мансуров в работе «Об изучении материалов о местных деятелях и уроженцах» писал: «... исследование местной культуры – это и есть исследование деятельности местных людей. Все, что делалось в крае, - делалось его людьми и изучать лишь плоды их работ, обойдя плодоносителей, нельзя».

Это выражение в полной мере относится к Кириаку Степановичу Колмакову. Он был человеком высокой культуры, получил прекрасное образование. Огромное место в его жизни занимали книги. В научной библиотеке Ялуторовского музейного комплекса хранится только уцелевшая часть той огромной библиотеки, которой он владел.

В результате национализации земли и отмены частной собственности после Октябрьской революции десятки тысяч усадеб оказались без хозяев, имущество разобрано местным населением, книжные коллекции утрачены. В этих условиях основным путем «спасения» коллекций стал вывоз из усадеб и передача их в государственные библиотеки.

В конце 1919 года имение купцов Колмаковых национализировали. Профессор, известный краевед Виктор Ефимович Копылов писал: «При национализации имущества Колмаковых из жилого дома вывезли шесть телег со старинными иконами и книгами. Их местонахождение неизвестно»¹.

30 марта 1920 года вышло постановление Тюменского губернского военно-революционного комитета об открытии в губернии библиотек. В нем говорилось о необходимости в самое ближайшее время приступить к созданию народных библиотек во всей губернии. Ялуторовской Центропечати и уграмоту предлагалось сдать по особому акту в Ялуторовский отдел народного образования все книги с займки братьев Колмаковых².

Первым профессиональным библиотекарем Ялуторовска была Афанасия Федоровна Зубарева. В июне 1920 года она приняла уездную центральную библиотеку под свое начало. Позднее она вспоминала: «В одной комнате в шкафах хранилась художественная литература, в другой от пола до потолка – груда книг. Ни-

каких документов на фонд не было. Книг – более пятнадцати тысяч. Но из них больше половины периодики – журналы конца девятнадцатого столетия и начала двадцатого: «Отечественные записки», «Исторический вестник», «Русская мысль», «Мир божий», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Современник». Было несколько экземпляров журнала «Неделя». Много и исторической литературы, книг о жизни царей Дома Романовых. Здесь же и книги французских просветителей: Диодро, Вольтера, Ж.Ж. Руссо, социалистов-утопистов: Фурье, Сен-Симона, Р. Оуэна и других. Из художественной литературы: полное собрание сочинений Л. Толстого, Тургенева, Пушкина, Лермонтова, Гончарова, Грибоедова, Крылова, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского, сочинения Байрона, Шиллера, Гете, Бомарше, Бальзака. Были прекрасно изданные, богато иллюстрированные большого формата альбомы: Гете «Фауст», Вольтер «Орлеанская дева», Данте «Потерянный и возвращенный рай». Много литературы по вопросам всемирной истории, архитектуры, техники, географии, сельского хозяйства, изданной на хорошей бумаге, в богатом переплете».³

Именно А.Ф. Зубарева в процессе обработки книг на титульных листах обнаружила фамилию: «Колмаков». По воспоминаниям очевидцев, книги дореволюционного периода хранились в библиотеке в отдельной комнате, под замком.

В 1923 году Ялуторовский уездный исполнительный комитет просит срочно приступить к созданию комиссий по изъятию «устаревшей негодной литературы, пересмотру каталогов и инвентарных книг. Изъятию подлежали все агитационные книги не коммунистического содержания, книги монархического содержания (исторические, беллетристика), книги духовно-нравственного содержания (жития святых), устаревшие по содержанию книги, вся ветхая литература».

Уцелевшие экземпляры из городской библиотеки были переданы в партбиблиотеку.

В 1955-1956 гг. коллекция книг и журналов, изданных до 1917 года, была передана в библиотеку краеведческого музея Памяти декабри-

стов из партбиблиотеки г. Ялуторовска по распоряжению Тюменского обкома КПСС. Так фонды музея пополнились книгами и журналами из библиотек Ялуторовских учебных заведений: уездного и приходских училищ, женской прогимназии и частных библиотек.

Наиболее многочисленной оказалась библиотека «ученого агронома» Кириака Степановича Колмакова. Его можно назвать ценителем книг. Все книги, за редким исключением, переплетены. Корешок сделан из кожи, крышки переплета покрыты тканью серого, коричневого или черного цвета. На корешке тиснение из трех букв: К.С.К. Если нет тиснения, то стоит автограф: Колмаков и дата, когда была куплена книга, или пришел журнал по подписке.

В научной библиотеке Ялуторовского музеино-го комплекса хранится 333 издания, принадлежавшие Кириаку Колмакову. Еще 25 книг требуют тщательного изучения.

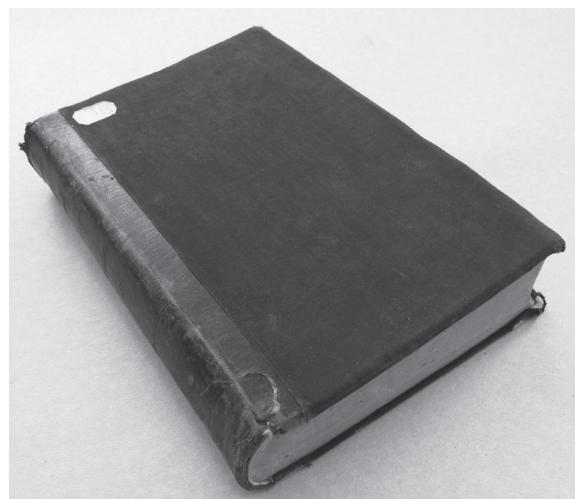
Среди них журналы: «Исторический вестник», «Научное слово», «Новое слово», «Техническое образование», «Русское экономическое обозрение», «Сибирские вопросы», «Вопросы философии и психологии», «Научное обозрение», «Русская школа», «Образование», «Народное хозяйство», «Вестник иностранной литературы».

Книги из библиотеки Колмакова узнаваемы, владельческая надпись сделана одинаковыми чернилами и очень аккуратным почерком.

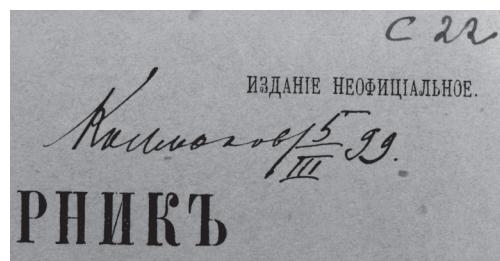
Его интересы очень разнообразны: история и естественные науки, литература, философия, психология, экономика. Книги по сельскому хозяйству он особенно глубоко и серьезно изучал.

Работа уездным агрономом, председателем Ялуторовского отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства требовала много знаний по сельскому хозяйству. Первые свои книги он начал покупать еще студентом Московской Петровско-Разумовской землемельческой и лесной академии. Об этом свидетельствуют штампы книжных магазинов города Москвы и время покупки.

Сохранились лекции профессора Н.П. Чирвинского по «Общей зоотехнии» за 1891 год. Лекции состоят из трех частей. Первая и третья часть лекций рукописная, а вторая отпечатана на печатной машинке. Все страницы пронуме-

Книга К.Колмакова.

**Владельческая надпись
на титульном листе.**

рованы и стоит владельческая надпись: «Колмаков». Лекции написаны, скорее всего, женской рукой, переплетены, на корешке из кожи тиснение: «К.С.К.», на каждой странице читательские пометки, на титульном листе надписи: литографированные лекции. Эта рукопись еще ждет тщательного изучения.

В журнале «Новое время» за 1897 год красным карандашом подчеркнуты фразы: «скупщик, торговец, купец – вот та центральная фигура, которая управляет нашей экономической жизнью, руководит рынком ...», «те слова угодны Богу, которые идут от самого сердца», «без любви какой-нибудь жить человеку невозмож но – затем ему и душа нужна, чтобы он мог любить». В этом же журнале на полях предположительно владелец делает несколько надписей карандашом. Вот только одна из них: «Как ни как, а бюрократизм царствует в нашей жизни».

К. С. Колмаков не только преумножал личные капиталы, но и выполнял общественные обязанности. Он был членом Губернского статистического комитета, почетным мировым судьей по Ялуторовскому уезду, членом уездного отделения Омского епархиального училищного совета по Тобольской губернии. Понимая, что без специальных глубоких знаний ему не обойтись, он читал книги по гражданскому, государственному праву, социальным проблемам.

Кириак Степанович был ярким представителем семьи Колмаковых второго поколения. Его отец Степан Васильевич Колмаков - старообрядец. А среди раскольников всегда ценилась грамотность. Три сына Степана Колмакова получили образование: Кириак, Фома, Арсений. Хорошо понимал важность образования и Кириак. И как человек дела, строил школу для крестьянских детей.

Просвещенный купец выкраивал время для чтения сочинений Александра Герцена, Артура Шопенгауэра, Николая Златовратского, Карла Маркса.

По стопам отца решил пойти сын Анатолий, который учился в городе Харькове - в

Ново - Александровском институте сельского хозяйства и лесоводства. В библиотеке хранится книга «Духовное развитие» 1906 года, на титульном листе автограф: «Анатолий Колмаков. 1915. 9 марта. Харьков».

На книге «Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских» за 1880 год стоит печать: «Товарищество В.В. Колмаковъ съ братьями. Заводъ уковской».

Сохранившиеся экземпляры из библиотеки Кириака Колмакова свидетельствуют о той огромной роли, которую играли книги в его жизни, культурно-просветительной, научной, литературной, а особенно хозяйственной деятельности. Выписывались им и иностранные издания. Колмаков интересовался психологией, статистикой, политикой. Присутствовали в его библиотеке также и книги, связанные с декабристами, например, «Русская правда: наказ Временному Верховному Правлению» Пестеля. Не меньше, чем достижения науки, Кирьяка интересовали и политические события.

К сожалению, о судьбе Колмаковской библиотеки больше нам ничего неизвестно. Вполне вероятно, что отдельные экземпляры еще хранятся в частных коллекциях.

Отдавая дань уважения людям, которым служили книги, мы должны их разыскать и сохранить.

Не зная воочию Кириака Колмакова, мы можем судить о его личности по уцелевшему книжному наследию, по тем записям и пометам, которые сделаны рукой этого удивительного человека.

Примечания:

1. Копылов В.Е. Оклик памяти. История края глазами инженера. В 3-х книгах. Книга третья. – Тюмень: ИФ «Слово», 2002, с.157.
2. Ермачкова Е.П. Летопись земли Заводоуковской. - Заводоуковск, 2006. – с. 245.
3. Зубарева А.Ф. Гордиться есть чем // Ленинский путь. – 1970. - 26 мая.

Ирина ТАБАРИНЦЕВА,

*старший научный сотрудник научно-фондового отдела
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»*

Объективные и беспристрастные свидетели истории

Обзор коллекции бонистики из фондов Ялуторовского музеиного комплекса

Коллекция бонистики - одна из самых ранних коллекций Ялуторовского музея. В ее составе российские и советские бумажные денежные знаки, облигации государственных займов, лотерейные билеты, а также банкноты иностранных государств. Началом для создания коллекции послужили боны, переданные музею в дар жите-

лями города. На данный момент коллекция насчитывает более 1000 бумажных денежных знаков.

В собрании бонистики выделены следующие комплексы: общегосударственные выпуски Российской империи (в основной массе это государственные кредитные билеты эмиссий 1898-1915

годов, а также отдельные номиналы марок-денег и разменных казначейских билетов 1915-1917 годов); денежные знаки Временного правительства: государственные кредитные билеты, казначейские знаки (так называемые «керенки»); казначейские знаки Сибирского Временного правительства 1918 года выпуска; общегосударственные выпуски РСФСР и СССР. Кроме российских и советских денег в коллекции находятся денежные знаки разных стран мира (Венгрии, Чехии, Германии и др.), выпущенные в 1-ой или во 2-ой половине XX в. Самые ранние банкноты музеяного собрания относятся ко времени правления Николая II. В период правления последнего российского самодержца в обращении были бумажные деньги с портретами разных царственных особ из династии Романовых. В фондах музея хранятся кредитные билеты того времени с портретами Петра I (500-рублевая купюра), Екатерины Великой (100-рублевая), Николая I (50-рублевая) и Александра III (25-рублевая). Четкие портретные изображения на тех же купюрах повторяются и в виде водяного знака на белом фоне.

Особый интерес в коллекции представляет клад бумажных денег, состоящий из ассигнаций дореволюционного периода и первых лет Советской власти. В 1990 году

Иван Васильевич Марков, проживающий в доме № 97 по ул. Первомайской, передал сотрудникам музея клад бумажных денежных знаков, найденный им в конце 1940-х - начале 1950-х годов в печной трубе при сломе старого дома. Деньги хранились некоторое время в семье, а потом были переданы в музей. Учтены после того, как были атрибутированы (по просьбе сотрудников Ялуторовского музея) Владимиром Игоревичем Карпухиным, научным сотрудником Тюменского областного краеведческого музея.

Большую часть клада составляют бумажные денежные знаки Российской империи - государственные кредитные билеты достоинством 1 рубль 1898 года выпуска, с длинным (шестизначным) номером и упрощенной нумерацией. Это денежные знаки из бумаги прямоугольной формы размером 154x99 мм, хорошей сохранности, с водяными знаками, с фоновой сеткой в виде светлых и темных ромбиков по всему полю. На лицевой стороне билета (аверсе) сверху крупная надпись «Государственный кредитный билет» (печать черно-синяя). Под надписью на темно-коричневом фоне рисунок синеватого цвета: в сложной архитектурной композиции двуглавый орел с царскими регалиями (малый государственный герб 1883 года) с левой стороны, вензель Николая II с правой стороны. На лицевой же стороне билетов небольшой

текст по центру: «Государственный банк размещает кредитные билеты на золотую монету без ограничения суммы (1 руб.=1/15 империала, содержит 17,424 долей чистого золота)», обозначение номинала словами, двухлитерная серия, шестизначный или двузначный номер, подпись управляющих и кассиров. Среди подписей управляющих на наших банкнотах встречается только подпись И.П.Шипова; среди подписей кассиров подписи А. Алексеева, Евг. Гейльмана, Дудолькевича, Китаева, Лавровского, Лошкина, Г. де Милло, Морозова, Овчинникова, М. Осипова, Поликарповича, В. Протопопова, Софронова, Старикова, Чихиржина.

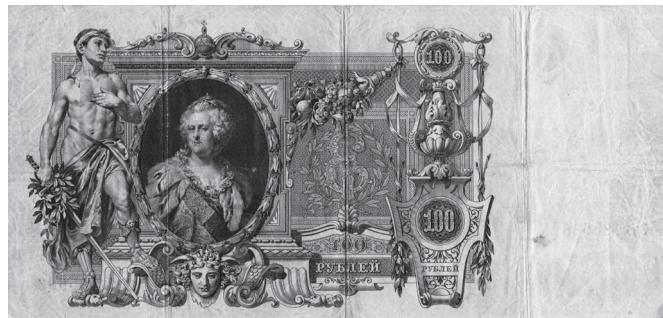
На оборотной стороне (реверсе) слева - крупно цифровой номинал (1 рубль). Посередине билета круглый щит, который украшают дубовая и лавровая ветки. В центре щита малый государственный герб 1883 года. Справа, в ажурной рамке, - 3 параграфа из Высочайшего указа от 14 ноября 1897 года о правилах обращения

данных кредитных билетов: «1. Размен Государственных кредитных билетов на золотую монету обеспечивается всем достоянием Государства. 2. Государственные кредитные билеты имеют хождение по всей Империи наравне с золотою монетою. 3. За подделку кредитных билетов виновные

подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу». Фон коричневый, рисунок желтого цвета.

Данные кредитные билеты достоинством в 1 рубль с шестизначным номером выпускались Экспедицией заготовления государственных бумаг до 1915 года (во времена Российской империи). Кредитные билеты с упрощенной нумерацией выпускались при Временном правительстве. Дата изъятия из обращения - 1 октября 1922 года.

В денежном кладе Маркова, состоящем из 300 бонов, много казначейских знаков достоинством 20 и 40 рублей 1917 года выпуска, названных в народе «керенками». Знаки получили название по фамилии последнего председателя Временного правительства А.Ф. Керенского. Что же представляет собой «керенка»? Почти квадратный денежный знак (61x50 мм) без номеров и подписей. Цвет фоновой сетки розовый, цвет изображения коричневый у знака достоинством 20 рублей, цвет фоновой сетки зеленый, цвет изображения красный у знака достоинством 40 рублей. На лицевой стороне наименование знака, герб Временного правительства (двуглавый орел без царских регалий), обозначение номинала цифрами и словами, надпись: «Обязателен к обращению наравне с кредитными билетами». На оборотной стороне обозначение номи-

Государственный кредитный билет достоинством 100 рублей. 1910 г. (аверс)

нала цифрами и словами, надпись: «Подделка преследуется законом». Как известно из истории «керенок», на эту угрозу наказания никто не обращал внимания. Именно «керенки», в отличие от всех известных видов бумажных денег, подделывались в огромных количествах. Только Экспедиция заготовления государственных бумаг печатала «керенки» на бумаге с водяными знаками. Чаще же они печатались в неспециализированных типографиях работниками без должной квалификации, разными красками, нередко на неподходящей бумаге, иногда даже односторонними: на обороте различных этикеток товаров и продуктов. Поэтому в народе получили еще одно остроумное название - «от кваса ярлыки». Поставлялись в больших неразрезанных листах без перфорации, от которых их отрезали ножницами или отрывали во время выдачи зарплаты (наверное, поэтому в нашей коллекции много «керенок» с неровными краями). По мере развития гиперинфляции «керенки» перестали даже разрезать, поскольку это потеряло смысл - так и расплачивались листами. Лист в 50 «керенок» общим номиналом 1000 рублей в просторечии назывался штукой (это слово в нашем разговорном языке до сих пор обозначает 1000 рублей).

Есть в кладе государственный кредитный билет достоинством 250 рублей 1917 года. Аверс: фон лилового цвета, рисунок и печать зеленого цвета, наименование знака, обозначение номинала цифрами и словами, внизу год выпуска, номер серии, текст о размене на золотую монету, подписи управляющего Госбанком и кассира (управляющий И. Шилов, кассир Шагин). Все элементы оформления заключены в прямоугольное обрамление в виде орнамента. Реверс: фон зеленого цвета, рисунок многоцветный, обозначение номинала цифрами и словами, внизу текст: «Подделка кредитных билетов преследуется законом», в центре герб в виде двуглавого орла без короны и других атрибутов царской власти. Ко времени выпуска 250-рублевого кредитного билета был принят новый государственный герб России в виде двуглавого орла с опущенными крыльями по рисунку известного художника И.Я. Билибина. Этот герб и был изображен на оборотной стороне билета. Из-за отсутствия на нем многочисленных монархических регалий герб получил в народе меткое определение «голого» или «общипанного». Гербовый знак купюры помещен на фоне свастики (у большинства древних народов она была символом Солнца, света, благополучия). В России свастика впервые появилась в официальной символике в 1917 году: а именно 24 апреля, когда Временное правительство издало указ о выпуске новых денежных купюр достоин-

ством в 250 и 1000 рублей.

Казначейские знаки Временного правительства использовались не только в 1917 году, но и в годы Гражданской войны.

Выпускавшиеся огромными тиражами «керенки» вызывали недоверие у населения. Предпочтение отдавалось царским деньгам или, в крайнем случае, дензнакам того правительства, которое имело власть на данной территории. В Сибири правительством Колчака решено было заменить «керенку» на «Краткосрочное обязательство Государственного казначейства».

Банкнота номиналом от 100 до 5000 рублей называлась «5% краткосрочное обязательство Государственного казначейства» и напоминала вексель. На одной стороне был напечатан текст, обещавший «предъявителю сего» уплатить через год сумму номинала «путем учета, без удержания 5% сбора с доходов от денежных капиталов». Оборотная сторона была чистой, не считая однотонного узора-сетки. Подразумевалось, что в течение года Россия будет освобождена от большевиков, и тогда обязательства обменяются на нормальные банкноты Государственного банка. Под Экспедицию заготовления государственных бумаг реквизировали частную типографию, до того печатавшую только афиши и этикетки. Качество поспешно производимых денег было крайне низким. Понятно, что такие деньги, напоминающие простой вексель или ломбардную квитанцию, доверия не вызывали. А подделывать их было в 100 раз легче, чем «керенки».

В коллекции бонистики нашего музея есть «Краткосрочное обязательство Государственного Казначейства» достоинством 25 рублей 1919 года выпуска: фон голубого цвета, рисунок и печать черного цвета. В левой части - виньетка вертикальной формы с изображением двуглавого орла без царских регалий (герб Временного правительства), вертикально расположенные крупные цифры номинала, вверху наименование обязательства, ниже подписи директора Департамента Государственного Казначейства, начальника бухгалтерского отделения, бухгалтера. Краткосрочное обязательство Государственного Казначейства на 50 рублей 1919 года выпуска: фон светло-зеленого цвета, рисунок и печать черного цвета. В левой части - виньетка вертикальной формы с изображением двуглавого орла без царских регалий (герб Временного правительства), вертикально расположенные крупные цифры номинала, вверху наименование обязательства, ниже подписи директора Департамента Государственного Казначейства, начальника бухгалтерского отделения, бухгалтера (из альбома денежных знаков, который принес-

*Государственный кредитный билет
достоинством 1 рубль. 1898 г.*

ли в музей учащиеся школы № 1 г. Ялуторовска (фамилии неизвестны) в 1979 году).

Есть в музейной коллекции и 5% краткосрочное обязательство Государственного Казначейства достоинством 500 рублей с удовлетворительной сохранностью: сгибами, незначительными надрывами краев, помятостями. В музейной Книге Поступлений записано: «подарено За боевым Борисом, учеником 6 «а» класса школы № 3 г. Ялуторовска в 1989 году». Такие деньги-обязательства печатались односторонним способом, выглядели примитивно, а единственным их украшением был рисунок двуглавого орла свергнутого Временного правительства России в ажурном картуше.

Помимо краткосрочных обязательств, Сибирское Временное правительство выпустило разменные казначейские знаки достоинством в 1,5 и 10 рублей. На лицевой их стороне видим надпись: «Казначейский знак Сибирского Временного правительства». Здесь же изображены два, симметрично расположенных друг относительно друга, двуглавых орла Временного правительства России. В отличие от рубля, на двух других купюрах эти символы в сильно уменьшенных размерах размещены на геральдических щитах, которые окружены лавровыми венками. Справа и слева от щитов расположены факелы, обвитые лентами Славы. Оборотная сторона знаков украшена гербом Сибири - двумя соболями со стрелами. Купюры печатались на бумаге без водяных знаков.

В обиходе денежные знаки Временного Сибирского правительства и правительства Колчака называли «сибирские» или «омские». Все виды сибирских денег на территории советской Сибири были аннулированы и изъяты в период с сентября 1919 по февраль 1920 года.

В марте 1919 года появились первые советские бумажные деньги. Это были расчетные знаки РСФСР достоинством 1, 2 и 3 рубля. На них не было ни года выпуска, ни номеров, ни подписей. Эти деньги получили в народе название «совзнаки». Знаки с датой «1919» поступали в обращение в течение 1920 года. Выпущены знаки номиналом от 100 до 10000 рублей. Девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на них напечатан на русском и повторен на шести иностранных языках - немецком, французском, итальянском, китайском, английском и арабском.

На советских деньгах мелкого достоинства (Государственных казначейских билетах) изображены рабочие, крестьяне, красноармейцы и виды на Московский кремль; на билетах Государственного Банка СССР (от 10 рублей и выше) - В. И. Ленин. Изображение вождя революции «украшало» все советские денежные знаки разного достоинства с 1937 года. В коллекции Ялуторовского музея есть билеты Государственного банка СССР 1937 года достоинством 3, 5 и 10 червонцев. Лицевая сторона 3 червонцев: фон и рисунок красного цвета. В правой части в овале портрет В.И. Ленина. Слева на центральном белом поле - государственный герб СССР с 11 витками ленты на колосьях, рядом - большая цифра номинала в виньетке, шестизначный номер, двухлитерная серия. Билет обрамлен широким гильоширным одноцветным орнаментом. Реверс: фон и рисунок многоцветные. Большая цифра номинала в центральной виньетке, надпись «три червонца» повторена на 11 языках советских республик: русском, украинском, белорусском, грузинском, армянском, азербайджанском, туркменском, узбекском, таджикском, казахском и киргизском. Рамка и виньетки в гильоширенном многоцветном исполнении. Прямоугольный денежный знак на белой уплотненной бумаге без водяного знака, без подписей.

В 1938 году на купюрах появились изображения красноармейца, летчика, шахтера, эти деньги оставались в обращении все военные годы. Есть такие купюры и в нашем собрании.

Бумажные денежные знаки, начиная с 1961 года выпуска, собирались уже в основном научными сотрудниками музея. Заканчивается коллекция банкнотами постсоветского периода.

Сейчас мы собираем современные деньги. Уходят в прошлое целые века, большие или значимые периоды в истории общества и государства, а старые денежные знаки остаются, остаются свидетелями истории. Выпущенные когда-то в обращение, они сменяются новыми выпусками банкнот, утрачивая свои прежние функции. Получается так, что денежные знаки остаются неистраченными до конца, оседают в организациях, учреждениях и у конкретных людей. Люди относятся к старым банкнотам по-разному: кто-то их уничтожает, кто-то оставляет на память, кто-то передает в музей, где их бережно хранят для последующих поколений.

Надежда БАСОВА,
заведующая сектором учета
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

Ещё одна бутылка с письмом

Музейщикам не привыкать восторгаться предметами, которые приносят в музей неравнодушные к истории края земляки. Стаемся гостеприимно встречать наших добровольных

бескорыстных помощников. Они помогают нам собирать и сохранить предметы - свидетельства определенного отрезка времени и частички истории нашего города, которые рано или

поздно будут востребованы потомками.

Интересную находку принесла в музей бригада строителей во главе с Сергеем Овчинниковым. Ею оказалась бутылка с письмом, найденная в фундаменте здания. Как когда-то М.И. Муравьев-Аpostол написал письмо, положил в бутылку и поместил под плаху черного пола под русскую печь...

В этом письме другая, но тоже интересная история, ждавшая своего часа 54 года.

И касается она дома № 40 по ул. Первомайской, где сейчас проходит ремонт здания:

«Это здание капитально ремонтировалось летом 1958 года для Ялуторовского Райкома ДОСААФ. До ремонта это здание стояло 130 лет. Бригада, работавшая на ремонте:

1. Панов Аркадий Алексеевич, бригадир, 1915 г.р.
 2. Ярцев Евгений Петрович. 1913 г.р.
 3. Куда Владимир Лаврентьевич, 1927 г.р.
 4. Гуряева Светлана
 5. Проходцев Валерий
 6. Паршуков Валентин
 7. Таловикова Мария Степановна
 8. Зубарева Раиса Кондратьевна, 1935 г.р.
 9. Карманова Тамара
- 1 августа 1958 г.
г. Ялуторовск

Председатель РК ДОСААФ Гурьянов Николай Павлович»

Вот такая находка появилась в музее. Было интересно узнать об истории этого письма. На публикацию в газете «Ялуторовская жизнь» откликнулся житель города Николай Иванович Орлов, который сообщил о том, что знает одну из женщин, работавших на ремонте здания в 1958 году. Ею оказалась Раиса Кондратьевна Зубарева, жившая в то время неподалеку от этого дома. Нам удалось связаться с ней. Из разговора выяснилось, что бригадир Аркадий Алексеевич

Панов предложил ей поработать в их бригаде. Раиса, в тот период безработная, согласилась, так как работы трудной не боялась,

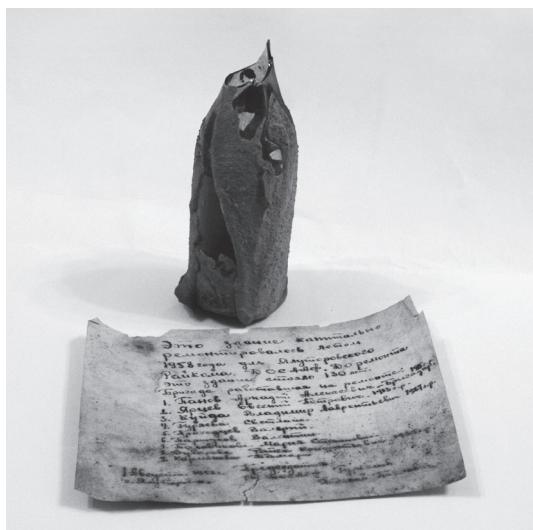
да и копейка в семью не лишняя. Приходилось выполнять работу наравне со всеми: и раствор месить, и кирпичи подносить. В кладке, правда, не участвовала. Когда фундамент был почти готов, бригадир, вероятно, вспомнив о находке Ивана Юрьевича Озолина - письме дебабриста, решил оставить послание о людях трудиной профессии. Николай Павлович Гурьянов, руководивший райкомом ДОСААФ в тот период времени, поддержал бригадира, на половине чернового листа

написал письмо, которое положили в небольшую бутылку «чекушку».

Раиса Кондратьевна в 1960-м году устроилась работать на Ялуторовский лесозавод и 25 лет проработала бракером на погрузке вагонов. За многолетний добросовестный труд награждена медалью «Ветеран труда».

Вот такая небольшая, но интересная для городка история получилась. Возможно, эта бутылка с письмом не последняя. При строительстве здания краеведческого музея в 1972 году в стену здания Н.В. Зубаревым, директором музея, заложена бутылка с письмом, которую завещано вскрыть в 2027 году. Интересно, что там?

Думаю, тема «письма в бутылке» повторится, и ещё не раз...

Бутылка с письмом из 1968 года.

*Бригадир
Аркадий Алексеевич Панов.
1969 г.*

*Раиса Кондратьевна
Зубарева.*

Музей и природа

Евгений БАЯНОВ, Татьяна ОРЛОВА, Ольга КУЗНЕЦОВА,
научные сотрудники музея «Дом природы»

Новые находки редких видов растений и животных на территории Ялуторовского района

Коллектив музея «Дом природы» регулярно проводит выезды по территории района с целью выявления новых местообитаний видов, внесенных в Красную книгу Тюменской области.

Результатом нескольких выездов за последние годы стали находки трех новых охраняемых объектов живой природы для Ялуторовского района и зафиксированы новые местонахождения для многих видов, отмеченных ранее.

Очередное обследование территории Криволукского бора проведено 25 июля 2010 года.

Обследование начато с луга, примыкающего к территории д. Криволукской с юго-востока. Здесь над лугом, в 2 км на юго-восток от д. Криволукской встречена взрослая самка лугового луня *Circus pygargus* (3 кат.). Птица была сфотографирована и идентифицирована по фотографии, по отличительным признакам – характерному расположению продольных полос на маховых перьях, окраске рулевых перьев.

В том же районе встречен осоед обыкновенный *Pernis apivorus* (дополнительный список Красной книги Тюменской области). Это - взрослая птица, которая была сфотографирована и идентифицирована по фотографии, по характерным признакам – расположению темных полос на рулевых перьях, желтой радужке глаз, окраске лап и т. д.

В 2 км на юго-восток от д. Криволукской, справа от полевой дороги, был осмотрен участок сосновых насаждений с кедром, возрастом около 30 лет. Лес представляет мохово-травяной сосновый сняк с редким травянистым покровом, подстилкой из хвои. Здесь обнаружена крупная ценопопуляция бровника одноклубневого *Herminium monorchis* (L) R. Br. (3 кат.), более 100 особей на площади примерно 0,3 га. Здесь же и далее, в сосновке спелом с березой встречается неоттианта клубочковая *Neottianthe cucullata* (3 кат.), куртинами по 3-15 особей.

Южнее Криволукского бора, на небольшом озере возле дороги, встречен самец редкой стрекозы красотки девушки *Calopteryx virgo* (3 категория). В том же районе, между с. Криволукское и железной дорогой, встречен большой подорлик *Aquila clanga* (Красные книги РФ 2001г. и МСОП – 96). Взрослая птица охотилась над березовыми колками.

3 и 4 июня 2011 года была обследована центральная часть Мошкаринского заказника. Обнаружены две ценопопуляции башмачка крапчатого *Cypripedium guttatum* (3 кат.), в 1,5 км на

юго-запад и к 5 км на северо-запад от оз. Чигиркуль. В лишайниковых сосновках часто встречаются вереск обыкновенный *Calluna vulgaris* (3 категория) и прострел желтеющий *Pulsatilla flavescens* (3 кат.).

На окраине луга в 1,5 км на ю-в от оз. Мошカラ обнаружена куртина ятрышника шлемоносного *Orchis militaris* L (3 кат.) из 11 цветущих растений. Этот вид отмечен для Ялуторовского района впервые.

Интерес представляет также встреча в сосновом лесу гнездящихся черных стрижей.

4 сентября 2011 года обследована часть юго-восточного берега оз. Сингуль. Утром над южной оконечностью озера кружились 2 взрослые скопы *Pandion haliaetus* (3 кат.).

Над озером наблюдались два орлана белохвоста *Haliaeetus albicilla*, молодой сеголеток и взрослый. Позже в лесу вдоль берега трижды встречены орланы или одна и та же взрослая птица. Над озером парили одновременно две, очевидно, взрослые.

По всему маршруту небольшими куртинами от 2 до 6-7 особей, преимущественно в березовых участках или с березой, встречается наперстянка крупноцветковая *Digitalis grandiflora* (3 категория).

7 июля 2012 года обследованы восточная и центральная части памятника природы «Бончанка». В центральной части выше и ниже моста отмечены около 8 особей красотки девушки *Calopteryx virgo* (3 категория).

В восточной части на склоне левого берега, ниже моста отмечена большая ценопопуляция башмачка крапчатого *Cypripedium guttatum* (3 кат.). По сравнению с прошлыми посещениями она увеличивается, появилось много молодых особей.

В сосновках по всей территории часто встречаются вереск обыкновенный *Calluna vulgaris* (III категория) и прострел желтеющий *Pulsatilla flavescens* (3 кат.).

По дороге в районе с. Хохлово замечены два кулика-сороки *Haematopus ostralegus* (3 кат.). Птицы кормились возле сибирского хранилища на поле, возможно, гнездовая пара.

Дважды, 20 мая и 7-8 июля 2012 года, было обследовано озеро Непряк. 20 мая в северо-западной части озера встречены несколько поющих самцов соловьиного сверчка *Locustella luscinoides*. Он внесен в дополнительный список Красной книги Тюменской области (4 кат.)

новой редакции. Рядом найдено гнездо лебедей кликунов с кладкой из 5 яиц.

7 июля 2012 года вечером над озером пролетел взрослый орлан белохвост *Haliaeetus albicilla*. В зарослях тростника наблюдалась беспокоящаяся камышница *Gallinula chloropus* (4 кат.). Рядом замечены 2 пуховичка, что подтверждает гнездование.

8 июля 2012 года на озере охотились два взрослых орлана белохвоста.

В северной части озера, между сплавинами, на мелководье, на глубине от 0,3 до 1,5 м. найдена наяда большая *Najas major All.* (2 кат.).

В Красную книгу Тюменской области это растение было внесено, как наяда морская *Najas marina L.* и отмечено для озер Куликово Ялуторовского р-на и Айгинское Тюменского р-на1.

В новой редакции списка охраняемых видов, утвержденном Постановлением администрации Тюменской области2, название изменено на «наяда большая *Najas major All.*»3.

Кроме этого, оказалось, что местонахождение в Ялуторовском районе было приведено ошибочно, вслед за предыдущими публикациями, в действительности находка относилась к озеру Куликово, которое находится на севере Омской области4.

Таким образом, наша находка является первым местонахождением *Najas major All.* на территории Ялуторовского района и второй в Тюменской области.

Недалеко от берега озера в березовом лесу найдены 16 особей дремлика зимовникового *Epipactis helleborine L.* (3 кат.). Еще один дремлик в этот день был найден возле свертка на д. Карабаш, в районе скважины.

Еще один редкий вид был впервые отмечен для Ялуторовского района без полевого выезда. Зафиксировано гнездование кольчатой горлицы *Streptopelia dekaokto* (4 кат.) в Ялуторовске.

На протяжении XX века происходило быстрое расселение вида в Европе, в настоящее время продолжается расселение на север и восток5. В 90-е годы горлица стала появляться на Южном Урале, в Башкирии, Челябинской области, затем в Курганской, где отмечается вероятное гнездование в течение последних 3-4 лет в с. Глядянское, в 40 км южнее г. Курган6.

В 2006 и 2009 гг. кольчатая горлица была зарегистрирована в г. Кургане7. Это была самая северная точка наблюдения вида гнездовой пары в нашем регионе.

Кольчатая горлица внесена в дополнительный список Красной книги Тюменской области на основании отмеченной встречи залет-

ной птицы в июле 1997 г. возле пос. Горный в ХМАО8,9. Гнездование в Тюменской области ранее не фиксировалось.

Кольчатая горлица гнездится только в населенных пунктах, но не на крышах, как городские сизые голуби, а преимущественно на деревьях.

Гнездовая пара наблюдалась в северо-восточной части города Ялуторовска, во дворе жилой застройки пятиэтажных домов. Гнездо, очевидно, располагалось на довольно крупной ели, одной из шести, растущих возле пятиэтажного дома. В первой декаде июля 2012 года на ветвях ели с балкона были видны два птенца с остатками пухового оперения. Сфотографировать птенцов не удалось. Позже птенцов не было видно.

В последней декаде июля птицы вновь носили строительный материал в корону ели.

Воркование продолжалось в августе. 18 августа при осмотре найдено гнездо на ели, на высоте около 4,5 м, очевидно, повторная кладка. Гнездо из очень рыхло сложенных тонких веточек и травинок на еловой ветке, в 20 см от ствола. В гнезде было 2 белых яйца, 32,73x26,53 и 29,19x25,65 мм.

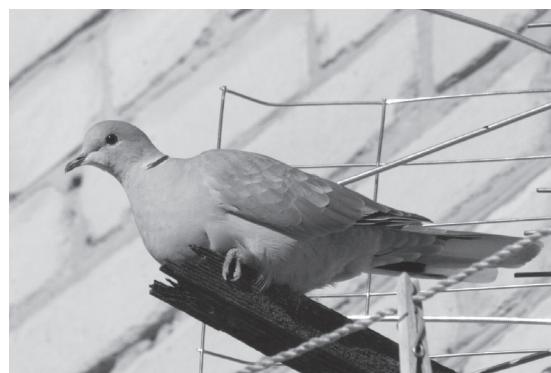
Во время осмотра самка слетела и сидела неподалеку, самец тоже появился и сидел на проводах в 50 метрах. Гнездо и птицы сфотографированы.

При последнем осмотре 7 сентября 2012 г. на том же дереве, выше, на высоте около 7 м (верх 3 этажа) найдено еще одно гнездо, с подстилкой. В гнезде находились два погибших птенца в смешанном оперении, контурных перьев мало, в чехлах, махи и рули на 3/4 в чехлах, вес 89 и 106 г. Птенцы погибли 1-2 дня назад, возможно, из-за ночных холодов, которые были накануне. Взрослых птиц уже не было видно.

Это первый зафиксированный случай гнездования кольчатых горлиц на территории Тюменской области.

Список литературы:

1. Красная книга Тюменской области: Животные, растения, грибы // Отв. ред. О.А. Петрова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 496 с.
2. Постановление администрации Тюменской области №67-пк от 04.04.2005 (редакция №337-п от 03.10.2010) «О перечне видов, подлежащих занесению в Красную книгу Тюменской области».
3. В.А. Глазунов, Н.В. Хозяинова, И.В. Кузьмин. Изменения и дополнения к перечню охраняемых растений Тюменской области. Вестник Тюменского государственного университета. № 6/2012. с. 80-85.
4. И.В.Кузьмин. Роды *Caulinia* Willd. и *Najas* L. в Зауралье. Не опубликовано.

**Кольчатая горлица
в Ялуторовске.**

5. В.К. Рябицев. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель.- 3-е изд., испр. и доп. - Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2008. – 634 с.
6. Ю.Л. Славинских. Информация о редких видах птиц Южного Зауралья области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург, 2010. с. 166-167.
7. В.Е. Поляков, Р.М. Салимов. К фауне птиц Курганской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Ека-
- теринбург,2006. с. 170-174.
8. С.Н. Гашев. Позвоночные животные в 4 категории Красной книги Тюменской области. / Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2003. Вып. 17 / Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2004. С. 248-269.
9. А.М.Антипов, В.Г. Ясков, Ю.Ю. Блохин. Об орнитологических находках в среднетаежном регионе Тюменской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Екатеринбург, 1999, с. 5-8.

Литературная страничка

Фёдор НЕЧАЕВ

«Вдохни ты жар души в простые звуки...»

Ялуторовская земля всегда была богата талантливыми людьми. С ними мы не раз знакомили читателей в нашем альманахе. И в данном выпуске мы хотели бы представить поэта-земляка Федора Георгиевича Нечаева (26.02.1928 – 30.06.1995). Может быть, старшее поколение ялуторовчан помнят этого доброжелательного, общительного, со светлой улыбкой человека.

Ф.Г.Нечаев родился 26 февраля 1928 года в селе Памятном Ялуторовского района. После окончания в 1943 году Ялуторовской средней школы решил получить трудовую профессию - поступил учеником столяра на лесозавод. Тогда впервые состоялась проба пера. Творческие стремления молодого человека были отмечены – ему предложили должность сотрудника отдела радиовещания. Затем работа в окружной газете г.Ханты-Мансийска, в редакциях газет Ялуторовского, Казанского, Сорокинского районов. Журналистские пути-дороги обогащали жизненный опыт, повышали творческое мастерство.

Федор Георгиевич имел много друзей в писательских и поэтических кругах: Юван Шесталов, Анатолий Кукарский, Любовь Заворотчева, Иван Ермаков, Валерий Ермолаев. На протяжении нескольких лет теплые дружеские отношения связывали его с тюменским композитором Геннадием Цибульским.

С 1968 года Ф.Г.Нечаев проживал в Нижней Тавде, сотрудничая с газетой «Светлый путь». И сегодня нижнетавдинцы помнят и гордятся поэтом. Стихотворение «Милая сторонка», положенное на музыку Анатолием Буйносовым, вошло в состав лучших песен к 85-летию района.

За свою творческую жизнь Федор Георгиевич написал немало стихов, очень критически к ним относился, много работал, мечтая о своем поэтическом сборнике. Мечта сбылась, когда автору исполнилось 60 лет. К этой дате, в 1995 году, в местной типографии тиражом в 1000 экземпляров издана небольшая книжечка с названием «Боль души». Почему сборник стихов – итог жизни поэта, получил такое прон-

зительное название? Ответ можно получить, перечитав поэтическое наследие Федора Георгиевича. Сборник нам предоставили друзья-нижнетавдинцы.

Большая часть стихов написана в конце 1980-х - середине 1990-х годов. Наступившая перестройка в России вызвала у поэта беспокойство за будущее поколение. Патриот сибирского края, он с обостренным чувством справедливости старался осознать преобразования в стране. Не все понимал и принимал.

«Боль души»- первое и последнее издание стихов поэта. 30 июня 1995 года Федора Георгиевича Нечаева не стало.

Но есть сборник, есть поэтические строки на пожелавших от времени страницах газеты «Ленинский путь» за 1960-е годы. Его стихи наполнены любовью к родной земле, уважением к труду хлебороба. Они светлые и добрые, как он сам...

Все стремлюсь приметить и понять.
И от чувства, что живу на свете,
Хочется мне целый мир обнять.
А еще мне хочется смеяться
И при встрече всех благодарить:
Люди мне не дали затеряться,
Потерять большого счастья нить.
«Счастье». 1960 г.

*Из газеты «Ленинский путь»,
1960 -1962 годы. г.Ялуторовск*

Песня хлебороба

Я простой деревенский парень,
Знаю, как по весне земля,
Согреваясь, дымится паром,
Хлеборобов сердца веселя.

Словно мать молоком ребенка,
Всходы соком она поит.
Ветер чешет их синей гребенкой,
Солнце свет на них свой струит.
На заре умывают их росы,
Свежих сил добавляет им дождь.
И прибоем шумит под осень
Колосистая спелая рожь.
Но земля заросла бы бурьяном,
Стала грубым бесплодным дерном,
Если б я не пахал ее ръяно,
Не удобрив, засеял зерном.
Труд, не знающий праздной прогулки,
Входит сытым достатком в мой дом...
Пахнут солнечным августом булки
За моим новогодним столом.

Метель

Седой завесой затянула поле
Сирепая разгульница метель,
Колючим снегом бьет лицо до боли,
Как хочется сейчас нырнуть в постель!
Щиты по полю ставят хлеборобы,
У них в работе точный есть расчет:
Метель сама высокие сугробы
Покорно у щитов взбивать начнет.
Прохладную живительную влагу
Земля всю выпьет с радостью. Потом
Тому воздаст богатый дар в награду,
Кто оживил ее своим трудом.

Памяти моей мамы

Шумят на старом кладбище березы,
Сирень развеяла по ветру легкий цвет,
Над чьим-то холмиком цветсть начинают розы,
Которых на твоей могиле нет.

Прости меня, беспечного, родная,
Жива к тебе любовь в груди моей:
В твое я изголовье возлагаю
Колосья хлебные с родных твоих полей.

Ромашки белые ты в косы не вплетала,
Зато привыкла до зари вставать:
Как сеяла, косила травы, жала,
Была мужчине крепкому под стать.

И потому, когда метели выли,
Неделями свирепствовал мороз,
Хоть без отца, всегда мы с хлебом были.
За добрый труд тебя ценил колхоз.

И вот шумят на кладбище березы,
В ветвях щебечет бойкий соловей.
И возлагаю на могилку я не розы -
Колосья хлебные. Они тебе милей.

Мой первый стих

В тот теплый вечер
Страстно, с вдохновеньем
Рабочий парень
Пушкина читал.
Лицо его
Пылало от волнения,
И зал в ответ
Кипел и грохотал.

А это парню –
Высшая награда.
Он улыбался зрителям
В ответ.
Казалось им,
Что на скамейке рядом
Сидит незримо
Среди нас поэт.
Концерт окончен.
В тот же миг из зала
Ушел я в сад,
В тень старых тополей,
Что мне тогда
Природа рассказала,
Я сохранил на век
В душе моей.
Своей густой листвою
Шелестела
Нарядная красавица
Сирень,
Быть может, ветру
Рассказать хотела,
Что наш певец
Родился в этот день.
В ту ночь томимый
Думой о поэте
Пришел домой,
Когда весь город спал,
И, не ложась до солнца,
На рассвете
Я первый робкий стих
Свой написал.

Первая весна

Теплый ветер над полями веет,
Солнце хоть охапками бери.
От успеха тракторист светлеет,
Как ночное небо в час зари.
Он пропах автолом и пшеницей,
Усталью все тело налилось.
Пыль осела даже на ресницах,
Но пронизан радостью насквозь.
Все здесь пареньку отныне мило,
Жизни цель до капельки ясна...
Для него, как праздник, наступила
Трудовая, первая весна.

Труженики

Отгудели злые метели,
Снег убрал работяга-апрель.
К хлеборобам скворцы прилетели,-
Много дел у них общих теперь.
Будут вместе весной и летом
Дружно холить они поля.
Наградит силой жизни за это
Славных тружеников земля.

Сенокос

Поднялась в лугах трава густая,
И прохладит утро россыпь рос.
И, зеленый календарь листая,
Лето всех выводит на покос.
За рекой, у дальней переправы,
Гул моторов разбудил зарю,
Полосою скошенные травы
Под ноги ложатся косарю.

День пройдет и звездную порошу
Небо вновь просыплет на луга –
На шатры цыганские похожи
Будут лето сторожить стога.

В первый раз

Взволнован, радостный, счастливый,
Идешь ты нынче в первый класс
Походкой легкой, горделивой,
И словно вдруг подрос сейчас.
При входе в школу, смелый парень,
Ты, оробев, на миг застыл...
Вот так, быть может, и Гагарин
Когда-то в первый класс входил.

Письмо геолога

Как доброго приятеля, встречает
Меня у дома старый почтальон.
-Привет, дружок,- и мне письмо вручая,
Со мною вместе радуется он,
Я бережно беру конверт тугой
Со штемпелем почтовым из Сургута,
В лицо пахнуло нефтью и мазутом
И северной разлапистой тайгой.
Листки тетрадные исписаны негладко:
«Пишу в минуты отдыха, браток.
Кругом леса, а мы живем в палатках
И двигаемся дальше на восток.
Мы нефть нашли совсем недавно как-то
Первойшей пробы, радует глаза.
И скоро-скоро, где стоят палатки,
Поднимутся заводов корпуса.
А мы опять уйдем в иные дали,
Чтоб путь к богатствам людям проложить.
И как бы мы в пути ни уставали,
С тайгою не разучимся дружить».
Письмо окончено, но сколько дум горячих
Их вызвал у меня геолог-брат!
За то, что человек он настоящий,
Я бесконечно всей душою рад.
Он думает о людях, где бы ни был,
В пургу и в дождь, и в жаркий день в пути.
Я думаю: вот так в стихах и мне бы
Слова, как свет, к сердцам людским найти.

Другу-стихотворцу

Глухая ночь.
Холодный ветер злится
И щедро сыплет
В окна крупный снег.
А ты сидишь,
Опять тебе не спится,
Хороший, беспокойный
Человек.
И вкрай и вкось
Всю исчеркал бумагу.
Устал? Быть может.
Но усталость – прочь!
Порывисто встаешь
И легким шагом
Идешь к окну,
Взгляд устремляя в ночь.
Тяжелый труд.
Страданье. Горечь. Муки.
Нет, он не торен путь твоих побед –

Вложил ты жар души
В простые звуки,
Что греют нас
Твоим теплом, поэт!

*Из сборника «Боль души»,
1995 год. с.Нижняя Тавда*

Прощание с осенью

Под шум дождя печальный и тревожный
Стихи читал один натуралист:
«Мне роща рассказала осторожно,
Что ветру отдала последний лист».
Кто это – Майков, Фет, иль Федор Тютчев?
Возможно, Бунин или кто другой?
А над землею громоздились тучи,
У края пашни лес дремал нагой.

Прошлась по нивам трудовая осень,
Октябрь огнем рябин отполыхал.
Березы светились на фоне темных сосен,
Как будто Левитан их написал.

Устала осень под конец, ослабла
Гулять в полях, садах и на лугу.
Сняла платок цветастый свой, по-бабы
Расплакалась: ах, больше не могу!
Потом взмахнула посошком дорожным,
И утки северные в небо поднялись,
И зашептала роща осторожно,
Что ветру отдала последний лист.

Все свои песни осень перепела,
Легла земли дарами в закрома,
И завихрилась в ночь метелью белой
Под зябким небом матушка-зима.

1986 г.

Клён

Сибирской осени картины
Иную дарят нам красы.
Еще огнем горят рябины,
Хоть уж спустили всю листву.
Почти голы стоят березы,
Но ветру не сдается клен.
Уж первых холодов угрозы
Гнетут его со всех сторон.
Он знает, спорить безнадежно
С хозяйкой снежных бурь – зимой,
Но с боем ей отдаст одежду
И не поникнет головой.
И как лишь только потеплеет,
Проснется сразу чуткий клен,
Он первым вновь зазеленеет,
В весну и солнышко влюблен.
Сейчас, в холодный день осенний,
Клен, с ветром споря, приустал.
... Не раз, грустя, Сергей Есенин
Его, как друга, воспевал.

1988 г.

Звезда поэта

А.А.Ахматовой

Её с трибун высоких проклинали,
Навеки силясь заглушить уста.
Унизив клеветой, чуть не распяли,
За свет души, как недруги Христа.

Её в летний зной терзала стужа,
Порою пробирая до костей.
Легко ль одной, без сына и без мужа?
И где они? Из тюрем нет вестей.
Ей говорили: «Счастье за кордоном,
И слава громкая Вас ждет в другой стране».
Она в ответ: «Но я в России – дома!
И родины иной не нужно мне».
В страданьях сильным духом не упала,
И гордо шла, не требуя венца.
Над ней звезда поэзии сияла
И освещала путь ей до конца.
Её звезда и нынче светит людям,
Негромкий голос времена не сотрет:
Живущих вечно волновать он будет
И в новых поколеньях не умрет.

Бессмертие

Деду моему Д.И.Нечаеву

Со всех концов,
Со всех фронтов,
Незабываемы и близки,
Они пришли в свое село,
Чтоб жить строкой на обелиске,
Здесь сын с отцом,
И с братом брат,
Совсем не ведая об этом,
Сошлись в бессмертьи,
Встали в ряд,
Как до войны
Покосным летом.
Они сражались под Москвой,
У Старой Руссы и в Берлине.
Я слышу голос их живой,
Живыми вижу их поныне.
Их старше стали сыновья,
Седые, важные – уж деды.
Здесь взрослых внуков вижу я
В великий праздник – День Победы,
А даль безбрежна и ясна,
И тишина у обелиска.
И павшим воинам весна
Сиренью кланяется низко.

1988 г.

Дума о России

Не перестану Пушкина я читать,
Беседовать с Некрасовым и Блоком,
С Есениным в ночной тиши грустить
И вспоминать о времени далеком.

Милы мне песни русской старины,
Неправда, что нам предков мир неведом.
Стремлюсь умом я в прошлое страны,
Иду пешком на дальний прииск с дедом.

Упорным парнем был мой дед Иван,
На Бодайбо ходил с нуждой сразиться.
Он сам себе был пан и атаман,
Лишь только в 40 лет успел жениться.

Трех дочерей сумел поднять с женой,
Опорой стали их четыре сына,
А он перед германскою войной
Уж отдыхал, земле отдав все силы.

Поздней не прятал в ямы он зерно,
Когда Советской власти тugo было:
Он ко всему привык уже давно,
Двух сыновей его война сгубила,

Падет в 42-ом и третий сын,
Но дед уже об этом не узнает.
Да разве он терял сынов один!
В веках о павших Родина рыдает.

Мы славим доблесть воинов Петра,
Богатырей двенадцатого года,
И словно Жуков подписал вчера
Победный акт советского народа.

Русь открывал потомкам Карамзин,
Воспел победу Пушкин при Полтаве,
И Лермонтов одним из первых был,
Кто Родину в стихах за подвиг славил.

Боролась Русь, страдал ее народ,
Но честь свою она не растеряла.
И каждый честный сын Отчизны горд,
Что Родиной его Россия стала.
О многотрудной поступи Державы
Расскажут сотни самых ярких книг,
Вознес ее в далекий век Державин,
Великий Ломоносов в глубь проник.

Да нелегка судьба моей страны,
И не проста История России,
И жить ей вечно в красоте и силе,
Она сильна в преданьях старины.

1989 г.

Родное в сердце берегу

Хочется побольше посвятить
Стихотворных строк родному краю,
Волноваться, всей душой любить
То, чего дороже я не знаю.
Скажут: «Ты уж стар и непригож,
И куда с любовью своей прешься?
Путь иной избрала молодежь,
От нее признаний не дождешься».
К славе равнодушен я совсем,
Радуюсь тому, как мир чудесен.
Много в жизни всплыло разных тем,
И у юных сотни новых песен.
Есть хорошие, но масса шелухи
Под гитару вылетает с ревом:
Слушаешь – не проза, не стихи,
Без конца твердят три нудных слова.
Я стихов для песен не пишу,
Думами их просто начиняю.
Ими словно воздухом дышу,
Наслаждаюсь, как душистым чаем.
И опора мне не огород
С хатою своей, стоящей с краю,
А любимый трудовой народ,
Для него я душу раскрываю.
Оттого и в сердце берегу
Темный лес, поля с густой пшеницей,
Милую привольную реку –
Мне на них вовек не надивиться.

Все обиды неуместны тут,
За стихи и возраст мой тем боле.
Если люди просто их прочтут,
Буду этим от души доволен.

1994 г.

Встречая Новый год

Не хочется писать в Предновогодье
Про кровь в Чечне, что сердце давит грусть.
Нелегкий путь ты избрала сегодня,
Отчизна милая, моя родная Русь.

Мы все так любим Новогодний праздник,
С рассветом зябким в розовой заре,
Когда сибирский Дед Мороз – проказник
Сверкает весь в алмазном серебре.

Нет в жизни праздников нарядней и красивей,
Чем Новый светлый год и Рождество,
Я радуюсь, что вновь моя Россия
Два этих праздника встречает с торжеством.

Они мне с детских лет близки и милы–
С печеньем, яствами, сырками поутру,
И не было такой в морозе силы,
Чтоб удержать по избам детвору.
Мы в Новый год у елки танцевали
И Бога славили в святое торжество.
Затем иные дни в стране настали,
Нас отучили верить в божество.

И вот сегодня, в этом я уверен,
Что в целом одобряет наш народ.
Решенье Родины, зовущей снова к вере,
И Рождество встречать, как Новый год.

России нашей нынче очень трудно:
Ей не на пользу ссоры и разлад,
Но к светлой жизни рвется она грудью,
Хотя есть много на пути преград.

И хочется мне крепко-крепко верить,
Что выйдет из прорыва наш народ,
И в царство торжества откроет двери,
Войдет в него, как в этот Новый год.

По высшему закону

Порой от зноя никнут травы,
Скудеют на полях хлеба.
Крестьянин, глядя вдаль устало,
Вздыхает тяжко: «Вот беда».

Он ждет небесной благодати
Почти что с самой посевной.
Как дождик был сейчас бы кстати,
Обильный, теплый, грозовой.

А если б небо обложило
На сутки сеткой дождевой,
В природе б быстро все ожило,
Налившись силой молодой.

Но нет дождя. Где гром картавый?
От зноя блекнет синь небес,
Ждут влаги и хлеба, и травы,
Застыл в безмолвье темный лес.

Но где-то перед сенокосом
Закрыли тучи небосвод.
Ударил мощный ливень косо:
«Вот это сила, вот дает!»

И после этого природа
Преобразилась вся вокруг.
Дождь для садов и огородов
В жару наипервейший друг.

Затем дожди пошли все чаще,
Остановить их нету сил,
Как будто кто в небесной чаше
Дно дробью все изрешетил.

Но только ветры хмарь развеют,
Все люди выйдут на луга,
Тогда уж сил не пожалеют
Они для спорого труда.

Ведь, право, глупо же сердиться,
На зной иль частые дожди,
Мы к ним должны приноровиться:
Им не прикажешь – подожди!

Закон природы создан свыше,
Его познать нам не дано:
И если дождь стучит по крыше,
То, видно, так и быть должно.

Строхи о любви

Мне говорят: «Ты слишком серо пишешь,
Твори стихов побольше о любви,
И ей дыши, как воздухом ты дышишь,
И юность пылкую из прошлого зови».

Зачем? К чему? Ведь тут такое дело:
Та юность робкая всегда во мне живет,
Сказать – люблю - девчонка не посмела,
Она к другому от меня уйдет.

Как от бессилья сердце ревновало!
Но как ей было верность доказать?
И виделось – в реку она упала,
Мне одному пришлось ее спасать.

То из огня, то из лихого плена
Ее я выносил и выводил.
Себя всесильным видел непременно,
Счастливым, гордым с нею в ЗАГС входил.

Мечты, мечты. Мечтами и остались,
А молодость всегда свое возьмет:
Мы в жизни, может, все не раз влюблялись,
Но все это исчезнет, отойдет.

А сердце будет до тех пор томиться,
Пока не встретишь дорогую, ту,
В которую ты так хотел влюбиться,
Осуществить давнишнюю мечту.

И будет светлым мир опять, прекрасным,
По жилам хлынет молодая кровь.
Но не умрет в душе, уж это ясно,
С последней встречи первая любовь.

Сентябрь

Сентябрь горит листвой берез,
Огнем рябин пленительным.
Сверкает ночью морем звезд,
Паденьем их стремительным.

Под утро землю уберет
Хрустальным легким инеем.
И вместе с солнышком взойдет
В прохладу неба синего.

День разжигает трудовой,
Звенит разноголосицей,
И шумом птиц над головой
На дальний юг проносится.

А то вдруг ветром загудит
Над ширью многоводною.
Бросает в берег и дробит
Волну ее холодную.

Задернет хмарью небеса,
Дождями брызнет частыми,
И отдают ему леса
Дары весны прекрасные.

Покроет травы желтизной,
Глядится в рощах просинью,
Но равно дорог край родной
В снегу, в цвету и осеню.

Сибирь моя!

Сибирь, Сибирь, любовь моя и песня,
Полет души в неведомый простор.
Чтоб сделать жизнь светлей и интересней,
Манила вдаль меня ты с давних пор.

Я трудно рос, и было мало силы,
Но жал хлеба, траву косил в лугах.
Тех лет воспоминанья сердцу милы,
Хоть стал седым и ломата в ногах.

Не думал в полпути остановиться:
Подъем был крут у той большой горы.
Мне соколом хотелось в небо взвиться,
Преодолеть уступы, камни, рвы.

Но вот в какой-то миг не удержался
И загремел, и грохнулся в кусты:
Я слабым альпинистом оказался –
Не одолел заветной высоты.

Мечты ушли, лишь трепетная песня,
Как в юности, тревожит в сердце кровь,
Сибирь моя! Ты в мире всех чудесней,
Отчизна милая, дай свежих сил мне вновь.

Оптимист

Всю жизнь довольствовался малым,
Машину с дачей не имел,
Бывал до чертиков усталым,
Служил Отчизне, как умел,

Вокруг крутились ребятишки,
Не двое-трое, целых пять!
Им нужно дать не только книжки-
Кормить, поить и одевать.

Тут не до роскоши, конечно,
Но стоит ли о том тужить?
Ведь на планете этой вечной
Не всем дано беспечно жить...

Сказать по чести, справедливо,
Хоть нелегко всем было нам,
Но все же чту себя счастливым,
Что был спокоен я к деньгам.

Жить сносно можно без богатства,
А если рядом коллектив,
Он – мой союз труда и братства,
И я безмерно с ним счастлив.

О чем я разговор свой начал
И что не досказал еще:
Что не имею «Нивы» с дачей,
Но и без них мне хорошо.

Теперь уже я седовласый,
О прошлом не люблю грустить:
Жизнь в разном возрасте прекрасна,
И стоит, чтоб ее любить!

Михаил АРТЕМЬЕВ,

студент I курса Тюменской государственной академии культуры, искусства и социальных технологий

Остановись, мгновение!

ЯЛУТОРОВСК

Городок наш красивый и древний,
Мне здесь нравится – всем он хорош.
Кто-то шутит: «Деревня – деревней» -
А за день его не обойдёшь.
Мне по нраву широкие улицы,
Парки, площади, сад городской,
Даже солнышко в небе любуется,
Как идём отдыхать мы с семьёй.
Я люблю тебя, милый Ялуторовск!
И зимой, и весной ты пригож.
Я родился и вырос здесь, видимо,
Лучшей Родины и не найдёшь!
Пролетают за днями недели,
Подрасту, и придётся решать:
Уезжать мне отсюда за счастьем
Иль оставаться и здесь помогать?
У меня очень много знакомых,
Да к тому же немало родни,
Ну куда улечу я из дома?
Пропадут без меня ведь они!
Не хочу я загадывать, только
Знаю точно уже наперёд,
Что любимый мой город Ялуторовск
В моём маленьком сердце живёт.

2007 г.

СТАРИКИ

А где-то в мире, на краю земли,
В глухой деревне, в домике у леса
Скучают у окошка старики,
Печалятся и не находят места.
Ну почему нет весточки от деток?
Как их здоровье? Как успех в работе?
А может, счастье рядом ходит где-то,
А дети всё погружены в заботы...
Как им помочь, какой придумать выход?
А сердце снова то болит, то гложет...
За печкою скребётся мышка тихо...
- Пошлём им пенсию, а вдруг да и поможет!

- Эх, с плеч бы лет десяток, и в дорогу...
Самим собраться, повидать внучаток...
- Ты помнишь, рады были нам, ей Богу!
А в сумках, так уж, заготовки с грядок.
А ребятишкам – пряники, конфеты...
Вот их сюда бы, к нам - и в лес, на речку...
Словно неделя пролетает лето!
Какое, всё же, славное местечко!
- Ишь, размечтался, кто же их отпустит!
И вот уже в глазах мелькают слёзы,
Душа наполнилась печальной грустью,
А за окном кружится лист берёзы...
Так долго разговор их продолжался,
Менялись темы, голос, настроение.
Настенный календарь им улыбался
Напоминая даты-сновиденья.

- А помнишь, мне звонили в день рождения...
- Так это ж было раннею весною!
- Кричали дружно в трубку поздравленья,
Платок прислали с белой бахромою...
- Вот бы увидеть – как они, чем «дышат»,
Какие цены в городе, погода...
Чего же письмецо-то не напишут,
Уж больно редко – письмецо в полгода...
Вот так сидят, уткнувшись в одну точку
Перебирая в памяти картины...
Они-то помнят миленькую дочку,
Не забывают родненького сына!

2008 г.

ПОСЛЕ МЕНЯ...

Интересно, что останется после меня?
Этот вопрос терзает разум день ото дня,
Столько несказано фраз, столько не сделано дел,
Хотел я всё успеть - но это лишь мечтаний
предел!

Наступят новые дни, сотрутся прошлые годы,
Пролетала удача, проходили невзгоды,
Были великие люди, есть и будут уроды...
Времена года изменяют климат природы.
Жду своей погоды, наивно верю в чудо,
Всё так же задаюсь вопросом, что же будет?
Как жаль, что время невозможно повернуть
иначе...

При жизни не храним, а потерявши плачем!
Увы, осознание приходит слишком поздно,
Будто кто-то нарочно строит нам козни!
Как донести до остальных хоть каплю
понимания?

Но знаю точно я, то что после меня...
Со временем - зеленее станет трава,
И просторное небо войдёт в свои права,
Люди станут добре, чище станет земля...
Как жаль, но всё это будет только после меня...

Просто верь,
Скоро наступит час,

В новый мир откроется дверь
И будет счастлив каждый из нас.

Уже закончена повесть, почти сложилась
легенда,
Не надо верить в сказки - не будет «хэппи энда»,
Захлопнутся страницы потёртой старой книги,
Всё, что прошло когда-то, мы называем былью.
Пусть далеко до неба, спешить мне рановато,
Буду встращать рассветы, провожать закаты,
На крыше того дома, где родился я когда то,
Ведь для полного счастья мне много не надо!
Живу секундами, хватаю лёгкими воздух...
Хотелось бы исправиться, но уже слишком
поздно -
Столько уже пройдено, немного осталось,
держись...!
Иди своей дорогой, пускай длиной дорога
в жизнь.
Так в чём же смысл жизни? Да просто чтобы
живь!!!
Дарить тепло близким, быть любимым
и любить!
Ну сколько уже можно причинять друг - другу
боль???
Грядёт новый мир, тогда увидим мы с тобой,

Как со временем - зеленее станет трава,
И просторное небо войдёт в свои права,
Люди станут добре, чище станет земля,
Как жаль, но всё это будет только после меня...

Просто верь,
Скоро наступит час
В новый мир откроется дверь
И увидит каждый из нас, как...

Со временем - зеленее станет трава,
И просторное небо войдёт в свои права,
Люди станут добре, чище станет земля,
Как жаль, но всё это будет только после меня...
2009 г.

ВРЕМЯ

Я оглянусь назад, время, остановись!
Ты, как копеечной монетой, разменяло мою
жизнь.
Постой, давай поговорим с тобою по душам.
Прости, что не на «Вы», я просто очень долго
тебя ждал!
Я не обижен, нет, на это нет причин
Мои мечты - всего лишь мелочи, ты только
не молчи.
И неужели не уделишь мне каких то пять минут?!

Ведь у меня ты много отнимаешь, не спеша
вернуть...
Я не хочу роптать, молить и умолять,
Людей с протянутой рукою никогда не сосчитать.
Тебя винят в своих проблемах? Да плевать
на них!

Располагайся поудобней, посиди и отдохни.
Время, ты плачешь? Всё это пустяки!
До дикой боли в голове усиленно стиснув виски,
Я простираюсь мыслями, хочу тебя понять.
Я выстою удар судьбы, только тебе нельзя
стоять.

Вдыхаю воздух глубже, такой прозрачный,
свежий,
Такой свободный, небесно - чистый,
белоснежный,
Но эта тяжесть в лёгких расползается по телу,
Наполняет пустотой, какою-то хандрой
и в целом.
Секундная стрелка порой не попадает в такт.
Не знаю, что делать, но чувствую, что что-то
здесь не так
Направив время вспять, протиснусь против
часовой.
Я против насилия, против обмана, я против
войн.
И вроде бы мало-то нужно, вроде поймал кураж,
Но как-то неприятно понимать, что это был
мираж
Где жизнь напоминает театр кукол и масок.
Кого-то на ниточках водят, кто-то строит
гримасу
Опять отвлёкся я, мыслю о чём то о своём.
Как у тебя дела-то, время? Может, кофе
попьём?
Ах... Ты опять спешишь, срывая планы
на корню,
Оставь свой номер телефона... Я попозже
позовлю...

Время, не торопись... Это такой пустяк...
Прости меня, если делал я что-то не так...
Тик - так... тактами что-то треплется в груди
Тебя так мало... прошу, пожалуйста, не уходи...
2010 г.

ОСТАНУСЬ

Ты знаешь, а люди летают даже лучше,
чем птицы,
Пока мы срываем с календарей будней
страницы.
Они, познав священный смысл,
окрыляются смело,
Снимая с себя этикетку, что у нас зовётся телом.
Ещё бы, так много нужно рассказать,
да не беда,
Даже когда меня нету, я рядом раз и навсегда!
Останусь горечью в кофе, в вазе букетом роз,
И в твоих мыслях останусь единственным
ответом на вопрос...
Воздухом в лёгких, останусь улыбкой на губах,
Останусь до боли знакомым прохожим во снах.
Останусь эхом в трубке, воспоминанием лета...
Я от тебя уйду с закатом, оставшись для тебя
рассветом...
Болью в голосе, а после - тишиной...
Останусь ангелом хранителем, сопровождая
за спиной,
Останусь песней в плееере, частичкой души,
Я для тебя останусь надеждой на лучшую жизнь!
2011 г.

Это интересно

Надежда РАССАДИНА,
младший научный сотрудник
историко-мемориального музея
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

«...Что давно когда-то жил он
У заставы Ильича.
И что прозвище носил он:
Дядя Степа — Каланча»

C. В. Михалков

Что в прозвище тоёт...

Прозвища возникли очень давно, задолго до появления фамилий.

Так, в старину фамилий не было, их заменили имена и прозвища. Так и писали: «Сотник по прозвищу Блоха»; «Неупокой Карга»; «Первой Добрыня, зовомый Чернобровец» и т.д. То есть в давние времена прозвища имели официальное значение. Еще три столетия тому назад каждый человек мог значиться в документах не только по имени, профессии, национальности, но и по прозвищу. Поэтому-то многие русские фамилии и возникли от прозвищ. В современное время они приобрели неофициальный характер.

Прозвища даются нам в разные периоды нашей жизни, и не всегда они известны большому числу людей. Часто их знают только друзья и одноклассники. Многие люди имеют несколько прозвищ, и реже – ни одного.

Прозвище, как правило, содержит в себе указание на какую-нибудь заметную черту характера, наружности, деятельности данного лица. Оно может происходить от имени или фамилии.

Так, Антон Павлович Чехов получил свое прозвище «Чехонте» еще в детстве в гимназии, от своего законоучителя, протоиерея Ф.П. Покровского, любившего в шутку переиначивать фамилии учеников. Немного позже Антон Павлович использовал его как псевдоним и свои первые произведения в юмористический журнал подписывал именно этим прозвищем.

Какие прозвища раньше бытовали в Ялуторовске, я хочу показать на примере декабристов.

«Маремьяна» (от пословицы «Маремьянастарица обо всех печалится») – такое прозвище заслужил среди декабристов Иван Иванович Пущин, за свои постоянные заботы о всех нуждающихся. И одно из свидетельств сибирского «маремьянства» декабриста мы находим в воспоминаниях Михаила Степановича Знаменского «Детство среди декабристов»: «Все знали, что письмо Пущина к губернским друзьям имеет большой вес. Знали это ялуторов-

цы, и поэтому вскоре после его прибытия в город устремились к нему все униженные и оскорбленные, предпочитая его всем дипломированным адвокатам. Уверившись, что дело, о котором его просят, законное или гуманное, Пущин брался за перо, и в Тобольск летело письмо за письмом; хлопотал он за других всю свою жизнь...».

Многие люди отзывались об Иване Дмитриевиче Якушкине как о деятельной натуре, например, Николай Васильевич Басаргин описывал его как человека, отличительной чертой характера которого была твердая, непреклонная воля во всем, что он считал своею обязанностью и что соответствовало его суждениям. Будучи предан душою всему прекрасному, всему возвышенному, он был отчасти идеалист, готовый жертвовать собою для пользы ближнего, а тем более для пользы общественной. О себе он никогда не думал, николько не заботился ни о своем спокойствии, ни о своем материальном благосостоянии. В последнем отношении он доходил даже до оригинальности и, имея очень ограниченные средства, уделял последние на помощь ближнему, а сам во все время проживания своего в Сибири не мог завести даже шубы.

И вот ведь парадокс! Несмотря на все хорошее, что мы знаем о Якушкине, в Ялуторовске его наградили совсем не положительными прозвищами: «Колдун» и «Чернокнижник». Из воспоминаний М.С. Знаменского: «Неожиданное появление его между мальчуганами произвело большой эффект: струсили все. Золотушный Митрий прошел: «колдун», поспешил к деревне; прочие замолкли и испуганно смотрели на подходящую фигуру. Здоровенные ребята, настроенные беседой на чертовщину, при виде Якушкина, известного в окрестных деревнях под именем колдун, чувствовали себя скверно». А вот строки из воспоминаний декабриста П.Н. Свистунова.

«...Распространилось будто бы между крестьянами поверье, что он, будучи чернокнижником, с высоты своей башни (метеорологическо-

го столба) разгоняет облака, чем и наводит засуху».

Попробуем объяснить, откуда взялись эти прозвища.

Возможно, главная причина в том, что И.Д.Якушкин, увлеченный наукой, постоянно что-то изучал и исследовал, а плодами своего труда делился с ближними. Он любил ходить по окрестностям города Ялуторовска, собирать различные травы для своих гербарииев. Считая, что полезно купаться в самой холодной воде, Иван Дмитриевич отправлялся каждый день на Тобол, даже в ноябре при 5 и 6 градусах мороза. Зимой катался на деревянных коньках, для нашего провинциального города это считалось диковинкой. Как и высокий метеорологический столб во дворе своей квартиры для наблюдения за погодой, на который ежедневно взбирался, чтобы снять показания приборов.

В письмах мы встречаем еще одно прозвище, данное Якушкину декабристами - «Ялуторовский Ланкастер». Оно отражает его просвещенную миссию в Ялуторовске, где он открыл две школы, обучение в которых велось по методу Белля-Ланкастера.

«Чернокнижником» ялуторовчане называли и декабриста Василия Карловича Тизенгаузена. Об этом свидетельствуют воспоминания почтового чиновника Сергея Семенова «Декабристы в Ялуторовске». Из них мы узнаем, что ни о ком так много не говорили, как о бароне Тизенгаузене. Между интеллигентной частью ялуторовчан ходили слухи, что барон принадлежит к масонской ложе; темная же часть Ялуторовска, а таковых в захолустном городке было большинство, называла Тизенгаузена чернокнижником и чародеем. Как вспоминает Семенов, слухи эти находили пищу в следующих обстоятельствах.

В нижнем подвальном этаже огромного дома барона стояло несколько больших алебастровых статуй нимф, фавнов и олимпийских богов. Эти «чудовища», с козлиными ногами и рогами, наводили страх на прислугу, убиравшую комнату, и по городу ходили слухи о колдовстве Тизенгаузена, об оргиях его с чертами и каменными нагими девками.

«Фармазон» - еще и так прозвали его ялуторовчане. Тизенгаузен, страшный садовод, разбил у своего дома на пустыре фруктовый сад, в котором вместе с наемными рабочими каждый день работал с заступом в руках. Он сам рассаживал яблони, устраивал аллеи, вскапывал клумбы и катал тачку с дерном, причем шутил: «На каторге выучился».

Мещане живо истолковали трудолюбие Тизенгаузена на свой лад: «Ишь его как ворочает. Такой богатый, а сам тачку катает. Это ему черти спокоя не дают» - и при встрече с ним тихонько крестились.

В доме Тизенгаузена не было икон, что в то время было чрезвычайно редким явлением, он, лютеранин по вероисповеданию, никогда не ходил в церковь.

Когда горел дом барона, то из всех вещей он сам вынес статую Нептуна с трезубцем, но более ничего не велел выносить, пожарным же указал на смежные постройки и коротко бросил: «Отстаивайте это». Ялуторовчане по этому поводу говорили: «Фармазон только главного черта вытащил. Всех хотел скрять да испугался».

Страх перед чернокнижником был так велик в народе, что, несмотря на то, что дом Тизенгаузена с дорогой, выписанной им из Риги обстановкой, надворными постройками, амбарами и кладовыми никем не охранялся, никто и не помышлял его ограбить.

Мы с легкостью можем понять прозвища «чернокнижник» и «чародей», а что же такое «фармазон»?

У этого слова несколько значений: устаревшие – франкмасон, масон, вольнодумец, нигилист, безбожник и современное из криминального жаргона – мошенник, занимающийся сбытом фальшивых драгоценностей.

Андрея Васильевича Ентайцева в Ялуторовске называли «Бессребренник». А все потому, что местных жителей он лечил бесплатно, несмотря на то, бедный к нему обратился или богатый, притом иногда приобретал и лекарство за свой счет. Когда Ентайцев умер, его еще долго вспоминали в Ялуторовске.

По толковому словарю Даля слово «бессребренник» означает нежадный, не падкий на деньги, некорыстолюбивый. Это в полной мере отвечает натуре Андрея Васильевича.

Николая Васильевича Басаргина друзья нарекли прозвищем «Фабрикант» из-за того, что он взялся управлять стекольной фабрикой, доставшейся его жене Ольге Ивановне от первого мужа купца Медведева.

Декабристы между собой называли Е.П. Оболенского «Рюрик», так как род Оболенских очень древний и ведет свою родословную от первых русских князей Рюриков.

Матвей Иванович Муравьев-Апостол тоже имел прозвища. Среди друзей он «Француз», потому что несколько лет воспитывался в Париже в пансионе Хикса и в совершенстве владел французским языком. Слуги же в Ялуторовске его называли «Охоня», так как декабрист имел привычку отрывисто вздыхать: «Ох-хоро», вспоминая гибель двух своих братьев.

Как видим, прозвища бывают разные: добрые, злые, шуточные, но все они являются свидетельством популярности личности. И как жаль, если у кого-то из нас нет хоть какого-нибудь прозвища!

Память

Павел БЕЛОГЛАЗОВ,
директор ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

Не стало Евгения Ушакова

Звонок из Иркутска принес тяжелую весть. 16 февраля перестало биться сердце нашего земляка, художника Евгения Владимировича Ушакова, автора уникальной технологии – берестяной пластинчатой мозаики. Номер моего мобильного телефона нашел на визитке его сына и решил позвонить. Умер отец внезапно, как часто бывает с теми, кто живет нараспашку, одержимо. Бежал, бежал по жизни и – упал. А ведь еще минувшим летом, когда мы с ним разговаривали по телефону, он с этакой бравадой сообщал, что только что намотал по тайге 15 километров, собирая бересту для своих работ. Сплавлялся он и по бурным горным рекам.

Трудно поверить, что этого солнечного человека, воспевавшего в своих работах русскую березу, нет больше рядом с нами. Казалось бы, совсем недавно мы встречались с ним в его иркутской мастерской, вспоминали Ялуторовск, где он родился 12 июня 1925 года на улице Оболенского, и Тюмень, в которой он провел отроческие и юношеские годы и откуда ушел на

фронт из стен второго Тюменского пехотного училища. С шестидесятых годов прошлого столетия ученик основателя тюменской художественной школы Александра Митинского живет и творит в бывшей столице Восточной Сибири. Как не хочется говорить: жил, творил...

Возвращение Евгения Ушакова на историческую родину состоялось три года назад, благодаря руководителю благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», крупнейшему российскому книгоиздателю и просвещенцу А.Г. Елфимову. Мы списались с нашим земляком, встретились, а потом под сводами музея открылась выставка «Берестяная Русь Евгения Ушакова», в основе которой – работы мастера, подаренные нам. Те, кто побывал на ней, испытали потрясение. Потом выставка демонстрировалась в Ишиме. А сейчас, в феврале, она находится в Нижней Тавде. После смерти художника его полотна живут и радуют земляков.

Спасибо тебе, Мастер, и прощай...

«Тюменская правда», 21 февраля 2012 г.

Музей глазами фотографа Валерия Петрова

Декабрь 2011 г.

XXIII Фестиваль «Декабристские вечера»

А.И.Игнатченко в роли
И.И.Пущина.

Гости фестиваля, члены московского общества
«Наследие декабристов».
В.И.Поляков с женой, А.Б.Максин.

Г.К.Белоглазов со срезом дерева из
усадьбы Покровское-Шереметьево.

Художник Г.Ратанов.

Выступает А.Б.Максин, потомок рода
А.И.Одоевского.

Январь 2012 г.

Заседание клуба «Единомышленники»

Е.Полковникова читает стихи.

Участница встречи С.М.Сонич.

Старинный романс в исполнении О.И.Турковой.

Март 2012 г.

XVIII Фестиваль имени С.И.Мамонтова

Открытие выставки одного портрета.

На выставке «Лесная скульптура» В.Шайкина.

Апрель 2012 г.

ТЮбилейная выставка О.Шараповой

Май 2012 г.

Международная акция «Ночь музеев - 2012»

Июнь 2012 г.

Пушкинские праздники в музее

Открытие выставки «За честь Отчизны»

В музее А.Омельчук с внучкой.

Конкурс рисунков на тему
Отечественной войны 1812 года

Июль 2012 г.

Открытие выставки «Лоскутная сказка»

Август 2012 г.

На выставке «Экзотические животные»

Сентябрь 2012 г.

«Суворовский настиск» в Ялуторовске

Октябрь 2012 г.

**Авансом (г.Тюмень). Презентация фильма
«Тобольский полк: Бородино - Монмартр»**

Презентация книги В.Бессараба
«Неповторимый ненец-тюменец».

Экодвор. Экскурсия «Там, на неведомых дорожках».

Ноябрь 2012

На выставке живописи О. Шарановой
«Клубничная сюита».

Выставка «Творческая мозаика».

Работы представляет Л.А. Ковалёва.

А.И.Ковалёв - мастер «золотые руки».

Открытие выставок, посвящённых 85-летию музея
«История музея в портретах».

«Историю рассказывают деньги».

Ялутур-городок
историко-краеведческий альманах
Выпуск седьмой

На первой странице обложки - Бородинское сражение. Иллюстрация к стихотворению М.Ю.Лермонтова «Бородино». Художник В.Шевченко. 1970-е гг.

На первом форзаце - К статье Бурлаковой Т. «И ожили лица в портретах».

На втором форзаце - К статьям Плосковой Л.

1. Григорий Тарасов - рядовой лейб-гвардии Павловского полка.
2. Похвальный лист Анны Никитиной. 8 мая 1912 г.
3. Анна Николаевна Никитина (в матроске).
4. Василий Александрович Коломенцев (на велосипеде).
5. Евгений Коломенцев.
6. 22 июня 1941 г. в Ялуторовске. Фото В.А.Коломенцева.
7. Татьяна Томилова.

На последней странице обложки - Третья атака на батарею Раевского. Схема.

Адрес редакции: 627010, г.Ялуторовск, ул.Революции, 75

ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс»

Тел./факс: (34535) 2-01-94.

Адрес электронной почты: yuliya2806@rambler.ru

сайт-www.musey.ucoz.ru

Перепечатка материалов и их распространение,
в том числе в электронной версии,
допускается только с разрешения
ГАУК ТО «Ялуторовский музейный комплекс».

Ссылка на «Явлутур-городок» обязательна.

Подписано в печать 15.11.12.

Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.

Печать RISO. Усл. печ. л. 23,02. Гарнитура Arial.

Тираж 350 экз. Заказ №2790.

Отпечатано в филиале «Ялуторовская типография» ОАО «ТИД».
627010. Тюменская область. г.Ялуторовск, ул.Революции, 52/1.

Тел./факс (34535) 2-06-99.

Адрес электронной почты:

Yaltip@mail.ru